

Владимир Балашов

ВОЗВРАЩЕНИЕ ТЭМУЧИНА

Министерство культуры Республики Хакасия

Дом литераторов Хакасии

Владимир Балашов

Возвращение Тэмүчина

Роман

Абакан
2019

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)
Б 28

*Издано при поддержке
Правительства Республики Хакасия*

Балашов В.Б.

Б 28 **Возвращение Тэмучина.** Историко-философский роман. –
Абакан : Дом литераторов Хакасии, 2019. – 360 с.

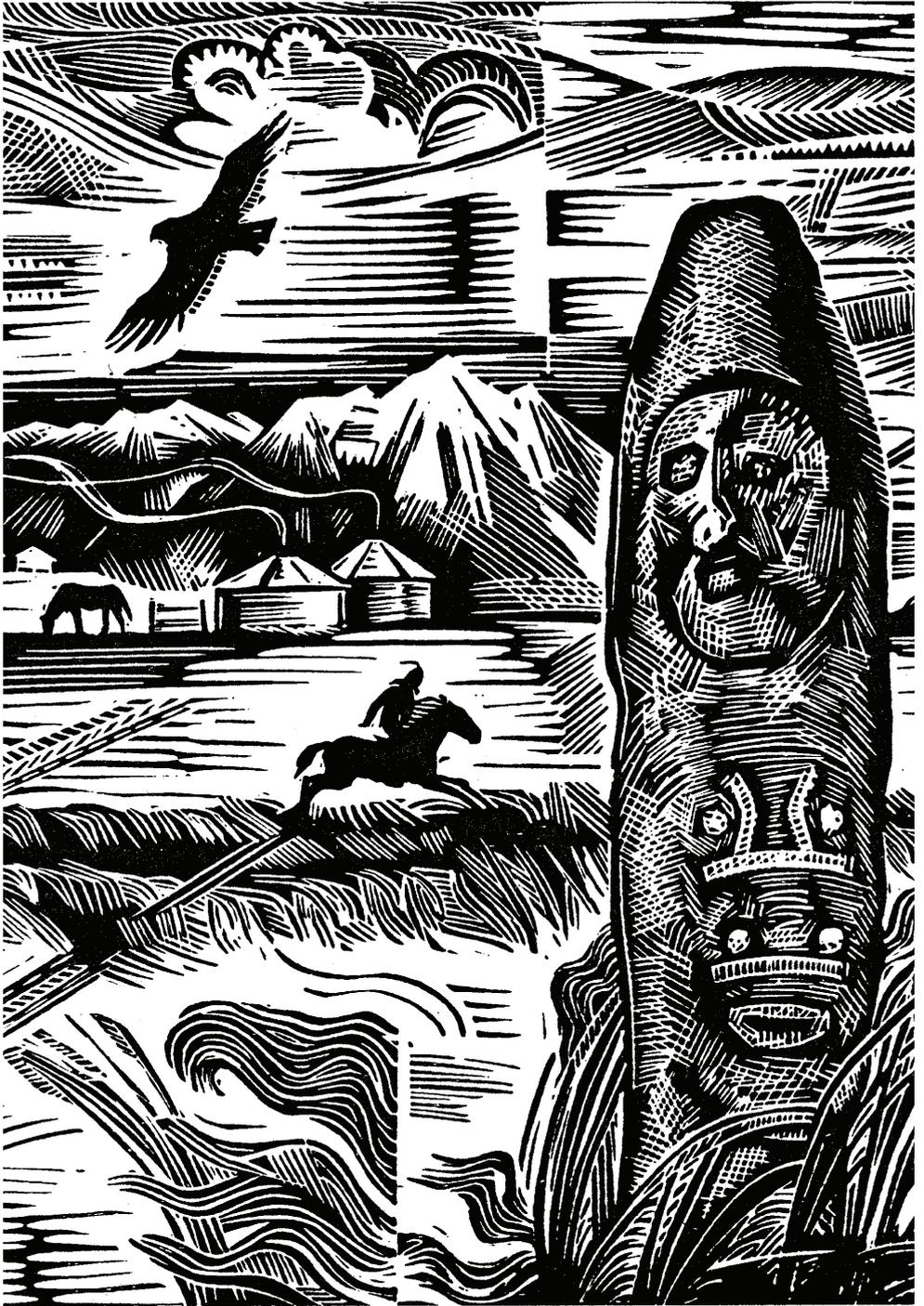
ISBN 978-5-905115-73-8

Не одни монголы, но нередко и алтайцы с тувинцами причисляют Чингис-хана Тэмучина к своему древнему народу. Впрочем, у всех у них есть повод так заявлять, поскольку современные Алтай, Тува, Хакасия и Монголия когда-то составляли единый Кыргызский каганат на территории Саяно-Алтая. И в семье этих народов присутствовали динлины - люди европейской внешности. В словесных описаниях Чингис-хан предстаёт рослым и физически сильным воином, с рыжими волосами и бородой, с зеленоватыми «как у кошки» или даже голубыми глазами. Так что противоречивые свидетельства позволяют автору предположить, что не найденные до сих пор захоронения Чингис-хана и ближайших его потомков по линии любимого младшего сына Толуя скрыты не в Китае или Монголии, а на территории древнекыргызского государства – то есть в верхнем течении Енисея, на просторах современной Хакасии... Новый роман в определённой мере связан с ранее изданным историческим романом-эпопеей «Месть Егудэя».

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)

ISBN 978-5-905115-73-8

- © Балашов В.Б., автор, 2019
- © Балашов В.Б., фотографии, 2019
- © Сагалаков Г.Н., обложка и шмуцтитул, художник, 2019
- © Руппель Р.В., заставки, 2019
- © Министерство культуры Республики Хакасия, 2019
- © ГАУК РХ «Дом литераторов Хакасии», 2019

...Обитая в северных степях, не имею в себе распутных наклонностей; люблю простоту и чистоту нравов; отвергаю роскошь и следую умеренности; у меня одно платье, одна пища; я в тех же лохмотьях¹ и то же ем, что коровы и конские пастухи; я смотрю на народ, как на детей; забочусь о талантливых, как о братьях; мы в начинаниях согласны, взаимная любовь у нас издавна; в обучении тем² я напереди других; в ратных боях не думаю о заде. В семь лет я совершил великое дело и во всех странах света утвердил единодержавие. Не от того, что у меня есть какие-либо доблести, а от того, что... получил от Неба помощь и достиг престола.

Из письма Чингис-хана мудрецу-даосу Чан-Чуню

¹ По преданию, Чингисхан носил простое холщовое платье, и холщовый кафтан его хранился, как драгоценность, при дворе монгольских государей в Китае.

² Войсковое подразделение численностью 10 тысяч воинов.

Жанр этой книги можно с известной долей условности отнести к научной фантастике, хотя сам автор первоначально определил его как «Мистико-исторический роман». События разворачиваются в двух временных плоскостях: в XII-XIII веках и современности; связывает их фигура главного героя – простого, симпатичного журналиста Егора, а каналом связи являются его сны.

В последние тридцать лет, когда в нашей отчизне не только смолк голос цензора, но подчас не слышен и элементарный голос человеческого разума, чрезвычайную популярность приобрели псевдонаучные сочинения либо безграмотных, либо слишком предприимчивых авторов, выдающих свои творения за новое слово в науке. Убеждая читателя в том, что прежде «злобные академики» принимали в штыки любую свежую мысль, а теперь, наконец, появилась возможность говорить открыто о великих тайнах физики, биологии, истории, они обрушивают на людей лавину ложной или, в лучшем случае, не проверенной информации, выдаваемой за безусловную истину. Уж сколько раз приходилось наблюдать, как некий журналист с налета, играючи «решает» загадку, веками будоражившую лучшие умы человечества! В этом плане надо отдать должное автору данной книги и его главному герою, который, казалось бы, просто обязан был ухватиться за цепочку мистических происшествий, приведших его к порогу гробницы великого Чингис-хана, и на весь мир раструбить о сенсационном открытии, но... он остается умеренно скептическим, скромным, и в итоге даже обретает столь необходимую ему гармонию. Думаю, тем и сильна книга Владимира Балашова, что она остается в границах своего жанра и именно в этом качестве выполняет свою важнейшую роль – заставляет думать, искать, верить в удачу.

Такими были книги знаменитых фантастов, давно ставшие классическими. Отнюдь не претендуя на научность, они будили человеческую мысль, звали за горизонт. Смелые идеи писателей послужили предтечей многих научных открытий, которые сначала, наверное, воспринимались как не более чем красивые сказки. Но это были не сказки, не изложенные на бумаге сны или галлюци-

нации – это были слова пророчеств, хотя их творцы сами едва ли считали их таковыми.

Личность создателя Монгольской империи – кровавого завоевателя Чингис-хана по праву привлекает к себе внимание уже несколько веков. Действительно, до сих пор окончательно не найден ответ на вопрос, как смог этот человек из мало кому известного кочевого племени возвыситься до верховного вождя сотен тысяч номадов, под пятой которых оказались невероятные по размерам территории с разнообразными древними культурами. Была ли это редкая удача, посещающая одного человека из целого миллиарда, слепая фортуна, или же и в самом деле будущему «Потрясателю Вселенной» благоволило Вечное Синее Небо – Хух Мунх Тэнгри? Историки еще не пришли к согласию в этом вопросе, а за ним уже возвышается, как неприступная скала, следующий – где нашел последний приют этот великий кочевник?

На сей счет высказано немало гипотез. В большинстве своем, они отталкиваются от скудных сведений средневековых источников, волею счастливого случая дошедших до нас. Эти источники неравноценны. К огромному сожалению, в тексте важнейшего из них – «Сокровенного сказания монголов», сказано лишь, что «Чингис-хан, после окончательного разгрома тангутов, возвратился и восшел на небеса в год Свиньи (1227)». Конечно, это не означает, что после своей смерти он вознесся телесно, его тело должно было быть доставлено на родину. Казалось бы, дальше круг поисков должен резко сузиться: мы более-менее хорошо представляем, где кочевал юный Тэмучжин, впоследствии ставший Чингис-ханом... Это верховья трех рек – Онона, Керулена и Толы. А к северу от них, среди труднопроходимой тайги высится священная Бурхан-Халдун, на которой, как полагают многие исследователи, следует искать чингисову могилу. Знаменитый Рашид ад-Дин, служивший при дворе Ильханов, привел в «Сборнике летописей» чрезвычайно интересный рассказ о том, как Чингис-хан якобы сам выбрал место своего погребения: «Дело обстояло так: однажды Чингис-хан был на охоте; в одном из этих мест росло одинокое дерево. Он спешился под ним и там обрел некую отраду. Он сказал: “Эта местность подходяща для моего погребения! Пусть ее отметят!” Во время оплаки-

вания люди, которые тогда слышали от него эти слова, повторили их. Царевичи и эмиры, согласно его повелению, избрали ту местность [для его могилы]. Говорят, [что] в том же самом году, в котором его там похоронили, в той степи выросло бесчисленное количество деревьев и травы. Ныне же лес так густ, что невозможно пробраться через него, а этого первого дерева и места его [Чингис-хана] погребения [совершенно] не опознают. Даже старые лесные стражи, охраняющие то место [курукчиан], и те не находят к нему пути». Звучит довольно убедительно! Но сомнения все же не исчезают.

Хорошо, Бурхан-Халдун вполне мог быть для Чингис-хана «родовой горой», потому и похоронить его надлежало где-то на ее склонах, чтобы его кости могли лежать ближе к Вечному Небу. Однако, судя по словам того же «Сокровенного сказания», могилы его предков находились где-то в другом месте, причем в месте достаточно легкодоступном даже для женщин. Получается, упокоился он не на своем родовом кладбище... Что-то не сходится здесь, не выстраивается четкая причинно-следственная связь. А откуда ли он вообще родом?

Автор книги развивает хотя и не новую, но по-своему перспективную идею: Чингис-хан не был монголом, его корни уходят к динлинам, на землю нынешней Хакасии. Высокий рост, густая борода, светлые глаза и волосы указывают на иной, нежели монголоидный, расовый тип. Так ли выглядел Чингис-хан в реальности, можно спорить. Сведения о нем могли быть случайно или намеренно искажены еще в средневековье. Но если принять эту гипотезу, придется довериться автору в его рассуждениях: таинственное погребение должно быть скрыто где-то в Западных Саянах.

Я не готов безоговорочно разделить убежденность писателя в локализации чингисовой могилы. Все-таки и родословная Чингис-хана, как донесли ее до наших дней источники, вероятно, не свободна от политической конъюнктуры своей эпохи. Тем не менее, трудно поверить в его немонгольское происхождение (тут возникает новый вопрос: о происхождении самого слова «монгол», но оставим его пока в стороне). Впрочем, здесь важнее другое, а именно эвристическая ценность высказанной идеи. Чингис-хан или кто-то весьма мудрый из его окружения, придумал

не особенно хитрый, но очень эффективный способ уберечь могилу от чужого проникновения. Мало было спрятать ее в горной тайге, в тайне от непосвященных. Куда как лучше устроить имитацию погребения, а сакральные останки отправить туда, где никто вовек не догадается их искать. Очень может быть, что так и было сделано в те давние времена. Пожалуй, я даже соглашусь с автором в том, что могилу наполнили золотом, хотя все известные мне – увы, немногочисленные! – факты говорят о высокой скромности монгольского вождя, несмотря на его колоссальные победы, и подводят к предположению, что похоронили его тоже скромно, да и зачем зарывать с ним сокровища? Он и так владыка всей Вселенной, и все богатства мира принадлежат ему!

Однако и самую захватывающую идею можно порой облачить в скучную, бескрылую форму. Владимир Балашов успешно избежал этой беды. Его книга читается буквально на одном дыхании, и остается только сожалеть, что неизбежные заботы то и дело отрывают от ее страниц. Сюжет увлекателен и интригуящ; трудно даже решить, в каком времени и пространстве он развивается более динамично – то ли в нынешней Хакасии, то ли в монгольской степи сотни лет назад... Неожиданно «философичен» грозный Чингисхан. За внешней стороной событий мы часто забываем о том, что и великие герои (как и великие злодеи) испытывали сомнения, душевные метания, сердечную боль. Оправдывать их или осуждать – не наша задача.

А книга удалась!

Юлий Дробышев,

старший научный сотрудник Отдела истории Востока Института востоковедения РАН, кандидат исторических наук, кандидат биологических наук, сотрудник Совместной Российско-Монгольской комплексной биологической экспедиции РАН и АНМ

Окончательно сюжет этой невероятной книги оформился во сне. По утрам, торопливо записывая ещё не успевшие раствориться в памяти картины, припоминая сопутствовавшие им эмоции, я весь день, так и не сумев полностью отрешиться от ночных сновидений, мучительно думал, как же увязать их с изначальной концепцией? Оттого главные сюжетные линии, да и герои тоже, поначалу вылились в два параллельных, слабо связанных между собой повествования. «Ну и пусть, - решил я, - ведь в литературе нет никаких запретов, в литературе абсолютно всё допустимо!» Но сны и явь со временем переплелись настолько, что стали как бы даже меняться местами - поэтому образы, взятые из реальной жизни, и те другие, нарисованные подсознанием на зыбкой границе пробуждения, отличать стало всё труднее. В конце концов, грань между реальным и мистическим абсолютно стёрлась, и разделять их как в памяти, так и на бумаге стало почти невозможно, разве что отбросив литературную логику и озирая так называемым «третьим» глазом...

Глава I. ТРЕТИЙ ГЛАЗ

В детстве мы уверены, что рождены для каждодневных радостей, в юности уже начинаем в этом сомневаться, а потом окончательно осознаём, что жизнь – это вечное склеивание осколков. Так и разлад с женой Ириной возник тоже как-то сразу и неожиданно: с прошлогодней поездки Егора на озеро Байкал. Хотя, казалось бы, ничто этот разлад не предвещало...

Егора командировали туда от газеты для освещения семинара руководителей пресс-служб энергетических компаний Сибири – как-никак, а Саяно-Шушенский гидроузел по мощности был крупнейшим из всех. Мероприятие проводилось в разгар лета на турбазе «Святой Нос», и значительную часть времени все проводили, конечно же, на прибрежном песчаном пляже. Совещание совещанием, но когда ещё представится такой случай расслабиться на природе?..

Когда один из загорающих, разгребая песок, рассёк острым стеклом кистевую вену, кровь брызнула ярким упругим фонтанчиком. Тут же возникла всеобщая паника. Потом кто-то побежал за жгутом и медработником, Егор же, оказавшийся рядом, просто пальцами пережал рассечённую вену – причём произошло это непроизвольно, от сильного испуга. И вышло так: он, как бы даже не пальцами, а невероятным напряжением воли, остановил смертельно опасный кровоток. Примчавшийся медработник никак не мог поверить в произошедшее чудо, явно выходящее за рамки его профессионального понимания. Да Егор и сам не мог ничего толком объяснить, но с этой самой минуты получил авторитетное и даже откровенно мистическое прозвище – Шаман.

В день отъезда за ними пришёл катер, а следом, уже перед самым отплытием, неожиданно прикатила на запылённом автобусе заместитель руководителя пресс-службы «Бурятэнерго». Знакомые с ней поговаривали, что она, в отличие от Егора, яко бы профессиональная шаманка и даже председатель какого-то их сообщества.

Выйдя из автобуса, «шаманка» тут же предложила:

– На катере, конечно, комфортней, но вчера объявили штормовое предупреждение, поэтому предлагаю желающим поехать на автобусе. Правда, восемь часов трястись...

– Вы как хотите, но лично я еду на автобусе, а то у меня с самого утра какое-то беспокойство, – признался Егор. – Вернее нехорошее предчувствие.

– Ну, если два шамана настаивают на автобусе, к этому стоит прислушаться, – со смехом поддержал его кто-то.

В конце концов, на автобус согласились все. Когда же, после многочасовой тряски и глотания пыли на просёлочных дорогах, они въезжали в город Улан-Удэ, многие были уже совсем не рады сделанному выбору.

Во дворе здания энергокомпании, несмотря на выходной день, толпилась уйма народа.

«Случилось что-то? Уж не война ли?» – подумал Егор, глядя на сильно встревоженных встречающих.

– А мы вас уже похоронили! – произнёс один из встречавших, едва раскрылась автобусная дверь. – Тут и по радио, и по телевидению сообщили, что катер во время шторма переломился, поэтому весь экипаж и энергетики утонули...

А уже дома подруга жены рассказала, как они услышали экстренное сообщение в теленовостях. И на восклицание подруги «Там же твой Егор!» Ирина спокойно отозвалась: «Да этому, я знаю, ничего не сделается!» Егор подобную реакцию жены воспринял тогда как полное безразличие к его судьбе. С этого всё и началось: Егор спасся от гибели, но, по какому-то закону всеобщего сохранения, начал терять жену. Со временем их разлад только углублялся и ширился...

Хотя, нет, чёткое понимание того, что он избежал неминуемой смерти, пришло к нему лишь через некоторое время. И тогда же стал мучить вопрос, откуда пришло предчувствие опасности и ему, и той шаманке, которая в свой законный выходной тряслась в пыльном автобусе целых шестнадцать часов? И как им невероятным образом удалось убедить всех остальных? И что же такое предчувствие, если это не голос Ангела-хранителя? И почему именно он, вдруг, расслышал этот недоступный остальным голос?.. Глубоко проанализировав своё счастливое спасение, он даже засомневался: а если Ирина и в самом деле почувствовала, что он в полной

безопасности? А следом подумал о своём небесном покровителе и о неведомом пока ему, Егору, жизненном предназначении...

А, может, появление подобных мыслей следует отнести ко дню посещения тувинского дацана, поскольку в цепи последующих событий именно встреча с буддистским монахом всплывала в памяти раз за разом, заставляя искать в происходящем мистические корни? Ведь, как ни крути, но именно мистика превращает рядовые события в некое предначертание Высших сил, а совершаемые поступки – в словно бы навязанные чужой волей. И уже потом случайные, на первый взгляд не связанные друг с другом происшествия постепенно собираются, подобно пазлам, в картину, центром которой...

Но, как раз об этом рассказывать читателю преждевременно, поскольку, чтобы более или менее вразумительно преподнести данную историю, не обойтись и без предыстории! То есть начинать повествование следует с самых первых дней той памятной экспедиции в Туву...

* * *

Монотонность езды в наглухо изолированном от внешнего мира фургоне быстро начинает угнетать не только устающее с непривычки тело, но и вяло протестующее дорожному дискомфорту сознание. После того, как миновали спрятавшийся среди угрюмых гор и неряшливых терриконов горняцкий городок Абаза, никто даже не пытается привстать, чтобы осмотреться через мутное от пыли стекло. Да и смотреть-то, собственно, было не на что – снаружи неизменный пейзаж, состоящий из покрытых тайгой однообразных склонов, извивающейся между ними серой ленты асфальта, да по-весеннему яркой молодой травки, растущей двумя узкими полосками вдоль обочин.

Так что монотонный и нескончаемый подъём сначала ослабил, а потом и вовсе притупил в Егоре восприятие новизны путешествия. Незнакомые «соучастники» экспедиции расположились, как сумели: на расстелённых ватных матрасах, на спальнях мешках, обложившись рюкзаками и дорожными сумками. Пожилой седовласый мужчина – судя по шикарному рюкзаку и нелепой пестроте костюма, иностранец – неподвижным взглядом

установился в подрагивающий потолок. Может, уже сожалеет, что ввязался в это лишённое европейского комфорта путешествие? Три молодые особы женского пола лежат с закрытыми глазами: то ли спят, то ли, измученные дорожными неудобствами, отключились от нелिцеприятной обстановки и пытаются сохранить остаток жизненных сил? Судя по заграничным надписям на одежде, тоже иностранки...

Егор впервые внимательно всех рассмотрел и про себя отметил, что одна из дам довольно-таки ничего: мягкие черты лица, светлые густые волосы, маленькие припухлые губы. Взгляд Егора невольно возвращался к ней снова и снова... Да чего греха таить, понравилась ему женщина с первого взгляда, запала чем-то в душу! Два года тому назад вот так же Ирина глянулась – да настолько, что вскоре они, неожиданно для друзей, поженились! Тоже ведь очаровала не нарядами, не яркостью косметики, а, наоборот, своей абсолютной естественностью...

Первое впечатление – это когда сам как бы дорисовываешь человека: его характер, интересы, даже привычки... Получается как с картинами, которые друзья-художники сподобились дарить ему на праздники и дни рождения. Из всех этих «шедевров в самодельных рамах», которых скопилось в квартире около десятка, ему больше нравились этюды-наброски. Вроде бы и выглядят попроще, и присутствует явная незавершённость, даже кажущаяся небрежность – но зато ощущается настроение автора. Будто видишь этюд его очарованным взглядом. А превратит художник свой набросок в завершённую картину, нанесёт «макияж», то, вроде бы, и детали стали прорисованнее, и краски ярче – а очарование сопричастности пропадает напрочь. С Ириной, похоже, произошло точно так же: чем больше Егор в неё вглядывался после свадьбы, тем больше замечал ненужных деталей – и так до тех пор, пока вообще перестал понимать и воспринимать!..

Громко, с надрывом взревел мощный мотор, заколыхалась на какой-то дорожной выбоине тяжёлая машина, и иностранец оторвал, наконец, взгляд от изучаемого им потолка. Заметив, что за ним пристально наблюдают, вопрошающе уставился на Егора, который, и в самом деле, достаточно бесцеремонно разглядывал сухопарого, седоватого мужчину с интеллигентным лицом, пытаясь

представить, кем тот является в повседневной жизни. А что, интересно будет сравнить свои журналистские домыслы с реальностью и обыграть это в будущем очерке! Ведь когда он, опоздав к торжественной части проводов, запрыгивал в машину едва ли не на ходу, было не до представлений и реверансов...

Егор отвёл взгляд, поскольку в таком шуме всё равно невозможно было общаться: пришлось бы всё время кричать. Так что близкое знакомство откладывалось до вечера. Отвернувшись, он тоже глубокомысленно устался в потолок. Но сходу перестроиться на творческие мысли не получалось, поэтому приготовленную записную книжку, в которую собирался заносить первые путевые впечатления, он вскоре спрятал в сумку и, закрыв глаза, улёгся поудобнее. Собственно, особых впечатлений пока ещё и не было, а записи можно сделать вечером, в более комфортной обстановке.

Егор давно уже по-настоящему не отдыхал, поэтому захотелось полностью расслабиться и, наконец-то, хотя бы на короткое время, ни о чём неприятном не думать. Но лень так и не перешла в дремоту, а неутомимые мысли незаметно вернулись к событиям вчерашнего вечера...

Когда после окончания рабочего дня он шёл из редакции домой, то несколько не сомневался, что без скандала вечер не обойдётся. Однако никак не ожидал, что Ирина накинется вот так, сразу – прямо с порога.

– Егор, мы ведь собирались поехать на мой день рождения к маме! – выпалила красная от злости жена. – Я уже и с сестрой созвонилась, они с мужем тоже приедут.

– Ирина, но я же не виноват, что отправляют в командировку, – попытался сопротивляться он. – Этнографическая экспедиция, к тому же международная, а меня порекомендовала республиканская газета.

– Опять врешь! Ты, можно сказать, сам напросился! – почти выкрикнула жена. – Я звонила: тебя на месте не оказалось, зато поделилась новостью ваша Ольга-корректорша.

– Ну, когда ты едешь к своим подружкам, то прекрасно обходишься без меня! – Егор попытался перехватить инициативу. – А когда я в командировках, то, зачастую, вообще дома не ночуешь. Я же тебе не предъявляю претензий...

– С чего ты взял, что зачастую? Ночевала пару раз, чтобы по темноте не возвращаться...

– Это не я выдумал, это «доброжелательные» соседки проинформировали.

– Ну, если каждая из них тебе об одном и том же случае рассказала, то, конечно, получается «часто»! А к подругам я езжу, чтобы тут от тоски умом не тронуться в пустой квартире. Когда тебя нет, у меня всё из рук валится, да и ужины готовить не для кого.

Егор понял, что инициатива всё-таки перешла к нему, и решил погасить нарождающийся скандал главным, всегда действующим козырем:

– Я так понимаю, что без меня тоска, а со мной, выходит, ещё тоскливее? Так и тянет поругаться? Родила бы ребёнка, некогда бы тосковать стало в пустой квартире...

– У ребёнка должна быть семья, а у нас с тобой пока непонятно что! – неожиданно взорвалась Ирина. – Ведь у тебя на первом месте работа! Ладно бы я была на втором, а то следом друзья, разные мероприятия, по выходным летняя рыбалка, потом зимняя... Так что я и семья, в лучшем случае, где-то месте на десятом!..

Машина вдруг резко затормозила, в наступившей тишине дверь будки со скрипом раскрылась, и внутрь заглянул подчёркнуто жизне-радостный Валера, который был в экспедиции вроде как за главного.

– Егор, если есть желание пофотографировать, то меняемся местами! А то напишешь потом в газете, что ничего по дороге не видел, кроме этой будки. Мол, не было создано условий для творчества!

Шевелиться не хотелось, но, раз призывают к работе в такой форме, то совестно отказываться – тем более что навязчивые мысли всё равно не дают заснуть! Поэтому Егор молча достал из сумки фотоаппарат, записную книжку и перебрался в кабину.

Водитель, с любопытством глянув на зарубежную фотокамеру, восхищённо зацокал языком.

– Техника что надо... Не чета нашей расейской! А стоит, поди-и?..

– Не дороже денег! Но главная деталь любой техники, это всё-таки голова её владельца! – пошутил Егор. – Кстати, меня Егором зовут.

– Николай, – представился водитель и продолжил тему. – Насчёт головы ты, конечно, прав. С теперешней техникой всю тайгу вокруг повырубили, лесовозными дорогами да тракторными волоками испоганили так, что скоро до ягодников и орешников только вертолётom можно будет долететь.

– Что есть, то есть, – поддержал Егор «экологическую» тему, – но природа со временем всё восстановит: и ягодники возобновятся, и кедрачи новые вырастут.

– Не успеет тайга восстановиться, – зло возразил водитель. – Лесозаготовители и по второму, и по третьему кругу пройдут!

– Будем надеяться, что люди в будущем не только о прибыли думать станут, а маленько и головой кумекать начнут...

– Да не похоже, что поуменьют! – с ещё большей злостью произнёс водитель. – Рвачами все вокруг стали! Ягоды ещё зелёными из тайги тащат на продажу, на кедры лень лазать, так бензопилой их валят. Мешок шишек возьмут – а дерева-то и нету больше! Вот о чём писать надо, а то из газеты в газету рапортуют, как у нас всё хорошо да правильно. Трепачи вы все, журналисты продажные!

Водитель махнул рукой и обиженно замолк. Егор понял, что последние слова относятся конкретно к нему, как журналисту, но промолчал: соглашаться с Николаем не хотелось, но доказывать что-то разобиженному на современную цивилизацию таёжному ревнителю, похоже, было бесполезно. Мелькнула мысль: «Что-то всех я в последнее время раздражаю! Жену – понятно, а водителю-то что плохого сделал? Наверное, родом он из какой-нибудь здешней, затерянной в таёжном логу деревеньки, жители которой всегда кормились тайгой. Естественно, берегли её, блюли веками законы сосуществования... А потом, вдруг, понаехали в Сибирь «беспринципные» горожане типа его, Егора, или те же «праздные туристы», что сейчас дрыхнут в будке: тайгу не знают и не любят, о будущем не думают, а поэтому и «гробят» её безвозвратно. Да ещё, вон, и киношников с собой тащат, которые умчались на своём УАЗе вперёд, чтобы снимать непонятно что. И это вместо того, чтобы всем дружно встать грудью на защиту матушки-природы, и чтобы правдолюбец Николай впереди всех, на лихом коне... То есть на своём автомобиле!»

Егор не сразу спохватился, что от таких мыслей на губах у него даже улыбка возникла. Покопался: не заметил ли водитель? Нет,

Николай устался на дороге, крутит баранку, а Егор для него, похоже, перестал существовать на всё время экспедиции...

От монотонного гудения двигателя, а больше под воздействием исходящего от него тепла Егор впал в дрему – и увидел в тягучем и вязком полусне-полубодрствовании Ирину. Будто бы они приехали-таки с женой к её матери, поскольку командировка в Туву по непонятным причинам не состоялась. Как заведено, сидели за общим столом, и Егору было невыносимо скучно на этом деревенском застолье. Дежурно исполняя обязанности зятя, он время от времени вступал в необязательный и скучный разговор. Больше всего хотелось, чтобы всё это поскорее закончилось – и домой... А потом вдруг привиделось одно из первых их с Ириной свиданий. Он тогда боялся опоздать, торопливо шагал по тротуару без зонта под дождём и, стараясь не помять, прятал под полой куртки букетик полевых цветов. Капли дождя барабанили по намокшей спине, ручейком стекали между лопатками, в туфлях тоже хлюпала вода – но настроение было таким, что хотелось петь во весь голос, танцевать прямо посреди разлившейся на перекрёстке лужи. Что там какой-то дождик – бешеный ураган не сможет его задержать!.. И тут же, следом, привиделась их первая ночёвка в палатке у озера. Они были знакомы ещё совсем мало, и Егор пригласил потенциальную невесту на рыбалку. Один из друзей по такому особому случаю взял с собой гитару, поэтому они засиделись у костра далеко за полночь: ели ароматную наваристую уху, посвящали шуточные тосты Ирине, а потом ещё долго пели бардовские песни. Палатка была одна, поэтому друзья специально засиделись подольше, но уставшая Ирина, доверительно прижавшись к нему, тут же заснула. Голова девушки покоилась на его плече, она тихо посапывала во сне, а Егор вдыхал пьянящий запах волос и боялся пошевелиться, чтобы не разбудить. Хотя рука от самого плеча болезненно затекла, и так хотелось её вытянуть...

Проснулся Егор от внезапно наступившей тишины и с некоторым удивлением отметил, что в сумбурных видениях не было ни ссор, ни неприязни, а, наоборот, как бы вернулись из прошлого безграничная нежность и физическое влечение к жене...

С трудом отогнав мысли об Ирине, он открыл глаза – и не сразу сообразил, что машина стоит. От неудобной позы рука, действительно, затекла, в ней гнездилась ноющая боль. Разминая мышцы, Егор огляделся: судя по низкому солнцу, он спал пару часов, и день уже близился к концу. Небольшие типовые домики цепочкой выстроились вдоль разбитой машинами и скотом улицы, в некоторых дворах виднелись серые войлочные юрты. Дом же, возле которого они остановились, был самым большим, и над его крыльцом красовалась вывеска на тувинском языке. Похоже, в строении располагалась поселковая администрация? Тут же стоял УАЗ киношников, которые старательно снимали подъехавшую машину и окружающую панораму посёлка.

Водитель Николай, не промолвив даже слова, открыл дверцу кабины, тяжело спрыгнул и тут же смачно потянулся, разминая затёкшую спину. А дверцу со стороны Егора бесцеремонно распахнул довольный Валера.

– Дрыхнешь, журналист? И это вместо того, чтобы первые яркие впечатления и разные сопутствующие умные мысли записывать...

– Да так, задремал – накануне толком не выспался.

– А я, грешным делом, подумал, что тебя водила доконал? Он своим нытьём мёртвого замучает. Думаешь, почему я в будку перебрался?..

– Да он на меня как-то сразу обиделся, и потом молчал всю дорогу.

– В общем, здесь, в Тээли, ночёвка, и ждём ещё двоих попутчиков.

– А кого ждём?

– Должны подъехать глава района и местный художник. Без тувинского начальства в этой глухомани, сам понимаешь, – Валера широко развёл руками, – кырдык! К тому ж они должны подключить к нашей группе второй УАЗ.

– Валера, а мы с тобой прежде нигде не пересекались? – спросил Егор. – Вроде как твоё лицо мне знакомо...

– Земля круглая и удивительно тесная. Мы, если напряжёшь память, на журналистской тусовке не так давно даже на брудершафт пили!

– Теперь припоминаю... Слушай, а что это за иностранцы с нами? Я даже познакомиться не успел, поскольку опоздал, а потом они сразу в спячку погрузились.

– Да это немцы из Германии. Мужик – лингвист, какой-то там профессор какого-то ихнего университета. Одна девка журналистка, как и ты, другая – научный работник с заданием от её института разведать насчёт демографии в Туве. Я толком и не вникал – рассчитывал на месте разобраться. А третья вообще не то врач-гомеопат, не то косметолог?.. Я так понял, что она народной медициной интересуется...

– Довольно-таки странная по подбору компания.

– Ладно бы эти малохольные, так с ними ещё немецкая телевизионная группа. Никто толком так и не понял, что они здесь вынюхивают!

– Эти, что ли? – Егор кивнул в сторону УАЗа. – Или это уже местные встречают?

– Эти самые. Где-то впереди всю дорогу мотались. По идее мне бы с ними надо ехать, но очень вежливо отказали: мол, места мало, оборудование громоздкое, да и свой переводчик у них есть, подробные карты тоже...

– Короче, скинули с хвоста, а ты не стал нарываться на международный скандал?.. – Егор усмехнулся.

– Да ну их! Так даже лучше – с меня меньше спросу. А УАЗ подойдёт – как раз в него все и уместимся. Ну и ГАЗ-66, конечно, останется на подхвате, поскольку дальше дорог нет, одни направления.

– Ну, с тобой понятно, а я-то с какого боку-припёку понадобился?

– Я для налаживания межнациональных отношений и, так сказать, для общего надзора, а тебе необходимо осветить мероприятие. Ведь ещё неизвестно, чего эти немцы понаспрашивают или журналистка насочиняет?!

– А что, из республиканской газеты никто не захотел сопроводить?

– Да они там все в командировках или в отпусках, вот главный редактор и порекомендовал тебя. Мол, пишешь интересно и, опять же, на всё имеешь нестандартный взгляд.

– Это он мне леща кинул, чтобы самому не мотаться по бездорожью!

– Да ладно скромничать! Короче: расслабься и получай удовольствие.

Валера посчитал, что тема исчерпана и по-начальничьи скомандовал:

– Пошли позировать – вон, киношники подзывают! А потом будем на ночлег устраиваться. Вечером местная власть что-то вроде приёма устраивают, так что и покормить обязаны. Надеюсь, ещё и нальют по такому поводу!?..

Здание администрации состояло из двух комнат: та, что поменьше, была практически пустой, а в более просторной поджидал уже накрытый стол с расставленными вокруг деревянными скамьями. Пока перенесли в свободную комнату спальные мешки и отмылись от осевшей на лицах дорожной пыли, стол заполнился горячими блюдами, а дом – запахами варёной баранины. Вскоре подъехали и долгожданные попутчики: чернобородый и улыбчивый, довольно молодой для занимаемой должности глава кожууна¹ Михаил, а с ним Володя-художник – невысокий широкоскулый, смуглый то ли от природы, то ли от весеннего загара тувинец. Появились вместе с ящиком водки, как и предсказывал многоопытный Валера.

Егор сел рядом с приглянувшейся немкой, опередив явно нацелившегося на это место Валеру. Из всей компании Егора понастоящему заинтересовала пока только она. Давно подмечено, что некоторые женщины привлекают вовсе не красотой или умом, а иногда вообще непонятно чем – да ещё вдруг и сразу. Проходишь ведь мимо тысяч красивых, общаешься с сотнями умных, а потом, вдруг, встречаешь самую обыкновенную – и всё, как говорится, запал! Именно так, должно быть, и начинается необъяснимая любовь с первого взгляда?

Когда на их конец стола передали бутылку водки, Егор предложил соседке:

– Налить? Не знаю, правда, как вас зовут?

– Макси, – ответила она, приветливо улыбнувшись.

Егор понял, что нужно наливать по максимуму и удивился, когда немка испуганно отдернула стакан.

– Я что-то не так понял?

¹ Района.

– Полное имя Максимилиан, но для друзей я просто Макси, – пояснила она по-русски практически без акцента.

– Прошу прощения, – растерялся Егор и сказал первое, что пришло на ум. – У нас это вроде как мужское имя...

– Между Россией и Германией очень много отличий...

– А вы, Макси...

– Говори мне ты!

– Ты, Макси, очень хорошо говоришь по-русски.

– В Восточной Германии это не являлось проблемой, там осталось много разговаривающих на русском. К тому же я работаю журналисткой в женском журнале, так что знание языка иногда очень помогает.

– Каким же образом помогает русский?

– У нас многие женщины интересуются Россией, особенно Сибирью.

– А-а, в этом смысле...

Они чокнулись стаканами и выпили. Валера, который то и дело бросал в их сторону любопытные взгляды, слава Богу, оказался через пару человек, поэтому в разговор не встревал.

– А те, что с вами, кто они по профессии? – поинтересовался Егор.

– Марго – косметолог, рассчитывает узнать экзотические рецепты и открыть местные травы, – Макси улыбнулась. – Признаюсь, она моя подруга и поехала просто за компанию, пока в отпуске.

– А другая?

– Тамара? Она сотрудник... Нет, у вас это называется сотрудник науки! Её интересуют демография и продолжительность жизни в Сибири.

– С чего бы вдруг?

– Это связано с тем, что здешние условия считаются слишком суровыми для европейцев. Кстати, она подруга Хенрика.

– Этого старичка?

– Хенрик не старик! Он профессор и очень обеспеченный человек.

Такая поправка Егора откровенно смутила, и он сразу вспомнил, что они за столом не одни. На другом конце комнаты тем временем зазвучала очередная здравица, которую, со стаканом в руке, произносил чернобородый глава района.

– ...Наш Бай-Тайгинский кожуун, точнее, всего лишь один посёлок Кызыл-Даг вырастил несколько десятков членов Союза художников России. Рядом со мной сидит известный далеко за пределами Тувы художник-камнерез...

Вот так Егор познакомился с художником Володей и с Максимилианом, вернее, с Макси...

* * *

А когда же возник самый первый разговор о Чингис-хане?.. Точно, именно в Кызыл-Даге, куда они поехали на следующий день по настоятельной просьбе киношников. И главным действующим лицом, героем киносъёмки был, естественно, Володя-художник. Съёмка проходила в его камнерезной мастерской, а участники экспедиции старательно изображали массовку.

– У нас в посёлке давно создана школа-студия для талантливых ребят, в которой я преподаю резьбу по агальматолиту или, как его ещё называют художники, «картинному камню», – увлечённо рассказывал Володя. – Из него прежде изготавливали амулеты или фигурки божеств, но в нашей школе пошли дальше, к художественному творчеству. Вначале ученики, как говорится, общие, всех обучаем работе с кожей и мехом, изготовлению парадной сбруи и сёдел, резьбе по камню и кузнечному ремеслу. А потом уже каждый из них выбирает специализацию и своего наставника. В учебный период съезжаются до восемнадцати членов Союза художников, но сейчас здесь только двое...

Затем всей толпой перешли в дом второго художника – кузнеца Сергея. В его большой мастерской у Егора возникло ощущение, что мастер умеет делать всё или почти всё – как это было заведёно в прежние времена. Здесь и прекрасно оформленные охотничьи ножи, и парадные седла с серебряными накладками, и многочисленные бытовые принадлежности из кожи и меха.

– Тувинский кованый нож носили за голенищем, – кузнец показал ещё не до конца завершённую поделку, – а ремешок от рукоятки подвязывался к поясу. Когда гость входил в юрту, то, чтобы показать мирные намерения, выдёргивал нож из сапога – и он висел на ремешке, на виду...

Он продемонстрировал навершие рукоятки ножа в виде головы волка, отлитое из какого-то серебристого сплава.

– Это ведь не просто украшение на ручке! Род древних кыргызов, которые жили на здешних землях, согласно легенде, произошёл от белой волчицы, а род тех же монголов – от волка и пёстрой лани. Так что тотемом большинства степняков служит именно волк!

– Мой знакомый хакас утверждает, что он из рода Семи Волков, – вспомнил Егор.

– А я из рода борджигин, – оживился Володя-камнерез, – то есть из рода самого Чингис-хана. По-русски борджигин означает «синеглазые», правда, не помню в переводе с какого языка. А вот то ли в монгольском, то ли в уйгурском «борджигин» означает ещё и «волк-царевич»...

– Так вы что, не чистокровный тувинец? – удивился Егор.

– Наши историки говорят, что род Чингис-хана кочевал в Саяно-Алтае, то есть либо именно здесь, в Туве, либо рядом – возле озера Хубсугул, что на северо-западе Монголии, – Володя снисходительно усмехнулся. – Там ведь до сих пор проживают тувинцы, которых монголы называли дархатами.

– Так уж сразу Чингис-хан из тувинцев? – Егор тоже усмехнулся. – Монголы вряд ли с этим согласятся!

– Даже в их легендах говорится, что могилу Чингис-хана до сих пор охраняют люди племени урянхатов. А нас до революции называли как? – на губах Володи появилась хитрая улыбка. – Урянхайцами! Связь улавливаешь? Так что, журналист, не сомневайся, Чингис-хан был именно из племени борджигин.

– Этак вы и место его захоронения знаете? – съехидничал Егор. – Подозреваю только, что урянхаты и урянхайцы – это далеко не один и тот же народ.

– Ну, место не место... – Володя опять загадочно улыбнулся. – Он ведь потому и взял имя Чингис, что его родовое стойбище находилось возле ручья Чингэ.

– Да от искателей сокровищ там бы отбоя не было! – не согласился с сомнительным доводом камнереза Егор

– А труднопроходимые хребты вокруг: Арыг-Узун, Шагаан-Арыг, Кунгуртут, Тоджа! Да ещё, согласно той же легенде, охранники убивают всех чужаков!

– Допустим... Вот только он, по описанию, на тувинца не очень-то похож: высокий, рыжеволосый, голубоглазый...

– В то время здесь жили ещё и динлины, которые в китайских рукописях описаны как голубоглазые, высокорослые и очень бородатые, – не сдавался Володя. – И сами себя они называли «Тэн-грийн», что означает «небесный». Поэтому Чингис-хан везде величался как «Сын Неба».

– Да, по-моему, все китайские императоры и фараоны тоже считались Сыновьями Неба?! – привёл очередной контрдовод Егор, которого уже по-настоящему увлек этот необычный спор.

– Название рода борджигин по нашему, по тувински, означает не что иное, как Небесные Волки. А на границе с Монголией, между прочим, протекает река Бурят-Хем – но это её сокращённое название, а раньше она называлась рекой Боротов-Борджигинов, то есть людей из племени Небесных Волков.

– Мне тоже кажется, что всё это притянута за уши, – неожиданно выказал историческую эрудицию и Валера. – Буряты – они и есть буряты!

– Борут, бюрут, пюрют, бурят – это всего лишь сокращение от первоначального борут-борджигин, – не сдавался Володя. – Даже в жизнеописании Чингис-хана упоминается, что он соблюдал алтайские обычаи!

– Если всё так, то хоронить его должны были с великими почестями и вместе с несметными сокровищами, – привёл самый неопровержимый, как ему казалось, аргумент Егор. – И почему же до сих пор ничего не нашли? Я думаю, втихаря разграбить такую сокровищницу вряд ли бы удалось, но за семь веков непременно должны были её отыскать?

Но невероятно аргументированного художника невозможно было захватить врасплох.

– Просто тувинские шаманы наложили на его могилу страшное заклятие, – парировал он, сделав «страшные» глаза. – А главное, что до сих пор не вымер род, который охраняет запретное место. И ещё есть легенда, что погребён великий полководец был в затапливаемом русле реки – его воины пересыпали протоку, вырыли подземный склеп, а потом перемычку разобрали. Так что попробуй теперь, отыщи!

Так Егор впервые услышал об очередной, на этот раз тувинской версии о тайной могиле Чингис-хана...

* * *

Утром всех разбудили Михаил с Володей, которые ночевали где-то в другом месте. С ними была невысокая худощавая тувинка лет тридцати-сорока.

– Умывайтесь, завтракайте – и поедem к Чингис-хану! – жизнерадостно скомандовал белозубый Михаил.

– В каком смысле? – спросил ошарашенный Егор.

– В самом прямом! Остальное на месте увидите, а то, без секрета, не так интересно будет...

Выехали уже через полчаса, вереницей: впереди, как всегда, киношники, но с Володей в роли штурмана, следом Михаил с членами экспедиции, позади Николай, в кабину к которому пересадили вяло протестовавшего Валеру. Двинулись назад – то есть в том направлении, откуда приехали накануне.

– Прошу любить и жаловать, это Олчеймаа, – Михаил мотнул головой в сторону присоединившейся к ним тувинки. – Она из рода потомственных шаманов, владеет сакральными знаниями. Ну и приглашается иногда в качестве гида. Это когда приезжают очень уважаемые гости. Недавно, вот, учёные из Москвы были, аж из самой Академии наук!

– А как вы шаманкой стали? – тут же заинтересованно обратилась к тувинке Макси. – Есть какая-то специальная школа или знания передаются по наследству, от родителей?

– Шаман, это призвание. Шаманом не становятся – им рождаются! – отозвалась Олчеймаа коротко, словно отрезала.

Макси, видимо решив, что спросила нечто запретное, обвела всех испуганным взглядом и замолчала. Дальше ехали в тишине, только Михаил, неотрывно глядя на дорогу, улыбался каким-то своим, потаённым мыслям.

Наконец свернули с разбитой грунтовой дороги и двинулись вслед за передней машиной напрямую по просохшей уже от снеговых вод зелёной степи. Машина, выбравшись из наезженных ухабов, по кажущемуся бездорожью пошла заметно мягче, так что даже притихшие немцы оживились. Они теперь бурно

реагировали то на разбегающихся в разные стороны шустрых сусликов, то на парящих высоко в небе и оттого кажущихся медлительными орлов.

– Вон гора Бижиктиг-Хая, а вон и Чингис-хан, – Михаил указал рукой куда-то в степь и, словно торопясь поскорее прибыть на место, переключил рычаг скоростей.

Каменное, высеченное из красноватого гранита изваяние высотой было почти в человеческий рост. Словно бы уже уйдя по колени в подземный мир, могучий, широколицый воин замер, сжимая в согнутой правой руке ритуальный сосуд и прощаясь с миром людей.

– Это древний тюрк – Кожу-кижи, ему уже тысяча лет, – пояснил Михаил. – Таких камней по республике много, но эта самая выразительная скульптура из всех, которые мне доводилось видеть.

Изваяние имело чётко прописанные черты на широкоскомом лице, даже причёску, усы и небольшую бородку... Поражал невероятно пронзительный взгляд беззрачковых глаз – будто древний бог из глубины веков взирал через них на людей и осуждал за то, что не чтут степь, не берегут первозданную природу. А ещё детально, до мелочей прорисованы были ритуальный сосуд в правой руке перед грудью и наборный пояс, на котором неотъемлемый то ли кинжал, то ли короткий меч, и поясная сумка не вполне ясного назначения.

– В своё время возникла у кого-то идея всех Кожу-кижи свезти в одно место и устроить музей, – начала свой рассказ шаманка. – Подогнали сюда трактор, зацепили тросом, решили выдернуть из земли. При первой попытке трос лопнул, при второй двигатель у трактора напрочь сломался. В общем, больше не пытались – оставили в покое!

«Да, – подумал Егор, – каменный бог оказался сильнее людей, потому что крепко-накрепко связан с землёй. И ещё многие годы глаза его будут укорять нерадивых потомков, возмнивших себя всемогущими...»

– Археологи говорили, что камень установлен более тысячи двухсот лет тому назад, – продолжала Олчеймаа. – Ещё во времена Кыргызского каганата, скорее всего, во время войны с уйгурами.

– То есть задолго до нашествия монголов? – удивился Егор. – Почему же тогда назвали Чингис-ханом?

– Это от местных пошло. Можно сказать, имя неофициальное... Многие приезжают сюда совершать обряд кормления духов, а потом на ухо просят исполнения своих желаний и защиты от бед...

– И что, исполняются просьбы?

– Если бы не исполнялись, наверное, не ездили бы отовсюду, – шаманка взглянула на Егора и снисходительно усмехнулась.

Когда все уже направлялись к машинам, Егор задержался возле изваяния и прошептал ему в то место, где должно находиться ухо: «Хочу, чтобы меня любили. И чтобы я полюбил...»

А потом подъехали к древнему захоронению. Довольно большая по размеру, вытянутая с востока на запад прямоугольная площадка была обнесена по периметру уже вросшими в землю камнями. С восточной её стороны – в ряд с центральным, сравнительно небольшим Кожу-кижы, тоже имеющим некоторое сходство с человеком – возвышались три десятка вертикально поставленных больших камней.

– Это балбалы, – пояснила Олчеймаа. – Вообще-то, как мне рассказывали археологи, слово «балбал» означает «дед-отец», и ставили их чаще одиночно, чтобы в их лице приносить жертву духам. А вот в могильниках их количество соответствует числу поверженных противников. Столько камней в ряду – сколько погребённый лично убил врагов.

– Многовато, пожалуй, даже для выдающегося воина, – усомнился Егор. – Может, каждый из соратников в знак уважения оставлял свой камень?

– Камней, действительно, много... Но ведь позднее рядом с героем хоронили его сородичей, так что, наверное, столько побед одержали все, кто находятся в захоронении... – Олчеймаа замялась. – Хотя и в вашей версии что-то есть!

– А с чего взяли, что это именно захоронение? – поинтересовалась уже Макси. – Ведь не видно ни насыпи, ни наоборот – углублений... Может, просто ритуальное место?

– Просто все захоронения того периода имеют одинаковые элементы: центральный балбал с человеческими чертами

и всегда лицом к востоку, два отдельных вертикальных камня – это вход на кладбище.

– Ворота для процессии?

– Нет, для покидающих тело душ. Хорошая душа превращается в птицу и улетает через эти ворота на восток, причём душа ребенка в виде ласточки; злая же на запад в образе ночной птицы.

– И сколько на такой большой площадке может быть людей захоронено? – поинтересовался Егор.

– Не знаю, при мне не раскапывали – но, думаю, не очень много. Считается, что в свободной западной части совершались жертвоприношения для задабривания духов, – Олчеймаа рукой очертила пространство вокруг. – Музыкант в течение двух суток после погребения должен был играть для покойного на чатхане¹, потому что первая душа остается в теле три дня. Вторая в это время находится среди близких: душа женщины семь дней, а мужчины – девять. Третья же сорок дней ходит по любимым местам. А есть ещё четвёртая, пятая...

– На девять и на сорок дней проводят поминки и по христианским традициям, – напомнил Егор. – Так что в этом, наверное, всё-таки есть что-то сакральное?

– Но христиане и сейчас годовщину смерти отмечают каждый год, древние же тюрки приходили на кладбище всего лишь раз – ровно через год после похорон. И больше могилу никогда не посещали, а женщинам вообще запрещено было приходить, поскольку считалось, что у них более утонченная душа, и им вредно бывать на кладбище...

– Откуда вы так хорошо знаете древние обычаи? – поинтересовалась записывающая всё на диктофон Макси.

– От старых шаманов, а они это слышали от своих отцов и дедов...

Обходя вокруг центральный балбал, Егор неожиданно ощутил волну лёгкого удушья, а ещё возник легкий звон в голове. Вышел за пределы площадки – все прошло, шагнул через камни внутрь – странное ощущение возникло снова. В нём проснулся дух исследователя, и Егор решил пересечь огороженную территорию.

¹ Традиционный струнный музыкальный инструмент типа гуслей с узким, протяжённым деревянным корпусом-коробом.

Лучше бы он этого не делал! Возникшее уже через несколько шагов ощущение трудно передать словами, как невозможно точно описать чувства, которые никогда прежде не испытывал. Время, вдруг, начало материализоваться и, подобно воде, потекло через тело и через сознание непрерывным осязаемым потоком. Егор поначалу не испугался – даже когда внутри всё сжалось и замерло в ожидании чего-то неизвестного. Но вокруг замершего сердца тут же начал образовываться абсолютно непроницаемый и холодный вакуум, через который вскоре уже не ощущалось ни тока пульсирующей крови, ни ритма сердцебиения. Вместо них внутри тела формировались пустота и бесконечность... Виски же будто сдавливал невидимый обруч, отчего в голове разрастался опустошающий сознание и подавляющий абсолютно все мысли звон... Потом степь и горы пропали из глаз, местоположение неба потерялось, а каменистая земля под ногами превратилась в зыбкую субстанцию... Окружающий мир исчез, и только всепоглощающая мгла всё плотнее сгущалась вокруг, пока не превратилась в вязко-тягучую черноту, сквозь которую он толи проваливался вниз – в бездну, то ли с невероятным трудом протискивался вперёд – к неведомой цели... Сознание отмечало лишь то, как трудно продираться через возникающие неизвестно откуда и цепляющие за одежду ветви! Или это корни?... А, может, чёрная и густая конская грива?..

Но совсем худо Егору стало уже потом, когда он переваливался через гряду камней: сердце ожило, но, вместо крови, толчками гнало по телу боль, которая, скапливалась в опустошённой голове и нестерпимо давила изнутри на череп в стремлении вырваться наружу. Было так плохо, что он плашмя рухнул на траву – и потерял сознание...

Первое, что Егор увидел, открыв глаза, было донельзя испуганное лицо Макси, которая трясла его за плечи и повторяла:

– Что с тобой, Егор? Что с тобой?..

Потом рядом возникла Олчеймаа, которая, заглянув в глаза Егора, констатировала:

– Это духи! Но это скоро пройдёт.

Шаманка, отогнав всех подальше от могильника, с полчаса окуривала сидящего Егора дымом подожжённых веточек можжевельника, которые, похоже, вовсе не случайно оказались в её сумке, вполголоса повторяла заклинания на тувинском языке. То же

самое повторила с центральным балбалом, потом брызгала из стопки на четыре стороны света водку, которая нашлась у запасливого Михаила.

– Мы не покормили духов, не совершили сек-сек! – пояснила окружающим Олчеймаа свои действия. – Жаль, что нет молока!.. Прежде, чем выпить или съесть что-либо, кропят трижды на юг – выражают почтение огню, потом трижды на восток – оказывают почтение воздуху, потом на запад – почтение воде, и в конце на север – в память умерших.

– А что, эти духи всегда присутствуют здесь? – удивилась Макси.

– Одна душа всегда остаётся с прахом и охраняет его. Когда шаман совершает обряд – все души слетаются, и шаман кормит сначала души своих близких, а потом и всех остальных...

Егор, наконец, ощутил уверенность в ногах, чтобы подняться, но вялость во всём теле так и не прошла, как и ощущение нереальности происходящего. Он медленно пошёл к машине, а шаманка, приотстав от остальных, поджидала его, чтобы что-то сказать.

– Кладбища связаны с нижним миром, – произнесла она тихо, чтобы не слышали впереди идущие. – Здесь, должно быть, захоронены твои давние предки, которые хотели передать что-то важное. Ты их услышал?..

– Нет. Я потерялся в темноте, и, кроме звона, не слышал ничего...

«А, может, это пространственно-временной портал, о которых сейчас часто пишут уфологи? – размышлял Егор уже в машине, понемногу приходя в себя. – Потому-то он и не мог понять, где верх, где низ, и в каком направлении нужно двигаться... Тогда получается, что вовсе не мистические «предки», непонятно каким образом здесь оказавшиеся, звали его неясно зачем, а просто он оказался у невидимой границы ненадолго открывшегося портала? Который ему, слава Богу, посчастливилось миновать – и не провалиться в другое измерение... Тогда, возможно, это и не кладбище вовсе – тем более что нет традиционных курганов – а место общения с духами предков, аномальная природная зона?»

Они снова выехали на разбитую дорогу, машину стало так мотать, что было не до созерцания окружающих пейзажей – удержаться

бы на жестком сидении. И, вдруг, Егор снова ощутил уже знакомый звон в голове. Повернувшись и стараясь не удариться лицом о стекло, посмотрел в степь – на пологом склоне невысокого холма виднелось точно такое же захоронение: цепочка камней в форме вытянутого четырехугольника и вертикально поставленные камни-ворота.

«Значит, всё-таки именно захоронение так на него подействовало? Значит, действительно существует какая-то связь между ним и этими древними погребениями? Значит, не случайно шаманка определила родство его, Егора, с древними тюрками? Недаром же его фамилия Балагуров, как ни посмотри, в основе своей имеет именно тюркский корень «бала» – то есть ребёнок...»

* * *

Природа будто сошла с ума: плотные дождевые заряды обрушивались на машину с разных сторон, словно бы живой, беснующейся массой километр за километром неслись рядом и впереди, периодически яростно нанизывались на лучи фар. Егору представилось, что это Дух здешних мест сражается с кем-то равным по мощи, забывая в пылу схватки об установленном и охраняемом им миропорядке, не говоря уже об оказавшихся на пустынной дороге людях.

Полотно дороги порой совсем пропадало из виду, и тогда казалось, что мутный беснующийся поток несет их в неопределённом направлении – скорее всего, тащит в жуткую неизвестность. В серой круговерти мелькали дорожные знаки, мокрые стволы редких придорожных деревьев, донельзя измятая, с пятнами сохранившейся синей краски, кабина грузовика в кювете... Фары же едущего позади ГАЗ-66 то внезапно упирались в заднее стекло салона, то снова проваливались в мутную пелену и едва просвечивали через сплошную водяную стену. И тогда казалось, что темные силы стараются разъединить машины, чтобы окончательно запугать растерянных людей – а следом завести совсем не туда, куда они стремятся!

Чернобородый Михаил, яростно крутя руль и напряжённо вглядываясь в видимые лишь ему одному ориентиры, не то пошутит, не то успокоит:

– Есть восточная пословица: кого в путешествии ливень застанет – у того дорога чистая.

– Чистая – значит дочиста вымытая? – съязвил Валера. – Или на которой никого не встретишь?

– Чистая – значит чистая, – глубокомысленно повторил водитель.

До Мугур-Аксы оставалось ещё десятка три километров, когда Михаил вдруг резко затормозил. Впереди, в свете фар, словно в сцене из фильма о природной катастрофе, водяные потоки размывали дорожную насыпь. Из стремительно разрастающихся промоин вырывались мутные струи, которые в кювете сливались в коричневый, устремляющийся вниз по склону грязевой сель. А ближайшая к ним кромка обрыва зримо перемещалась всё ближе и ближе!

Егор вдруг ощутил, как Макси в страхе сжала его руку – и в тот же миг, совершенно не к месту, подумал: «А что если взять, да и попробовать связать жизнь с ней? Начать с чистого листа, не повторяя прежних ошибок...»

В это время позади несколько раз посигналил Николай – и Михаил, разом опомнившись, стал сдавать машину подальше от наступающего на них обрыва. Всем было ясно, что наблюдаемые разрушения, это ещё не финал, что они, скорее всего, ещё даже не достигли своего пика. Понятно было и то, что сейчас невозможно принять единственно правильное решение и, исходя из него, что-либо предпринимать. Попытаться ехать дальше без дороги туда, где сель набирал силу, было бессмысленно, возвращаться к перевалу навстречу скатывающимся вниз потокам – невозможно. Оставалось выбраться на более или менее надёжный участок – и ждать утра!

У Егора вдруг возникло странное ощущение, что всё происходящее вовсе не случайно, что какие-то силы настойчиво противятся их дальнейшему путешествию. Или, может быть, это духи предков не хотят, чтобы он уезжал, и надеются всё-таки передать ему нечто важное?..

Когда на рассвете дождь и последовавший за ним град прекратились, автомобильной дороги, как таковой, впереди не существовало. Можно было попытаться объехать на мощном ГАЗ–66 образовавшийся хаос – но, кто знает, что ещё ожидает там, впереди? Обидно, но экспедиция заканчивалась, по существу не начавшись!

– Похоже, накрылось наше путешествие медным тазом? – проворчал вполголоса Николай. – А жаль! Немцы-то, меня нанимая, обещали подённо платить, причём очень даже не хило.

Именно Николай и предложил разведать дальнейший маршрут пешком, а потом, если это окажется возможным, пробиваться

дальше на его вездеходе, оборудованном мощной лебедкой. Так что, в случае обнаружения более или менее проходимого пути, можно было протаскать на буксире и нашу машину.

Пройдя километра три вниз по тому, что прежде называлось автодорогой, а теперь представляло собой торчащие валуны, невообразимые буераки и глубокие узкие овраги, Егор с Николаем неожиданно наткнулись на УАЗ телевизионщиков и мощный грузовик, прибывший из Мугур-Аксы. Их, оказывается, ждали! На приезд экспедиции накануне вечером традиционно гадали на камнях – существует, оказывается, у местных такой магический приём, когда по раскладу брошенных камешков предсказывают ближайшее, а то и отдалённое будущее. И расклад камней показал, что гостей остановит неожиданное препятствие, которое не позволит их машине самостоятельно двигаться дальше. Потому-то заместитель главы кожууна Монгун-Тайга Билчей и выехал с рассветом встречать гостей. Немецкие же киношники, успев с риском для жизни проскочить опасный участок, дожидались утра, чтобы попытаться найти то небольшое, что, как они были убеждены, осталось от коллег. Во всяком случае, они пребывали в полнейшем унынии до самого появления Егора с Николаем.

«Вот и не верь после этого в гадания и предсказания! – размышлял Егор. – Выходит, что не только силы зла препятствовали им, но и силы добра решили оказать помощь? И добро, как и положено в благих делах, оказалось сильнее зла!»

Впоследствии предсказания по камням еще не раз вызывали у него что-то вроде шока – настолько они оказывались точны. И впервые тогда в голову Егора закралась мысль, что, если события можно предсказать, то это означает, что они уже predeterminedены некими высшими силами...

* * *

Пока жизнь не докажет обратное, многое из преподаваемого когда-то в школе кажется нам лишним и ненужным. Взять хотя бы так не любимый Егором немецкий язык. Из-за «хвоста» на кафедре иностранных языков его едва не отчислили из института – поскольку пожилая «немка» буквально взъелась на него. Он же не стал объяснять, что учился в поселковой школе, причем учился неплохо, но вот с учителями немецкого все время были проблемы. Сколько их

поменялось в его школе... Да и не оказалось у него, наверное, склонности к иностранным языкам! Хотя кое-какие из немецких слов Егор стал припоминать, но их было слишком мало для полноценного разговора. Это явилось ещё одной причиной, почему он общался в основном с Макси, а через неё и с другими немцами.

Выяснилось, что Тамару интересует демография именно Тувы, поскольку население здесь за достаточно короткий срок выросло втрое – в отличие от Германии, где, несмотря на приезд этнических немцев из России и других мигрантов, население продолжает сокращаться. Егор этому не особо удивился, поскольку, как выяснилось, из трёх присутствующих немок замужем не была ни одна. Та же Макси заявила, что мужчину она себе может найти всегда, было бы желание, а вот личная свобода – это самое ценное в её жизни. Мол, периодически «сходить налево» никаких проблем не составляет...

«Да, нежелание заботиться о ком-либо, кроме себя, присуще и ей, – думал Егор с сожалением, хотя вслух это сказать Макси не решился. – Там, на Западе, проповедуют, что главное для человека, это покой души и невмешательство, в России же, наоборот, не приемлют тех, кто живёт по принципу «моя хата с краю»... Вот и попробуй переубедить Макси, пробить надетую немецким обществом женскую броню. Попробуй такую завоевать!»

Подруга Макси Марго не понимала по-русски ни слова, хотя постоянно внимательно прислушивалась к их разговорам, а потом, отчаянно при этом жестикулируя, что-то выводывала у подружки. И вопросы её непременно касались народной медицины, народных косметических средств – как раз того, о чём у него, Егора, были весьма обрывочные знания.

– На камнях растёт чёрная смола, обладающая лечебными свойствами, – поделилась очередным интересом подружки Макси. – Местные утверждают, что это волшебный эликсир от всех болезней.

– Так это она про мумиё?

– И что, действительно, настоящий эликсир молодости?

– Да как тебе сказать? Раны, конечно, отлично заживляет, так что, пожалуй, и в косметике можно применять.

– И ты знаешь, как оно образуется?

– Его не камень производит, а травоядные животные. Горные козлы ночуют на отвесной скале и постоянно оставляют там свой

помёт, потом дождь его размывает, а раствор стекает по трещинам вниз. А дальше солнце скалу нагревает, вода испаряется – и за много-много лет нарастает что-то, похожее на смолу.

– Фу, какая гадость! И это называют волшебным эликсиром? Начинается так романтично – «слёзы камня», а закончилось физиологией, как и всё в нашей жизни.

– Даже хуже, чем ты думаешь. То мумиё, что сейчас в аптеках продают, вообще из лошадиного помёта вываривают. Только ты это Марго не говори!

– Ладно, не стану её разочаровывать. Я подметила, что она... Как это у вас говорится?.. Питает к тебе симпатию!

– А я к тебе...

– Кстати, у тебя нет с собой таблеток от расстройства желудка? – резко переменяла тему разговора Макси.

– Нет, у меня такой проблемы пока не случалось. А у водителей не спрашивала?

– Всё что было, Тамара у них для Густава уже выпросила. Теперь ждёт не дожждётся, когда до ближайшей аптеки доедем.

– Что, совсем плохо профессору? – посочувствовал Егор.

– Он вегетарианец, поэтому мясная пища ему не подходит! Да и все остальные от такой бараньей «диеты» не в восторге.

– Я Михаила попрошу помочь. Он здесь начальство, возможно, чего-нибудь из овощей раздобудет? Но вообще-то степняки всю жизнь практически одними только животными продуктами обходятся...

– Ну, Густава это вряд ли спасёт! Сомневаюсь, что он сможет что-нибудь приготовить.

– А его Тамара?

– Не думаю. В Германии принято завтракать в кафе, обедать в ресторане, а на ужин кофе и бутерброд.

– Тогда понятно, почему она за Густова держится. У нас такую неумеху замуж бы попросту не взяли.

– А у нас на такие вещи не обращают внимания, и в Германии замуж выходят уже ближе к тридцати. Так что у Тамары, возможно, далеко идущие планы... А ты женат?

– Развёлся, – вырвалось у Егора.

Он и сам себе не смог бы объяснить, почему так сказал. Может, потому, что в глубине сознания всё уже было решено – вот и сорва-

лось с языка. Да, глубоко в подсознании росло, росло – и вот, похоже, уже сформировалось желание развестись... А ведь после свадьбы всё складывалось, вроде бы, нормально! Может, разладилось потому, что Ирина моложе его – отсюда и несовпадение характеров, различие в темпераментах, разница в оценках и даже в восприятии окружающего мира? С другой стороны, что такое разница в пять лет?.. Зато их теперешние отношения с Макси – это нечто совсем другое: Макси очень схожа с ним, с Егором. Пусть даже жуткая «эмансипе» и совсем не умеет готовить!..

После одной из таких оживлённых бесед с немкой к нему подошёл Валера и, ни с того, ни с сего, завёл «мужской» разговор:

– А немка-то ничего. Не сказать, чтобы молодая, по нашим меркам скорее «тётка в возрасте», но при всех формах. Как говорится, уж климакс близится, а Германа всё нет... – Валера недвусмысленно ухмыльнулся и панибратски похлопал Егора по плечу. – Так что правильно действуешь!

Что-то в этой ухмылке было настолько пошлым и неприятным, что Егор оттолкнул Валерину руку почти с брезгливостью...

Выяснилось, что в Мугур-Аксы есть действующий дацан Долмалинг. Не только искатели экзотики немцы, но и все остальные загорелись желанием непременно его посетить. Егор же ощутил словно бы некий внутренний толчок, быстро переросший в непреодолимую тягу: видимо, генная память постоянно манит людей к храмам, к часовням, даже к древним языческим капищам, которые были самым притягательным местом для предков – как далёких, так и не очень... Недаром колокольный звон всегда заставлял Егора врасплох, и он, остановившись в полной растерянности посреди дороги, каждый раз мыслями оказывался на распутье: креститься или не креститься?..

Дацан даже в незнакомом населённом пункте не спутаешь ни с чем другим: необычной формы выгнутая крыша, над которой возвышается золочёный шпиль – символ единства земли и неба, символ просветления; чуть ниже золочёное же «колесо учения», по сторонам которого две лани – животные, первые слушатели проповеди Будды. А перед входом замерли два ярко раскрашенных фантастических «зверя» с оскаленными клыками и широко раскрытыми глазами, имеющих отдалённое сходство и со снежным барсом, и со львом, и даже с собакой... По заверению Володи, это всё-

таки львы, давшие когда-то обет спасшему их Будде охранять все его храмы, но в Туве их ещё нередко называют собакольвами.

– А вообще-то это дуган, – уточнил Володя. – В комплекс дацана входят несколько разнонаправленных дуганов и ещё субурганы¹ – символы мысли Будды. Дацан ведь переводится как «место, наполненное монахами».

Внутри дуган тоже поражал своей необычностью: шестнадцать расписными вращающимися колоннами, расположенными в четыре ряда, позолоченной статуей сидящего Будды, библиотекой старинных книг и даже одеянием монаха и его ученика...

Но главное событие произошло, когда они уже направились к выходу! Ученик вдруг, ни с того, ни с сего начал разъяснять Егору и заинтересовавшемуся беседой Володе, что ламаизм, это не просто религия, а философия единения с природой. Как оказалось, он просто задерживал Егора, пока все остальные выйдут на улицу – поскольку следом подошёл сам лама и, неожиданно, пристально глядя Егору в глаза, предложил:

– Ты не мог бы остаться у нас на пару недель?

– Зачем? – растерялся Егор.

– Каждый лама находит учеников, которым передаёт свои знания. Я вижу, что могу открыть тебе третий глаз.

– Зачем? – переспросил окончательно растерявшийся Егор.

– Я вижу в тебе большую силу! И верю, что ты сможешь ею правильно распорядиться.

– Что тут думать?! Оставайся! – возбуждённо воскликнул Володя.

– Да ни к чему он мне, – возразил Егор, немного подумав. – Я и так столько людей насквозь вижу, что ещё тяжелее жить станет.

– Ну, каждый волен делать свой выбор... – монах вложил в ладонь Егора какую-то маленькую вещицу и, будто разом потеряв к нему интерес, развернулся к своему ученику.

– Зря отказался, Егор, такая возможность редко кому открывается, – взволнованно заговорил Володя, когда они вышли из дацана. – Может быть, это и есть твоё главное предназначение в жизни?

¹ Культурное сооружение – хранилище реликвий, состоящее из пьедестала, дарохранилища и шпиля.

– Как говорили великие мудрецы, меньше знаешь – крепче спишь, – попытался отшутиться Егор, потому что в голове его тоже, как и в случае «молиться – не молиться», пробудились сомнения.

Володя заметил эти колебания и стал убеждать:

– Всего-то две недели! А то приезжай ко мне в гости потом, как надумаешь. Буду на машине в дацан возить, а по вечерам ночевать в санаторий, что от меня неподалёку. Очень хороший санаторий, заодно и подлечат.

«Может, и приеду потом? Видно будет, – размышлял Егор под монотонное гудение мотора. – Ведь не случайно же монах сделал такое предложение именно мне? И потому я, наверное, испугался, что это может кардинально поменять всю дальнейшую жизнь. А с другой стороны, может быть это и есть его истинный путь? Сказал же кто-то из древних философов: ищи свою дорогу, если долго не находишь – строй её сам».

Внимательно оглядев подаренную Егору поделку из красноватого агальматолита, Володя-камнерез уверенно заявил:

– Это Собачка Будды. Когда Будда путешествовал в одежде простого монаха, в дороге его всегда сопровождала маленькая собачка, которая, в случае опасности, тут же превращалась в огромного льва... И это очень сильный защитный талисман! Стиль резьбы нэцкэ, но нет отверстия для шнура, то есть поделка ближе к японским окимоно. Кто-то из моих учеников резал – узнаю школу. Определённо из моих...

Вот так Собачка Будды стала мистической защитницей Егора.

* * *

Как выяснилось, один из главных приоритетов экспедиции – это ознакомление с наскальными рисунками. Правда, с профессиональной точки зрения они интересовали только профессора Густава. Всё это Егор выяснил в разговоре с той же Макси.

– Профессора интересуют самые древние надписи на камнях, – уточнила она. – И, в первую очередь, рунические.

– Для научной работы?

– Скорее у него такой пунктик, как говорят у вас. Где-то вычитал, что сибирские руны имеют большое сходство со скандинавскими, только ещё более древние.

– Это когда же викинги до Сибири доходили? – не удержался Егор от язвительности.

– Нет, как утверждает Густав, скорее это викинги вышли из Сибири. А у Густова кто-то из предков скандинав – вот он и отыскивает свои корни...

– Далёких же предков он решил навестить! Я где-то читал, что некоторые записи на здешних камнях на три века старше русского «Слово о полку Игореве», а рисункам вообще по шесть и более тысяч лет.

– Ну, как у вас шутят, этих богатых не каждому возможно понять. Так, кажется?..

Из-за прихоти Густава, который являлся главным спонсором экспедиции, дальнейший маршрут пролёг из Тувы в Горный Алтай. С невероятными сложностями, большей частью на буксире ГАЗ–66, абсолютно без дорог, подчиняясь только интуиции Николая и полузабытой информации в голове Михаила, перевалили через Шапшальский хребет, местами пугающий ещё не растаявшими снежными лоскутами, и спустились на знаменитый Чуйский тракт. Вот, наконец, и Елангаш – такой желанный для профессора крупнейший комплекс наскальной «живописи» под открытым небом. На площади в четыре квадратных километра по обоим берегам речки Елангаш нанесено около тридцати тысяч наскальных рисунков на плоских валунах и скальных останцах. Когда-то здесь пролегал оживлённый караванный путь и, наверное, «от нечего делать» непризнанные художники оставляли памятку о себе – как и современные, только более грамотные, пишут на самых видных местах «Здесь был Вася!» И если древние рисунки именуются петроглифами, то современные надписи наши потомки будут называть не иначе как «васёглифами»...

Потрясённый обилием петроглифов Густав то и дело опускался на коленки перед очередным «шедевром» и фотографировал, фотографировал...

– Этак мы с ним здесь надолго застрянем, – пожаловался Валера. – Практически возле каждого торчащего в степи камня можно останавливаться – непременно на нём либо рисунки, либо что-нибудь написано!

– Мекка для историков. Тут, наверное, уже всё отснято и расшифровано? – предположил Егор. – Хранится где-нибудь в музеях, так что вовсе не обязательно по бездорожью тащиться...

– Не скажи. То, что на старо-монгольском, то есть на уйгурском языке – то, в общем-то, переведено. Ну и более поздние опусы на тибетском... А есть вообще непонятно на каком языке написаны.

– О чём писали-то? Не в курсе?..

– Да ладно бы баллады о подвигах своих на камне выбивали, а то и элементарная эротика встречается! Типа: «В вершине лиственницы тёмной давно торчит моя стрела, и долго меня будет помнить твоя верная жена!»

– Откуда знаешь?

– Да в Министерстве книжку выпускали с поэзией древних тюрков в переводе Преловского. Давно уже.

– Не думал, что ты древней поэзией интересуешься.

– Да не то чтобы очень... Но, как-никак, а по образованию-то я литературовед!..

Рунических знаков Густав здесь так и не нашёл, но Михаил ему пообещал, что позднее заедет в музей Улагана, где он вроде как видел фотографии подобных надписей.

– Вообще-то вполне разборчивые надписи, выбитые на камнях или написанные охрой, встречаются и у нас, в Туве, – уточнил Михаил. – Но, чаще всего, это путешествовавшие тибетские монахи изображали свои священные мантры...

Уже не раз и не два Егор задумывался над тем, что поездка эта будто бы специально подстроена некими высшими силами. То есть он отнюдь не случайно был выбран в качестве журналиста, не случайно оказался на месте захоронения «предков», не случайно ему предлагали открыть третий глаз, не случайно в группе оказалась Макси... Но что-то же, наверное, является главным, что должно оказать решающее влияние на его дальнейшую судьбу? Он отказался от продолжения ламы, он вскоре уедет отсюда в свою Хакасию и неизвестно когда снова может оказаться в здешних местах! Вряд ли какое-то подтверждение или продолжение может иметь и информация о предках... Только Макси, вполне возможно, является тем самым, не выпадающим звеном в цепи событий! Значит, нужно с ней обязательно переговорить о дальнейших взаи-

моотношениях, нужно ей признаться в своих чувствах! Пока они не разъехались в разные стороны навсегда... Мысль о признании всё крепла, но очень уж непросто было решиться на коренное изменение всей своей дальнейшей жизни.

Разрешилось же всё неожиданным образом: во второй половине дня в Елангаше взволнованная Макси сама подошла к нему.

– Егор, мне только что позвонила мама! Она сильно заболела, и мне нужно срочно возвращаться в Германию.

– Я понимаю, но здесь даже аэропорта поблизости нет!

– Михаил отправляет меня на машине до ближайшего города. Горно-Алтайск, по-моему? А там уж я найду возможность добраться до аэропорта.

– Мне очень жаль! Кроме того, я так и не собрался серьёзно с тобой поговорить.

– Я догадываюсь, о чём. Но не сейчас! Вот, я тебе написала свой телефон – позвони, когда вернёшься домой.

– И я тоже напишу тебе свой телефон и адрес. А давай, как только разведусь, я приеду к тебе в Германию? В качестве туриста, конечно. Не возражаешь?..

– Ты же говорил мне, что разведён?

– Ну, как тебе объяснить? Просто ты мне очень понравилась, и я опережал события...

– Плохо начинать наши отношения с обмана. Я перестаю тебе верить, Егор...

* * *

И перед кем уж они так провинились, но природные катаклизмы сопровождали экспедицию и дальше, на всем пути следования. Их неотступно сопровождал некий эпицентр стихийных бедствий: дожди, грязевые сели, и даже два небольших землетрясения. В тех районах, где дождя ждали уже более месяца, с их появлением небо обрушивало ливни, поймы речушек заливались беснующейся водой, вспенившиеся ручьи сносили мосты... Словно древние духи, которые сначала не хотели их пускать в свою горную страну, теперь всячески препятствовали отъезду? А, может, и не всех пытались остановить, а только его, Егора?..

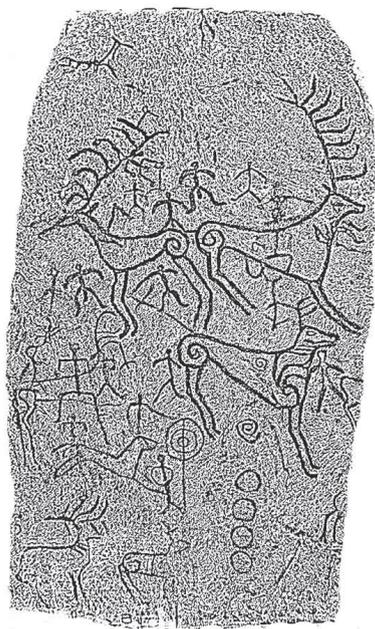
Похоже, что и Собачка Будды была подарена Егору в дацане неспроста? По заверению Володи-камнереза, такие подарки делают далеко не всем, и смысл подарка в том, что она лает на злые силы, отгоняет их прочь – так же, как и все неприятности. А если её положить в кошелёк, то, по заверению того же Володи, и деньги не будут переводиться... Эта затейливая миниатюрка, выполненная с соблюдением многих элементов символики, например, с прижатым хвостом в форме листа лотоса, загадала неразрешимую загадку: зажата в правой ладони, она ощущалась теплой, в левой – прохладной и источающей некую вибрацию. Егор проверил это на нескольких своих знакомых – большинство взрослых ощущали то же самое, у детей же восприятие менялось на противоположное. И даже сам мастер-камнерез не смог найти такому феномену убедительное объяснение!

Расставаясь, Володя подарил Егору на прощание безрукавку из меха белой мерлушки, крытую синим китайским шёлком. Сшитая традиционным старинным кроем, безрукавка ощутимо излучала тепло и давала непреходящее ощущение комфорта. Видимо, многие вещи, сделанные искусными мастерами, несут добрую и вполне осязаемую энергию: то ли это природная сила материала, то ли мастера способны вдохнуть в изделия частичку собственной души?..

А ещё постепенно крепло осознание того, что это была не просто удивительная поездка, а нечто значительно большее. Ведь изменились и его взгляды на мир, и восприятие окружающих его людей. Значит, в конечном счёте, непременно должна измениться и вся его дальнейшую жизнь?.. Как знать, возможно, что все встречи были predeterminedены заранее, а цепочка случайных, казалось бы, событий именно в таком порядке и была записана на скрижалях Егоровой судьбы?..

Невероятно, но обыскав по приезду все карманы, он так и не нашёл бумажку с номером телефона Макси – так что теперь оставалось только ждать звонка или письма от неё.

Не поддаётся объяснению цепочка вполне взаимосвязанных, но при этом будто бы чужих снов. Способен ли чей-то посторонний разум проникать в затуманенный сном мозг, или же сознание, погружившись в туман забывания, само приоткрывает спрятанную там дверь из нашего в иные миры. И потом бездумно устремляется навстречу неведомому... Тогда нет ничего удивительного и в том, что мы оказываемся то в знакомой, то в пока ещё неизвестной, а то и вовсе в фантастически нереальной обстановке. Должно быть, волею Творца человеческий разум соединяется со Вселенским, и тонкая нить его вплетается в безграничную ткань информационного поля, сотканного из Пространства и Времени. Ткань эта неразрывно прочна и, одновременно, крайне неравномерна - оттого и сны то бесконечно тягучи, то мимолётно зыбки, но всё, что в реальной жизни измеряется годами, во сне способно сжиматься до кратких видений. И за один сон успеваешь увидеть значительный период своей, а то и чьей-то чужой жизни... Но самое поразительное, когда в очередном видении, будто на дополняемой художником картине, яркий слой свежих красок почти скрывает всё ранее виденное, и лишь самые яркие мазки проступают через один, через два, а то и через три слоя. Может, потому, что новый сон, как и написанная поверх старой новая картина, не пытается скрыть эти главенствующие мазки, а выстраивается именно вокруг них?..

Глава 2. ЧУЖИЕ СНЫ

Жизнь то и дело подбрасывает нам испытания: большие и маленькие, памятные и малозначимые. Когда всё плохо, то это не особенно удивляет – ну, одной неприятностью больше, одной меньше... Зато в благополучный период жизни даже простая неудача, на которую в другое время мог просто не обратить внимания, пугает: неужели это первое звено в цепочке грядущих неприятностей? Ведь в человеческой жизни, как и во всей природе явлений, существует некий закон равновесия – и раз чашечка весов долго находилась в одном положении, то ровно столько же она будет находиться и в другом. Лишь в момент смерти коромысло весов замирает навсегда в одном, нейтральном положении...

* * *

Сказать, что Егор сильно испугался, значит не отразить и половины обрушившихся на него эмоций, когда всё внутри разом похолодело, а чувства просто-напросто замерли, будто вмёрзли в мгновенно заполнивший тело лёд. Не было положенного в таких случаях беспорядочного роя мыслей, лишь раз за разом возвращалась всего лишь одна единственная – и это была даже не мысль, а отторгаемый мозгом смысл фразы, произнесённой врачом: «У вас, похоже, рак лёгкого?» И дальше пыталась пробиться следующая, уже ничего не значащая, по сравнению с первой фраза: «Это надо же было так запустить: вот, смотри, оно всё чёрное».

Врач с какой-то непонятной злостью сунул прямо в лицо ему рентгеновский снимок – и Егор воткнулся взглядом в страшный негатив, пытаясь разглядеть черноту в мутных линиях рёбер и серых пятнах, отражающих, по всей видимости, лёгочные ткани. Только где уж там непосвящённому человеку что-то разглядеть, когда даже глаза перестали слушаться? Убеждало в страшном диагнозе то, что,

после возвращения из экспедиции он уже недели две постоянно подкашливал, а повышенная температура после недавнего гриппа так и не проходила. Так что и без врачей было ясно, что с ним всё далеко не в порядке!

– И что теперь? – выдавил он из себя не то глупейший вопрос, не то констатацию факта полнейшей безвыходности.

– Поезжайте в Абакан, в республиканскую больницу, там сделают томографию лёгких, – безо всякого выражения, словно разговаривая с кем-то третьим, произнёс врач. – Вот вам направление, может, дело ограничится одним лёгким...

Ни на работе, ни дома жене Егор ничего не стал объяснять – только сказал, что нужно срочно пройти комплексное обследование в Абакане. Поборов по дороге из поликлиники первоначальный шок, он уже больше самой болезни боялся того, что все начнут его жалеть – и между ним и остальными, близкими и просто знакомыми, тотчас возникнет полоса отчуждения. Ведь они все остаются здесь, со своими планами и мыслями, а он практически уже там, где не нужны ни того, ни другого, ни третьего...

На другой день с попутной машиной Егор поехал в республиканскую больницу. Взял минимум личных вещей: туалетные принадлежности, немного запасной одежды и... пишущую машинку. Почему машинку, ведь он ехал умирать на операционном столе или, спустя некоторое совсем короткое время, на больничной койке?! Зачем она, если больше не нужно ходить на работу, не нужно постоянно писать очерки и заметки, не нужно... Страшно подумать, но теперь вообще ничего-ничего не нужно!.. А машинка – это как последний верный друг, как собеседник, которому можно доверить и боль отчаянья, и тоску безысходности, и даже последнее завещание. Кто-то или что-то же должны оставаться с тобой до самого конца?..

Сосед-попутчик попытался завязать дорожный разговор, но Егор пару раз буркнул нечто невнятное – и тот отстал. Понуро наблюдая через грязноватое стекло за покрытой всё ещё по весеннему яркой зеленью степью и за дальними горами в синеватой дымке, он размышлял, что, скорее всего, видит этот привычный весенний пейзаж в последний раз. Первоначальные страх и отчаяние

совсем ушли – они сменились почти полным равнодушием ко всему и безмерной усталостью. Хотелось забыться, уснуть или даже умереть прямо сейчас...

В палате на пять человек были свободны две соседние койки посередине. Егор выбрал ту, что ближе к окну, а, главное, подальше от двери. Поздоровался с больными, но познакомиться не успел, так как следом вошла молоденькая медсестра со шприцем в руке и, с любопытством зыркнув на новенького, подошла к лежащему на кровати в углу старику. Сказала возмущённо:

– Силантьич, почему на уколы не ходите? Я что, обязана за вами по всему этажу бегать?

– Не шуми, сестричка! – старик снисходительно улыбнулся. – Крикливых баб мужики не любят. Смотри, останешься на всю жизнь старой девой!

– Да в больнице-то кого ловить? – неожиданно огрызнулась медсестра. – В нашем отделении путёвых мужиков не бывает: либо полудохлые, либо алкашня!

– Ну, моё дело предупредить, а твоё – сделать правильные выводы.

– Без чужих советов как-нибудь обойдусь!

– Ну, ну, не злись, вдруг ещё и повезёт! Но, про таких, как ты не напрасно говорят: что на своей груди согреешь, то всю жизнь шипеть и будет.

Больные засмеялись, а сестра неожиданно смутилась:

– Ладно, Силантьич, ложитесь на живот и штаны приспустите.

Старик расстегнул пуговицы пижамы, повернулся на скрипучей сетке кровати спиной к медсестре и шутливо предупредил:

– Сексуально озабоченным лучше не смотреть! А ты, сестричка, сама штаны стяни, а то у меня рука плохо сгибается.

Оттянув резинку больничных штанов и сделав укол, медсестра направилась к выходу из палаты, но в дверях остановилась и решительно заявила:

– Остальные, кому уколы, шагом марш в процедурную. Больше поблажек никому делать не буду!

Оба больных нехотя поднялись со своих кроватей и гуськом направились вслед за процедурной медсестрой.

Когда старик застёгивал пижаму, Егор обратил внимание на широкий тёмный шрам, который начинался на животе, пониже сердца, и уходил вниз по рёбрам к спине – пола пижамы не позволила проследить его до конца.

– На фронте? – спросил он, кивнув на шрам.

В глазах старика промелькнула снисходительная усмешка, но потом он как-то хитро, и, одновременно, испытующе, посмотрел на Егора и произнёс:

– Считаю что так! Это когда мы со ссученными воевали, так один, шибко ловкий, из шестёрок Вовы Варшавы¹ меня и пырнул штыком... Царство ему небесное.

– А-а-а... – протянул Егор, сразу даже не сообразив, как ответить на подобное откровение. Вспомнив, что так и не познакомился, представился:

– Меня Егором зовут...

– Ну а меня Виленом величают.

– Виленом? – переспросил Егор. – Имя какое-то странное.

– Ничего странного, означает Владимир Ильич Ленин. То есть аббревиатуру по начальным буквам. У меня родитель из партийных начальников был, и одно время, пока его не расстреляли, даже наркомом лесного хозяйства, а у наркомов и не такие причуды бывали.

– Ну, Вилен – это ещё ничего, – Егор понимающе улыбнулся. – Я читал, что одну девчонку Даздрапермой называли, что означает «Да здравствует Первое мая». Вот ей, действительно, нелегко в жизни приходилось...

– Меня, вообще-то, чаще по отчеству величают, Силантычем. Так что и ты зови. А с чем попал-то сюда, такой молодой?

– На обследование направили, подозревают рак или туберкулёз лёгкого.

¹ Ссученными называли уголовников, отрицавших воровские законы, объединившихся вокруг вернувшегося с фронта авторитета по кличке Варшава. «Благное сообщество» не простило воевавшим на фронте сотрудничество с государством, и те в 1948 году приняли свой «новый закон», после чего в колымских лагерях началась кровопролитная война двух группировок.

– Не похож ты на туберкулёзника, такой-то здоровяк. А врачам, что в поликлиниках засели, не верь – им свою зарплату надо оправдывать. Как говорится: бросай курить, вставай на лыжи – и вместо рака будет грыжа!

– Да я и не курю.

– Тогда тем более не от рака поmrёшь...

Вернулись соседи по палате, Егор стал знакомиться – и неожиданно осознал, что будущее уже не кажется ему таким безысходным, что слова Силантьича вернули утраченную было надежду. Поэтому он спокойно воспринял и осмотр лечащим врачом и процедуру томографии. А диагноз, что у него всего лишь плеврит, хотя и с осложнением, воспринял уже как само собой разумеющееся. Нет, он обязательно вылечится – и всё в его жизни пойдёт по-старому. Вернее, после такого душевного стресса всё непременно должно пойти по-новому. А это всего-навсего был сигнал, что жизнь и время надо ценить, и каждый новый день проживать как последний!..

Вечером соседи по палате ушли в холл смотреть телевизор, а в гости к Силантьичу пришёл колоритный гость в больничной пижаме: весь в тюремных наколках, с блестящими железными коронками на зубах. Егор подумал, что, либо ему повыбивали зубы на зоне, либо Блатной, как Егор его про себя окрестил, считал такую «иллюминацию» своеобразным шиком.

– Ну что, как говорит мой сосед по палате, лучше гипс и кроватка, чем камень и оградка? – Блатной покосился на лежащего Егора и спросил уже тихо, – Силантьич, у тебя вчерашней микстурки часом не осталось? А то отравленный таблетками организм требует...

– Ты же сам пустую бутылку за пазухой унёс выбрасывать.

– Выходит, запомнил...

– Без вина я по жизни брести не могу, тяжесть трезвого тела нести не могу, – процитировал Силантьич, обращаясь уже к Егору, – жду, когда виночерпий напьётся и скажет: «Наливай себе сам – я, прости, не могу!»

– Омар Хайям...

– Правильно, Егорша, – похвалил старик с довольной улыбкой. – А поэт Фирдоуси эту мысль выразил ещё лучше: «Вода не утоляет жажды, я как-топил её однажды...»

– Курить и пить вредно, а умирать здоровым жалко! – вставил Блатной реплику, но, поймав внимательный взгляд старика, добавил виновато. – Так Силантьич говорит!

Тут в палату заглянула дежурная медсестра и, заметив Блатного, решительно поманила его пальцем.

– Что тут с туберкулёзного этажа делают? Ну-ка быстро отсюда, а то главврачу пожалуюсь.

– Не надо меня пугать, сестричка, а то я уже впужатый по самое не могу!

– Поговори мне!..

– Ухожу, ухожу! – Блатной звучно похлопал себя по ляжкам и вальяжной походкой направился к выходу. – Отовсюду меня горемыку гонют, тем не менее, день пропал не зря!

– Пустобрёх! – бросил Силантьич, когда строгая медсестра закрыла за собой дверь. – Знаешь, какое у него погоняло на зоне?

– Откуда, он же не представился.

– Валеркой его зовут, но погоняло у него соответствующее натуре. Тютя – то есть пустое место.

– А у вас тоже было?..

– Почему было? У меня оно и осталось – Пятихатка.

– И что оно означает?

– Так раньше пятисотку называли. Видел, купола на ней нарисованы?

– И какая тут связь?

– Непонятливый ты, Егорша, а ещё журналист! Я из Москвы родом, да и к дензнакам какое-никакое отношение имею...

– А-а, теперь дошло!

В выходной, в субботу к нему в больницу междугородним автобусом приехала Ирина. Егор с первой же минуты встретил жену настороженно, да и она выглядела не просто скованной, а какой-то холодной, чужой – так что у него даже неприятные мурашки пробежали по телу. Из-за этого и вопросы её о здоровье воспринимались

неискренними, казёнными, и показалось, что глаза она намеренно прячет, чтобы Егор не разглядел в них нечто запретное. Получалось, что и говорить им, в общем-то, было не о чём: несколько фраз о работе, потом о погоде – и всё! Сидели в больничном сквере в напряжённых позах, и каждый при этом ждал, что ненормальное молчание нарушит другой. Обоих раздражали и непривычная обстановка, и шастающие мимо больные, бросающие, как им казалось, удивлённые взгляды на молчаливую парочку на скамейке.

Егор, не отдавая себе отчёта, напряжённо искал истинную причину отчуждённости. Что это, отголоски его неожиданной болезни или всё-таки признаки измены жены? Он был уже не рад, что Ирина вообще приехала – без неё было спокойней и как-то определённой. Так что и попрощались они без тёплых слов и поцелуев, а холодно и даже с явным облегчением.

«Кто-то у неё там определённо есть, – подумал Егор в очередной раз, – вон, даже не знает, о чём говорить и глаза прячет. Нет, надо, надо разводиться!»

Уходя, жена вдруг вспомнила, что привезла письмо. Егор мельком взглянул на адрес – письмо было из Германии, от Макси. Он еле дождался, когда Ирина скроется из вида и распечатал конверт. С нарастающим волнением начал читать, практически не вникая в смысл. Лишь когда наткнулся на слова «...не готова к семейной жизни», вернулся к началу письма.

«Здравствуй, Егор-Егорушка!

Извини, что пишу не сразу – тут столько всего случилось! Мама серьёзно болела, но уже начала выздоравливать. Меня же впрягли, как у вас говорится, в работу – так что не до личной жизни было. Но это и к лучшему, потому, что одно дело эмоции, и совсем другое – эта самая личная жизнь. Не скрою, ты мне очень понравился не только внешне, но и своей целостностью, мужским характером. (Марго своими рассказами только подтвердила моё первоначальное мнение о тебе!) Так что дело вовсе не в тебе, а во мне. Я поняла, что ещё не готова к семейной жизни!

Когда я окончательно успокоилась и всё проанализировала, то пришла к выводу, что на данный момент не готова создавать

семью. Ты ведь рассчитываешь обрести домашний уют, жену-домохозяйку и множество детей? А у меня неожиданно появились серьёзные перспективы в бизнесе, мне предложили высокооплачиваемую работу! И новую деятельность невозможно совместить с кухней и детьми. Спокойно поразмыслив, я поняла, что чересчур многое пришлось бы менять и мне, и тебе. Прости, Егор, ты сильный мужчина, и всё у тебя ещё будет хорошо!

Кстати, Марго тебя часто вспоминает, даже призналась, что намекала тебе заняться с ней сексом. И до сих пор не может понять, почему ты отказался... Я, конечно, ценю, как ты ко мне относишься, но, может быть, это и есть тот реальный шанс? Марго готова пригласить тебя в гости. Я, правда, не думаю, что это может перерасти в настоящие семейные отношения, но, раз пообещала, передаю тебе её приглашение!

Помню о тебе, и всегда буду помнить только хорошее. Надеюсь, что мы останемся друзьями».

То, с какой лёгкостью Макси уступила его подруге, поразило Егора. Не раздумывая, он порвал письмо и конверт на мельчайшие кусочки и бросил в стоящую рядом со скамейкой урну. Всё, с этим покончено навсегда!

Егор уже собрался уходить в палату, когда к нему подсел Блатной. Спросил, мотнув головой:

– Это чё, жена была?

– Жена.

– Сердитая больно. Она у тебя не в прокуратуре работает?

Егор совсем не хотел говорить об Ирине, поэтому, чтобы переменить тему разговора, спросил первое, что пришло на ум.

– Слушай, я давно голову ломаю, Силантьич кем по жизни был?

– Силантьич-то? О-о-о, он настоящий вор в законе. Почти сорок лет вкруговую на зоне, а сколь ходок – не сосчитать. Я о нём на зоне много слышал, а только здесь вот, на воле, посчастливилось встретить.

– А почему у него наколок мало? Для тех, кто много сидел, они вроде как обязательны, вроде паспорта?..

– Да ему этот иконостас ни к чему, его и без наколок на любой зоне знают. Видел две звезды восьмиконечные вот здесь, на плечах? – Блатной ткнул пальцем повыше ключицы. – Это означает, что он авторитетами коронован!

– А я, честно говоря, подумал, что он из интеллигентной семьи. Ни разу не слышал, чтобы матом ругнулся. И отец его, говорит, после революции большим начальником был.

– Ну, мат, как говорит Силантьич, это для мужиков. В блатной ватаге за мат и огрести можно, да так, что мало не покажется. Катехизис вора не позволяет.

– Что, что не позволяет?

– Ну, закон, что ли, воровской неписанный. Про катехизис, это Силантьич любит повторять. Он – авторитет сильно грамотный, сто очков иным учёным даст...

– А я всегда считал, что мат как раз от блатных пошёл. Не раз слышал, как зэки по матушке кроют.

– Это дешёвки, которые под деловых косят! – Блатной демонстративно сплюнул под ноги. – Кто всю жизнь на зоне чалится, тот по фене ботает, а мат ему запаadlo. На зоне за это и опустить могут.

– Куда опустить? – не сразу дошло до Егора.

– Куда, куда? – Блатной заржал. – Да в очко! Петухом сделают. Знаешь, что это такое?

– Наслышан...

Они бы ещё долго, наверное, говорили про Силантьича и воровские законы, поскольку эти аспекты другой, незнакомой жизни Егора, как журналисту, были крайне интересны, но вышедшая в сквер медсестра позвала всех обедать...

* * *

Красные пилюли сильнодействующего антибиотика, которые Егор получал по утрам из рук в руки от процедурной медсестры Юли, словно бы оглушали его на некоторое время. День ото дня голова после пилюль становилась всё более неподъёмной, а вяжущий вкус преследовал целый день, перебивая все другие запахи и даже вкус пищи. Видимо из-за действия сильнейшего

антибиотика он после обеда уже не уходил с пишущей машинкой на укромную скамейку в сквере, а, согласно больничному режиму, послушно ложился спать. Прежде он практически не видел снов – лишь очень редко, да и то потом с трудом припоминал мимолётные ночные видения. Теперь же каждый раз проваливался в одну и ту же бездонную чёрную глубину: и падал, падал... А навстречу ему возникали из пугающей черноты и беззвучно проносились мимо невероятные монстры и жуткие картины, написанные кровью и человеческими внутренностями, всегда источающие запах красных пилюль...

Но постепенно сны стали обрастать деталями, начали даже обретать некий смысл и логику. Уже не жуткие немые видения проносились в мозгу, а возникали реальные образы, звуки и различные запахи. Даже сопутствующие видениям мысли продолжали жить какое-то время в сознании после пробуждения... Ночь от ночи они становились всё реалистичнее, так что, проснувшись, Егор даже думал: «Сны такими логичными не бывают, это ведь не телевизионные сериалы?!» И главное, что в памяти всё сохранялось до мельчайших деталей, так что Егор весь день продолжал ощущать внутри себя тот чужой и непонятный мир...

..Под ним, где-то в сотне или чуть более метров проплывал зелёный однообразный ковёр. Он знал, что это густые тропические джунгли, хотя через листву и не просматривалась земля. Плотное сомкнутые кроны деревьев повсюду внизу, а он чуть выше – в вертолёте, о чём можно судить по свистяще-вибрирующему рёву двигателя. Вибрировало и металлическое днище – он ощущал эту дрожь всем телом, поскольку лежал, распластавшись, на его жёсткой ребристой поверхности. В руках у него пулемёт, ствол которого направлен вниз в большой прямоугольный люк – и взгляд его является как бы продолжением длинного ствола. Он ищет разрывы между кронами и некую неведомую цель, одновременно прислушиваясь к громкому разговору пилота с какими-то людьми, находящимися позади. Он определённо знает, что и сам он, и сидящие позади – солдаты, вот только непонятно, что, слушая отрывистый разговор, он совершенно не понимает язык. Вернее, он улавливает смысл

и даже эмоции в репликах, но значение отдельных слов по их звучанию абсолютно не представляет. И это не то чтобы напрягает, но очень его удивляет...

Внезапно внизу открылось узкое ущелье, по дну которого сбегает мелкая речушка. Вдоль пенящегося потока просматривается вытоптанная каменистая тропа, по которой движется цепочка людей в круглых конусообразных шляпах. Некоторые из них ведут гружёных мулов...

Но детально рассмотреть группу он не успел, поскольку вертолёт пролетел дальше – и ущелье снова скрыли зелёные кроны. Рядом прозвучали громкие восклицания, обращённые, как он понял, и к пилоту, и лично к нему. Вертолёт начал разворачиваться, а он упёр твёрдый приклад в плечо и прильнул к прицелу...

Вот снова впереди, по курсу вертолёта, они: десятка два вооружённых людей в конусовидных шляпах-панاماх и несколько гружёных тюками мулов. Довольно крутой склон ущелья не позволяет караванщикам разбежаться, отступить к деревьям с открытого пространства – и небольшой караван оказывается перед ним, словно на ладони.

Он надавил на спуск, и длинная очередь заглушила шум двигателя, а дрожь пулемёта слилась с вибрацией корпуса вертолёта. Он посылал и посылал пули прямо в круглые бамбуковые шляпы, одетые в маскировочный камуфляж тела – и ему было наплевать, кто там внизу: мужчины, женщины, дети?.. Просто это была его работа, его предназначение, и сейчас он испытывал не сомнения и какие-то угрызения совести, а, наоборот, удовлетворение и даже восторг. Этот восторг был сродни сексуальному, когда все другие мысли тонут, испаряются, а остаётся только одно животное желание: «Ещё, ещё!» Позади что-то восторженно и одобрительно кричали его спутники, но значение их слов он по-прежнему не воспринимал. Он тоже кричал им что-то в ответ на незнакомом языке – и уже не думал, как такое может быть...

О том, что на самом деле так быть не может, он задумался только после пробуждения. Как же получилось, что во сне он не понимал языка, на котором говорили вокруг, и, одновременно, сам что-то

говорил?.. Может, он видел кого-то другого, наблюдал со стороны?! Но почему он как бы находился в чужом теле, и почему ассоциировал с этим чужаком именно себя?.. Это возможно только в одном случае: сон пришёл из прошлого, из его предыдущей жизни! Или всё же из чужой – поскольку он, Егор, не знал ни своих спутников, ни людей, которых хладнокровно убивал? И, вместе с тем, во сне он предвидел эту встречу со своими жертвами до мельчайших деталей, а не как сторонний случайный наблюдатель; во сне он знал наверняка, что всё случится именно так. Значит, он сам пережил это событие?..

Так и не разобравшись, Егор решил, что это были чьи-то чужие воспоминания, чужая война, чужая жизнь...

* * *

Подшучивать над молоденькой, но старавшейся казаться строгой процедурной медсестрой Юлей было любимым занятием больных. Она иногда отшучивалась и грозила шприцем, иногда огрызалась, что ещё больше подогревало скучающих в больнице мужиков. Егор в очереди на укол возле процедурной как-то не удержался и одёрнул одного такого зарвавшегося острослова. Медсестра, конечно, услышала их словесную стычку через дверь, поэтому, когда Егор зашёл в процедурную, посмотрела на него с нескрываемой благодарностью. А на другой день в больничном сквере к нему на скамейку подсел Блатной и спросил заговорщически:

– Заметил, как сестричка Юля на тебя посматривает?

– Да это тебе просто показалось.

– Кому кажется, те крестятся, а я конкретно вижу. Силантьич, так тот сразу заметил: как только ты в палате появился – сразу «завлекалочки», словно еврейские пейсы, закрутила, туфли на каблуках, парфюм французский...

– Может, это и не для меня вовсе?

– А то, что в палату по делу и без дела заглядывает по столько раз на дню? Не-е, Силантьич убеждён, что конкретно для тебя. И я зуб даю!

– Да просто подросла девица, дело к замужеству идёт.

– Знаю я, к чему дело идёт, – Блатной хитро подмигнул. – Дурак будешь, коли не воспользуешься. Я бы, к примеру, не отказался!

Откровенные намёки Блатного были неприятны, и Егор решил сразу пресечь подобные разговоры, поэтому спросил прямо, без обиняков:

– Твой-то какой интерес? Или чего попросить хочешь?..

– Ну, ты меня насквозь видишь, прям как Силантьич! Я просто предложить хотел... Насчёт красных пилюль.

– И что конкретно?..

– Они, вообще-то, шибко вредные, врач говорил, что даже мозг разрушают, если долго принимать. Ты пей их через день, а лишние мне отдавай.

– А тебе-то они зачем?

– Да те венерические, что в больницу обращаться стесняются, за них хорошо-о платят! Говорят, иногда всего одной пилюли хватает, чтобы вылечиться... А я тебе каждую неделю по бутылке буду приносить: хошь водки, хошь коньяку...

– Не знаю, – ответил Егор, помедлив, и, чтобы отвязаться от Блатного, добавил, – я подумаю...

* * *

Под впечатлением от следующего странного сна Егор прожил уже несколько дней. Мысли, как и после первого, снова и снова возвращались к вопросу: как такое может быть? Он перебирал в памяти редкие, поэтому запоминавшиеся навсегда сны из детства – и пришёл к выводу, что и раньше ощущал себя в совершенно незнакомых местах, совершал необъяснимые поступки. Правда, тогда об этом особо не задумывался, потому что и ночные видения были мимолётны, и поступки можно было приписать фантазиям мозга. Теперь же всё происходило совсем по-другому...

..Это был подвал какого-то здания: серые бетонные стены, бетонный пол, крохотное, закрытое металлической решёткой оконце под потолком, через которое с улицы иногда доносились приглушённые выстрелы. Он сидел за большим обшарпанным столом. Это

был определён он, потому что мысли концентрировалось в мозгу сидящего, а на столе, прямо перед его глазами лежал чёрный пистолет, похожий на отечественный «ГТ», только со значительно удлинённым стволом. А ещё рядом его ладонь...

Сознание охватывало всё большее пространство, изучая и анализируя окружающее. Чёрный рукав куртки явно соответствовал гражданской одежде, но, судя по выстрелам, по этому бетонному подвалу, наверху происходило какое-то боестолкновение. В памяти тут же всплыло иностранное слово «путч», хотя в восприятии сидящего за столом происходило экстренное подавление гражданского восстания в чужой стране...

Заскрипела металлическая дверь – и двое крепких парней, тоже в гражданской одежде, ввели старика. Пленник был ранен, одежда порвана, испачкана кровью. Раненого подвели, поставили перед столом – и он задал старику какой-то вопрос. Снова, как и в первом сне, пришло удивление, что язык совершенно не знаком.

Старик замотал головой, давая понять, что отказывается говорить. Он снова повторил вопрос – а старик снова отрицательно мотает головой. И у сидящего возникает вялая мысль: «И этот тоже! Да и чего другого следовало ожидать от них?» Он показывает глазами на стену, и парни подводят старика к ней, а сами отступают в стороны. Тогда он, молча, поднимает пистолет и нацеливает его в пленника. Тот снова мотает головой, и в глазах его мелькает – нет, не страх, а, наоборот, чувство правоты. Кажется даже, что расстреливаемый сейчас улыбнётся с чувством собственного превосходства...

Вот в эту, ещё не появившуюся усмешку он и стреляет: хладнокровно, без сожаления – просто выполняя свою работу. Труп старика утаскивают, оставляя на бетонном полу ещё одну кровавую полосу...

Следом приводят молодого парня, почти мальчишку. В глазах этого читается испуг, который нарастает по мере того, как парень, присмотревшись к полумраку подвала, видит кровавые полосы на полу, большие пятна крови на бетонной стене и сидящего человека за столом – которого пленник страшится даже больше, чем всего остального. Тем не менее, сидящий за столом уверен, что и этот

пленник, как и все предыдущие, не будет говорить, не захочет подчиниться.

Двое подручных крепко держат парнишку под руки, а он, подняв пистолет над столом, задаёт всё тот же вопрос. Допрашиваемый остекленевшим от ужаса взглядом следит за стволом, но, тем не менее, отрицательно трясёт головой. И тогда он начинает целиться пленнику точно в голову, а тот, не отрывая глаз от гипнотизирующего ствола, вдруг плотно прижимается к правому сопровождающему. Пленник ищет спасение, надеясь, что он побоится зацепить своего, и смерть – пусть даже всего на какое-то время, на какие-то мгновения – отступит. Державший резко отталкивает плечом голову жертвы, но тот снова прижимается – теперь уже к другому...

Неожиданная помеха начинает его раздражать, поскольку он не испытывает никаких чувств ни к тем, кого расстреливает, ни к подручным, приводящим их в подвал. Это просто опостылевшая работа, от которой внутри укоренились лишь чувство душевной усталости и желание закончить всё это как можно быстрее.

И тогда он встаёт из-за стола, подходит вплотную к жертве и, прижав ствол ко лбу, нажимает на курок...

На этот раз Егор не просто проснулся, а с безмерным ужасом рванулся в свой мир – и стремительно вынырнул из уже знакомого, но на этот раз необычайно страшного чёрного омута. Его тело била сильнейшая дрожь, от которой лязгали зубы – и он сам, и подушка, и одеяло были насквозь мокрыми от пота. И уже в момент пробуждения он отказывался ассоциировать себя с тем хладнокровным убийцей, а его испуганная душа противилась ассоциации с тем страшным человеком и не хотела впредь очутиться в подобном сне...

Под впечатлением от увиденного Егор находился долго. Мысли то и дело возвращались к запомнившимся деталям: гражданская одежда, заграничный пистолет, пленники с явно выраженной латиноамериканской внешностью. А ведь и в первом сне были то ли вьетнамцы, то ли камбоджийцы? Если сны приходят из предыдущей жизни, то в каких же странах происходило то, в чём он был активным участником? И в качестве кого выступал: наёмника, военного инструктора? И, опять же, незнакомый, определённо не русский

и не немецкий язык... Может быть, это глубинная память того, после смерти которого душа переселилась в Россию и в него – в Егора? Тогда становится понятным, почему в обоих снах он не понимал ни слова, воспринимая лишь чувства и эмоции. Значит, жестокие убийства всё-таки имели место в предыдущей жизни – недаром исправляющая карму душа так противится памяти о тех жутких событиях?..

* * *

В субботу после обеда всех желающих отпустили на день домой. В палате остался один Егор: ехать междугородним автобусом, на который в выходной билеты купить было непросто, он не рискнул, да и домой совсем не тянуло – опять начнутся разборки с Ириной, косые взгляды...

Поэтому после ужина он улёгся с книжкой на койку, рассчитывая, что никто не побеспокоит. Однако часа через два, вдруг, вернулся Силантьич с объёмным и, похоже, тяжёлым пакетом. Выглядел старик интеллигентно, даже щегольски: в модной шляпе и в сером длинном плаще, из-под которого выглядывали серые же брюки со стрелками; на ногах кожаные коричневые туфли. Когда он вошёл в палату, на Егора напахнуло неплохим одеколоном.

– Однако, Силантьич, вы щёголь! Ни дать ни взять, старый седой профессор.

– А нам без этого нельзя, – старик снисходительно усмехнулся, но было заметно, что он доволен оценкой.

Силантьич неторопливо снял с себя верхнюю одежду, попутно что-то перекладывая из карманов в верхний ящик тумбочки, в котором он хранил свои бритвенные принадлежности.

Следом объявился и весь сияющий, радостный Блатной. В мятой больничной пижаме он, по сравнению со щеголеватым «профессором», выглядел просто босяком.

– Бросай книжку, журналист, гулять будем, – почти пропел Блатной, радостно потирая руки.

– А дежурная что там делает? – поинтересовался Силантьич.

– Да сериал какой-то по телеку смотрит. Так что до отбоя не появится.

– Ну, тогда доставай!

Блатной переложил пакет с пола на пустую койку и стал выставлять на тумбочку его содержимое. Вслед за литровой бутылкой водки и двумя бутылками пива извлёк сыр, колбасу, две банки консервов, огурцы и даже бананы. Как оказалось, в тумбочке старика были припрятаны и лишний стакан, и тарелка, и нож, и даже консервная открывалка.

«Похоже, они тут не впервой выпивают?», – подумал Егор, всё ещё лёжа на койке.

– Прими с нами, Егорша, – радушно развёл руки Силантьич. – Как говорится, с кем поведёшься – с тем и наберёшься!

– Нет, не буду. Спасибо, конечно...

– Спасибо в кармане не булькает, – снова радостно заржал Блатной.

Егор оторвался от книги и попытался оправдать свой отказ:

– Я от водки потом болею.

– Так я могу Виталю и за коньяком отправить, раз уж ты такой нежный! – встrepенулcя Силантьич. – Денег хватит.

Он выдвинул верхний ящик тумбочки и потряс довольно толстой пачкой денежных купюр.

– Не стоит! Вам ещё деньги и самому пригодятся.

– Деньги, это пыль, – Силантьич как-то недобро усмехнулся. – А надо будет, ещё нарисуем.

– Так это что, поддельные? – непроизвольно вырвалось у Егора.

– Настоящие, – старик расплылся в довольной улыбке, – но вот этими вот руками, сколько понадобится, столько и нарисую.

– Ты чё, не врубаешься, журналист? – Блатной громко заржал. – В карманах фраеров этих бумажек навалом! Как понадобились, Силантьич идёт и, как все тут думают, пенсию получает. Так что насчёт коньяка базара нет! Ништяк, клифт и больничный сойдёт, только Силантьичев макинтош поверх накинута – и сбегает.

– Нет уж, вы лучше без меня – больше достанется.

Егор поднялся и, прихватив книгу, вышел из палаты. Уже закрывая дверь, расслышал реплику Блатного, брошенную ему вслед:

– Ты чё, журналист, круче, чем яйца Фаберже?..

В холле дежурная сестра и несколько больных смотрели какой-то нудный любовный сериал. Егор устроился в уголке и продолжил читать книгу. Когда часа через полтора вернулся в палату, Блатного уже не было, а старик лежал в больничной пижаме и угрюмо смотрел в потолок.

– Презираю я карманников, – не удержался Егор. – Это подло: на чужом горе наживаться. Кому-то кошелёк, может, и невелика утрата, а для кого-то это настоящая трагедия.

– Нехрен клювом щёлкать, – отозвался Силантьич зло. – Это, считай, как прививка от жадности.

– А я бы тому, чью руку в своём кармане поймаю, не раздумывая, в морду въехал!

– Это на кого нарвёшься: можешь и перо меж рёбер схлопотать! Так что, на будущее, Егорша, сначала подумай хорошенько, стоит ли того паршивый лопатник?

– Перо лет на пятнадцать потянет! А живём все ровно столько, сколько Богом отведено.

– А ты и в Бога веруешь? – встрепенулся заметно захмелевший Силантьич.

– Как сказать?.. Скорее да, чем нет.

– Знаешь, наверное, истину: на Бога надейся, а сам не плошай?

– Случись что – не оплошаю!

– Знаешь, Егорша, я к тебе вообще-то неплохо отношусь, но ты молодой ещё, за базаром не следишь... Язык твой – враг твой, могут и укоротить!

– Овцы тоже молчат, когда им волки курдюк выгрызают, но ни одну молчание не спасло.

– Ты вроде бы и не глуп, Егорша, только не уяснил ещё, что именно умным завсегда приспособливаться приходится. Это лишь дуракам всё с рук сходит, поскольку их Бог и так умом обидел. Вон Виталик из тупой породы, но ест, пьёт и жизни радуется! И погнало у него Тютя – это чтобы сразу понятно было, с кем дело имеешь...

– Конечно, всегда приятнее слышать за спиной рёв ишака, чем шипение змеи.

– Хорошо сказано!– старик коротко хохотнул. – Ай да Егорша! Только не ври, что сам придумал...

– Не-е, это кто-то до меня. Просто в силу профессии частенько приходится чужие умные мысли за свои выдавать. Среди журналистов даже шутят, что воровать нужно у классиков – будут хвалить за эрудицию, а если процитируешь современника – он тебя непременно обвинит в плагиате.

– Да-а... Смотрю я на тебя, Егорша, и вижу, что своей смертью ты определённо не помрёшь. Оттого, что умный шибко! Ты базар-то фильтруй, а то ведь, уж поверь моему опыту, такие долго не живут.

– Ну, сколько отведено, столько и проживу... А вы считаете, жизнь свою правильно прожили?

– Правильно-неправильно, но я в удовольствии пожил. Не людям об этом судить – Бог рассудит! Думаю, что скоро перед ним, – старик ткнул пальцем вверх, – сам ответ держать буду.

– И что, не страшно?

– В моей жизни и пострашней бывало. Думаю, там похуже меня наберётся немало других...

Силантыч снял пижаму и накрылся простынёй. Глядя на его неуверенные движения, Егор понял, что старик всё-таки крепко пьян. А вот по голосу его, да и по ясному мышлению этого не скажешь...

Проснулся Егор словно бы от толчка. Какие-то мгновения, лёжа с закрытыми глазами, попытался определить причину пробуждения. Вроде бы ничего необычного: вокруг тихо, пахнет больницей, сквозь сумрак закрытых век пробивается светлая точка лампочки на потолке. Вот только смущало стремительно нарастающее ощущение опасности...

Не шевелясь, он медленно приоткрыл глаза, и через припущенные ресницы стал изучать окружающее пространство. Всё как всегда: тускло горит лампа ночного освещения над дверью, на этаже абсолютная тишина – значит, сейчас глубокая ночь... И тут краем зрения заметил какое-то движение справа в углу: с крайней койки, на которой спит Силантыч, медленно и бесшумно, словно привидение, что-то поднималось. Судя по чёрным трусам до колен и белой майке, это был именно старик, настораживала лишь

странная медлительность и то, что Силантьич неотрывно смотрел в его сторону...

Тем временем поднявшийся выпрямился и медленно, потихоньку выдвинул верхний ящик прикроватной тумбочки. Достал из него какой-то чёрный удлинённый предмет... Егор сразу же определил, будто кто подсказал: что это опасная бритва. Вот только зачем она старику среди ночи?! И что вообще сейчас происходит, откуда это возникшее чувство смертельной опасности?

Силантьич медленно и почти бесшумно передвигался – но не к двери, а, наоборот, к окну, вдоль прохода. Сквозь ресницы Егор продолжал наблюдать, как тот подошёл к краю его кровати и замер, словно бы прислушиваясь...

«Ещё один шаг в мою сторону, – решил Егор, – и со всей силы ударю его в лицо ногой!»

Мышцы напряглось, но при этом не было ни страха, ни каких-то размышлений об увиденном – просто мысли сконцентрировались на предстоящем сокрушительном ударе. Егор чётко представлял, как это будет: очень резко, и очень сильно!

Постояв немного и решив, видимо, обогнуть кровать, чтобы подойти к Егору со спины, Силантьич двинулся дальше, уходя из поля зрения...

И тут произошло нечто невероятное и необъяснимое – всё это Егор видел уже широко открытыми глазами. Старик успел сделать всего пару шагов, как вдруг нелепо взмахнул руками и, словно отброшенный чьим-то сильным ударом, с размаху рухнул на спину. Бритва отлетела по проходу почти к самой двери.

Этот грохот подкинул Егора с кровати, словно пружина. И, уже стоя на ногах, он спросил первое, что пришло в голову:

– Что случилось?! Что такое?

Старик же удивительно проворно, на четвереньках добрался до своей бритвы и пробормотал:

– Вот, побриться решил...

Он выскользнул в коридор прямо в трусах, а Егор, постояв ещё несколько секунд, улёгся на скрипучую кровать. Несмотря на пережитое, вскоре он уже задышал совсем спокойно – и даже заснул,

так и не дождавшись возвращения старика. Будто некто успокоил его, что всё закончилось, что опасность миновала...

* * *

А очередной странный сон окончательно растворил ощущение опасности.

..Дорога вела в гору. Выбитые колёсами неглубокие колеи были кирпично-коричневого цвета, а с обеих сторон к ним подступал невероятно густой лес. Он знал определённо, что это не просто лес, а тропические джунгли, к тому же, сидя в кабине, знал, как выглядит эта машина со стороны: длинный фургон без окон, сбоку герметичная дверь, под ней ступенька, а наверху сложенная конструкция антенны – и всё это выкрашено в зелёный цвет с маскировочными камуфляжными пятнами. И водитель рядом с ним был тоже в камуфляже, а он, глядя на дорогу, видел краем зрения свои форменные брюки и армейские ботинки-берцы.

Вот машина поднялась на перевал, с которого открылся вид на лазурное море. Это было хорошо знакомое место, потому что отсюда вниз вела едва заметная тропинка. Он знаком приказал остановить машину и сразу же отметил понимающую улыбку на губах водителя. Выбравшись из кабины, он жестом приказал водителю ехать дальше, а сам стал неспешно спускаться к морю.

Круто сбегавшая вниз тропка прихотливо огибала камни, иногда вела прямо через толстые корни деревьев – и море становилось всё ближе. Оно уже давало о себе знать шумом прибоя, криком чаек, свежим запахом водорослей и каких-то цветов. Он ясно представлял, что на самой границе джунглей и песчаного пляжа стоит лёгкий домик-хижина, из которого навстречу выйдет сейчас миниатюрная женщина в накидке из лёгкой полупрозрачной ткани. Длинные чёрные волосы её стянуты сзади в пучок, лёгкая природная смуглость, а не просто загар, покрывает её округлое лицо, изящные руки и ноги. Походка её напоминает медленный и ритмичный танец... Он выйдет на песок – и она ускорит шаги, поскольку души обоих всколыхнёт волнение, а губы растянутся в счастливых улыбках. Он любит эту женщину, он стремился к ней – хотя всегда, и даже

сейчас, внутри живёт ощущение запрета. Да, он нарушает чей-то строгий запрет, но иначе поступить не может!

Он подхватывает женщину на руки, целует лицо, руки, и несёт. Вот и хижина! Он здесь часто бывает, поэтому каждая встреча давно стала как бы ритуалом. И по глазам женщины, по её поведению он снова убеждается, что всё так же любим, что его всегда ждут. Да, в домике его ждут маленькие мальчик и девочка, которые сейчас спят – иначе тоже выскочили бы навстречу. Это его дети, которых он любит безмерно и готов защищать от любых опасностей...

И они с женщиной молчат – потому что, когда любишь, слова не нужны.

– Я так скучал без тебя, без детей! – говорит он ей мысленно.

– И я тоже скучала. Но я знаю, что ты не мог придти раньше. Тебя не отпускали... – тихий, печальный голос женщины звучит где-то в мозгу.

– О наших встречах знает только мой водитель. Он хороший парень, он всё понимает. Но, возможно, догадывается и ещё кто-нибудь...

– У тебя могут быть большие неприятности из-за нас?

– Дело не в неприятностях. Просто я боюсь привести сюда беду.

– С тобой я ничего не боюсь. И, кроме того, ты ведь знаешь, что я владею секретами древней магии – я смогу отвести чужого человека от нашего дома.

– Знаю. Но я всегда полагался только на свои силы. И я готов защищать вас даже ценой жизни.

– Я вижу твою судьбу, вернее путь твоей души: как в следующей жизни, так и во всех прежних реинкарнациях. Ты был когда-то величайшим воином и могущественным властителем. Жестокость воина трудно побороть, и, хотя она сильно ослабла, но живёт в тебе до сих пор.

– В любом мужчине живёт дух воина...

– В каждой новой жизни душа выбирает новый урок, чтобы пройти его. В твоей душе было слишком много жестокости, так что все предыдущие жизни – это путь перерождения, уход в сторону добра... Так завещал тебе мудрый монах-даос, которого ты почитал когда-то.

– Сегодня ты говоришь действительно, как колдунья. Решила открыть мне какую-то тайну или предчувствуешь долгое расставание?

– Да, нас ждёт расставание: тебя скоро убьют предательским выстрелом в спину. И я не могу это предотвратить, потому что такая судьба predetermined тебе с самого рождения. Но ты возродишься в другой, в северной стране – и совсем-совсем другим. Ты и сейчас уже не хочешь убивать, а в последующей жизни никогда больше не станешь проливать кровь. У тебя будет вызывать отторжение даже оружие для охоты на животных. Я так вижу...

Проснувшись, Егор всё пытался вспомнить лицо женщины из сна: её глаза, в которых он тонул, её слова, которые обжигали душу... Но всплывало, почему-то, лицо матери. После её гибели, наверное, чтобы не было так больно, он спрятал родной образ куда-то в самую глубину души и вспоминал лишь тогда, когда ему было совсем плохо. И тогда память о ней всплывала вместе со слезами на глазах – и эти лёгкие слёзы, как ни странно, растворяли горький комок в горле, размывали навалившиеся неприятности. Но никогда мать не приходила к нему во сне... Нет, это была другая, не знакомая в теперешней жизни женщина. Она, действительно, была колдуньей, потому что знала и того, который во сне, и его, Егора. Взять её пророческие слова: всё происходит именно так! Не потому ли на последней охоте, когда он картечью перебил позвоночник косуле, то просил Создателя – и мысленно, и вслух – излечить раненое животное. Он за это даже готов был отдать год собственной жизни! Женщина это предсказала, ведь Егор с того раза больше не брал в руки ружьё! И тогда же поклялся, что больше никогда в жизни не станет охотиться... А ещё этот периодически возникающий липкий страх от незащищённости спины, преследующий его с самого детства. С годами он, вроде бы, уменьшился или превратился в обыденный, но и сейчас в минуты опасности, истинной или мнимой, он в первую очередь прикрывает свою спину. Особенно в лесу и в темноте...

От избытка свободного времени Егор, вдруг, начал писать небольшие новеллы и короткие рассказы. В памяти всплывали

интересные случаи, яркие образы, которые он сохранял, но откладывал «на потом». Что ж, выходит, время наступило? Вспомнилась и Макси. Обида на неё как бы растворилась, но он не пожалел, что порвал письмо: значит, это не его женщина – так распорядилась судьба! Тем не менее, неожиданно родилось небольшое стихотворение, посвящённое именно Макси.

Улетела, всё же улетела...
Так недолго рядом пожила:
песенку весеннюю пропела -
и исчезла, словно не была.
Расставаясь, мучилась? – Едва ли...
Но мечты шальной не поняла,
раз из шкафа старого пропали
два моих припрятанных крыла.

Лечащий врач Татьяна Прокопьевна, увидев, как он ищет место, где можно печатать на машинке, не особенно мешая другим, неожиданно предложила:

– Можешь работать в моём кабинете. Буду оставлять тебе ключ в конце работы. Только условие: чтобы был порядок!

– Честное благородное слово, Татьяна Прокопьевна! Провалиться мне на этом месте!

– Мне твои страшные клятвы ни к чему, ведь дежурные сёстры, если что, всё доложат!

– Литература отметит ваш огромный вклад, – пошутил Егор, чтобы скрыть смущение.

– Сёстры говорят, что ты каждое утро на улице зарядку делаешь?

– А что, нельзя?

– Можно. Даже нужно! Я просто хочу узнать, не возникает ли боль под лопаткой?

– В первый раз что-то чувствовал, да и то, наверное, больше от страха. А сейчас всё нормально, да и бросить уже не могу – со мной на разминку в солнечные дни с десятков человек выходят. А поначалу, правда, посмеивались...

– Просто тут новый препарат появился, зарубежный, очень эффективный. Правда, немного... Хочу не размазывать на отделение, а на тебе опробовать.

– Татьяна Прокопьевна, может, он кому нужнее? А я молодой, благодаря вашим молитвам и так оклемался!

– Ну, я сама знаю, кому нужнее! Большинство из этой публики здесь уже не в первый раз. Лечишь его, лечишь, а он выйдет, напьётся, переспит на земле – и снова здесь.

– Да мне, вроде бы, лекарства уже и ни к чему?

– А это чтобы тебе твой плеврит под старость снова о себе не напомнил!

– Татьяна Прокопьевна, а вы в курсе, что Вилен Силантыч – вор-карманник, вернее, даже вор в законе?

– Ну, врачи всех обязаны лечить. А в моих палатах каких только не перебивало: кого на улице подбирают с последней стадией, кого после тюрьмы приходится от запущенного туберкулёза лечить. Для меня они все просто больные. А насчёт того, что вор... Так ещё философ Бердяев писал, что в русской душе всегда соседствуют разбой и святость.

Когда медсестра Юля делала Егору очередной укол, то, как бы случайно, прислонилась к нему бедром. Егор не смог сразу отстраниться, потому что где-то над спиной нависал грозный шприц, но, когда иголка была выдернута, отодвинулся и повернулся. Юля тотчас отвела глаза и залилась пунцовой краской.

«А ведь правда, – подумал Егор, – и причёска уложена, и глаза подведены, а в разрезе воротника халата красивый кулон – будто девочка на свидание или на танцы собралась. Может и прав Блатной, ведь ему со стороны виднее?»

«Дурёха ты молодая, – думал он уже в палате. – Найдёшь себе паренька восторженного, и будет он тебе стихи сочинять, цветы дарить, будете вместе в кино и на танцы бегать. А я уже какой-то неподъёмный стал, будто устал от всего: от болезни, от жены, которая ненамного тебя старше, от предательницы Макси, и вообще от любых сильных чувств. Словно мне уже много-много лет, и груз их давит всё сильнее, сковывая не только движения, но и желания,

не оставляя сил для радости. Хорошо ещё, что не решился тогда, в дацане, открыть третий глаз...»

* * *

А через пару дней Егора выписали, хотя Татьяна Прокопьевна и предлагала задержаться ещё на неделю – чтобы испробовать чудодейственное лекарство. Но Егор уже невыносимо устал от больницы, от вынужденного безделья, от косо поглядывающих, резко переменивших отношение к нему Силантьича и Блатного. И даже пишущая машинка перестала быть желанной отдушиной в этой угнетающе монотонной больничной жизни.

– Возможно, будут боли под лопаткой, всё-таки спайки остались в лёгком, – наставляла врач на прощание. – И беречься надо будет всю жизнь переохлаждений, простуды. А, может, и нормально всё будет?.. В общем, удачи тебе, Егор!

Силантьич же, проводив его неожиданно до самого выхода из корпуса и оглянувшись – не слышит ли кто – сказал:

– Ты меня, Егорша, извини. Я к тебе, действительно, неплохо отношусь, уважаю, но, когда пьяный, на меня иногда находит. Сам не помню, что творю...

Это прозвучало как признание. Значит, всё происходило именно так, как Егор и предполагал: и бритва в руке, и то, как старик крался к его кровати. И всё-то он, конечно же, помнит! Но кто же тот неведомый, незримый, кто сначала разбудил, а потом на его глазах отвёл руку, опрокинул старика на пол? Кто это был, Ангел-хранитель или же сам Спаситель?..

Вот и снова за окном автобуса степь с синеватыми горами по горизонту, только настроение на сей раз другое, приподнятое – ещё бы, скоро он будет дома, скоро встретится с друзьями и редакционными коллегами. Пробегали мимо окна лесополосы с множеством вороньих гнёзд, табунки лошадей с жеребятами, пасущиеся возле выделяющихся изумрудно-зелёной травой низинки; пестрели вдоль дороги кустики отцветающих жёлтых лютиков и россыпи каких-то голубых цветов... Жаль, что недолговечна

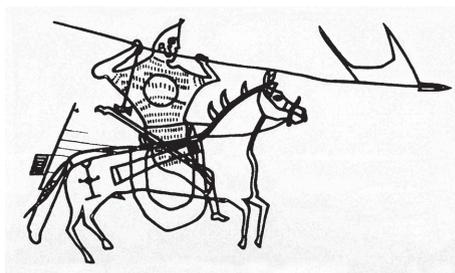
эта «улыбка степи» – и уже с середины лета зной выкрасит траву невзрачной желто-бурой краской. Но ведь впереди ещё почти всё лето с его солнечными днями, тёплой водой в озёрах, грибами и ягодами в зелёных куцах тайги. Красота!..

Егор поймал себя на мысли, что радуется жизни, радуется вернувшемуся здоровью, радуется предстоящей работе. И вдруг снова подумал про Ангела-хранителя: нет, не просто так спас его тот от страшной болезни, спас от бритвы Силантыча – значит, впереди у Егора то, в чём и заключается его высшее предназначение! Может, это стихи и рассказы, которые он неожиданно начал писать в больнице? Или что-то ещё более значимое, ведь Ангел-хранитель не в первый раз подаёт ему знак...

* * *

Неожиданная болезнь и больница, вначале так напугавшие Егора, теперь воспринимались даже с некоторой грустью – ведь именно по этой причине он начал писать стихи, смог в какой-то мере разобраться в себе. Больше не казались странными и те удивительные сны, которые, как ему теперь думалось, имели некое отношение к неоткрытому «третьему» глазу. Он после выздоровления начал жить пусть и не заново, но как бы с иной мерой отсчёта прожитых дней... Вот только сны Егор видеть перестал: то ли сильно уставал на работе и спал, как говорится, без задних ног, то ли странные сновидения рождались именно под воздействием сильнодействующих лекарств?..

Как выделить в снах, порою запутанных и даже мистических, нечто указующее, и как отсечь его от абсурдного и ненужного? Что по прошествии времени всплывёт в памяти как предначертание, а что так и канет в забвение бессмысленным ночным бредом? Предвидеть это заранее невозможно - так же, как и предугадать повороты сюжета без конца перекраиваемой мною книги. Ибо, открыв утром глаза, я вспоминаю несвязные эпизоды яркой и многослойной, но чьей-то чужой жизни, пока непонятно какое отношение имеющей ко мне. Хотя от сновидения к сновидению образы прорисовываются всё ярче и насыщенней - но, одновременно, всё запутанней и абсурдней представляется связывающая их идея. Это раздвоение разума невозможно объяснить, правда, я не испытываю и страха - ведь понятными и логичными остаются дневные мысли и события. И только попытка осмыслить сны и явь в единении превращает всё в полнейшую абстракцию. Но ведь должна же существовать какая-то, пусть и непонятная до поры, связь? Возможно, ещё просто не пришло время прозрения?.. А пока что лишь писательской интуицией я предчувствую важность для книги этого всё ещё неясного переплетения собственной и чужой жизнью...

Глава 3. ОГНЕННАЯ ВОЛЧИЦА

обытия, эпизоды, детали ежедневно запечатлеваются в подсознании и, словно чётки, нанизываются на некую связующую нить. Время от времени, зачастую не вполне осознанно, начинаешь перебирать их в произвольном порядке: вперёд – назад, назад – вперёд... И вдруг, как сам потом осознаёшь, отнюдь не случайно, чётки распределяются в нужном сочетании – и складываются в правильную, в единственно верную комбинацию!..

С археологом Эльвирой Андреевной Егор был знаком довольно давно: прошлым летом они совместно готовили для газеты материал о местных археологических артефактах. Поэтому, когда археолог позвонила и пригласила на раскопки древнего кургана, Егор тут же согласился и обговорил время встречи. В том, что главный редактор не будет против поездки, он даже не сомневался...

Курган, центр которого помощники Эльвиры Андреевны раскопали, при иных обстоятельствах было бы трудно отличить от обычного небольшого холма – настолько он осел и расползся вширь за долгие века. Сейчас в центре поросшего травой возвышения выделялась большая яма около двух метров глубиной, обрамленная жёлтым песчаным валом. Рядом с ней был расстелён выцветший брезентовый полог, на котором аккуратно были разложены человеческие кости и листы ватмана с зарисовками захоронения. Особняком стояли два ящика, в мягких секциях которых были уложены какие-то мелкие фрагменты – должно быть, украшения?

– Вот, как раз на этом месте будет угловая опора новой ЛЭП, поэтому нам и разрешили копать, – поделилась Эльвира Андреевна. – Практически заканчиваем, поэтому я и позвонила.

– Даже не подумал бы, что это древний курган, – сказал Егор.

– Кому надо, тот заметил, до нас разграбил, – отозвалась археолог с явно выраженным неудовольствием. – Как-никак он тут примерно два тысячелетия возвышался.

– А вы их и по времени погребения различаете, и кто был захоронен?

– Как тебе сказать?.. В археологии как в орфографии: часто всё не так, как кажется на первый взгляд. Пока не раскопаешь, определить сложно... Вот захоронения относительно недавнего периода монгольского завоевания описаны достаточно подробно. Темников¹ хоронили в курганах высотой шесть локтей², а диаметром от десяти до шестидесяти локтей. Просто заворачивали в полном боевом облачении и с оружием в шкуру его коня, а курган опоясывали кольцом камней, соответствующих количеству его боевых походов.

– Ну, по степи таких курганов немало встречается, сам видел...

– Джагунам³, тем вообще просто ставили стелы-балбалы, которые окружали вертикальными камнями по числу убитых ими врагов...

– Я и такие захоронения в Туве встречал! А вот ханские, к примеру, как выглядят?

– Ну, это что-то типа гигантских Салбыкских⁴ курганов, которые, конечно же, значительно древнее этого. Позднее же склепы попросту прятали от грабителей. Тех же Чингизидов из рода младшего сына Толюя, в чей улус входили здешние земли, как предполагают, хоронили где-то в одном потайном месте. А вот их знатных родственников – тех хоронили уже поблизости от места проживания, и над могилой устанавливали каменные скульптуры, в которых отражали портретное сходство, оружие и другие атрибуты власти... Но, как говорится, насчёт абсолютной достоверности этого никаких гарантий дать не могу!

– А само место захоронения как выбирали?

– Хоронили, как правило, в «местах силы», а вот как они эти места определяли, инструкций древние тоже не оставили...

– Этот курган, как я предполагаю, изначально в высоту порядка трёх метров был?

– Думаю, что даже повыше! Но сам насыпной курган – это просто защита от разграбления, а под ним располагались настоящие подземные покои для усопших: это срубы из толстой лиственницы,

¹ Командир военного подразделения в 10 тысяч всадников, подчинявшийся непосредственно хану. В Золотой Орде их нередко называли «тумэнбаши».

² Локоть в среднем равняется 48 сантиметрам.

³ Сотникам.

⁴ В центре Хакасии, в степном урочище Салбык, именуемом Долиной Царей, сконцентрированы 56 курганов. Ныне раскопанный знаменитый Большой Салбыкский курган изначально возвышался на 21 метр.

в них скарб, оружие, украшения. Рядом с некоторыми срубами были захоронены и боевой конь, и домашние животные.

– Если в срубах хоронили, значит, погребены не кочевники?

– Ну, скажем так: не явно выраженные кочевники...

– Но, всё равно ведь, азиатская культура?

– Территориально – да, но ведь здесь народов понамешано бы-ы-ло... – археолог вскинула руки. – Кыргызы или некие гяньгуни – те, скорее всего, имели более или менее выраженные азиатские черты. Но здесь, именно под этим курганом, захоронены динлины, что в переводе означает буквально «люди-журавли». Стопроцентные, кстати, европеоиды.

– Так уж и стопроцентные? – недоверчиво усмехнулся Егор.

– Мы отправляли черепа в судебно-медицинскую лабораторию Санкт-Петербурга, так что насчёт этого у меня нет ни малейшего сомнения! Знаешь, как их описывали тибетские путешественники? «В краю лютых зим и глубоких снегов живут люди, совершеннее телом которых мы не встречали: широкоплечи, длинноноги, правда лицом они ужасны – рыжеволосы, голубоглазы и горбоносы».

– Чем же они ужасны-то?

– А ты представь восприятие их типичным плосколицым тибетцем!..

Эльвира Андреевна из разложенных на брезенте костей взяла череп и покрутила его перед лицом Егора.

– Представь только, какая это была девушка! Где-то под двадцать лет, за метр восемьдесят ростом, длинноногая... А ещё рыжеволосая и с голубыми глазами. Представил? Да ведь это же просто красавица! Правда, как утверждают антропологи, немного скуластенькая и чуть горбоносенькая...

– Что ж она, красавица, такой молодой умерла?

– Кто её знает? Чай не в квартире со всеми удобствами, как мы теперь, жила! – археолог рассмеялась своей удачной шутке, заулыбались и её помощники. – Может, эпидемия какая, а то, скорее всего, погибла...

– Амазонка, что ли?

– Ну, ритуальный боевой топорик рядом, конечно, присутствует... Возможно, что и в боевом столкновении погибла. В то беспокойное время женщины оружием владели, я думаю,

наравне с мужчинами. А уж мужские-то черепа частенько с отверстием от боевого чекана встречаются!

– Так что, в здешних курганах в основном динлины?

– Нет, скорее как исключение, а обычно их совсем скромно хоронили. Видимо кыргызы или те, кто здесь ещё проживал, были более привилегированным народом. Тот же Геродот писал, а за ним повторял и Плиний, что севернее скифов живут невры и будины. Будины, подобно скифам, кочевники, но у всех у них голубые глаза и рыжие волосы, невры же являются колдунами и могут обращаться в волков... Так что динлинами те же путешественники могли и будинов называть, как я подозреваю.

– А золото часто находите?

– Далось всем это золото! Я за все годы раскопок золотых вещей встречала... – археолог задумалась. – В общем, по пальцам можно пересчитать! Его задолго до нас бугровщики выкопали.

– Кто, кто выкопал?

– Бугровщики. Название такое с восемнадцатого века встречается, а ежели по-современному, то кладоискатели. Собиралась компания, передвигалась от кургана к кургану – и раскапывали, как мы сейчас. Только мы нежно, с фиксацией всего найденного, а они просто пробивали сверху лаз-дудку – и грабили безбожно.

– И не боялись?

– Кого, покойников?

– Ну, властей или хотя бы местного населения, которое, думаю, тоже не в восторге от всего этого было?

– Как говорят гусары: кто не рискует, тот не пьёт шампанского! Конечно, аборигены застанут – запросто убить могут, полиция нагрянет – в тюрьму упекут. Но, зато, если уж подфартит, то пей в кабаке, гуляй от души, пока золото с серебром не закончатся. А потом снова на промысел!

– Вандализм...

– Да гробокопательский вандализм, похоже, всегда существовал. Что там земляные курганы – насколько известно, каменные пирамиды грабили!

– Это сколько же золотых украшений, сколько бесценных шедевров утрачено!

– И не говори! – Эльвира Андреевна аккуратно положила череп на место. – Иногда во время раскопок такая злость внутри вскипает: поубивала бы, думаю, на месте!

– Присоединяюсь!

– Кое-кто до сих пор этим грешат, вот только найти не разграбленное захоронение практически нереально. Но напакостить нам, археологам, ещё и сейчас можно!

– Например, написать своё имя краской на менгире¹, – Егор грустно усмехнулся. – В Туве, помню, встречались автографы прямо поверх древнейших наскальных рисунков. Даже балбалы украшают своими именами...

Да уж! И при этом считают себя культурными людьми...

– А там что, украшения? – спросил Егор, указав на ящики.

– Они самые. По-видимому, с одежды шамана: серебряные колокольчики, костяные подвески в форме животных... Ну а главное, это деревянный обруч от бубна и колотушка... Бугровщики всё перемешали, так что нет полной уверенности – скорее угадываются!

– А, может, просто женские украшения?

– Нет, скорее всё-таки шаману принадлежали. Он и захоронен отдельно от других... Да, кстати, насчёт шаманов. Ты хоть раз шаманское камлание видел?

– Читать – читал, обрывочно по телевизору видел, но самому как-то не довелось.

– Это я к чему спросила? Завтра хакасский праздник Тун Пайрам², а сегодня вечером там, на Аскизской поляне шаманы традиционно обряд камлания проводить будут. Меня приглашали поприступить, но как-то не складывается. А тебе, как журналисту, думаю, интересно будет!

Последняя произнесенная Эльвирой Андреевной фраза вдруг эхом отозвалась в мозгу, ощутимо толкнула Егора в грудь и прокатилась через сердце горячей волной. Как же это он упустил из виду, ведь, действительно, завтра первая суббота июля, в теле-новостях несколько дней тому назад о дате празднования сообщали, да и в редакции говорили? Но, как ни странно, всё это тогда не отпечаталось в сознании – словно бы пролетело мимо ушей!

¹ Вертикально вкопанный большой камень с нанесенными рисунками или имеющий стилизованный вид человека.

² Праздник первого молока и поклонения родной земле, возникший ещё в гуннскую или позднее, в древнетюркскую эпоху.

И вот, буквально в последний момент, вернулось назад бумерангом!..

Егор даже не попытался объяснить это разом вспыхнувшее и ставшее буквально непреодолимым желание присутствовать на шаманском обряде – он просто осознал, что так надо, что он не может не поехать. Заскочив домой, побросал в багажник машины свой неизменный походный набор: палатку, спальный мешок и рюкзак, в котором заранее было уложено всё необходимое для отдыха на природе. Взял свежий аккумулятор и дополнительную цифровую карту-накопитель для фотоаппарата, наполнил пятилитровую канистру водой из-под крана. Заглянул в холодильник, чтобы взять продуктов – но тут же решил, что всё купит по пути. И даже записку жене писать не стал. Нет, проще позвонить оттуда – меньше услышишь недовольных слов и нареканий, а то, вдруг, Ирина ещё станет напрашиваться в поездку?.. И всё думал, как это за суматохой дел он упустил из виду одно из самых масштабных, самых зрелищных событий? Может, потому что Праздник первого айрана¹ или день поклонения матери-земле и скотоводству – основе существования кочевых народов – проводится теперь лишь раз в два года? Это прежде, на протяжении многих веков праздновали в начале каждого лета, как только пастухи заканчивали перегонять стада на летние пастбища. Именно тогда в обилии появлялось молоко, из него уже повсеместно заквашивали айран, излишки которого перегоняли в хмельную араку². И в самом деле, какой праздник, пусть даже и много веков тому назад, мог обойтись без горячительных напитков?!

Два года тому назад Егор побывал впервые на Тун-Пайраме, но до сих пор помнил всё происходившее до мельчайших подробностей. Правда, ехать далековато – почти три сотни километров, но увиденное того стоило: многотысячное людское море бурлило и плескалось на поляне у подножия горы; многоцветие национальных одежд и множество экзотически одетых всадников, войлочные кочевые юрты и вытянувшиеся в длинные ряды разборные решётчатые павильоны, национальная и современная музыка, звучащая со всех сторон, дымы от костров с висящими над ними огромными казанами, лотки с разнообразными яствами и сувенирами... И,

¹ Кисломолочный продукт типа кефира.

² Молочную водку.

конечно же, грандиозное театрализованное представление, во время которого ему то и дело мысленно рисовались картины, которые, на самом деле, Егор никогда не видел воочию. В них устремлялся к небу огненными языками огромный общий костёр, который окружали люди в новых, специально пошитых для такого события одеждах. Ещё перед взором возникали зелёные молодые берёзки, воткнутые вокруг костра и украшенная замысловатым орнаментом, выбеленная солнцем коновязь для ритуального коня, шаман в одежде, увешанной разноцветными ленточками и звенящими подвесками, в руках которого чаша с айраном и кисточка из конского хвоста. Собравшиеся девять раз обходят костёр по солнцу вслед за шаманом, а он старательно окропляет айраном то костёр, то зелёные берёзки, то коновязь – благословляя небо на покровительство племени, землю на хороший урожай и коновязь на изобилие скота. Но самая большая его просьба обращена, конечно же, к Духу Огня, рядом с которым незримо присутствуют и Духи предков, а ещё прародительница племени – Белая Волчица. Ведь именно от неё, в первую очередь, зависит благополучие этих людей и будущее всего рода...

Так что ехал Егор на Аскизскую поляну отнюдь не впервые, поэтому не рассчитывал на что-то совсем уж новое и необычное – но и уже виденное, пережитое в тот первый раз, не терпелось вновь запечатлеть фотоаппаратом и памятью: национальные одежды, дымы кострищ, запахи мяса из висящих на трёхногих таганах котлов, атмосферу праздника. Кроме того, на поляне можно встретить кого-нибудь из знакомых коллег-журналистов, работающих в других газетах?.. Хотя, нет – в этот раз внутренний голос нашёптывал Егору, что отнюдь не случайными были и разговор с Эльвирой Андреевной, и, тем более, внезапно услышанный зов, всколыхнувший его душу. Всё это соединилось воедино отнюдь неспроста!..

Машина, словно выпущенная из лука стрела, легко пронизывала пространство над ровной степью, оживляемой лишь белоснежными облаками да синими горами по горизонту. Летнее солнце, несмотря на близящийся вечер, основательно припекало через лобовое стекло – не спасали даже боковые потоки воздуха, гулявшие по салону машины. Вместо желанной прохлады они заносили внутрь густые настоявшиеся запахи: то цветов и полыни – когда дорога вела по степи, то прелого навоза – когда она проскакивала редкие населённые пункты. И Егору вдруг подумалось, почему в представлении

едущего на коне путешественника эта степь кажется окружённой горами страной – ведь она, действительно, огромна, хотя и является всего-то малой частицей бескрайней Сибири! И эти широта и бескрайность неизменно присутствовали и присутствуют в душах живущих здесь людей. Не отсюда ли главное отличие россиян от европейцев, многовековая скученность которых напоминает о жизни в казарме? Не в этом ли загадка широты русской души, ибо простор – это свободный, как у птиц, полет, а отнюдь не хождение строго по нужной стороне улицы навстречу автомобильному движению? Даже сама история населявших здешние земли народов уходит корнями в такую глубину, которую не в силах была преодолеть память бесчисленных ушедших поколений. Прошлое – это начало моста, который возводился далёкими предками, сейчас проходит по нашей жизни, а опирается уже на будущее. То есть мы всегда посредине – всегда в самой неустойчивой точке этого моста, который запросто можно раскатать, а то и переломить! И тогда уже не будет для ныне живущих никакого будущего...

Да, здесь, в этих окружённых горными хребтами степях жили, не так уж по историческим меркам и давно, светловолосые и голубоглазые динлины, процветало могучее Кёгменское¹ или Кыргызское государство, нередко называемое ещё государством Хагяс²... Эти люди хоронили своих правителей в подобии пирамид – в высоких земляных курганах; они знали секреты бальзамирования; у них существовала неразрывная связь с загадочным Тибетом. Обучение государственной элиты велось именно там, в тибетских монастырях-школах – а, вернувшись после обучения, эти образованные люди создавали лечебницы и библиотеки, прокладывали в горах дороги, возводили крепости и дворцы. Они отнюдь не были дикарями, какими пытаются их преподнести некоторые современные историки! Но куда же потом всё это подевалось?.. Конечно, многое было утрачено с нашествием из Азии гуннов, потом с приходом в тринадцатом веке армии Джучи-хана... И цивилизация на время отступила – произошёл возврат к язычеству и шаманизму. Но это значит, что корни древних верований никогда и не умирали в душах населявших здешние земли людей?..

¹ От названия гряды гор и местности в Западных Саянах.

² Одно из названий Кёгменского государства.

«Так вот в чём дело, вот почему он мчится сейчас в машине на встречу с шаманами! – подвёл итог сумбурным дорожным размышлениям Егор. – Мистическое верование, вот что сорвало и повлекло его за три сотни километров – так сильный ветер неудержимо несёт с собой оторванный от дерева лист. Выходит, вовсе не случайно недавние события, начиная с памятной поездки в Туву, приоткрыли перед ним окно в древность? И именно отсюда просочилось сегодня в душу подсознательное желание ещё раз прикоснуться к загадочному миру, а вовсе не профессиональное стремление запечатлеть обряд камлания...»

Впереди, у развилки дорог выделялись несколько деревьев, сплошь увешанных разноцветными лоскутами и белыми полотенцами-чаломэ. Полоски ткани разноцветной бахромой свисали с веток, колыхались от ветерка, часть тряпочек уже совсем выцвела – повязавшие их проезжали здесь давно. Подобное Егору часто встречалось и в Туве: это дань духам, просьба удачи. Значит, он уже совсем близок к цели поездки!..

Периодически сверяясь с картой, чтобы не заблудиться в путанице просёлочных дорог, Егор уже в сумерках выехал на Аскизскую поляну. Одно из наезженных ответвлений привело его прямо к большому деревянному шатру, округлой формой своей повторяющему юрту. Возле шатра были заметны и приготовления к обряду: подле небольшого костерка возвышалась высокая куча хвороста, а рядом пасся чёрный баран на привязи.

Он, конечно же, предполагал, что договориться о фотосъёмке будет совсем не просто – об этом ему как-то рассказал знакомый фотограф, которому сначала просто отказали, а потом шаман колотушкой, которой бил по бубну, наотмашь ударил по фотоаппарату. Поэтому Егор открыл дверь шатра и шагнул внутрь лишь спустя некоторое время: постояв снаружи и собравшись с духом.

Под сводом шатра ярко горела электрическая лампочка, внутри находились двое: в ярком шаманском одеянии председатель Союза шаманов Каркей Ильич и незнакомый Егору помощник в национальной хакасской одежде. Внутреннюю обстановку дополняли длинный стол на десяток человек, несколько стульев, а посреди шатра, прямо под дымоходным отверстием, располагался таган

с большим закопченным котлом. Правда, вместо костра, очагом служила небольшая газовая печка.

– Здравствуйте, – поздоровался Егор.

– А ты-то здесь какими путями? – искренне удивился знакомцу Каркей Ильич.

– Да вот, на камлание приехал посмотреть.

– Извини, Егор, но сейчас не до тебя. Мы специально на камлание никого не приглашаем, чтобы под ногами не путались и не мешали. И всех журналистов уже давно отвадили...

Егор понял, что даже само его присутствие после такого заявления остаётся под вопросом, а уж, тем более, о съёмке договориться вряд ли удастся. Выходит, зря он сюда ехал и напрасно строил планы?..

Снаружи послышался шум двигателя подъезжающего автомобиля, и через минуту внутрь заглянул приехавший шаман – в тёмной шапке, практически закрывающей глаза, и в одеянии с множеством свисающих ленточек из ткани и кожи.

– Я всё привёз, Каркей Ильич, можно начинать! – сказал он и скрылся, даже не поздоровавшись с Егором.

Помощник взял со стола большой разделочный нож и тоже вышел. Егор прекрасно понимал: чтобы не получить, как знакомый фотограф, шаманской колотушкой в лоб, нужно как-то договариваться со старшим шаманом. Тем более что тот вроде бы и не сказал окончательное «нет», а сейчас, сидя на стуле напротив, сосредоточенно о чём-то раздумывал. Егор тоже ждал – он не мог себе этого объяснить, но внутри жила уверенность, что всё сложится хорошо, и удастся, в конце концов, уговорить шамана вопреки его возражениям. Он старательно подыскивал самые проникновенные, самые убедительные слова.

– Сам пойми, – первым прервал затянувшееся молчание Каркей Ильич, – камлание, это очень тонкий процесс, где-то на грани неуловимого. А тут ты со своим фотоаппаратом! Шаман общается с высшими силами – а ты его в этот момент вырываешь и заключаешь в рамки фотографии. Во-первых, каждый раз отбираешь часть его силы, а, во-вторых, насколько можно после этого верить камланию?

– Да я в сторонке, и всего пару снимков, – попытался сопротивляться Егор. – Я же не из праздного любопытства, а для газеты...

– Да я это тоже понимаю! Был бы какой-нибудь рядовой обряд, тогда другое дело, а тут всеобщий республиканский праздник. Да и предсказание делается на весь год!

В этот момент деревянная дверь широко распахнулась, и внутрь зашёл помощник: руки его по локти были в крови, в правой он держал баранью лопатку со свисающим окровавленным куском мяса. Прямой путь к котлу с кипящей водой проходил между сидящими – поэтому, должно быть, вошедший избрал именно его? Но, едва он оказался между Егором и Каркеем Ильичом, раздался негромкий, непонятный хруст... И окровавленное мясо, оторвавшись от лопатки, плюхнулось прямо на белые кроссовки Егора.

Глянув вниз, он с расстройством констатировал, что джинсы по колено забрызганы кровью, не говоря уже об обуви. Помощник же, испуганно глядя на Егора, быстро наклонился и попытался поднять оторвавшийся кусок. Но пальцы были в бараньем жире – и мясо, выскользнув, шлёпнулось на кроссовки во второй раз. Придя в полное замешательство, виновник конфуза сунул окровавленную лопатку под мышку и попытался поднять мясо уже двумя руками. Итог был тот же: баранина, проскользнув между пальцами словно ртуть, шлёпнулась в третий на многострадальную, заляпанную кровью обувь. Окинув помещение каким-то ошумелым взглядом, помощник заметил на столе небольшой столовый нож – и уже с его помощью, проткнув кусок насквозь, понёс мясо к котлу.

Когда Егор оторвал взгляд от неряшливо-кровавых пятен, то натолкнулся на неподвижные, словно бы остекленевшие глаза шамана. Первой возникла мысль, что он, по незнанию своему, что-то сделал не так, и нарушил некие мыслимые и немыслимые запреты, и что для присутствующих представляется сейчас альтернативой... Чего же, может, того освежёванного барана, которого уже приговорили к закланию? Неподвижный и, как показалось, страшный взгляд шамана грозил ему приговором? Что же, сейчас уже его, Егора, окунут в кипящий котёл, чтобы смыть кровь? Или сделают что-нибудь ещё более немыслимое?..

Но Каркей Ильич, выйдя из оцепенения, неожиданно проговорил:

– Та-ак, Егор... Знаешь, снимай, что хочешь и сколько хочешь!

Егор не стал размышлять о причинах изменившегося настроения Каркея Ильича – сейчас было не до того. Выскочив наружу, он поспешно обтёр травой кроссовки и достал из машины сумку с фотопринадлелностями. Быстро прикрепил к камере самый светосильный объектив, установил соответствующие выдержку и диафрагму... Так что, когда шаманы вынесли на блюде белоснежную лопатку и деревянную миску с мясным отваром, он поджидал их «во всеоружии».

Закопав лопатку в тлеющие угли, незнакомый шаман набросал сверху сухих веток и стал шепотью брызгать на разгоравшийся костёр из миски, потом брызнул на четыре стороны света – завершил обряд «сек-сек». Закончив кормление духов, он поднял с травы свой большой бубен и, периодически ударяя в него колотушкой, двинулся вокруг костра. Удары следовали всё чаще, ритм движения ускорился...

И неистовый шаманский танец неожиданно захватил Егора. Он даже не понял, как очутился между шаманом и костром – где ему быть не полагалось никоим образом. Мелькнувшая мысль о шаманской колотушке и о дорогом служебном фотоаппарате не остановила, ведь сказано же было «Снимай, что хочешь!» И он снимал: то отражающий красный свет костра бубен в руках шамана, то тёмный силуэт с развевающимися вихрем ленточками на фоне огня, то рвущиеся вверх и словно бы ожившие языки пламени. Бубен, будто красная луна, описывал в ночи круг за кругом вокруг костра; длинные языки пламени то колыхались из стороны в сторону, будто всецело подчиняясь шаманскому ритму, то скручивались и переплетались, принимая форму фантастических существ...

Когда костёр почти прогорел, и шаман извлёк из углей обожжённую почерневшую лопатку, чтобы прочесть по образовавшемуся рисунку предсказания, Егор ощутил усталость не меньшую, должно быть, чем тот. Накатило нечто, полностью опустошившее мысли и отобравшее силы – словно бы внутри образовалась засасывающая всё и вся пустота. Не хотелось двигаться, не хотелось ни с кем говорить, а хотелось только покоя, и ещё раз покоя...

И он уже решил потихоньку удалиться, когда подошёл Каркей Ильич.

– Ну-ка, фотограф, покажи, что ты там наснимал, – не то попросил, не то потребовал шаман.

Егор включил режим просмотра и, прокрутив с десяток снимков, наугад вывел на экран какой-то с ярким костром. Каркей Ильич некоторое время присматривался, затем прильнул почти к самому фотоаппарату... И, вдруг, громко прокричал:

– Скорей! Все ко мне! Он же нашу Белую Волчицу, саму Хуу-Иней заснял!

Егор присмотрелся: высветившие в ночи шамана с бубном языки пламени сложились на снимке в образ огромного зверя, выпрыгивающего из костра. Вытянутые передние лапы, вскинутая волчья голова с разинутой пастью, чётко прорисовывались даже такие детали, как язык, уши, вздыбленная шерсть. А самое поразительное... Да, именно поразительным было то, что там, где должны начинаться задние ноги, ясно просматривалась голова прильнувшего к матери волчонка. Даже его торчащие маленькие ушки, даже открытый чёрный глаз...

У Егора у самого мурашки по коже побежали. Тут же начал перелистывать остальные снимки: оказалось много интересных, но больше ни одного мистического. А значит, вовсе не случайно первым явился ему и шаманам именно этот невероятный снимок?!

– В общем, Егор, если будет желание поснимать камлание или ещё какие обряды, вроде кормления огня, милости просим – препятствий для тебя ни от кого не будет, – предложил Каркей Ильич, когда неуёмные восторги утихли. – И вообще, можешь остаться здесь, с нами. Переночевать, и перекусить – мясо уже сварилось...

– Да у меня палатка с собой, и продукты я захватил, – ответил Егор, которому ещё больше захотелось побыть наедине со своими мыслями. – В своей палатке как-то привычнее!

Он даже не подумал, что может обидеть отказом, ведь полчаса тому назад был как бы принят в клан шаманов – и принят практически на равных... Но после всего пережитого хотелось в одиночестве перебрать в памяти и переосмыслить произошедшее – слишком уж много невероятного разом коснулось его, и если не увлекло в тонкий мистический мир полностью, то вплотную приблизило к его границе. Как тогда в Туве, на древнем захоронении...

Рано утром Егора разбудил шум двигателей подъезжающих автомобилей и людские голоса. Именно эти громкие звуки и прервали его удивительный сон, который он попытался вспомнить

и воссоздать в ещё не вполне перестроившемся сознании. Во сне он только что летал, причём свободно и без малейших усилий. Помнится, поначалу осторожно и над самой землёй, а потом всё выше и уверенней. Даже сейчас в теле продолжало жить то удивительно чувство лёгкости. Нет, самого тела какие-то мгновения после пробуждения будто и не существовало вовсе, а была только душа – свободная от земных забот и счастливая от слияния с окружающим миром...

С подъехавших грузовиков разгружали элементы разборных павильонов, из продуктовых фургонов таскали бесчисленные коробки – в общем, начиналась утренняя подготовка к приёму многочисленных гостей. Но пока, до официального начала праздника, то есть до полудня можно было никуда не спешить. Умывшись из привезённой канистры и вскипятив на примусе чай, Егор собрал палатку и сложил всё в багажник машины. А потом взял сумку с фотопринадлелностями и отправился искать интересные кадры. Душу грела радость, что в его фотоаппарате уже заключена самая невероятная фотография из всех, какие только можно представить. Но это была радость журналиста, а через неё пробивалась и другая: радость волшебника, сотворившего чудо. Пусть и с помощью кого-то неведомого, но, как оказалось, явно к нему расположенного!

Неожиданно он нос к носу столкнулся с Валерой, который направлялся куда-то с непривычно каменным выражением лица. Однако, увидев Егора, тот сразу же расплылся в широчайшей улыбке и кинулся обниматься.

– Рад тебя видеть, старик! Самые ответственные репортажи редакция, конечно же, доверяет только тебе?!

– Да я на сей раз, в отличие от Тувы, сам напросился! Как правило, мы свою значимость сильно преувеличиваем.

– Скромничаешь, как всегда? А я так скажу: скромность украшает человека – но только не меня!

Егору не терпелось с кем-нибудь поделиться вчерашним происшествием, и он пересказал ночную историю с шаманами и Огненной Волчицей. Выслушав рассказ до конца, Валера воскликнул:

– У меня от твоего рассказа прямо мороз по копчику! Был бы кто другой, посчитал бы хвастовством или враньём. А тебе, старик, верю!

– Вот только не пойму, почему шаманы сначала долго сопротивлялись, а потом вдруг позволили снимать что захочу и сколько захочу?

– Ну, ты, Егор, даёшь! Да тебя же духи трижды священным мясом отметили! Я так думаю, что если бы ты заявил, что отменяешь камлание – шаманы бы не ослушались. Ведь Духи такие знаки внимания мало кому оказывают...

Только сейчас для Егора окончательно прояснилась вчерашняя ситуация, а до этого словно кто-то путал мысли, не позволял им двигаться в нужном направлении.

– А ты что идёшь такой хмурый? – поинтересовался он. – Много проблем?

– Да порядочно. Как говорится, нецензурное количество!

– Дома или на работе?

– Понимаешь, на родной работе всё начальство как-то разом навалилось... Думаю, как бы уволняться не пришлось.

– Плюнь, обойдётся! У меня иногда в редакции случается подобное настроение, а потом как-то всё «устаканивается».

– От судьбы не уйдёшь, – Валера криво усмехнулся. – А если ушёл, то, значит, не судьба была!

– Ну, раз философствовать потянуло, значит, действительно, хреново...

– Ладно, – Валера безнадежно махнул рукой, – я пошёл, а то жена потеряет. А ты, похоже, свою не взял на праздник? Или ей не интересно?

– Да у неё какие-то важные дела, – ответил Егор, в душе моля, чтобы Валера не начал расспрашивать подробнее.

– Тяжела и неказиста жизнь зубного протезиста, – невесело пошутил Валера и направился к павильонам.

Действительно, как объяснить постороннему человеку, что он не только не стал приглашать Ирину, но даже панически боялся, что та заикнётся о совместной поездке? Крайне неудобно такую, казалось бы, обычную историю рассказывать применительно к себе. Как и прочитать кому-нибудь написанное накануне стихотворение, которое он спрятал в одной из книг – в расчёте, что жена её ни при каких обстоятельствах не откроет...

Ненавижу до крика, ненавижу до воя,
ненавижу, как нож ненавидит живое,

как престолонаследники королевского первенца,
как хозяина раб, как невесту соперница!
Эту ненависть я то гоню, то лелею,
но она день за днём, час за часом сильнее...
И за что же судьба нас обоих обидела,
ведь хочу, что б и ты меня так ненавидела?..

С началом праздника, особенно с началом масштабного театрализованного представления все другие мысли отошли на второй план – теперь главенствовали осознание причастности к происходящему и поиски интересного кадра с самобытным участником в национальной одежде. Потом начались зрелищные соревнования, требующие от фотографа отменной реакции: конные скачки – чарыс, стрельба из лука, борьба-курес. А ещё полубоюнажённые силачи, словно былинные богатыри, перебрасывали через плечо пятипудовый камень-валун. Всё было интересно, поэтому он то и дело переходил от площадки к площадке. Отдельно соревновались тахпахчи – авторы и исполнители остроумных частушек-тахпахов, и под большим навесом, сменяясь, звучали чатхан и хомыс¹. В общем, праздник предлагал развлечения на любой вкус...

Вечером, на обратном пути домой Егор заметил в стороне от дороги высокие камни-менгиры и подумал, что может сделать интересный снимок к будущей публикации. Глубокий кювет не позволял съехать в степь, поэтому он заглушил мотор и, взяв фотоаппарат, направился к ним пешком.

Уже подходя, разглядел в стороне, в высокой траве округлый камень, отдалённо напоминающий каменное изваяние человека – точно такие же он встречал и в Туве. Когда раздвинул траву, последние сомнения исчезли – это был балбал! Детали лица, правда, едва проступали – то ли изначально были слабо отражены ваятелем, то ли за прошедшие века, а то и тысячелетия сглажены были степными ветрами. Но подобие боевого шлема, борода и углубления глаз просматривались в положенных местах. Немного лучше сохранились выбитый узорчатый пояс и висящий на нём то ли большой нож, то ли короткий меч, а ещё нечто, напоминающее небольшую сумку. Как и там, в Туве, каменный воин держал в правой руке сосуд с узким горлом. Что в нём: вода для питья, коровье молоко, крепкая арака?.. Может быть, по древним верованиям душа погребённого

¹ Двух-трёхструнный инструмент типа лютни.

и в нижнем мире обязана делать «сек-сек» на четыре стороны света, чтобы задобрить богов и подземных духов? И обязательно брызнуть напитком в направлении пока ещё живых соплеменников?..

Да, древние ваятели на просторах бескрайних степей раз за разом изображали одно и то же, не добавляя от себя ничего лишнего: неизменный сосуд, без которого нельзя отправляться в последний путь, наборный пояс и меч – атрибуты воина... А вот что должно находиться в небольшой поясной сумке? Возможно, нехитрое «богатство», которое может потребоваться в загробном мире: огниво для разжигания огня, нож-скребок для снятия шкур, какая-нибудь памятная безделица, подаренная при жизни близкими людьми? Может, вручённая ему возлюбленной, женой или ребёнком?.. В принципе, люди несколько не изменились за прошедшие века в восприятии смерти, поэтому предпочитают забирать с собой в неведомый мир не ценности, а памятные безделушки...

И снова Егор увидел в траве обрывок ржавого троса. Случайно он здесь оказался, или некая недобрая сила пыталась и здесь вырвать балбала из земли, стремилась повсеместно нарушить поддерживаемое ими равновесие добра и зла в свою пользу?..

* * *

В кои-то веки тёща собралась к ним в гости. Когда на пути из деревни проезжали через село Сизая, она, вдруг перекрестившись, указала рукой на возвышающиеся над крышами домов три золочёных купола церкви.

– Давно в церкви не была, надо бы заехать, свечи за упокой поставить.

Егор, не говоря ни слова, свернул с шоссе. Белораморная церковь была не так давно построена на деньги олимпийского чемпиона Ивана Ярыгина и посвящалась его покойной матери Евдокии. Насколько знал Егор, посещали эту церковь со всей округи, нередко приезжали даже из Саяногорска, где был собственный большой храм.

Когда тёща с Ириной покупали поминальные свечи, Егор тоже подумал, что и ему надо бы поставить – помянуть ушедших из жизни родителей, деда Александра и бабушку Евгению. Потом он с четырьмя свечками в руке пошёл через центр зала с высоким расписанным куполом – и, вдруг, ощутил невероятную,

прямо-таки нереальную лёгкость. Ощущение пришло так внезапно, что Егор всерьёз испугался, ведь это было совсем не то чувство внешней лёгкости полёта, которое приходило во сне – на сей раз невесомость родилась словно бы где-то внутри. И мраморный пол под ногами сразу перестал восприниматься надёжной опорой, и представилось даже, будто бы его, чтобы не улетел вверх, кто-то заключил в невидимый кокон-шар, неподвластный законам земного притяжения. Но этот «кто-то» оставлял ему выбор – и сейчас только от воли Егора зависело: прижиматься ступнями к спасительному полу или легонько оттолкнувшись, оторваться и медленно уплыть вверх. Раздвоенность чувств, открывшаяся невероятная способность и необходимость выбора пугали – поэтому Егор заспешил к спасительному кандилу¹, стоящему возле стены. А назад, к выходу, он уже шёл не напрямую, а пробирался мимо людей по кругу и почти прижимался к стене...

Когда он на другой день отвёз тещу в деревню, то на обратном пути какая-то сила снова повлекла в церковь: захотелось проверить, показалось ли ему всё в прошлый раз или происходило на самом деле... Однако всё в точности повторилось, так что Егор, недолго раздумывая, рванулся к спасительной стене.

– Что-то тебя пугает в церкви, сын мой? – спросил наблюдавший за ним священник.

Егор не стал пересказывать возникшие ощущения – что-то или кто-то незримый остановили его. Он нашёлся и сделал первое, что пришло на ум: достал из кармана Собачку Будды.

– Вот, подарил лама в дацане. Не знаю, можно ли с ней в церковь?

Священник даже не стал особо разглядывать фигурку, спросил:

– Крестик носишь?

– Ношу.

– Молитвы знаешь?

– Ну-у... Отче наш.

– А в какой вере сам себя ощущаешь?

– В православной!

– Тогда нет в этом ничего противного церкви...

И, только выйдя из храма, Егор засомневался: искренен ли он был в разговоре с батюшкой? Конечно, и крестик он носит,

¹ Подсвечник перед иконой для поминальных свеч.

и молитву наизусть знает, и даже Библию открывал не раз... Тогда почему же так влечёт его всяческая мистика, манят языческие шаманские обряды? Значит ли это, что и они тоже не противны церкви? А как насчёт явления Огненной Волчицы? Может, вовсе не Собачка Будды, а именно это и есть те грехи, в которых следовало покаяться священнику?..

Однако не произойди тот разговор со священником в Сизинской церкви, он, наверное, не решился бы на следующий шаг. Ещё в Туве Егор поверил, что случайностей в жизни нет, что всё происходящее подчинено какому-то выверенному и последовательному плану. Да, именно отсутствие запрета со стороны батюшки подтолкнуло его к поступку, который в иной последовательности событий был бы, наверное, невозможен. Или же он просто-напросто не догадался бы воспользоваться неожиданно представившейся возможностью. А, может, наоборот, как раз ожидаемой?..

Вечером, ни с того ни с сего, позвонил из Красноярска однокурсник Андрей, с которым они вместе учились в институте и даже периодически перезванивались.

– Я знаю, ты подобными вещами интересуешься, – прозвучал в трубке его жизнерадостный голос, – поэтому обзваниваю всех, кто живёт неподалёку. У нас тут американцы приехали из школы трансцендентальной медитации, чтобы провести недельный семинар для психологов. Ну и журналистам разрешили, видимо посчитав, что психологи и журналисты – это профессии схожие?..

Егор согласился сразу, даже не думая, как будет отпрашиваться на работе. Но как раз с этим всё оказалось просто, будто некто свыше запросто поменял обстоятельства и планы руководства в его пользу. Ирине же сказал, что это очередная недельная командировка.

Сначала Егору показалось, что непонятные курсы – это просто-напросто очередное шарлатанство или выманивание денег: умные люди, прилично знавшие русский язык, проповедовали о всеобщей любви, о некоем информационном поле Земли, об астральном теле человека... А потом ещё этот театрализованный обряд посвящения, когда перед портретом учителя Махариши все оставляли цветок и сладкий плод, и один из преподавателей читал молитву посвящения на индийском языке, а потом шептал на ухо каждому его

персональную мантру. Однако уже на первом практическом занятии, когда вся аудитория, зажмурив глаза и твердя про себя заветную мантру, пыталась хоть что-то почувствовать, Егор ощутил себя внутри серебристого полупрозрачного столба. Он перестал слышать, перестал думать – просто медленно опускался куда-то, полностью отдавшись медленному полёту. Это, вроде бы, был и не сон – но, когда Егор минут через двадцать открыл глаза, один из преподавателей стоял напротив, а головы окружающих были повернуты в его сторону.

– Очень редко кто-то находит правильный путь в самом начале обучения, – констатировал преподаватель. – Мне кажется, среди ваших предков были азиаты, поскольку именно они легче всех обучаемы...

Действительно, в числе немногих Егор раз за разом всё глубже погружал себя, вернее, своё астральное тело в незнакомый и такой непредсказуемый мир. Сам он, правда, относил это к некоему массовому гипнозу и даже не пытался заниматься медитацией в одиночестве, потому что неизведанное всегда страшит, особенно если нет рядом того, на кого можешь опереться. Ведь одно дело, когда вокруг множество направляемых опытным учителем – и совсем другое, когда ты отправляешься в эту неизвестность в одиночку.

В конце отведённой на обучение недели Андрей поехал после занятия куда-то по своим делам, а Егор, вернувшись в его холостяцкую квартиру, решил впервые медитировать в одиночестве. Ему не терпелось попробовать, поэтому, едва переступив порог, он тут же поставил посреди комнаты стул и, решительно усевшись на него, принял, как учили, расслабляющую позу: ноги на ширине плеч, ладони на коленях, лопатки прижаты к спинке стула. Он расслабился, закрыл глаза и довольно долго пытался отсечь себя от доносившихся с улицы посторонних звуков, от ненужных сейчас эмоций, от мешающих сосредоточиться мыслей...

Однако никак не проходило ощущение дискомфорта: ему было тесно в собственной оболочке, хотелось раздвинуть её во все стороны, особенно вверх. Егор сосредоточился именно на этом – и, вдруг, энергия возникшего светлого столба внутри стала перемещаться по кругу, по часовой стрелке. Некий метроном начал отсчитывать

круги, разом отключив все мысли, напрочь отрезав его от окружающей обстановки...

Когда Егор очнулся, то не сразу сообразил, что совершает корпусом вращательные движения – и это вовсе не метроном, а стул под ним монотонно поскрипывает в такт вращения. При этом во всём теле ощущалась невероятная лёгкость, будто незнакомая энергия светлого столба проникла в каждую его клетку и наполнила их восторгом бытия. Сознание было наполнено этой радостью, и, показалось, что, достаточно малейшего усилия – и он оторвётся от пола, будет невесомо парить в воздухе, как и в снах, как ещё совсем недавно в Сизинской церкви! Но сейчас эта невесомость ничуть не пугала – наоборот, рождала безграничный восторг!

Егор не представлял, сколько времени продлилось медитация и выход из неё. Наконец, он поднялся и медленно двинулся в сторону кухни, чтобы утолить внезапно возникшую жажду. Но перед дверным проёмом, словно перед неким препятствием, застыл: незнакомое чувство, что отныне нельзя больше доверяться былым ощущениям и даже зрению, предупредило о неведомой преграде. Где же она и в чём заключается? Следом возник незнакомый страх – вернее, даже не страх, а опасение, что его теперешняя незримая оболочка не протиснется через ставший неожиданно маленьким дверной проём, поскольку Егор, вдруг, явственно осознал, что стал значительно шире его... Но он переборол себя – и, нацелившись точно по оси, медленно двинулся дальше. Ничего страшного, кроме возникшего незначительного дискомфорта, не произошло. Значит, к этому можно привыкнуть, с этим можно жить!

А вечером они медитировали уже вместе с Андреем. Всё произошло теперь достаточно быстро, всего через несколько минут Егор оказался внутри знакомого энергетического столба, по которому снова стал перемещаться. И опять почему-то не вверх, а вниз – как бы внутрь себя. Некто незримый убеждал не бояться и уверенно вёл его дальше. Потом Егор вынырнул в космосе: гигантская миллионнозвёздная улитка-галактика разворачивалась перед ним во всём своём жутковатом великолепии. Словно жёрнов, она медленно поворачивалась вокруг незримой оси, перемалывая тёмную материю и отбрасывая искры в стороны в виде звёзд. Сознанием Егор понимал, что в космическом вакууме звуки

отсутствуют, но невообразимый вселенский гул, вселенскую вибрацию он ощущал каждой клеточкой своего тела: она давила и плющила, она стремилась разорвать на атомы и уничтожить навсегда... Да, близость к ней была смертельно опасна, но, несмотря на это, что-то или кто-то неудержимо влекли его дальше!

И он устремился от Земли по самому безопасному пути – через разреженный «хвост» галактики: пересиливая дискомфорт, преодолевая страх... Вопреки ожиданиям, длился полёт совсем недолго – и он оказался в практически пустом пространстве. Это была бесконечность, где только крохотные улитки галактик мерцали со всех сторон, подобно светлячкам. Показалось вдруг странным, что в расположении их прослеживался строгий геометрический порядок – словно бы они служили узлами трёхмерной решётки. Но и эта строгая геометрия недолго удивляла Егора, ибо он быстро осознал, что всё увиденное как будто давно знакомо – и нужно только немного напрячься, чтобы вспомнить. А ещё проще было спросить того незримого сопровождающего, поскольку, пока не задашь вопрос, не придёт и ответ из бескрайнего хранилища вселенских знаний!

– Что это? Почему галактики так схожи и так упорядочены?

– Это торсионные поля, – прозвучал ответ прямо в мозгу.

И Егор сразу же «вспомнил», что Мироздание состоит из торсионных полей, что они, словно ячейки памяти в мозгу, хранят всю информацию, которая мгновенно может переноситься на любые расстояния: на сотни, тысячи, и даже миллионы и миллиарды световых лет. И он, Егор, способен черпать эту информацию, потому что сейчас связан к ней, потому что сейчас сам является её составляющей. Вот только незадача: как выделить из «вселенской библиотеки» то, что ты хочешь узнать – ведь когда ты подключен к хранилищу информации, то потенциально знаешь абсолютно всё – и трудно, даже практически невозможно выделить самое-самое?

Вот впереди возникла белая стена, состоящая из плотно скреплённых матовых шаров. Кажется, что между ними нет даже зазора, и Егор подумал, что непременно разобьётся о сплошную преграду. Но ничего страшного не произошло – и он уже оказался по другую сторону стены, успев лишь разглядеть, что вокруг шаров по круговым орбитам вращаются какие-то ярко мерцающие,

изящно изогнутые пластинки-лепестки. Самое удивительное, что они нанизаны сразу на две оси-спицы, но вращаются невероятным образом одновременно вокруг обеих.

– Что это такое, непонятное? – мысленно задал вопрос поражённый Егор.

И тут же в мозгу прозвучал ответ:

– Это трудно объяснить... Слишком длинна цепочка познаний, чтобы осмыслить суть! Тебе ведь ничего не скажет понятие «звёздные парусники»?

Действительно, объяснение прозвучало слишком неконкретно, даже туманно – и только слабый отголосок, некий символ промелькнул в мозгу. Но как же трудно этот символ привязать к увиденному, тем более что впереди уже возникло нечто почти знакомое: пагода – не пагода, субурган – не субурган?.. Больше всего сооружение напоминало изящный шатёр на опорах...

– А там что за... сооружение?

– Это место, куда так давно стремится твоя душа. Это Купол Вселенной...

– Он выглядит как-то странно...

– Купол представляется в зависимости от ассоциаций. Он неоднозначен, и тебе наиболее понятен именно в таком виде.

Вот Купол уже совсем рядом... Из плотного тумана вздымаются ввысь семь тонких, иссиня-чёрных столбов. Они напоминают копыта разной длины, только вместо острых наконечников наверху служат маковки, похожие на церковные купола: золотые, ярко сияющие... Столбы поддерживают прихотливо изогнутый купол шатра... Но он словно бы живой, этот изумительной красоты полог: на его поверхности двигаются и живут своей космической жизнью мириады звёзд, раскручиваются многоцветные галактики, вспыхивают и гаснут Млечные Пути. Иногда ярчайшие кометы появляются из дальней глубины и, очертив замысловатую траекторию, снова исчезают там. Да, купол живёт неведомой жизнью – он то ли отражает развивающуюся бесконечную Вселенную, то ли сам и является ею?..

А внутри шатра, под его сводами, словно биение пульса Вселенной, звучит мантра: «Ом-м-м... Ом-м-м... Ом-м-м...» Это вовсе не та, которую нашептал Егору на ухо американский учитель,

это Великая Мантра Мантра – такая же вечная и совершенная, как и всё вокруг...

– А что там, дальше? – задаёт вопрос неведомому собеседнику Егор.

– Там много интересных открытий для разума. Если захочешь, можешь путешествовать дальше, вот только неизвестно, найдёшь ли ты оттуда путь назад? Решайся...

Егор так и не решился. И не потому, что испугался – просто внутренний голос решительно запротестовал, напомнив о незавершённых и крайне важных делах. Там, на Земле, его ждало что-то очень и очень значимое, которое не мог завершить никто другой, кроме него...

В следующий раз, медитируя уже дома, он очутился у входа в некий туннель – и, ради любопытства, устремился внутрь. Чем дальше он летел, тем больше нарастало притяжение к тому неведомому, что он надеялся увидеть в конце. Егор не знал наверняка, но уже догадывался о конечной цели по слабым отголоскам в памяти. И по пути вспоминал всё детальней эту цель. Ещё издали узрев светящуюся субстанцию – словно бы клубящийся сгусток белого и очень плотного тумана – он узнал её. Это, как подсказывала память, был вовсе не туман, а нечто другое!..

И Егор, наконец, всё вспомнил. Тут же несоизмеримый со всеми прежними чувствами восторг охватил его, завладел сознанием и волей! Скорей, скорей, ещё несколько мгновений – и он сольётся с Облаком, растворится в нём, и уже навсегда станет неотъемлемой частью. Станет составляющей Того, у кого нет конкретного имени – поэтому у Него много имён: Бог, Создатель, Вселенский Разум...

Однако в самый последний миг прозвучал строгий голос: «Тебе ещё рано туда!» И всё пропало, ярчайшее видение исчезло – потому что он очнулся...

Но уже во время следующей медитации Егор без труда нашёл путь к заветному месту, и вынырнул откуда-то сразу к клубящемуся Облаку. Им овладел неопишуемый, прямо-таки щенячий восторг: «Свершилось, наконец! Вот она, самая желанная цель! Он обманул непреклонных стражей, теперь уже никто и ничто не в силах

его остановить!» И тут же полетел куда-то в сторону – будто его ударили «пыльным мешком из-за угла». Это, пожалуй, самое точное сравнение, поскольку он тут же очутился в тёмной неизвестности, разом потеряв цель, ориентацию в пространстве, волю... Лишь очнувшись, осознал, что сидит на стуле посреди комнаты в собственной квартире...

«Хорошо ещё, что полчаса тому назад Ирина ушла в магазин, – подумал он с явным облегчением, – и не видит мужа совершенно очумевшим, с дурацким выражением лица, ошалело хлопающим ресницами! Посмеялась бы от души...»

* * *

В так легко прежде дававшееся состояние транса Егор больше не смог погрузиться ни разу, сколько ни пытался. Поначалу он не мог найти этому логичное объяснение, но, детально всё проанализировав, пришёл к однозначному выводу, что едва не переступил ТАМ некую запретную черту. Правда, похоже, что запретную для него только при жизни, но не после смерти. И чтобы он, Егор, снова не нарушил табу, ему просто-напросто закрыли путь – то есть напрочь лишили недавно обрётённых способностей. Зато, как бы в качестве некой компенсации, он снова стал видеть свои красочные сны. Вернее, чьи-то чужие и поэтому такие невероятные сны...

В литературных произведениях, как и в реальной жизни, настоящее обязательно должно опираться на прошлое. Если открыть книгу где-то посередине, то почти всегда трудно понять, о чём же она? И ты вынужден будешь перелистывать её ближе к началу, чтобы отыскать логическую связь с этим произвольно выхваченным из повествования эпизодом - только так, и не каким иным способом, можно понять поступки книжных героев. Так что, если открытая страница оказалась со случайным штрихом, который не опирается на череду предыдущих и не просвечивает через «литературные мазки», то и сюжет останется непонятным, а излагаемые события нелогичными... Правда, если штрих не случаен, и, отступив всего несколько страниц, наткнёшься на предысторию, то можешь уже осмысленно и неспешно продвигаться от середины повествования дальше. И тогда, зачастую в несоответствии с идеей автора, будешь выстраивать свой собственный сюжет вплоть до заключительной страницы. Чтобы только там окончательно понять, прав ты был в своих суждениях или заблуждался...

Глава 4. ГАЗОВОЕ ПОГРУЖЕНИЕ

 сознав полную неспособность к медитации, Егор вынужден был смириться и с тем, что не сможет отныне устремляться в просторы космоса, что ему больше не дано познавать устройство Мироздания. Да, на всё это наложен непреодолимый запрет. Правда почему-то сохранилась незримая нить, связывающая его с информационным полем Вселенной! Пусть она и была слишком тонкой, чтобы в дневной суматохе явственно услышать ответы на периодически вспыхивающие в мозгу вопросы. Это днём – но не во сне, когда все дневные чувства и эмоции затихают, давая простор и полную свободу разуму... Единственно, черпаемая в снах информация была очень хаотичной и на первый взгляд бессвязной – как, по всей видимости, и вопросы, которые он адресовал неведомому ответчику...

...В этом сне Егор ощущал себя маленьким мальчиком, вернее, уже подростком... Хотя, нет – он почти взрослый мужчина, он почти воин, ведь сейчас они держат путь к озеру Буир, куда на лето перекочевали с Бай-коля¹ люди олхонутского рода – и отец Есугай сопровождает его, чтобы выбрать своему сыну невесту...

Весенняя степь радует зеленью и яркими цветами; толстые и неповоротливые зурманы², заслышав стук лошадиных копыт, разбегаются, смешно переваливаясь – и возле своих норок неподвижно замирают, привстав на задних лапках. Сверху, из-под облаков выглядывают добычу царственно парящие орлы. А впитавший запах полыни ветер время от времени весело пробегает по верхушкам травы, выписывая в степи круги и на короткое время отгоняя зной от всадников. Но потом палящее солнце снова начинает жечь кожу, и неподвижно повисший зной навеивает расслабляющую лень, погружая тело и сознание в вязкую полудрёму...

¹ Байкала.

² Степные суслики-песчанки.

Вон и отец, только что тихо напевавший нескончаемую протяжную песню, уже сонно клюёт носом. Однако, поймав внимательный взгляд сына, встрепенулся и, придержав коня, поехал рядом.

– Там, среди чужаков, не забывай, что мы из рода Семи Волков, – произнёс он назидательно. – Однажды Кок Тэнгри¹ послал на землю семь волков – семь своих верных слуг, чтобы они следили за порядком, а, заодно, поохотились на степную и таёжную дичь. И не было такой злой силы, которая смогла бы противостоять грозной небесной стае и решилась бы родить на земле хаос. А потом Сизый волк – Борче-Чино встретил Рыжую лань – Гоа-Марал, полюбил её, и они поселились в верховьях реки Онон, неподалёку от священной горы Бурхан-Халдун. Вскоре они стали прародителями и защитниками многих племён, а их сын Бата-Чиган стал родоначальником племени борджигинов. Поэтому род Семи Волков – поскольку появился первым – среди всех остальных почитается ханским родом.

– Я хорошо запомню это, отец!

– Кроме того, помни, что у тебя славное имя! Я назвал тебя так в честь моей победы над татарским вождём Тэмучжином. С тех пор и моё имя – Есугай-багатур² – известно по всей степи! Я думаю, оно заслуживает и более высокого звания, например, Есугай-хан³. Ведь наш род, как я уже говорил, это ханский род, а мой дядя Хутула был великим ханом! И если это не суждено мне, то я сделаю всё, чтобы ты когда-нибудь стал Тэмучин-ханом.

– Ты никогда прежде не рассказывал мне историю нашего рода, отец!

– Потому, наверное, что ты ещё был мал. А сейчас, когда ты женишься, да и сам об этом просишь, это означает, что время пришло... Давным-давно женщина нашего рода Алан-Гоа⁴ родила двоих сыновей, а после смерти мужа Добуна ещё троих и, когда они уже стали взрослыми, открыла тайну их рождения. «Каждую ночь некто сияющий, как золотой слиток, проникал в дымоход моей

¹ Вечное Небо, верховное божество в веровании тенгрианцев.

² Есугай храбрый.

³ Часть историков считает, что Есугай, на самом деле, не был столь высокороден, а принадлежность его к ханскому роду летописцы приписали позднее.

⁴ Красавица Алан.

юрты и спускался ко мне. Он походил на рыжего пса и трижды оплодотворил моё чрево, а затем он улетал на луче то солнца, то луны». То есть наш род избранный и происходит от самого Кок Тэнгри: об этом говорит и цвет твоих волос, и твой пламенный взор...

– Почему же ты, отец, не хан до сих пор?

– На всё воля Вечного Неба, и Кок Тэнгри посылает каждому испытание за испытанием, чтобы однажды возвысить самого достойного. Наш род не раз был на грани исчезновения, но каждый раз возрождался – и уничтожал всех своих врагов.

– Расскажи мне о наших славных предках, отец!

– Слушай и запоминай, Тэмучин! У Алан-Гоа было пятеро сыновей, и она крепко держала в своих руках туг¹ племени. Внук её сына Бодончара Менен-тудун имел уже семерых сыновей – и все они рождались с пламенным взглядом и лицами, излучающими свет. Но однажды семьдесят джалаирских родов пришли из Китая на их пастбища и в жестоком сражении перебили всех братьев. Остался только младший, Начин-багатур, который был женат на девушке из рода барга, кочевавшего на восточном берегу Бай-коля. Узнав горькую весть, он вернулся на родину, но застал в живых только старух и малолетнего племянника Хайду, которого женщины успели спрятать в большом горшке для молока. Поскакав в стан врагов, он в одиночку, должно быть с незримой помощью Атаа-тэнгри², справился с пастухами-джалаирами и вернул захваченные стада, а потом, вместе с остатками рода, погнал их в страну Баргу-Баргуджин. Племянник Хайду был из старшего рода и, когда он вошёл в возраст, то Начин, чтя закон степи, признал его вождём. После этого храбрый Хайду привёл сюда единоплеменцев с Бай-коля и покорил всех джалаиров, восстановив справедливость на родных землях. После этого ещё семь племён, одно за другим, пришли к нему, прося покровительства. Так число подданных его росло с каждым днём, и, в конце концов, Хайду-хан провозгласил объединение степных племён Хамаг-монгол-улус³. К концу жизни его подняли на белом войлоке почёта и провозгласили уже кааном⁴.

¹ Знамя, состоящее из древка, увенчанного хвостом лошади или яка.

² Пастушеский бог.

³ Хамаг-монгольское государство, или «Государство всех монголов». Однако существовало ли оно на самом деле, доподлинно неизвестно.

⁴ Хан ханов, то есть главный хан.

– Я и не знал, что наш род так славен!

– После смерти Хайду-каана наследником его стал старший сын Байшингор-докшин, правнук которого Хабул-каан стал настолько силен, что даже джурчженьские князья искали дружбы с ним, пригласили в Цзы¹ и одарили золотом, самоцветами и дорогими одеждами...

Есугай остановил коня и из-под ладони стал всматриваться вдаль.

– Я вижу, ты устал, Тэмучин? Да и пора нам поискать ночлег или, ещё лучше, гостеприимную юрту, в которой нас накормят мясом и напоят айригом². А то и угостят крепкой арзой! Я вижу в той стороне юрты унгиратского вождя Дэй-сечена³ и думаю, что он будет рад гостям?

Они повернули лошадей в сторону далёких юрт, и отец продолжил своё неторопливое повествование.

– Но потом коварный Золотой царь послал погоню, чтобы убить опасного для джурчженей Хабула. Однако тот ускакал и, в отместку, приказал перебить послов – что коварные джурчжени вынуждены были стерпеть. После себя Хабул-каан оставил четверых славных сыновей, своей силой и отвагой заслуживших титулы «кият», что означает «бурный поток». Этот титул носят только прямые их наследники в ханской семье борджигинов. И мы с тобой, Тэмучин, тоже кияты. Всегда помни об этом!

– Отец, я горд, что родился киятом!

– Однако власть свою Хабул-каан передал не старшему сыну Окин-бархагу, а своему двоюродному брату Амбагаю – вождю тайчжиудов и правнуку хана Хайду, как и он сам. А потом подлые татары обманом захватили Амбагая и отвезли в подарок Золотому царю в Цзы, где каана прибили гвоздями к деревянному ослу. Следом такой же казни подвергли и его старшего сына. Но перед смертью каан сумел послать гонца к сыну Хабул-каана Хутуле, в котором написал: «Меня, верховного вождя, взяли в плен татары, когда я вёз

¹ В то время южная столица империи Цзинь, которую армия Чингис-хана сожжёт дотла. Отстроенная, получит статус столицы монгольского ханства и название Ханбалык, а с 15 века станет называться Пекином.

² Кисломолочный продукт, получаемый в результате сбраживания кобыльего молока, широко известно тюркское название этого напитка – кумыс.

³ Мудрого.

к ним свою дочь. Да послужит мой пример вам уроком! А теперь отомстите за меня, не щадя ни ногтей своих, ни всех десяти пальцев, стреляя из луков!»

– Подлые татары!

– Вот, теперь ты знаешь, Тэмучин, почему я так ненавижу их?! После казни Амбагая монголы и тайчжиуды собрались на берегу Онона, чтобы избрать нового каана. И подняли они на белом войлоке почёта третьего сына каана Хабула – Хутулу. О, это был великий воин, который зимними ночами спал голым у костра, сложенного из цельных деревьев, не чувствуя ни головешек, ни искр, падающих на него – принимая ожоги за укусы насекомых. Каждый день он съедал по барану и выпивал целый бурдюк кумыса! Этот каан был моим дядей.

– А я стану таким же сильным, как Хутула?

– На это воля Неба! Если пожелает Кок Тэнгри, он может дать тебе силу даже десяти богатырей! Тем более что Алан-Гоа была его женой, то есть и в тебе живёт частица небесного огня. Но слушай дальше! Теперь я буду рассказывать уже о Есугае-багатуре – то есть о себе. Мой дядя Хутула объявил войну ненавистным татарам, чтобы отомстить за Амбагая, и вместе с братом Хадааном они тринадцать раз сходились в схватке с татарскими вождами Котон-барахой и Чжали-бухой. И я, твой отец, в этих славных битвах взял в плен татарских вождей Тэмуджина-уге и Хори-буху. Но потом татары объединились с воинами Золотого царя и разбили нас возле озера Буир! И великое степное объединение Хамаг-монгол-улус пало, люди его вновь рассеялись по бескрайней степи! Так что помни, Тэмучин, смерть Амбагая ещё не отомщена, и позор, нанесённый нам татарами, тоже пока не смыт их кровью!

– Твой сын Тэмучин непременно отомстит татарам! Вот только очень печальный конец у твоего славного рассказа...

– Судьба каждого написана Кок Тэнгри – и человек не властитель, а слуга её. Именно потому, что Небоечно, жизнь человека кажется такой скоротечной, но то, что не успели совершить наши великие предки, возможно, удастся нам с тобой?..

Стойбище уже совсем близко, несколько лохматых псов с хриплым лаем бросились навстречу чужакам. Сердце сжалось от страха,

потому что он всегда боялся собак: за их страшный вид, за большие и острые белые клыки, а ещё за коричневатые глаза, как бы хищно заглядывающие в душу и пугающие своей непредсказуемостью. Заметив его испуг, отец поехал совсем рядом, а потом грозно прикрикнул на сразу присмиривших псов.

Из самой большой юрты вышел хозяин и стал ждать, когда они приблизятся.

– Приветствую тебя, славный Дэй-сечен, – проговорил отец, склонив голову и приложив ладонь к сердцу. – Достатка твоему дому и здоровья твоей семье! Пустишь ли переночевать неожиданных гостей, которых ночь застала в пути?

– Ты мог бы и не спрашивать, славный Есугай-багатур! В моей юрте всегда найдётся место и лучшая еда для тебя. Сейчас в котле уже варится козье мясо, но завтра утром в нём будет мясо скота с тёплым дыханием. И варёный глаз лошади в твоей чашке!¹

Выдернув из-за голенища засапожный нож, который повис на длинном кожаном ремешке, Есугай прошёл в хозяйскую юрту, пропустив вперёд смущённого Тэмучина.

Гостей усадили на почётные места возле очага, сбоку от хозяина. Дэй-сечен самолично намазал им кончики носа сажей от котла, приобщая к домашнему очагу, а хозяйка стала ставить на столик угощение. На правой половине юрты располагались хозяйские дети, которые сейчас внимательно разглядывали чужаков. И он сразу же отметил очень красивую девочку, лицо которой, казалось, излучало солнечный свет.

– Какая забота позвала тебя, Есугай-багатур, отправиться в долгий путь? – учтиво поинтересовался хозяин. – Да ещё и с сыном?

– Мы едем к унгиратам за невестой для Тэмучина.

– У твоего сына взгляд что огонь, а лицо что заря. Недаром приснился мне этой ночью сон, будто слетел мне на руку белый сокол, державший в когтях солнце и луну. Выходит, вещий сон предсказал, что приедете вы, кияты, приедете как вестники счастья.

¹ Корова, верблюд, як и коза считаются у кочевников животными с «прохладным» дыханием, а для почётных гостей варят мясо лошади или овцы, обладающих «тёплым» дыханием. Кроме того, самому почётному гостю кладут в чашку варёный глаз лошади, считающийся деликатесом.

– Да, это удивительный сон, ведь сокол принёс тебе с Неба солнце и луну одновременно, что мог ему позволить только сам Кок Тэнгри!

– Значит, само Небо предвидело нашу встречу! И я догадываюсь, чего хочет Небо... – Дэй-сечен смиренно склонил голову. – Красоту моих дочерей и племянниц отмечают все, но я никогда не пытался извлечь из этого выгоду... Друг Есугай, у меня есть дочь-невеста Бортэ!¹ Взгляни на неё.

Отец Есугай повернулся и внимательно посмотрел на девочку, с которой сын не сводил глаз.

– Да она просто красавица! Зачем искать где-то сокровище, если оно находится рядом, и друг Дэй-сечен предлагает его? Я думаю, что лучшую невесту для Тэмучина мне не найти во всей степи!

– И я согласен отдать киятам свою дочь. Только Бортэ и Тэмучин ещё слишком молоды, так что оставляй пока сына у меня в зятях-женихах...

Егор проснулся оттого, что сердце застучало слишком часто и, сбившись с ритма, готово было выскочить из груди. А, проснувшись, даже не сразу сообразил, где находится: в сознании продолжали присутствовать войлочная юрта, сладковатый запах дыма из очага и девичьи глаза, мерцающие в полутьме словно две яркие звёздочки. Эти глаза пронизывали душу, манили, благословляли на подвиг и обещали безграничное блаженство...

* * *

С вечерней рыбалки Егор приехал поздно и с небогатым уловом. Вечерний клёв в этот раз совсем не задался, но ни он, ни друзья поначалу не расстроились, ибо предполагали остаться на ночёвку – чтобы попытать удачи на утренней зорьке. Впереди ведь был целый выходной. Однако разгулявшийся ветер выгнал их, в конце концов, с покрывшегося волнами озера. Так что домой возвращались уже в полнейшей темноте.

Свет в квартире был погашен – значит, Ирина уже спала. Стараясь не шуметь, он разделся в коридоре и, пройдя на кухню, включил

¹ Голубая.

электрочайник. На кухонном столе лежал их семейный фотоальбом – должно быть, Ирина просматривала его перед сном? Дожидаюсь, пока вода закипит, Егор, от нечего делать, раскрыл альбом...

Он сам, соблюдая хронологию, клеивал эти фотографии, когда снимков накопилось уже слишком много, чтобы хранить в бумажных пакетах. Тут были и его старые фото, и те, что Ирина забрала от матери, и кадры уже их совместной жизни. На первом листе детские – с родителями и младшим братом, потом школьные снимки, дальше институтские. В середине альбома их последнее семейное фото, что сделано незадолго до трагической гибели родителей...

Егор задержал взгляд именно на этом снимке. Экстрасенсы утверждают, что на предсмертных фотографиях людские лица уже несут отражение приближающейся кончины – но отец с матерью спокойны и улыбаются. Ничто не предвещает беды: ведь они ещё так молоды, им ещё жить да жить! Но вмешиваются, вдруг, то ли нелепый случай, то ли прописанная ещё при рождении судьба... Кто знает, что именно?..

А дальше пошли свадебные снимки: на них счастливая улыбка Ирины, его самодовольно-довольное лицо, веселящиеся друзья, присутствовавшие на свадьбе... Почему-то сейчас не хотелось разглядывать эти фото. Может, потому, что свадьба воспринимается уже неким непродуманным шагом, жизненной ошибкой что ли?..

Он попил чаю и, чтобы не будить жену, лёг на диване – даже не достав из шкафа постельное бельё и не раздеваясь...

...Ему снова снилось детство, только куда-то пропало ощущение радости, которое пронизывало всё вокруг в предыдущем сне. Та же степь вокруг, он и младший брат Хасар соревнуются в стрельбе из лука... Он с удовлетворением отмечает, что стрелы Хасара почти всегда попадают в цель, и всё сильнее вонзаются в кусок грубой бычьей шкуры. Выдёргивая торчащие стрелы, он видит, как мать Оэлуң вышла из юрты и, окинув взглядом затянутый тучами горизонт, направляется к ним.

– Бектер за сопкой пасёт коней. Подмените брата, и пусть он придёт поесть.

Он молча кивнул и взмахом руки позвал с собой младшего брата. Захватили и луки, чтобы по пути настрелять жирных зурманов.

Он уже всё реже вспоминает недавние трагические события: то, как отца отравили татары, встретившиеся ему на обратном пути из стойбища унгиратов; то, как прискакал за ним Мунлик, чтобы позвать на похороны; даже страшные слова шамана после похорон: «Татары не случайно отравили Есугая-багатура! Раньше они боялись его, но теперь вознамерятся напасть и перебить всех нас от мала до велика. Они жаждут большой мести! Если же мы уйдём и оставим им жён и детей Есугая, то, скорее всего, они насытятся кровью и не станут преследовать!». Вот так они и остались одни: без роду, без племени...

Но страшнее слов шамана прозвучали слова, сказанные тогда полубратом Бектером: «Это ты, Тэмучин, во всём виноват! Духи сказали шаману о страшной угрозе всему племени от одного из детей отца Есугая. Нас потому и изгнали, что именно в твоей руке при рождении оказался кусок запёкшейся крови! Лучше бы ты навсегда оставался в стойбище Дэй-сечена!»

По пути к вершине сопки Хасар вдруг признался:

– А Бектер сегодня опять ударил меня. А потом ещё сказал, что, пусть ты и рождён от главной жены Оэлун, а он от Сочихэл, зато, согласно степному закону, скоро возьмёт вдову Оэлун в жёны. И тогда он станет главным!

Слова младшего брата вызвали в нём такую вспышку ярости, что даже в глазах потемнело – и мысль покарать полубрата тут же вспыхнула в его мозгу. Причём уже не в первый раз.

«Подлый Бектер! Он ведь знает, что двор отца всегда переходит к младшему сыну от главной жены, то есть к Темугэ, – размышлял он в ярости. – Недаром мать называет младшего Отчигином!¹ И это Темугэ надлежит заботиться о жёнах своего отца, но никак не Бектеру! А полубрат возомнил, что таким образом сможет стать главным! Забыл, что хоть он и сильнее, а, кроме того, жесток и подл – но так же смертен, как и все вокруг? Из-за своего коварства он достоин смерти, и братом оставался лишь до той поры, пока не стал претендовать на мать Оэлун».

¹ Хранитель очага.

Мысли о возмездии в его голове оформились окончательно.

– Мы убьём Бектера!

– Да, он сильный и больно бьёт, но стрела моего лука сильнее его! – поддержал Хасар, и глаза младшего брата зажглись огнём мести.

– Тогда мы выстрелим в него разом, и на каждом будет только половина вины!

Увидев дремлющего на взгорке Бектера, они, словно при охоте на дичь, легли в высокую траву, и поползли, огибая ничего не подозревающую жертву с двух сторон. Привстав и пустив стрелу, он увидел, как то же самое сделал Хасар. И ненавистный полубрат, не проронив ни звука, повалился на спину. Когда они подошли, держа луки наготове, тот был уже мёртв – оставалось только забрать свои стрелы...

Вернувшись, он даже не успел ничего сказать, ибо мать всё поняла по их лицам. Она обессилено села на землю и горестно обхватила голову руками.

– Что вы натворили! Вы убили его, словно лютые звери, ослеплённые злобой, словно коршуны, нападающие на свою тень! Вместо того чтобы убивать друг друга, вам следовало бы отомстить тайчжигиудам – ведь причинённый нам позор ещё не смыт их кровью! И нет у вас, убийц своего брата, теперь друзей, кроме собственной тени!..

– Будучи сильнее, он постоянно бил Хасара и отнимал у него добычу! – только и нашёл, что сказать в оправдание он, поскольку ни за что бы не признался, что причиной расправы над полубратом стала именно она, мать Оэлун.

Это лишь кажется, что, совершив справедливое убийство, человек не страдает и не раскаивается в содеянном. Ведь это совсем не воинский подвиг, которым гордятся, и о котором можно рассказывать много раз, припоминая всё больше и больше подробностей. Убив беззащитного, начинаешь искать оправдания и, не найдя их, страдаешь всё больше и больше. Особенно когда дело касается близкого родственника, с которым жил рядом много лет, делил кров и пищу. Когда дело касается единой крови...

– Почему я не любил своего сводного брата, почему у меня часто возникало желание сделать ему больно? – задал он через несколько дней самый важный вопрос матери Оэлун. – И почему он сам постоянно унижал меня и Хасара? Ведь голос крови должен был сближать нас?

– Я вижу твои мучения, Тэмучин. И, может быть, тебе станет немного легче, если я открою главную тайну, – печальная Оэлун посмотрела ему прямо в глаза. – Я не хотела говорить, пока ты был маленький – я надеялась, что эта тайна уйдёт в могилу вместе со мной. Но, видимо, так угодно Небу! Ты никогда не задумывался, почему у тебя зелёные глаза и рыжие волосы, не как у твоих братьев?

– Все говорили, что я унаследовал черты именно твоих предков.

– Да, в тебе чувствуется динлин, но не только поэтому. Твой настоящий отец был меркитом, то есть из племени «сероглазых». Ты во многом похож и на него тоже.

– Как такое могло быть, ведь мой отец Есугай-багатур?

– Когда меня похитили братья Есугая, ты уже был во мне. Поэтому вы с Бектером не единокровные братья. А, значит, потому и не было между вами зова родной крови!

– Расскажи мне о моём настоящем отце!

– Твой отец Эке-чиледу¹ был братом вождя меркитов, и из всех наших девушек он сразу выбрал в жёны меня. Когда мы ехали степью в стан меркитов, нас заметил Есугай, который ускакал, но вскоре вернулся с двумя братьями, державшими наготове луки. Сразу стали ясны их намерения, а ещё мы поняли, что стойбище их где-то неподалёку. Твой отец не испугался и собрался защищать меня, но силы были неравны, и из-за любого увала могли появиться другие воины. Сердце моё сжалось в предчувствии беды, и я сказала Эке-чиледу: «Им нужна я и наше добро, а тебя они просто убьют. Если же сохранишь свою жизнь, то пусть будет у тебя жена, похожая на меня; и коли будешь помнить обо мне, назови новую жену именем моим. Поцелуй меня и быстрее скачи к своему племени!»

– И он не вернулся за тобой с другими воинами?

¹ Чиледу – большой.

– Степь велика, нелегко найти в ней потерянную жену или помощников себе. И, кроме того, в каждом становище найдутся красивые девушки...

– Это значит, я никогда не увижу своего отца?

– Кто знает, кроме Вечного Неба? Но во всех наших легендах и сказаниях ищущие непременно находят друг друга, пусть даже через много лет.

– А почему я никогда не слышал от тебя этих легенд?

– Просто у киятов, коим ты считаешься, свои легенды! Зачем было вносить сумятицу в твои мысли?..

– Но теперь я хочу их услышать!

– Мой дед, то есть твой прадед, был хайджи¹, и он знал очень много кип-чоохов² нашего народа. А у твоей матери Оэлун хорошая память, поэтому я помню многие из них до сих пор. Но, пока был жив Есугай, твои жизнь и судьба были связана с его родом, а не с моим.

– Расскажи какой-нибудь из кип-чоохов моего прадеда. Я хочу много знать о твоём народе!

– Ты спрашивал меня про голос крови? Так вот: все люди, даже из самых дальних родов, являются братьями и сёстрами. Просто многие уже забыли, что у них один прародитель, забыли о голосе крови... Ещё в детстве я слышала легенду об этом.

– Расскажи!

– Тогда слушай. Много-много лет тому назад, когда ещё не было на земле обычных людей, поселились на кёгменской земле небесные жители: Борче-Чино – Сизый Волк и Хуу-Иней – Белая Волчица. Вскоре они настолько привыкли к жизни в степи и в тайге, что забыли о своём небесном доме. Однажды Сизый Волк охотился очень далеко – у подножья пятиглавой белоснежной горы Пургус³. И тут пришла большая вода, которая поднималась всё выше и выше, пока Сизый Волк, уходя от неё, не очутился на вершине Пургуса. Но он очень сильно беспокоился о своей жене, поэтому бросился в бурный поток, чтобы плыть к родному дому. Только вода оказалась сильнее – и, подхватив, унесла его до самого Кёгменского хребта,

¹ Сказитель эпоса.

² Легенды и героические сказания, буквально «рассказы о прошлом».

³ Современное название Борус, самая высокая гора-двухтысячник в районе построенной Саяно-Шушенской ГЭС.

отделяющего наши благодатные земли от Великой Степи. Когда вода схлынула, опечаленный Борче-Чино спустился на степные просторы и пошёл искать другую волчицу, ибо был уверен, что его жена утонула. Долго скитался он в одиночестве, потому что всё живое погибло в воде, пока не встретил одинокую Рыжую Лань, которая и стала его женой. От них родились потом многочисленные степные племена. Но Белая Волчица тоже спаслась на одинокой скале, что возвышалась на самой вершине священной горы Умай¹. Когда вода ушла, Хуу-Иней – прародительница кыргызов и динлинов – нашла пещеру и произвела на свет детей от Борче-Чино. Только печаль её об утрате мужа была столь велика, что, вскормив детей, она вознеслась снова на небо – в надежде, что оттуда сможет увидеть своего Волка. Но, по-видимому, не смогла простить тому Рыжую Лань, и теперь очень редко спускается на землю, да и то в чужом обличи: то древней старухой, то маленькой девочкой, то прекрасным белым лебедем, а то юркой чёрной лисицей. А когда встречает ненароком людей, то оборачивается неприметной травой с тремя корнями...

– И что, люди никогда больше не увидят Белую Волчицу?

– Не знаю. Но я помню, что в одном из кип-чоохов, который рассказывали хайджи, говорилось: «Придёт время – снега выпадут; придёт время – цветы расцветут; придёт время – перелётные птицы прилетят; придёт время – ребёнок станет стариком; придёт время – кукушка закукует; придёт время – скала запоёт песню; придёт время – Белая Волчица сойдёт на землю!» Вот только никто не знает, когда наступит это время...

– А мы вернёмся когда-нибудь на твою родину? То есть на родину наших предков!

– Хайджи часто рассказывали старое пророчество, что наша кёгменская земля родит великого воина, который волею судьбы окажется на чужбине, среди чужих народов и диких кровожадных племён. Он выживет и объединит разрозненные племена, а потом с этой силой завоюет весь мир. Он будет непримирим к жестоким и великодушен к слабым, он будет мудрым и справедливым. И пока он будет жив, всегда будет помнить о своей родине и охранять её от чужаков. Наступит время мира и благоденствия для нашего

¹ Мать-гора, священная гора хакасов.

народа: все скитальцы вернутся и разожгут огонь в потухших родовых очагах – и воцарится мир на всей земле! Потом сам герой возвратится к родному очагу и, став Великим ханом, будет править долго и счастливо. После смерти он будет погребён с великими почестями в Долине Каганов, и над его могилой будет насыпан самый высокий курган, который будет виден из самых дальних уголков Койбальской степи. А Дух ушедшего в иной мир Правителя будет неустанно витать над головами живущих, защищая от врагов и несчастий... Каждая кыргызская мать и каждая мать-динлинка мечтают, чтобы это был именно её сын!

– Красивая легенда!

– Правда, конец её печален. Этот счастливый порядок на земле будет поддерживаться лишь до тех пор, пока тело героя лежит не потревоженным. Если же враги смогут вскрыть могилу и уничтожить тело, то народ страны Хагяс навсегда потеряет поддержку верхнего мира и даже может полностью погибнуть. А ещё сказано, что, когда герой уйдёт в иной мир, его место на золотом троне постарается занять плохой хан, который мечтает привести кровожадных чужаков на нашу землю...

– Легенды пересказывают люди, и за много веков кто-то злой смог подменить хороший конец! Ведь, правда, мама?!

– Но это пророчество выбито, якобы, на одном из камней-менгиров, окружающих погребальные курганы в Долине Каганов. Наверное, это послание самого Неба?..

– Почему же до сих пор не родился этот великий герой?

– Это предназначение богини нашего мира Умай – время от времени рожать героев. И пусть такой ребёнок появляется у обыкновенной женщины, но он будет слеплен из плоти самой Умай. А вот силу богатырю даёт семя властелина верхнего мира – Юч-Курбустана¹ или Вечного Тэнгри. Поэтому они непременно должны встретиться, чтобы родить нового героя!

– Почему же они до сих пор не встретились, раз эта легенда выбита на священном камне?

¹ Верховное божество в бурханизме, почитаемое всеми алтайскими народами, главной особенностью которого является триединство, что присутствует в имени Юч – три. Альтернатива верховному божеству тэнгрианцев Вечному Тэнгри.

– У Тэнгри-хана слишком много забот. Он творец мира, и он есть сам наш бескрайний мир. Ему подчиняются все: небожители, Духи на земле и под землёй, даже сам свирепый и хитрый владыка подземного мира – рогатый старик Ирлик. Только люди не слушаются и недостаточно почитают Вечного Тэнгри, поэтому для него люди стали не значимее безмозглых букашек. Он гневается, посылая то непогоду, то небесный огонь – любящая же мать Умай постоянно заступается за неразумных... Поэтому боги и не могут никак поладить между собой!

– Значит, герой не родится никогда?

– Может быть, Умай и Тэнгри помирятся когда-нибудь? Раньше ведь у них было много детей-богатырей. Там, где располагался наш аал, по степи были разбросаны большие камни, и отец говорил, что это чаатасы – камни войны. Когда-то на наших землях жило много могучих героев, но они перессорились и стали бросать друг в друга чаатасы, пока не перебили друг друга. В нашем аале так и не родился такой силач, который смог бы просто сдвинуть хотя бы один из камней с места...

– Я давно хотел спросить, а что означает изображение птицы на большом пальце твоей руки?

– Оно означает всего лишь, что я обыкновенная женщина-динлинка. У всех динлинов на пальце изображена птица: у женщин – танцующий журавль, у мужчин – токующий глухарь. В этом пальце живёт душа человека, поэтому недостаточно поразить тело воина оружием – нужно отрубить палец с тотемом и отделить душу от тела. Когда юноша становился воином, а девушка невестой, на их левом предплечье при помощи сажи с котла и острой иглы выкалывали ещё и родовую тамгу. У моего племени это был снежный барс-ирбис, у кыргызов – олень с клювом грифона. А отец твой был из рода меркитов – их тамгой был взлетающий орёл...

– Я тоже хочу тамгу!

– Придёт время, и ты сам решишь, что изобразят на твоём плече.

– Я уже знаю: это будет расправивший крылья орёл!..

Да, в детстве легко преодолеваются невзгоды. Только что дальнейшая жизнь представлялась в чёрных тонах, только что твоё

сердце разрывалось от горя, но достаточно доброго слова матери, просто одобрительного кивка или даже появления яркого солнца из-за туч – и уже ощущаешь себя почти счастливым. Со временем, всё больше познавая окружающий мир, начинаешь подозревать, что приходящие невзгоды вовсе не последние, и что мир не так уж и доброжелателен к тебе. Когда же проживёшь достаточно лет, чтобы набраться жизненного опыта, то уже начинаешь опасаться серого будущего, в котором радостей всё меньше и меньше. То есть небесный рок вовсе не причём – человек сам погружает себя в омут печали и недовольства жизнью. Если только... Да, если только не живёт в его сердце великая мечта, и не ведёт его вперёд великая цель!..

* * *

Егор сидел на лавочке у стены тётчиного дома, вдыхал многократно усилившийся в остывающем воздухе аромат полевых цветов, слушал далеко разносящиеся в ночи звуки затихающего села – и размышлял о своей непонятной, как будто бы даже двуличной жизни. Почему он снова здесь, в гостях у тётчи, почему до сих пор не развёлся с Ириной, почему так и не решился сделать этот важный шаг, словно всё ещё ждёт чего-то? Нет у него однозначного ответа на все эти вопросы! Ведь он и сейчас, чего греха таить, просто дожидается, когда жена заснёт! Тогда намного проще и ему лечь тихонько рядом, стараясь не разбудить Ирину: по крайней мере, не возникнет ставшей уже обычной между ними напряжённости. Да что там напряжённости – накопившейся за последние месяцы настороженности, как между совсем чужими людьми...

«Сколько уже времени на часах натикало, спит, поди, Ирина? – подумал Егор и взглянул на светящиеся в темноте стрелки. – Ого, уже полночь, пора, пожалуй, и самому на покой!»

Но почему-то не хотелось подниматься: звёздное небо манило бесконечностью, успокаивало душу, растворяло в своей мерцающей глубине беспокойные мысли. В городе оно совсем другое: какое-то тусклое, засвеченное уличными фонарями. Видимо поэтому в городском небе и не ощущается здешней пронзительной глубины, когда, кроме известных со школы созвездий, сияют и совсем незнакомые,

а за ними – скорее угадываются, чем видятся – великое множество далёких звёздных скоплений. Вон Большая Медведица высветилась почти над головой, и если зрительно провести линию через две крайние звезды её «ковша», то упрёшься в окончательную звезду «ручки» Малой Медведицы – это и есть Полярная Звезда, всегда указывающая направление на Северный Полус. Но главное достоинство малозаметной звезды в том, что вокруг неё, как вокруг небесной оси, вращается весь этот необозримый сияющий небосвод...

..Его взор устремлён в ночное небо. Звёзды, как всегда, завораживают: они наперебой мерцают во тьме, словно пытаются поведавать свою величайшую тайну. А, может быть, именно через них Вечный Тэнгри и разговаривает со смертными, но лишь избранным дано слышать и понимать шёпот звёзд? Шаманы утверждают, что им доступен этот язык, что они избранники Неба и могут передавать людям послания Вечного Тэнгри, способны предсказывать судьбы людей. Даже самого каана! В детстве он, помнится, панически боялся собак – а потом почти так же испытывал страх перед шаманами. Детский страх перед собаками он сумел преодолеть, но шаманы до сих пор продолжают пугать его своей непонятной силой и непредсказуемостью поступков. Ведь они и в самом деле очень сильно отличаются от обычных людей: им доступно нечто божественное – им доступны скрытые тайны Неба. Хотя, иногда их предсказания сбываются, а иногда и нет... Но так, наверное, и должно быть, иначе шаман сравнялся бы виденьем будущего с самим Вечным Тэнгри? Поэтому их сила не безгранична... Кому Небо покровительствует, тому оно посылает особый, самый нужный для человека дар! Вот он, например, лучше шаманов слышит живые голоса степи и предсмертные вопли войны! Потому что – волею Вечного Голубого Неба – властвует как над миром, так и над войной...

Насколько себя помнит, он с раннего детства ощущал неотступное покровительство Неба. Недаром, когда зажигаются в наступающих сумерках бесчисленное множество костров, то с вершины холма, на котором возвышается походный шатер, ему кажется, что это звёзды опустились на землю, и что сам Вечный Тэнгри прислал их в помощь ему, Чингис-хану Тэмучину. Недаром большинство

осаждённых городов после того, как защитники видят огненное отражение Неба у подножья высоких каменных стен, с первыми же лучами солнца сдаются на милость победителя. Должно быть, из страха увидеть эту сияющую картину ещё раз?.. Именно поэтому при осаде городов он приказывает разжигать множество костров – значительно больше, чем у него есть воинов... И всё-таки самое любимое зрелище для него, это когда бесчисленные тумэны всадников стекают вниз по склонам холмов и устремляются на врага – словно бы надвигается тёмная грозовая туча. Сходство ещё более усиливается, когда выхваченные по команде сабли тысяч воинов одновременно вспыхивают под солнцем – и тогда будто горизонтальные молнии проносятся из конца в конец этой живой лавины. Зачастую неизбежность поражения внушается врагу вовсе не яростной атакой, а именно этой картиной отразившейся на земле небесной грозы: его непобедимые воины несут на сверкающих саблях и наконечниках копий неотвратимую ярость самого Неба!..

Он неоднократно наблюдал, как варят железо, как смешивают с бурой сыпучей рудой секретные порошки и получают податливую поначалу, не имеющую собственной формы огненную жидкость. Из неё мастер может отлить и отковать всё что угодно: домашнюю утварь, орудия труда, гвозди, доспехи. Но только самый талантливый кузнец умеет ковать смертоносное и непобедимое в бою оружие, от которого не существует надёжной защиты, от которого нет спасения врагам. Так что зависит лишь от кузнеца, что он сделает из податливого железа – и не случайно его имя Тэмучин означает «кузнец»...

Глядя на знакомую картину пылающих в ночи костров, он все эти годы думал то о свершившихся, то о будущих победах – но каждый раз, непременно, о безграничной преданности своих воинов. Он, словно направляемый самим Небом кузнец, сумел выковать из податливой массы несокрушимую армию с железной дисциплиной – и его изначальное войско из всего лишь тринадцати тысяч единомышленников быстро превратилось в стадеятитысячное. Пусть недруги утверждают, что это произошло путём принуждения побеждённых кераитов и найманов – на самом деле он сделал то, чего невозможно добиться никакими принуждениями: каждый воин его

армии чувствует себя значимым и равноправным, а командиры получают награды не по праву племенной принадлежности, а согласно боевым заслугам. Захватывая всё более богатую добычу, он никогда не думал о личном обогащении, а, вместо этого, щедро награждал отличившихся: девять пленников, девять породистых лошадей, девять слитков золота, а также девять штук¹ шёлковой ткани и девять драгоценных украшений для жён. Почему именно девять? Потому, что число «йе» назначено священным самим Вечным Тэнгри – и ему, Чингис-хану Тэмучину, которому тот незримо помогает в битвах, надлежит неукоснительно исполнять небесные предназначения...

А ещё он всегда был щедр и справедлив с перешедшими на его сторону противниками – и, похоже, никто из присоединившихся не пожалел об этом своём поступке. Только недалёковидные меркиты и малая часть найманов не захотели тогда подчиниться и ушли на запад, чтобы продолжить войну, но их участь была предрешена, потому что в их войске не было такой сплочённости воинов и такой преданности командиров! Его же армия росла как весенняя трава в степи!..

Но никто, даже враги, не подозревали, как нелегко ему было поначалу! Испытав великие трудности и подлые измены, он осознал, что невозможно одному уследить за всем – именно по этой причине он лично отобрал тысячу самых умелых и бесстрашных, самых преданных воинов, на головы которых надел отличительные шапки из шкуры красного волка. Его «красные волки» диктуют с тех пор железные законы в разноплеменной войске, и только им он доверяет как самому себе. Это они несут бессонную охрану и его шатра, и походной юрты. Сбылось то, о чём не мог даже мечтать отчим Есугай-багатур: он стал Чингис-ханом – могущественным повелителем не только Великой Степи, но и многих земель за её пределами!..

Он ещё раз окинул взглядом ночной лагерь с тысячами костров и прошёл в свой шатёр – мимо почтительно отступившего в сторону охранника. Плотно прикрыл за собой тяжёлый войлочный полог.

¹ Не имеющая конкретного значения мера длины – ткань в куске длиной от 30 до 80 локтей.

На низком китайском столике горела большая восковая свеча, распространяя внутри шатра пряный медовый аромат. На широком ложе, свернувшись под шёлковым одеялом, словно молодой оленёнок, спала юная наложница. Он не стал её будить, и, загасив свечу, снял свой повседневный холщовый кафтан. Лёг с краю, поскольку хотелось просто поразмышлять о жизни и о будущем в такой располагающей и такой уютной ночной тишине...

Мысли вдруг перескочили в переломный Год Барса¹ – год Великого курултая. Его тогда на широком собрании племён подняли, согласно древнему кочевому обычаю, над головами сподвижников на белом войлоке почёта. И все криками выразили своё согласие отныне повиноваться новому хану ханов. В память о славном Хамаг-монгол-улусе новое объединение степных племён решено было назвать Иеке-монгол-улус², а все племена, родоначальниками которых были потомки Алан-Гоа, называть отныне только монголами... Всезнающий Елюй Чуцай³ сказал потом, что созвучное «моголы» означает «великие», а на греческом языке ещё и «люди с севера». Ну что ж, даже в этих созвучиях можно увидеть знак Вечного Неба!.. И тогда же, на курултае, помнится, спросили его: «Тэмучин-каан, может быть, ты хочешь прибавить теперь к своему имени титул «великий» или «непобедимый», или даже «завоеватель мира», как делали до тебя все великие правители прошлого?» И он ответил всем: «Властелин Верхнего мира уже есть, это Вечный Тэнгри-хан, властительницей Нашего мира является Единственная Мать Охин-тэнгри, даже у Подземного мира есть свой властелин, рогатый старик Ирлик – так мне ли, человеку, равняться и вызывать своей гордыней гнев их? Пусть отныне меня величают Чингис-ханом, то есть ханом бескрайнего пространства между четырьмя морями, у которого до сих пор не было единого повелителя!..»

Уже потом, неверно истолковав титул «Чингис», кто-то из чужеземных послов назвал его Властелином Воды – и потом долго не мог понять, почему каан расхохотался. И он объяснил тогда

¹ 1206 год.

² Великое монгольское государство.

³ Учёный и писатель из киданьского рода Елюй, государственный деятель Монгольской империи, организатор административной системы, живший в 1189–1243 годах.

послу: «Я властелин бескрайнего пространства, но не морей, а одной лишь суши! Я властелин той Вселенной, в которой проживают мои настоящие и будущие подданные, а вовсе не безлюдного океана. Да ещё небо над головой никогда не будет подвластно мне, ибо там проживает властелин более могущественный, чем я – Вечный Тэнгри». Это было сказано при многих, и он не убоился своих слов, ибо на том памятном курултае шаман не раз и не два назвал его «боговдохновлённым сыном Неба». А ещё рассказал шаман собравшимся, что будто бы видел сам, как по приказанию Вечного Тэнгри явился в шатёр хана Тэмучина могущественный Дух в образе орла с золотым оперением и стал говорить на их языке. И продиктовал Дух многие установления, правила и табу, которые велел записать в Великую Книгу Ясы¹, чтобы книга эта стала законом как для монголов, так и для всех живущих во Вселенной. А дополнять её, добавил шаман, впредь дозволено одному лишь боговдохновлённому Чингис-хану Тэмучину...

И самое первое установление Ясы гласило: «Следует возвеличивать и уважать чистых, непорочных, справедливых, учёных и мудрых, к каким бы людям они не принадлежали; и осуждать злых и несправедливых». А потом он при всех продиктовал на курултае и первое собственное постановление: «Не должно впредь давать своим ханам много возвеличивающих титулов, как делали это прежние правители. К имени того, кто сидит на троне царствования, следует добавлять лишь только хан либо каан. А родственники и ближние сподвижники вольны называть его первым именем, данным при рождении, ведь для них он был и остаётся старейшиной в роде и во всей Орде». И, диктуя это, он увидел, как довольно улыбался и кивал головой шаман...

Да, он хотел, чтобы власть в Орде отныне не передавалась по наследству или знатности, чтобы ханами и кааном выбирали на курултаях лишь тех, кто своими достоинствами, воинскими доблестями вершит соблюдение закона и порядка. Слишком много существовало примеров тому, как наследники грозных правителей вырождались и становились неспособными достойно управлять своим народом или талантливо командовать армией, а вместо

¹ «Книга поведения», но по смыслу точнее «Книга Закона».

этого утверждали иной порядок «величие – деяния мои, великоление – одежда моя». И ведомо всем, как в покорённых странах прежде то и дело происходили заговоры, подлые убийства правителей, а власть захватывали недостойные. Он же установил в Орде нерушимый закон: отныне, согласно Ясе, до выборов на курултае никто не может единолично провозгласить себя ханом или кааном!..

Несмотря на новый закон, он прекрасно осознавал, что его главная опора, это, всё-таки, не Яса и далёкое Небо, а преданная армия, которую нужно постоянно укреплять и совершенствовать. И так как введённое им построение боевых порядков полностью оправдало себя, он решил, что таковое может оставаться неизменным ещё долго – а потому подробно прописал его в Ясе. Боевая тысяча включает тысячу тяжеловооружённых всадников-латников и столько же оруженосцев – ев-огланов, да ещё тысячу лёгких конников-вершников, которым назначено управлять повозками и гнать стада; и каждый всадник-латник берёт с собой в поход двоих слуг, три десятка овец, пятерых коней, два медных котла и повозку для оружия и припасов. Из десяти тысяч всадников формируется тумэн, из тумэнов армия... Вот только латники поначалу были из одних лишь монголов, и после каждого сражения их становилось всё меньше и меньше. И каждая очередная потеря болью отзывалась в его сердце...

Так что пришлось, в конце концов, пополнять ряды латников бывшими слугами-кипчаками, в вершники же набирать пленников из покорённых народов. Но даже пленники, даже необузданные полудикари из крохотных окраинных племён должны были неукоснительно соблюдать введённую им строгую дисциплину. За неповиновение предписано единственное наказание – смерть! От сражения к сражению его армия становится всё совершеннее: десятники, сотники, тысячники и темники всё лучше знают военное дело. И пусть многие из пополнения погибают в первых же стычках, поскольку их пускают впереди – но эта разношёрстная, визжащая от страха и словно бы ищущая смерти стая неизменно наводит ужас на противника. Недаром же его армия за пределами завоёванных стран видится, в первую очередь, узкоглазыми, одетыми в шкуры, кровожадными и безжалостными кочевниками.

Ему, Тэмучину, их, в отличие от родственных монголов, никогда не было жалко, ведь передовые ряды всегда можно пополнить такими же кровожадными, такими же алчущими добычи рабами... Отборных же, хорошо обученных и дисциплинированных воинов он берёт. Со временем среди его латников появилось немало бесстрашных урусов, так же закалённых северными зимами – поэтому он дал указание купцам выкупать их на невольничьих рынках и привозить в ставку. А ещё физически сильные кыргызы, динлины, уйгуры... Да и среди других завоёванных народов встречаются прекрасные воины, которые неизменно пополняют его походные тумэны. Так что покорённые и впредь будут платить ему албан¹ своей кровью...

Наравне с преданностью он всегда ценил воинский талант – независимо от рода-племени новоявленного нойона². Так предводителем войск правой руки стал друг юности Боорчи-нойон из племени арулат, а войсками левой руки командует талантливый военачальник Мукали-нойон из племени джалаирав...

Даже личная кешиг³ состоит из лучших воинов всех четырёх Орд его главных жён. Возглавляют её Чаган из племени тангутов, которого он усыновил в одиннадцать лет от роду, воспитывал наравне со своими сыновьями и поэтому нередко называет «пятым сыном», и самый преданный из всех воинов охраны – заместитель Чагана тысячник Егудэй. Главной сотней командует Бурэ-нойон из бывших пленников-тангутов, Юраки – из племени дурбан, а Ил-Тимур – из сунитов, сотня Улдай-курчи состоит из воинов племени джалаир, а сотня Албакар-стольника – из кераитов; среди джагунов брат Хулан-хатун⁴ – меркит Джемал-ходжи и сын Есулан-хатун – Кинкиядай-старший, сотня же Есун-туа полностью состоит из татар... Но так уж вышло, что большинство джагунов вышли из Орды его старшей жены Бортэ-фуджин⁵, которой он доверяет больше всех других!..

¹ Установленная дань.

² Представитель высшей знати, не обязательно военачальник.

³ Привилегированная личная тысяча Чингис-хана

⁴ Титул означает «Высокопочтимая госпожа», относится к главным жёнам Тэмучина, которых у него было четыре: Бортэ, Хулан, Есуй и Есугэн.

⁵ Статус главной жены.

После завоевания очередного государства он нередко награждал и приближал к себе именно тех, кто оставался верным своему прежнему правителю, кто оказал достойное сопротивление. Таков его лучший военачальник Мукали, который превзошёл своим воинским талантом всех предшественников. А когда тот же Джебе убил стрелой лошадь под ним, а потом не испугался и признался в этом – то он тут же сделал простого воина нойоном. И не пожалел о том! Он не желал мстить, поскольку такие воины ставят свою честь и достоинство выше всего, а, значит, и впредь будут страшиться вовсе не начальников, которые могут отнять их жизнь. Нет, больше того они будут бояться совершить поступок, который может их обесчестить, и, прежде всего, в их собственных глазах! Поэтому он, нисколько не сомневаясь, приближал к себе самых непокорных. А вот изменивших своему господину наказывал смертью, хотя бы этот господин был злой враг ему...

Сам же он, невзирая на завоёванные великие богатства, являет образец своим воинам и до сих пор ведёт скромный образ жизни. Ибо предписано в Ясе: «Каждый человек работает столько же, сколько другой; нет различия, и никакого внимания не уделяется богатству или значимости». К его великому сожалению, некоторые из искусных и опытных военачальников – нойоны, прошедшими с ним множество сражений – прибавив к власти большое богатство, перестали быть бесстрашными. Им уже есть что терять – поэтому они начинают бояться смерти... Жаль, но отказ от страха никак не пропишешь в Ясе – поэтому и приходится поступать так, чтобы в равной мере они боялись и смерти, и гнева каана. Нет, чуточку больше, чем смерти, они должны бояться гнева Чингис-хана Тэмучина!..

Когда он был молод, нужна была в большей степени физическая сила, чтобы побеждать – а сейчас всего лишь одно его слово решает исход сражения. Теперь его слово сильнее тумэнов воинов, сильнее гола его отборных «красных волков»... Однако помня собственный пройденный путь до белого войлока почёта, он неустанно поучает нойонов: «Нойону надлежит подавать пример, рисковать собой, и не требовать от других того, чего он не смог бы сделать сам. Когда я недоволен и мною овладевает ярость, то могу даже замахнуться саблей – но почти всегда умею сдерживать себя! Всю жизнь я

безжалостно карал своих врагов, но только через долгие годы понял, что прощать виноватого – это вовсе не слабость, а, наоборот, сила и мудрость. Запомните эти мои слова, как приказ!»...

Сыновей же своих он поучал по-другому: «В обыденной жизни ведите себя подобно телятам двухгодовалым, во время пиров и забав будьте как малые жеребята, а в бою с врагами нападайте, налетайте, как соколы... В ясный день будьте бдительны, как матерый волк; в темную ночь осторожны, как черный ворон». Такое поучение было проверено жизнью, потому что сам он всегда был осторожен и умел ждать...

А ещё, только через годы он понял, что необходимо ценить саму жизнь, завоёванные же сокровища подобны песку, струящемуся между пальцами. Поэтому он и тратил их не на роскошь своего шатра и шатров жён, а на то, чтобы ввести в обязательное снаряжение простых воинов нательные рубахи из шёлковой ткани, предохраняющие от страшных зазубренных стрел; или на большие кожаные мешки, жизненно необходимые для переправ через реки. Чтобы сохранить свою жизнь, воин должен быть готов ко всему, и ни на миг не должен забывать о своём предназначении. Поэтому даже главное развлечение в перерывах между походами – облавную охоту – он узаконил как совершенствование воинского мастерства, и даже прописал в Ясе: «Когда монголы не заняты войной, они должны отдаваться охоте; и должны учить своих сыновей как охотиться на диких животных; чтобы они набирались опыта, обретали силу и энергию выносить усталость; и быть способными встречать врагов, как они встречают в борьбе диких зверей».

Именно поэтому, едва наступает зимняя пора, все войска, не участвующие в походах, участвуют в очередной облаве. И когда до предела сужается кольцо загонщиков вокруг преследуемой дичи, каждый, согласно рангу, въезжает внутрь кольца и стреляет, пока ему не наскучит. Правда, старший сын Джучи, в отличие от многих других, берёт всегда только лишь одну стрелу – и ещё ни разу она не пролетала мимо цели! Бессчётное количество дичи поражают меткие стрелки, и лишь немногих животных выпускают в конце охоты из круга – для продолжения звериного рода... Охота – то же самое, что преследование и окружение врагов, недаром

его передовые отряды в день способны преодолеть триста ли¹, опережая саму весть о своём приближении. И обрушиваются на противника всегда внезапно, как стремительная степная гроза...

Его Яса и его войско – вот два надёжно скреплённых крыла, несущие его над Великой Степью. Такой связки не смог создать до него никто из каанов, и не мог даже вообразить мечтавший о власти через знатность своего рода отчим – кият Есугай-багатур...

Сон никак не приходил. Он даже решил было разбудить юную наложницу, чтобы та своими ласками заставила позабыть о повседневных заботах, а потом утомила и погрузила в негу его тело. Но прислушался к тихому, ровному дыханию девушки – и, передумав будить, опустил уже протянутую руку. Подумал: «Пусть спит, юное создание! Её не одолевают ни боль старых ран, ни привязчивые мысли; утром она откроет глаза и первым делом подумает не о предстоящих делах, а о том, что утро свежо и прекрасно, спелые фрукты на столе маняще пахнут и насыщены сладким соком...»

А он уже не может ощущать этот фруктовый вкус так же ярко, как прежде, и по-настоящему его способны радовать только победы, только достижение цели. Бесхитроственному же созданию так мало нужно для радости! Именно этому он завидует, именно поэтому и передумал прерывать её лёгкий сон, в котором она видит не кровь былых или предстоящих сражений, не богатства, а цветущую степь, свою мать, сестёр и братьев. Да кто знает, что она ещё видит, и чего давно уже не дано видеть ему?..

Действительно, с годами утратились яркость и новизна восприятия – но зато на смену пришла к нему неспешная рассудительность. Теперь гасить внезапные, прежде необузданные вспышки ярости стало проще, но, чтобы оценить мудрые слова, сказанные Елюй Чуцаем, что прощать виноватого, это не слабость, а сила и мудрость, понадобилось прожить долгую жизнь... Когда он в Год Лошади² родился с комком запёкшейся крови в руке, то, по мнению шамана, это был знак Вечного Неба, суливший лишь военные удачи. Хотя,

¹ Ли – древнекитайская мера длины, составляющая 300-360 шагов, в среднем 1 ли принимается равной 560 метрам, т.е. приблизительно полукилометру. Здесь подразумевается расстояние более сотни километров.

² Хотя и не однозначно, но официально считается, что в 1162 году.

провидец-шаман мог бы увидеть и то, что рука эта прольёт реки невинной крови соплеменников? Так, например, заявил в далёком детстве ненавистный полубрат Бектер – так впоследствии всё и сложилось! И неведомо было заглядывающему в будущее шаману, как неведомо теперь ему самому, оглядывающемуся в прошлое, чего же больше предрекал зловещий кровавый знак?..

Большинство из последних прожитых лет стали такими похожими: раз за разом пропитывались кровью стены сожжённых городов, белыми костями устилалась земля вокруг... Ибо вначале, когда он только начинал писать свою Ясу, то несколько не сомневался, что в основе порядка лежит страх наказания – именно поэтому даже за не очень-то значимые проступки назначал виновным смерть. Но ведь многие из провинившихся вовсе не являлись его врагами, а проступки их были случайными – от простого незнания или бесшабашности. Так, выходит, с соплеменниками и подданными он был неоправданно жесток, бездумно проливал их кровь?.. Совсем иное дело, когда казнишь истинных врагов: смерть противника оправдана законами войны! Он с детства запомнил слова, сказанные отчимом Есугаем: «Волк может вырастить только волчат, даже если он прикидывается овцой!»! Но не слишком ли часто он искал на людях волчью личину под овечьей? Возможно, её там зачистую и не было вовсе?... А на каждой серебряной или золотой пайцзе¹, которые вручал доверенным людям, было написано в качестве приказа для владельца: «Повелением Вечного Неба. Указ Чингис-хана Тэмучина. Человек, который не покорится монголам, виновен и должен умереть...»?

С другой же стороны, он всегда презирал легко покорившихся, не особо различая их с предателями... Но так трудно, оказывается, оставаться последовательным, постоянно выбирая середину между волей Неба и своей собственной! Тем более что отнюдь не Вечный Тэнгри, а многолюдный, разноплеменной курултай постановил, что впредь все зависят от воли Чингис-хана, что все обязаны помнить об этом и не вольны оспаривать его приказы. Там, на белом войлоке почёта ему вручили вместе с титулом ещё и безгранич-

¹ Нагрудный знак, определяющий статус владельца. Пайцза не была именной – её давали и отбирали, чтобы передать другому.

ную власть... А ведь власть без разумности и мудрости – страшный дар! Поэтому сразу после курултая тех, которые были умны и молоды, он сделал десятниками и джагунами в войске; тем, которые были проворны и ловки, дал в руки их принадлежности и сделал табунщиками; глупых же, давши им небольшую плеть, послал в пастухи. Ибо теперь уже ему, всесильному и мудрому каану, подвластны стали и их жизни, и их положение, и их имущество – то есть абсолютно всё, кроме потаённых мыслей! Ведь то, что люди думают, скрыто за многими печатями – и ему, как и любому властителю, суждено всю жизнь слушать сладкие слова, не догадываясь, что самые сладкоречивые уже готовят яд либо острый кинжал!..

Как жаль, что у него почти не осталось искренних и бескорыстных друзей, которые помогали ему в юности, не ища выгоды для себя! Ведь только истинные друзья способны говорить правду, даже если она неприятна на вкус, как горькое лекарство. Слишком мало их осталось, и он, как это ни горестно осознавать, почти в одиночку создаёт великую Империю Монголов, а с помощью своих «красных волков» устанавливает железный порядок в ней... И всё-таки он почти добился желаемого, когда за рубежами его владений доселе царит хаос. Как любит повторять рассудительный Елюй Чуцай, «острый меч правосудия способен рассечь повдоль даже самый тонкий волосок», и Великая Книга Ясы – это справедливый новый закон степи, а он тот кузнец, который отковал-таки этот острый меч правосудия! Правда, нужно признать, справедливости ради, что для торжества закона пришлось жестоко покорить половину степных родов, а другую половину почти поголовно истребить...

Что ещё он может записать себе в заслугу? Да, он установил все терпимость к другим верованиям, сказав: «Различные веры – это как пальцы на одной руке: хотя и разные, но нужные». Он несколько не принизил этим веру в Вечного Тэнгри, просто вовремя осознал, что разногласия между поклонниками разных богов приводят лишь к бессмысленным и кровопролитным войнам...

У него, как и у матери Оэлун, очень хорошая память, и когда-нибудь он непременно перескажет своим сыновьям то, что поведал ему в детстве отчим Есугай-багатур. Только начнёт он своё повествование иначе: «Когда вы ещё не родились, Великая Степь

была полна смуты: люди грабили и убивали друг друга, никто не мог жить спокойно. В те смутные времена правили на этой земле множество плохих ханов, которые заставляли всех испытывать великий голод и страх – так что людям существовать было невозможно. Они не смогли больше терпеть и обратились с мольбой к самому Вечному Синему Небу. И когда Вечный Тэнгри-хан услышал, наконец, голоса людей, то помирился со своей женой Охин-тэнгри – и появился у Есугай-багатура и Оэлун-уджин сын, перерождение Дайчин-тэнгри¹...» Так или почти так должна начинаться история жизни боговдохновлённого сына Неба – Чингис-хана Тэмучина. Пусть его сыновья верят, что, когда люди очень ждут чуда, Небо непременно посылает на землю героя для великих свершений!..

Наложница повернулась под шёлковым одеялом – и до него донёлся запах юности. Девушка пахла знойной степью и каким-то зверьком. Когда он мысленно попытался представить этого чистого и резвого зверька, то перед глазами вдруг всплыло лицо юной Бортэ. Да, она пахла точно так же...

Мать Оэлун и его первая, самая любимая жена Бортэ-хатун, ставшая впоследствии Бортэ-фуджин и родившая ему четырёх сыновей и пять дочерей... Мудрая мать и любимая жена, несомненно, были посланы ему самим Небом? Недаром, когда он впервые заглянул в глаза той красивой девочки, в безоблачном небе прогремел гром. Это был знак – и он его понял! Так уж заведено на просторах степи, что в сильную грозу многие даже выгоняют чужаков из юрты, а сами заворачиваются в чёрный войлок; и если убьёт кого-то небесный огонь, то все проходят очищение костром и не берут ничего из вещей убитого. Так продолжается веками... А вот он никогда не испытывал страха перед грохочущим Небом – ибо верил, что гнев Вечного Тэнгри направлен на кого-то другого, но никак не на него. Кроме того, о его неразрывной связи с Небом мать Оэлун твердила постоянно – поэтому он, юный Тэмучин, в отли-

¹ Один из самых значимых богов для тенгрианцев, покровитель воинов. Хотя, не менее значимыми были Атаа-тэнгри – пастушеский бог и Хисаан-тэнгри – бог победы.

чие от окружающих, никогда не страшился небесных огня и грома, которых опасались даже могущественные шаманы...

А ещё он ни на миг не забывал легенду-предсказание, повданную в детстве матерью Оэлун. Правда, для исполнения предсказания прежде нужно было измениться самому: стать сильным и жестоким, как снежный барс ирбис – только таким могла принять его тогдашняя несправедливая Степь! И это притом, что сам он ненавидел мир, в котором дети не слушали нравоучительных мыслей отцов, младшие братья не обращали внимания на слова старших, муж не имел доверия к жене, а жена не следовала повелению мужа. Он прекрасно осознавал, почему многие становились ворами, лжецами, разбойниками и убийцами – ведь людям в собственном их жильё не являлось солнце, табуны их не имели покоя, лошади, на которых ездили в авангарде, не имели отдыха, пока неизбежно не издыхали. Таковыми были время без порядка и жизнь без смысла на бескрайних степных просторах. И совсем другими, светлыми и справедливыми, представляли из рассказов матери Оэлун государство Хагяс и люди её родины – загадочные динлины и кыргызы...

Не потому ли, что он искренне поверил легенде, Вечный Тэнгри незримо встал за его спиной? Ведь только благодаря Небу он чудом спасся от врагов в юности, и ещё потом, когда стрела, попавшая в рот и, пронзив шею, не отняла у него жизнь. Он тогда вместе с другом Боорчу убил подстерегавших их в засаде двенадцать врагов, а все их стрелы пролетели мимо. И он тогда, как повелевает бог победы – Хан Хисаан-тэнгри, убив неприятеля, снял с него окровавленное платье, повесил его на седло по правую сторону своего коня... Да, в тот день он окончательно поверил в великое покровительство Неба и убедился в своей неуязвимости. Одного за другим поражал он опытных воинов – и время для него будто бы замедлилось, ибо натягивая тетиву, он мог хладнокровно находить цель для своих стрел и предугадывать полёт летящих в него. Для врагов же время видимо вообще остановилось – и они стали неумелыми и беспомощными, словно дети. Именно тогда он окончательно уверовал, что легенда, рассказанная матерью, имеет к нему прямое отношение, что избранных ведёт по жизни не случай, а сам Вечный Тэнгри, принуждая иногда бежать и прятаться,

иногда же, наоборот, посылая прямо навстречу смертельной опасности. И это означает, что путь его уже предопределён Небом? Потом он ещё не раз и не два испытывал судьбу в сражениях. Это не было безрассудством, он просто хотел убедиться, что Небо продолжает ему покровительствовать и незримо помогает – в противном случае он готов был смиренно принять смерть, ведь жизнь и смерть давно уже не в его власти!.. Это мыслителю Елюй Чуцаю, которому не дано ощущать себя посланцем Неба, позволительно рассуждать, что, пока человек не сдаётся, он, возможно, сильнее своей судьбы...

Да, именно благодаря постоянному содействию своего могущественного небесного покровителя он с лёгкостью покорял всё новые и новые народы. И от обилия завоёванных земель поначалу даже растерялся: как их удержать в повиновении, как поддерживать у них свой порядок, ведь это не его великолепная армия с железной дисциплиной? Дальновидный и всезнающий Елюй Чуцай, этот киданьский умник тогда сказал: «Хотя империю мы получили, сидя на лошади, но управлять ею, сидя на лошади, невозможно».

Он и сам вскоре это понял, поэтому заставил сыновей выучить уйгурское письмо: чтобы они могли читать мудрые книги и, может быть, впоследствии дополнять Великую Книгу Ясы... Тот же Елюй Чуцай утверждал, что только книги надёжно хранят знания великих мудрецов и народов, породивших их, без книг люди забыли бы и о великих героях, и о могущественных правителях прошлого. У него не было оснований не верить мудрости и дальновидности главного советника, однако в этом он не был согласен с книжником: ничто, даже самое разумное, не хранимо вечно в мире людей. Недаром глупцы часто могут возвыситься над всеми, трактуя чужую мудрость и справедливые законы по-своему! Именно потому он постановил смертью наказывать писцов за намеренное искажение или неточное переписывание книг. Теперь строго-настрого заказано в его Ясе: «Не нарушай одобренного многими людьми!»

Пусть большинство его воинов и даже некоторые нойоны всё ещё остаются неграмотными, но всему своё время! Они неукоснительно выполняют его приказы и не нарушают данного ими слова – а верность слову, это главное достоинство воина и вообще

любого человека!.. Но следующим по значимости достоинством выступает, конечно же, честность. Тот же Елюй Чуцай, в голове которого по любому случаю находятся мудрые изречения, как-то сказал: «Ложь и правда всегда рядом, и они будут существовать вечно: потому что ложь люди постоянно оживляют, а правду невозможно убить». Какие мудрые слова, достойные великой книги Ясы, звучат порой из уст этого книжника! Действительно, правда имеет один-единственный лик, а ложь, даже самая маленькая, ведёт на поводу следующую ложь, а та уже целый караван...

Хотя, сейчас он смог бы укорить Елюй Чуцаю, что тот пошёл – по крайней мере, один раз – на откровенный обман. Это когда тот рассказал про диковинное животное – цилиня¹, яко бы явившегося ему во сне и предсказавшего большую беду. И он тогда не то чтобы поверил своему главному советнику, просто самому нужен был повод, чтобы отменить поход в Индию...

Правда, был случай, когда его, действительно, обманули. Историю о невероятном, яко бы живущем в Гоби олгой-хорхое² поведал ему китайский купец. Мол, эти полуметровые черви живут в самых безводных и недоступных районах пустыни, и большую часть времени спят в норах, которые уводят вглубь песчаных барханов. На поверхность же они выбираются только в самые жаркие летние месяцы – и тогда горе людям, повстречавшимся им на пути: свою жертву олгой-хорхой легко убивает со значительного расстояния, плюнув в лицо смертельным ядом. И уйти от него живым, за исключением самого хитайца, мало кому удавалось! Выдумал ли всё купец с перепугу, пересказал ли услышанную от кого-то легенду или, действительно, сам видел этого ядовитого червяка? Он же тогда сделал вид, что поверил, и пообещал за живого олгой-хорхой мешок золотых монет – ибо подумал, что, если окунать в его смертоносный яд наконечники стрел, то одной лишь царапины от самой лёгкой стрелы будет достаточно, чтобы умертвить врага, и не спасут того от неминуемой смерти даже самые надёжные доспехи.

¹ Мистический зверь у китайцев, имеющий несколько рогов, зелёно-голубую чешуйчатую кожу, тело коня, ноги оленя, голову драконы, живёт не менее двух тысяч лет, и увидеть его дано только избранным.

² Монгольское слово «олгой» означает по-русски «толстую кишку», а «хорхой» – червяка.

Но купец так и не явился за обещанным мешком золота. Может быть, ему рассказали, что есть в Ясе особое положение о лгунах: «Кто лжёт с намерением или волхованием, или кто подсматривает за поведением другого, или вступается между двух спорящих и помогает одному против другого, также предаётся смерти»? Видимо купец всё-таки солгал – но таковы нравы степного государства, где с верностью слова, данного другу, всегда соперничает коварство по отношению к врагу...

Спящая начала что-то страстно шептать во сне, и он невольно прислушался. Когда-то по одному лишь взгляду он разгадал, что его новая жена Есугэн всё ещё любит своего бывшего мужа-татарина...

Он попытался разобраться, что шепчет наложница. Нет, она не давала клятв возлюбленному, а что-то страстно говорила своей матери. Да, девушка просила у своей матери прощения – он так и не понял, за что... Вдруг подумал, что именно во сне люди видят самых близких, даже давно ушедших в иной мир, и чаще всего во сне молят о прощении за то, о чём в повседневной суете, возможно, никогда бы и не вспомнили...

Навсегда запомнив услышанную в детстве историю похищения матери Оэлун, он установил новый, справедливый порядок, который тоже закрепил в Ясе: чтобы невест более не похищали и не принуждали к сожительству путём насилия; чтобы впредь мирно договаривались с родственниками девушек, как это совершил в своё время отчим Есугай-багатур с унгиратом Дэй-сеченом. Но этот закон установлен не только в память о матери и настоящем отце – ведь если прекратится воровство женщин, то предотвращено будет множество стычек, зачастую перераставших в многолетнюю вражду между родами и даже племенами...

Хорошие мужья узнаются по хорошим женам; если же жена дурна и бестолкова, без рассудка и порядка – то будут от нее видны дурные качества мужа. Он так говорил и сам всегда прислушивался к советам умных Бортэ-фуджин и матери Оэлун, а потом и умницы Есугэн. Но так случилось, пусть и невольно, что он оставил свою мать в её последний миг без сыновней поддержки. Должно быть, она произносила имя любимого сына в своём последнем выдохе?..

– Прости меня, мать Оэлун, я должен был находиться рядом с тобой, когда светлая душа твоя улетала на Небо, – прошептал он, и следом словно бы ощутил на своей щеке поглаживание её тёплой руки. – Прости меня, если сможешь...

Он тогда участвовал в очередном походе, но, по сути, как бы предал её, потому что никакие победы не могут сравниться с любовью к матери!.. И нельзя подобное предательство оправдать волею Неба! Потом каждый старается позабыть предательство как можно скорее или искупить, не представляя истинную цену искупления... А кто и когда предавали его? Самую большую боль вызывает предательство анды¹ Джамухи, самого близкого друга юности. Помня детскую клятву побратимства, в первый раз он пощадил анду за измену, но потом была вторая... И он опять позволил анде уехать, уже очень далеко. Хотя, для сравнения, преступление Джамухи не сравнится со многими из тех, которые он видел потом: вожди племён, китайские ваны² предавали свой народ или своих повелителей лишь для того, чтобы сохранить свои никчёмные жизни. Может, именно потому, что не смог забыть измену первого анды, он потом никогда не щадил предателей? Со временем любая душевная боль превращается просто в печаль, но, к великому сожалению, не все совершённые ошибки можно исправить. Лишь жизненный опыт позволяет не повторять их вновь...

Как говорит всё тот же Елюй Чуцай: «Если стоишь прямо – не беспокойся, что твоя тень кривая». Он спокоен, потому что его благие дела многократно перевешивают все ошибки и заблуждения. Так он задумал Каракорум³ – первую столицу Великой Империи Монголов, куда будет свозить после каждого похода лучших мастеров из покорённых стран. Которые выплавляют медь и железо, из чего куют оружие, которые делают прочные доспехи, которые обжигают посуду, превращая глину в благородный фарфор, которые принесут славу столице монголов. А ещё они открывают ученикам секреты своего мастерства, делая эту славу бессмертной...

¹ Побратима. Обычай побратимства существовал у монголов издавна, при этом новоиспечённые анды обменивались стрелами.

² Князья.

³ Считается, что Чингис-хан только отдал приказ о закладке столицы, но в реальности её начал строить Угэдэй в 1235 г.

Когда будет завоёвана вся Вселенная, то столицу придётся перенести в центр империи, откуда мудрость Ясы и искусство мастеров будут растекаться на все бескрайние просторы. Главенство новой столицы и слава её создателя – пусть это будет заключительной главой в его Ясе. Уже скоро наступит время написать её! Чтобы каждый из каанов, поднятых потом на белом войлоке почёта над головами остальных, не попытался приписать себе прежние победы и чужие заслуги. Ибо биографии великих правителей пишут после их смерти, и, зачастую, правды в ней намного меньше, чем красивых вымыслов. Те же покорённые хитайцы, изображая его, Чингис-хана, на таких любимых ими рисунках, придают его лицу хитайские черты. И чем больше народов входят в его подданство, тем больше будет размываться его истинный облик! Может так случиться, что через много-много лет никто не будет знать подлинного лица Потрясателя Вселенной?.. Именно потому, подчиняясь его приказу, хитаец Фао-Шен день за днём запечатлевает на бумаге сокровенную историю жизни Чингис-хана Тэмучина. Благодаря этой рукописи потомки будут знать, что он никогда не стремился заполнять свои сундуки золотом – а тратил почти все завоёванные несметные богатства на преобразования в государстве, на благо своих подданных...

Вот о чём никогда не напишет хитаец, чего никогда не будет в этой рукописи, так это о его великих сомнениях – ибо лишь о малой печали можно говорить долго, о большой же предпочитают молчать. А он всё чаще задумывается, что, когда не будет его твёрдой руки, то алчность снова попытается взять верх, и, хуже того, наследники могут начать воевать друг с другом из-за накопленных сокровищ. Ведь именно о таком печальном конце его империи повествует надпись на камне в Долине Каганов, о которой говорилось в легенде! Может, это и есть главная причина, почему он боится окружать себя богатством, почему стремится почти всё тратить прямо сейчас?..

Самое прискорбное, что он так и не оправдал чаяний хагяского народа, о которых говорилось в той легенде. Более того, он обложил их, как и всех остальных, албаном, превратив в обычных

кыштым¹. Пусть даже такой албан необременителен: всего лишь изумительные меха, которые добывают в кёгменской тайге, да ещё прекрасные белые кони, так необходимые его армии в южных походах... Он старался теперь не вспоминать, что, вопреки древнему предсказанию, уравнил кыргызов и динлинов с другими покорёнными народами! И теперь невозможно это исправить – чтобы предсказание о Великом Сыне кёгменской земли, неведомое доселе никому из его сподвижников, превратилось в продолжение жизнеописания Потрясателя Вселенной? Нет такого пути, и даже мудрец Елюй Чуцай вряд ли сможет указать его и дать нужный совет!

Правда, он отдал заповедные земли рассудительному старшему сыну Джучи, отдал со словами: «Пусть эти земли станут лучшей частью твоего улуса. И, хотя там проживают непокорные люди, прозванные «злыми» за то, что пытались освободиться от моей власти, никогда не разоряй их государство Хагяс. Хотя бы потому, что это родина твоей бабки Оэлун...» Остаётся надеяться, что Джучи всегда будет помнить его слова, а ему самому уже поздно менять направление избранного пути – он давно промчался со своей конницей мимо того поворота, который ведёт на родину матери. Мечта, порождённая в юности легендой, померкла в сравнении с ярчайшей путеводной звездой, зажжённой самим Вечным Тэнгри. Ведь на этом пути он всегда боялся сделать даже маленький шагок в сторону – ибо всегда подозревал, что собственный выбор, не совпадающий с волей Неба, может самым непредвиденным образом изменить дальнейшую судьбу. Возможно, сделай он всего лишь один неверный шаг – и не объединил бы людей Великой Степи в Империю, не стал бы великим Чингис-ханом. То есть, единожды потеряв из виду указанную ему Вечным Тэнгри звезду, он мог стать никем – превратиться в обычного кочевника на степных просторах. Сейчас же половина мира у его ног, и поход его великой армии ещё не завершён!..

«Гордость, обедающая тщеславием, получает на ужин презрение, – вспомнил он вдруг слова Елюй Чуцай и усмехнулся. – Ох, и любят же мудрецы поучать других, тогда как сами чужие советы принимать не спешат! А ещё этот киданьский книжник заявил

¹ Данников.

однажды: «Ты замахнулся на весь мир, но твоё могущество заканчивается там, где заканчивается корм для лошадей!» Он не стал тогда спорить, потому что точно знал: Чингис-хан может переоценивать своё могущество, однако находящийся внутри его Тэмучин не заражён тщеславием, но полон решимости завоевать все земли, на которые только падёт его взгляд. Он осознаёт своё предназначение, данное Небом: пока народы живут без единой власти, держащей их в страхе, они пребывают в состоянии нескончаемой войны каждого против всех, его же власть несёт миру строгий порядок. И главным препятствием является вовсе не корм для лошадей, а время, которого, возможно, слишком мало у него осталось...

Сон так и не пришёл. Он тихонько поднялся и откинул полог шатра. Стражник настороженно оглянулся и, увидев в свете луны каана, замер в ожидании приказа. А он лишь обвёл взглядом спящий лагерь и полной грудью вдохнул его привычный, успокаивающий запах. Потом поднял глаза на искрящийся звёздами небосвод, ежедневно сменяющий Вечное Синее Небо! Сейчас оно чёрное, и от этого ещё более загадочное. Небо, неизменное в веках и, одновременно, постоянно меняющееся в скоротечной ночи – каждый раз оно предстаёт в одном и том же виде, каждую ночь созвездия проходят один и тот же путь от горизонта до горизонта, и только Погребальная Повозка¹ всё время находится над одной и той же далёкой горой. Предсказывая людям неведомую судьбу, она медленно вращается вокруг неприметной звезды, которую зовут Алтангадас². И никто, кроме Вечного Тэнгри, не знает, куда указывает Погребальная Повозка, день за днём и месяц за месяцем поворачиваясь вокруг незримой оси; и никому из смертных не ведомо, какой знак подаёт она крохотным людям-букашкам внизу...

¹ Созвездие Большая Медведица.

² Золотая коновязь. (монг.)

Привязавшись душой к кому-нибудь, мы часто думаем, что это на всю жизнь. Однако стоит этому человеку исчезнуть надолго, а иногда даже и на достаточно краткий срок - и мы постепенно начинаем забывать о его существовании. Сначала, правда, мысленно обращаемся к нему едва ли не постоянно, потом всё реже и реже, а далее - только от случая к случаю. По прошествии нескольких месяцев или лет уже удивляемся, вспомнив о нём без видимой причины. Но некоторое время памятные вещи или фотографии способны вызвать воспоминания об этом человеке, а потом уже и они не рожают никаких ярких чувств: ни душевного трепета, ни ощущения тепла в прикоснувшихся к ним пальцах, ни каких-то особенных эмоций... И вещи, и фотографии превращаются в обычные атрибуты окружения - одни из многих. И связь настоящего с прошлым, как в жизни, так и в книге, становится едва ощутимой... Но полностью она всё-таки не прерывается никогда!

Глава 5. ОДЕРЖИМЫЙ ГЕОЛОГ

За свою жизнь в транспорте, на работе, просто на улице встречаешь десятки, а то и сотни тысяч людей, на которых либо вообще не обращаешь внимания, либо вычёркиваешь из своей памяти уже через несколько дней. Человек же, с которым в дальнейшем тебя тесно связывает судьба, встречается на жизненном пути отнюдь не случайно. Хотя нередко и говорят: «Если бы я тогда прошёл мимо, наши дороги никогда больше не пересеклись бы...» А на самом деле не могло быть никакого «если бы» – двое встретились в определённое время и в определённом месте, давным-давно назначенном судьбой. Поэтому и не могли ни при каких обстоятельствах разминуться...

Их знакомству предшествовал телефонный звонок в пятницу, в самом конце рабочего дня.

– Это тебя, – сказала корректор Ольга, протягивая Егору телефонную трубку.

– Здравствуйте, – прозвучал в трубке энергичный мужской голос. – Я вам звоню из Шарыпа...

С трудом отключившись от редакционных разговоров, Егор попытался сообразить, где же находится этот самый Шарып.

– Жена на днях городскую газету привезла, – продолжил мужчина, – с вашим очерком об археологах. Хотел бы с вами поделиться моими археологическими изысканиями. Вернее, даже историческим открытием мирового масштаба! Как насчёт встречи?..

– В принципе я не прочь, – ответил Егор, откровенно растерявшись и от словесного напора, и от столь самонадеянного заявления. – Но когда конкретно, пока что не скажу...

– Ну, жду, как найдёте время. Меня в Шарыпе все знают: Владимир Быков, геолог...

Егор не слишком-то поверил, вернее, совсем не поверил звонившему – просто неудобно было вот так, сразу, отказать

во встрече заинтересованному человеку. Трудно перечислить, сколько за время работы в газете ему встречалось абсолютно некомпетентных, но одержимых сверхидеями «историков», «краеведов», «геологов»! А, с другой стороны, геолог мог случайно обнаружить что-то интересное – да и до деревни Шарып, что на противоположном берегу Енисея, совсем не далеко. Так что, может и стоит как-нибудь съездить и пообщаться?..

Впереди предстояли два выходных, которые можно было, наконец-то, провести с женой, но уже с вечера всё пошло наперекосяк: снова разрастающаяся, как на дрожжах, взаимная напряжённость и ничем не прикрытая злость в словах жены... Откуда они взяли начало, ведь не от него же пошли эти мелочные, в общем-то, обвинения? Он поначалу пытался, но так и не смог разобраться в непонятных жениных обидах. А потом понадеялся, что всё само утрясётся, и просто отмалчивался... Но не утряслось – а затем появилась Макси, которая, правда, тут же растаяла, словно мираж! И теперь Егор даже скучал по прежним отношениям с Ириной, но понимал, что их разобщённость тянется уже слишком долго – и проще, наверное, просто развестись? Ведь после знакомства с Макси он это решил твёрдо, но потом, после больницы, всё опять запуталось... Мысленно меняя местами эмансипированную немку и хозяйственную, в общем-то, жену, он уже отдавал предпочтение Ирине, даже приходил к мысли, что готов попробовать всё начать сначала... Но потом быстро уставал от тягостной и необъяснимой неприязни. И от взаимной ревности, которая, если разобраться, не может возникать у супругов, которые стали друг другу абсолютно безразличны? А это означает, что где-то в глубине души жена ему всё ещё дорога и, возможно, он ей тоже? И можно надеяться, что, как практически у любой болезни, после кризиса наступит выздоровление...

Вот и на этот раз, измученный ночными мыслями, опустошённый неопределённостью, уставший от задаваемых себе вопросов, он с утра решил, что лучшее – это, как всегда, исчезнуть куда-нибудь из дома. Поэтому, позавтракав, заявил Ирине:

– Я съезжу в Шарып, надо материал для номера подготовить. Там живёт очень интересный археолог-любитель, и он меня вчера пригласил в гости. Вечером вернусь...

Ирина ничего не ответила, только обиженно и даже как-то брезгливо передёрнула плечами. Егор на это никак не отреагировал, поскольку дословно знал, что жена могла сказать: «Тебе уже и выходные – не выходные! Так и норовишь сбежать из дома, будто дел никаких нет. Можешь и вечером не возвращаться...»

Переехав по гребню Майнской ГЭС на противоположный берег Енисея, Егор очутился в селе Сизая. Мысли о жене он старательно изгонял из памяти, поэтому начал мысленно восстанавливать невероятные, почти мистические ощущения, испытанные им в здешней церкви. Объяснения происходившему тогда он так и не находил...

Промелькнул обновлённый указатель «Музей Ивана Ярыгина».

Егор вдруг подумал, что сейчас фамилии и имени достаточно – они говорят о музее почти всё, причём не только местным. Но пройдёт совсем немного времени, и на указателе придётся добавлять «олимпийский чемпион», а потом «борец»... А через несколько десятилетий все эти регалии уже практически ничего не будут говорить проезжающим мимо. А потом и музей могут закрыть – ибо станет мало желающих его посещать, поскольку появятся новые люди-легенды? Или всё-таки останется?..

«Такие музеи нужны, – размышлял он, словно бы споря с оппонентом, – поскольку их в России крайне мало. Взять Америку – там вокруг колеса от дилижанса, на котором, только предположительно, пионеры осваивали прерии, непременно возведут огромный музейно-развлекательный комплекс. А здесь на каждом квадратном километре погребальные курганы, древние наскальные рисунки... А вообще свой музей должен быть в любой, даже самой крохотной деревушке: музей истории поселения, музей известных людей, живших здесь, музей художественных промыслов – старинных и современных. Чтобы школьники приходили на уроки истории и памяти, уроки уважения предков и ответственности перед потомками...»

В памяти неожиданно всплыл транслировавшийся недавно по центральному телеканалу фильм об алтайской мумии, которую в фильме называли то Принцессой Укока, то Очы-Бала¹,

¹ Женщина-богатырь, персонаж алтайского эпоса.

то Ак-кадын¹, но, чаще всего, Алтайской шаманкой. Сидя перед телевизором, Егор откровенно посмеивался над измышлениями тележурналистов, поскольку во время недавней экспедиции побывал и на плато Укок, и в музее Улагана, где были выставлены предметы из раскопанного кургана. Да практически весь улаганский музей был посвящён этой женщине из захоронения давностью в два с половиной тысячелетия! Директор музея, проводивший для них экскурсию, несомненно, владел самой достоверной информацией – а вот создатели фильма из-за её недостатка то и дело приправляли своё повествование мистикой. Будто бы и земля задрожала, когда извлекали из льда превосходно сохранившуюся мумию, и что вертолёт с ней по пути до места назначения несколько раз совершал вынужденные посадки. Мол, именно потому местное население отнесло её к великим шаманкам, а все стихийные бедствия на Алтае с тех пор происходят из-за наложенного когда-то ею заклятия. Егора это веселило, словно кинокомедия, поскольку совсем иное слышал он от посвящённого во все детали раскопок директора, алтайца по национальности, которым не было сказано ни единого слова о принадлежности женщины к клану шаманов...

То алтайское высокогорное плато Укок вовсе не случайно назвали «Долиной царей», ибо во вскрытых ранее четырёх курганах нашли столь же прекрасно сохранившиеся во льду тела мужчин-вождей. И только в последнем, пятом, оказалась женщина – причём, по невероятному совпадению, раскопки проводила тоже женщина-археолог. Директор музея утверждал, что все склепы были похожими: сложенными из лиственничных бревен на глубине восьми метров, где, благодаря продуманной системе дренажа, всё это время не просто сохранялся, но и возобновлялся толстый слой льда. Этот лёд во время раскопок археологи растопили горячей водой из чайников, и, поначалу, молодая женщина, покрытая изумительными татуировками, выглядела «как живая». Но вскоре кожа стала быстро темнеть...

Вдруг, перед самой машиной дорогу перебежал матёрый заяц. Егор от неожиданности едва не нажал на тормоз, но длинноногий нарушитель дорожного движения резво сиганул в густой

¹ Белая госпожа.

придорожный кустарник, за которым сплошной стеной подступал сосновый бор.

Егор усмехнулся и стал вспоминать, у каких народов перебежавший дорогу заяц означает то же самое, что и чёрная кошка. Вроде бы у степных?.. Однажды заяц уже предупреждал его о смертельной опасности. Тогда Егор с другом возвращались с зимней рыбалки, а мотоцикл неожиданно заглох прямо на выезде с водохранилища – и как они ни бились, не смогли оживить забастовавшую технику. Поэтому, оставив мотоцикл на какой-то промбазе на берегу Енисея, они направились пешком к автобусной остановке. Решили подсократить путь, и пошли напрямую через дачные участки. После обильного снегопада следов дачников не было видно – все скрыл глубокий пушистый покров... И, вдруг, наперерез им выскочил заяц! Проводив взглядом косога, Егор двинулся дальше – и зацепился носком унта за проволоку под снегом, которая была натянута по меже между соседними участками. Падая на заведомо мягкую подстилку, он не особо этому сопротивлялся – и только когда до снега оставалось не более полуметра, увидел перед собой острую арматуру, косо разрезанной электросваркой. Потом время словно бы замедлилось... А поскольку уже не было точки опоры, Егор просто крутнулся всем телом – и ощутил сильный, очень болезненный удар в спину! Он даже подняться самостоятельно не смог, лишь при помощи подбежавшего товарища, да и то после того, как тот расстегнул лямки рюкзака. Оказалось, что острая арматура пробила почти насквозь металлический рыболовный ящик вместе с мёрзлой рыбой и даже оставила на спине кроваво-красный синяк. Но вот то, что он успел развернуться, противоречило всем физическим законам движения, противоречило скорости реакции человеческого тела. Товарищ, на глазах которого всё произошло, потом только разводил руками и повторял: «Сейчас понимаю, что такого просто быть не может, но ведь произошло! Какие-то доли секунды – я даже взглядом не уловил!» Егор и сам осознал, что такое не смогло бы произойти без участия Ангела-хранителя. А заяц, выходит, предупреждал его об опасности?..

Прямое, как стрела, шоссе пронизывало сосновый бор, выстроившийся по обеим сторонам, встречных машин не было – и Егор расслабился, мысли его снова вернулись к телефильму о Принцессе Укока.

..Женщина была довольно высокого роста и, по заверениям археологов, относилась к европеоидному типу – причём это поведал им коренной алтаец, который, казалось бы, заинтересован был занести её в клан своих далёких предков? В отличие от немцев, сам Егор этому ничуть не удивился: ведь совсем неподалёку проживали светловолосые и голубоглазые динлины, да и окружающие тюркские племена внешне больше напоминали современных европейцев. Чучела шестёрки жертвенных лошадей в золочёном убранстве и богато убранная повозка с огромными двухметровыми колёсами, выставленные в музее, указывали на то, что женщина, скорее всего, умерла во время продолжительного путешествия. Одета она была в шёлковое платье, на голове очень высокий головной убор, а множество золотых украшений, женские принадлежности и разнообразная косметика напоминали, скорее, приданое невесты, так и не добравшейся издалека до своего наречённого... И откуда возникла версия о шаманке – одним выдумщикам-тележурналистам ведомо? Именно абсурдность телеверсии его и насмешила. Хотя... Если всё детально вспоминать, то, едва выехав из Улагана, они сразу же испытали на себе природные катаклизмы: землетрясение, сумасшедший ливень, беснующиеся ручьи и речки, затопившие большие участки дороги....

Да и до этого, на плато Укок, наваливалась ведь непонятная тяжесть на сердце, начинала болеть голова, как-то неуютно чувствовала себя душа среди разрытых курганов и разбросанных древних листовенничных стволов! Даже у тех, кто ни в каких духов и шаманов не верил... Может, высокогорье сказывалось? Но, почему-то, после того как сопровождавшая шаманка расположила их в круг и провела обряд очищения, окуривая веткой дымящегося можжевельника, все разом ожили. Может быть, и в самом деле действовали на них древние заклатья, которыми пропитана Долина Царей, или витавшие над ними Духи покойных, потревоженные при раскопках, изгоняли очередных чужаков?..

Вспоминая поездку, Егор даже на мгновение ощутил знакомый звон в голове и непонятную тяжесть на сердце – словно бы перенёлся астральным телом назад: в Туву и на Алтай.

«Нет, ерунда это, самовнушение! – отогнал он крамольные мысли. – Археологию и древнюю историю не стоит относить к точным наукам. Это как в астрологии: чересчур много домыслов, и ничего конкретного, что может связывать с будущим или далёким прошлым...»

«Хотя, разве только телевизионщики грешат мистикой? – задал он неожиданный вопрос уже не выдуманному оппоненту, а самому себе. – Если разобраться, я и сам не лучше их, понавыдумывал всякого! Может, и на захоронении в Туве плохо стало лишь из-за акклиматизации на высокогорье? И явление «огненной волчицы», это всего лишь цепочка совпадений, игра языков пламени, да ещё воспалённое воображение, как его, так и новоявленных «шаманов»? А уж про медитацию и говорить нечего: такого можно в сонном бреде придумать...»

Егор кое-как отогнал «посторонние» мысли и постарался думать о предстоящей встрече. Он, конечно же, не рассчитывает услышать от шарыпского геолога что-нибудь особенное. Ну, обнаружил тот малозначачий артефакт, а потом понапридумывал вокруг всякой всячины... Ведь одно дело профессиональные археологи, знакомые хотя бы с научными теориями, и совсем другое дилетанты, базирующиеся на своей воинствующей малограмотности. Как те авторы фильма, «втюхивающие» далёким от археологии и потому верящим абсолютно всему телезрителям различные слухи, нагромождение нелепиц, искажённые факты – в общем, полнейший бред...

Впереди возник знак с указателем вправо, информирующий, что до Шарыпа осталось три километра. Егор повернул и, проехав совсем немного, увидел девушку с двумя объёмистыми сумками. Та сошла на обочину и подняла руку, прося остановиться.

«Местная, наверное, – подумал Егор, – поэтому должна всех в Шарыпе знать? В том числе и геолога, конечно?»

– Садитесь! А вы, кстати, местная?

– Да, я из Шарыпа.

– Тогда должны знать геолога Быкова?

– Это одержимого-то? Владимира Сергеевича то есть?

– Почему одержимого?

– Да у нас многие его так зовут. Куда-то всё время ездит, ищет какие-то древние захоронения... А так, в разговоре, вроде нормальный – то есть на совсем уж чокнутого не похож, вроде! Одержимый, одним словом...

– И давно он живёт в Шарыпе?

– Года два, наверное? Из города приехал, купил брошенную усадьбу, домик новый построил, огород посадил.

– Так он что, пенсионер?

– Да я, честно говоря, толком и не знаю. Но, раз постоянно здесь живёт, то, наверное, пенсионер... К нему жена и дети часто навещают, особенно летом. И с соседом дедом Иваном дружит, так что у соседа сможете больше разузнать...

– А что, этого одержимого геолога сейчас дома нет?

– Не знаю даже! Я просто говорю, что он уезжает часто, мотается на своей машине по окрестностям. А вот сосед его всегда дома. Кстати, вот и дом Владимира Сергеевича, а следующий, если что, деда Ивана...

– А вас-то, девушка, куда подвезти?

– Да я тоже здесь выйду!

Деревянная калитка рядом со старенькими широкими воротами была заперта изнутри. Сразу за воротами стоял внедорожник «Нива-Шевроле» – так что хозяин, похоже, был дома? От калитки к небольшому и явно новому домику с широкими окнами вела дорожка из досок. Справа от неё из густой малины выглядывала совсем старая, посеревшая от времени избушка – похоже, баня? А слева возвышался большой капитальный навес, под которым свободно располагались стол и три кресла вокруг него. Егора заинтриговало то, что между навесом и дорожкой чернело обложенное закопченными камнями кострище, которое окружали несколько чурок-сидений. Похоже, костёр этот жгли частенько и для целой компании?..

Он несколько раз постучал в калитку, потом посигналил из машины. Наконец дверь домика распахнулась – и на крыльцо вышел невысокий мужичок с седой бородкой, одетый в камуфляж. По тому, как тот двигался, Егор заключил, что геолог бодр и, похоже, вовсе не стар.

– Здравствуйте, Владимир Сергеевич! Я из газеты.

Лицо хозяина осветилось широкой улыбкой, и глаза словно бы озарились внутренним светом. Егор невольно подумал, что именно таким хозяина и представлял: по энергичному голосу в телефонной трубке, по напористости. А, кроме того, как он давно уже подметил, работа в изыскательских экспедициях накладывает некий отпечаток узнаваемости на представителей походных профессий – схожие лица и особая манера держаться присущи геологам, геодезистам, профессиональным охотникам...

– Здравствуйте, здравствуйте! – обрадовано проговорил хозяин. – Честно скажу, не ожидал, сударь, что так быстро приедете.

– Да, так уж получилось... – Егор замялся, не зная, как ещё обосновать своё появление. – Ничего, что без предупреждения?

– Нормально! Я даже люблю, когда гости неожиданно появляются! – геолог распахнул калитку. – Проходите, сударь мой! Кстати, калитка снаружи легко открывается...

– В следующий раз буду знать.

– Вас, насколько помнится, Егором зовут? А по отчеству как?

– Можно просто Егором. Отчество, как говорит наш редактор, ещё заслужить надо!

Внутри дом был обустроен по городским канонам: большая кухня, просторная спальня с широкой кроватью и телевизором-плазмой, рабочий кабинет с книжными полками и ноутбуком на столе. По копиям старинных средневековых гравюр на стенах и корешкам книг, на которых большинство названий было связано с монголами и Чингис-ханом, можно было сразу догадаться о хобби хозяина.

– Может, по стопочке абсента? – предложил Владимир Сергеевич. – Так сказать, за приятное знакомство! Напиток сам, по классическим правилам готовлю.

– Это как же?

– Рецепт простейший, им в экспедициях часто пользуются: спирт или самогон двойной перегонки – и пучочек свежей полыни. На вкус получается отменно!

– Я как бы за рулём!

– Ну, одна стопка до вечера полностью выветривается! Можете, сударь мой, поверить – лично на себе опробовано.

– Если только из чисто спортивного интереса? – Егор заколебался. – А то слышать – слышал, но вот пробовать не доводилось.

– Ну, тогда за наше не кратковременное, как я надеюсь, знакомство!

Крепкий абсент слегка обжёг гортань и буквально через несколько секунд приятным теплом разлился внутри. Егор вдруг ощутил практически позабытый внутренний комфорт и уже ничуть не сожалел, что поехал в гости к этому гостеприимному человеку. Несмотря даже на то, что из-за поездки опять рассорился с женой.

Хозяин тоже был заметно обрадован, и стало видно, что ему просто не терпится поделиться с гостем своим открытием. Владимир Сергеевич тут же включил ноутбук и принёс из кухни ещё один стул.

– Садитесь, сударь, поудобнее! Тут за пять минут всё не объяснишь, ведь я к своему, не побоюсь этого слова, великому открытию не один год шёл.

На экране ноутбука возник спутниковый снимок местности: съёмка, судя по довольно яркой зелени, была выполнена весной или в начале лета. Егор придвинулся и попытался определиться с районом.

– Узнаёте, Егор? – спросил геолог.

– Пока не очень. Но вот, в северной части – это, похоже, Енисей?

– Он самый! А ещё, если хотите, Улуг-Хем, Йенесай, Йенеси, Анасу, Йе-Хэ... Это в зависимости у какого народа и в каком веке звучало! А вот это шоссе из Саяногорска в Шушенское, вот ответвление на Шарып, а вот и моя родная деревня...

– Теперь узнаю.

– А дальше будет самое интересное, – геолог достал из ящика стола отпечатанный фотоснимок, на котором шариковой ручкой были нарисованы какие-то кружочки. – Ничего не напоминает?

– Ну, если только созвездие Большой Медведицы... – неуверенно ответил Егор, разглядывая конфигурацию отметок.

– В самую точку, сударь мой! Я когда в первый раз обнаружил, то глазам своим не поверил! Стал листать гугловские снимки по годам, насколько они были представлены в Интернете: и везде, год за годом, хоть летом, хоть зимой можно разглядеть это созвездие, «отпечатавшееся» на земле.

– Я бы, пожалуй, даже внимания не обратил.

– Так ведь и я не сразу обратил! Поначалу меня просто старинные названия привлекли. Взять, к примеру, недалёкое село Каптырево. Я покопался в хакасском словаре: капка – хватать, а тур – крепость, получается Капка-тур. Из чего вытекает, что некогда здесь существовала долговременная застава. Именно тогда, впервые, на спутниковых снимках поискал. И сразу же нашёл! Оказывается, крепость располагалась менее чем в километре от теперешнего села, на возвышенности. И очень даже внушительных размеров была: хорошо дешифрируется квадрат опоясывающего вала – где-то двести на двести метров. Но, не зная, что это такое, в натуре практически невозможно определиться.

– Это и есть ваше открытие?

– Да это, сударь, мелочь, а не открытие! – геолог пренебрежительно отмахнулся. – А вот дальше был Шарып. Сар-ып, согласно тому же словарю, означает «Царская деревня», или есть ещё другой вариант – Жёлтый дворец. Если предположить, что слово «жёлтый» является синонимом слову «золотой», то смысл будет тот же. Так-то вот! Да и Сай-ан можно перевести как «Царская страна»... А «чинис», кстати, на хакасском означает «победитель», что, согласитесь, более подходит для титула хана ханов, то есть для Тэмучина?

– То есть, вы хотите сказать, когда-то здесь была ставка правителей Кыргызского каганата?

– Нет, столица каганата, если верить исследователям, располагалась совсем в другом месте. Столица древнехакасского государства Хагяс, как утверждают историки, находилась там, где речка Уйбат впадает в Абакан, то есть рядом с городом Абаканом.

– Тогда чей же здесь мог быть дворец? – уже откровенно заинтересовался Егор.

– Вот и я задал себе такой же вопрос, а потом стал изучать спутниковые снимки, – геолог стал перебирать распечатанные фотографии, отыскивая нужную. – А когда, практически случайно, обнаружил некий комплекс в форме созвездия Большой Медведицы, попробовал определить, на какой месяц оно сориентировано. Получилось, что астрономическое положение соответствует где-то августу-сентябрю. Вам, Егор, это ни о чём не говорит?

– Мне, нет!

– Именно в августе, согласно письменным источникам, умер Чингис-хан, а ещё его внук Мункэ, – геолог увлёкся и начал оживлённо жестикулировать руками. – Ещё Марко Поло писал: «Знайте, всех великих государей, потомков Чингис-хана, хоронят в большой горе Алтай». Под Алтаем тогда подразумевали цепь хребтов, включая и наши Саянские...

– Но ведь это целая тысяча, если не более, километров! К тому же мы расположены относительно Монголии по другую сторону хребтов, – усомнился Егор.

– Так-то оно так, но по-китайски Енисей называется Йе-Хэ, а в семье, да и в окружении Чингис-хана Тэмучина преобладают такие имена, как Йесугэй, Йесуй, Йехэ Цэрен, Йехэ Черу, Йесугэнхатун... Думаете, сударь мой, случайно? Нет, это напрямую говорит, что они жили или хотя бы изначально родились именно на берегах нашего Енисея...

– И что же из всего этого вытекает? – спросил Егор, в душе которого что-то ёкнуло – настолько слова геолога перекликались с его недавними снами.

– А то, что по представлениям древних тюрков созвездие Большой Медведицы олицетворяет погребальную колесницу, при помощи которой умершие попадают в вечность, то есть в небесное царство Вечного Тэнгри. И, согласно древним рукописям, Чингис-хан тайно погребён на некой родине. Вроде, как и не в Монголии вовсе? Но упоминается также, что при жизни он соблюдал алтайские обычаи, а Саяно-Алтай, где мы сейчас с вами живём, это часть территории древнего Алтая! Не слишком ли много совпадений?..

– То есть, вы хотите сказать, что Чингис-хан был похоронен именно здесь? Но ведь это же ерунда!

– Не спешите с выводами, сударь мой! Здесь похоронен не только он, но и часть его прямых потомков. Именно Чингис-хан Тэмучин был первым, и это по его приказу начали возводить здесь погребальный комплекс.

– Ведь его гробницу, вроде как, нашли в Монголии? – возразил Егор, в сознании которого стал крепнуть откровенный скепсис.

– Да, – геолог усмехнулся, – и сразу же закрыли доступ для всех! Похоронили, таким образом, величайшее археологическое открытие, величайшую мировую сенсацию?! Вы сами-то, сударь мой, можете в такое поверить?!

– С трудом, – согласился Егор. – Но ведь и китайцы, помнится, писали о каком-то найденном погребальном комплексе Чингизидов?

– Просто несколько поколений Чингизидов правили практически всей Азией, и этих правителей хоронили там же. А Чингис-хан, ещё раз повторяю, согласно первоисточникам был тайно похоронен на родине. Рыжеволосый и голубоглазый хан ханов никак не мог принадлежать к расе азиатов! Согласитесь же, сударь мой, с очевидной истиной!

Да, это Егор знал определённо и даже лучше «одержимого геолога» – об этом поведала ему во сне сама мать Тэмучина Оэлун. Вот только как сейчас рассказать об услышанной легенде и не вызвать снисходительную улыбку на лице этого много знающего, но постороннего человека? Как пересказать удивительные сны, которые ему самому кажутся необъяснимыми и воспринимаются настолько невероятными, что он сам порой начинает сомневаться: сны это или фантазии больного воображения?.. Так что пока лучше об этом промолчать!

– Похороны были, насколько это возможно, тайными, – продолжал геолог, – не оставили даже никаких надгробных знаков, чтобы захоронение не подверглось разграблению...

– Я от тувинцев слышал, что по месту захоронения прогнали многотысячные табуны, – перебил Егор, – которые и скрыли навечно все следы.

– Не думаю! Попрание могилы Великого Повелителя копытами коней по традициям степняков явилось бы величайшим оскорблением! Предполагаю, что это была специально запущенная «деза»: мол, все следы уничтожены, так что искать бесполезно!

– Что ж, вполне логично, – согласился Егор.

– То, что могилу до сих пор не знают где искать, обусловили ложные описания в более поздних рукописях: то будто бы тайное место находится у неведомой горы Бурхан-Халдун, то замыто рекой, то поросло густым лесом...

– А сам район захоронения уже восемь веков охраняют от европейских археологов неведомые урянхайские племена, – добавил Егор с усмешкой. – Я слышал это от тувинцев.

– Насчёт многовековой охраны – это, скорее всего, и есть самая настоящая легенда! А вот то, что котлован для захоронения и тоннель копались тайно и на значительной глубине – об этом косвенно намекают практически все первоисточники. Китайские рукописи, например, утверждают, что склепы вырубались в скальной породе у подножия горы. Правда, я считаю, что это тоже не вполне согласуется с традициями кочевников, в соответствии с которыми должен был погребён Чингис-хан. А вот глубокий котлован, из которого длинный туннель ведёт в погребальную камеру, это понятно мне, как геологу, и ближе к степным традициям...

– Не слишком ли сложно и трудоёмко?

– А высекать камеру в скале не трудоёмко? – ответил геолог вопросом на вопрос. – Строителей ведь, сударь мой, могли нагнать сколько угодно – была у них такая возможность. Да и хоронили Чингис-хана через целых два года после смерти! По моим представлениям, туннель потом засыпали, а в котлован сложили умерщвлённых строителей и охранников. Затем сверху насыпали курган.

– То есть, хотите сказать, что свежим курганом просто-напросто демаскировали захоронение? – опять не согласился Егор. – Где-то в вашей логике, Владимир Сергеевич, серьёзный прокол!

– Ничуть! Во-первых, курганов в здешних местах сотни, вернее тысячи, а, во-вторых, секретное захоронение оказалось при этом довольно далеко в стороне. Так что и местные традиции были соблюдены, и расположение истинной гробницы, даже учитывая

случайных соглядатаев, вычислить невозможно. Согласитесь, сударь мой, что даже сам факт таких гигантских работ полностью засекретить невозможно?!

– Согласен. Потому и не понимаю, как до сих пор захоронение не нашли!

– Ещё раз проследите за логикой. Глубокий котлован охранять элементарно просто, а потом насыпанный сверху курган ещё легче. При этом всё строительство проводилось именно на глубине, под грифом абсолютной секретности! А со временем курган охранять и вовсе не обязательно: ну, пробьют копатели сверху «дудку», ну, найдут что-то малозначащее – на этом всё и закончится. Ведь те, кто секретно рыли туннель, унесли тайну о его длине и направлении в общую для всех строителей могилу...

– Да, беспилотников в те времена или хотя бы воздушных шаров, чтобы сверху подсмотреть, не было, – согласился Егор. – Со стороны можно лишь увидеть, что всё опускают в котлован, а куда дальше переносилось, то не ведомо никому! Тут я с вами полностью соглашусь.

– Всё именно так и было! Причём котлован требовалось рыть серьёзный, с дренажом, с защитой от дождей.

– Да, если бы захоронение располагалось не слишком глубоко, то в наше время подозрительные места можно запросто исследовать хорошим металлоискателем. Благо с Чингис-ханом золота и серебра было захоронено, как говорится, не меряно... Ведь тогда о металлоискателях даже не думали!

– Нет ещё пока столь мощных металлоискателей!

– А я читал, что у военных сапёров есть приборы, способные обнаружить металл на глубине до десяти метров.

– Но у гражданских-то таких приборов нет!

– Зато есть видящий сквозь землю геолог Быков! – пошутил Егор.

– Я ведь определил не просто место захоронения Чингис-хана, а дешифровал целый погребальный комплекс Чингизидов! Оцените масштаб, сударь мой! Согласно некоторым источникам, в этот погребальный комплекс положили его младшего сына Толуя, а потом и внуков: Хубилая, Мункэ, Ариг-Бугоя... А это уже, согласитесь, никак не вяжется со скрытностью и секретностью

всего комплекса! Всё дело, значит, именно в хитроумных подземных секретах!

– То есть, вы хотите сказать, что погребальный комплекс Чингизидов с самого начала был задуман в форме созвездия Большой Медведицы, а не постепенно формировался? И каково же тогда получается расстояние от одного кургана до другого?

– Ну, не в метрах конечно, а, простите, в километрах они друг от друга расположены! По снимкам, правда, можно с точностью до десятка метров вымерить. Я определил комплекс «первой очереди» – он весь укладывается где-то в девять километров, а вот «второй очереди» – уже в тридцать.

– Что-то масштаб слишком космический? Где логика? – снова засомневался Егор.

– Именно в этом и присутствует железная логика, сударь мой! – радостно воскликнул геолог и придвинул снимок ближе к Егору. – Если бы могилы располагались на небольшой площади, то, стоило случайно найти одну, а остальные как на блюдечке, по-соседству: грабь – не хочу! На большой же площади, не зная системы, отыскать что-то схожее практически невозможно. А систему знали только строители, да и то, я думаю, далеко не все – за это их и лишили жизни в рамках ритуального жертвоприношения, которые во время похорон, как утверждают историки, выполнялись повсеместно. Ни один первоисточник так и не ответил на вопрос, куда подевались тысяча саксонских горняков, лучших профессионалов своего времени, отправленных в ставку Чингис-хана.

– А вы как считаете?

– Да они были элементарно умерщвлены после проходки тайного туннеля к гробнице. А ещё и надёжную дренажную систему под силу создать только высококлассным специалистам. Вот вам, сударь, и ответ! По-моему, всё очень даже логично?..

– Но вы же разгадали систему, пусть и случайно? – поддел Егор торжествующего геолога.

– Мне аж через восемь веков всё открылось, да и то с помощью новейших технологий. Спутниковые-то снимки совсем недавно в свободном обращении появились... Кстати, время к обеду! Как говорится, археология археологией, а обед по расписанию.

Владимир Сергеевич повёл Егора по дорожке между грядок, стал с гордостью показывать молодой сад, ровные грядки с огородной зеленью, заросли земляники с крупными красными ягодами.

– Угощайтесь, Егор! Это вам не с рынка мятые-пермятые, а наисвежайшие и наиспелейшие. Кстати, жена по почте сорт выписала, «ремонтантная» называется – до самых морозов плодоносит...

Потом, накопав молодой картошки, хозяин помыл уже довольно крупные клубни и стал лихо крошить их большим ножом.

– Ловко это у вас получается! – восхитился Егор. – Прямо как у профессионального повара.

– Экспедиция всему научит, – геолог улыбнулся. – А уж кто не способен к учению, тот в нашей профессии надолго не задерживается. Кое-что со временем даже в привычку переходит: люблю, например, посидеть вечером у костерка, особенно в хорошей компании!

Потом они сидели под навесом и ели пожаренную на сале молодую картошку, с хрустом откусывая ароматно пахнущие одновременно свежестью и знойным летом огурцы. От разгоревшегося костерка тянуло пряным дымком, и это создавало особый уют, настраивающий непременно на философские разговоры.

– Кстати, в первоисточниках у европейских путешественников практически не упоминается такая нация как монголы, – вернулся к теме Владимир Сергеевич, – поскольку это было совсем крохотное племя, так и канувшее в безвестность.

– Откуда же возникло потом государство под названием Монголия? – не согласился Егор.

– Я, сударь мой, могу предложить свою версию. Согласно хакасскому словарю, словосочетание «мон гол» означает «тысяча озёр», и даже современный рельеф карт указывает, что прежде озёр здесь было несоизмеримо больше. То есть, вполне можно допустить, что древняя страна Хонгорай называлась в то время страной тысячи озёр. Да и тот же Гильом-де-Рубрук, касаясь истории описываемых им степняков, называет племя Чингис-хана керкисами, что, согласитесь, очень созвучно с кыргызами. Кстати, согласно тому же словарю «Хак-асия» означает не что иное, как «Белая Азия», а ведь тюрки внешне напоминали современных европейцев...

– Это всего лишь ваши предположения, а как насчёт официальных версий? – не сдавался Егор.

– Ну, согласно китайским хроникам, древние монголы были выходцами из племени шивэй, которое принадлежало к этнической группе кочевников киданей. Расселяясь, кидани двигались с верховьев Амура на запад. Но по численности полностью преобладали, конечно, татары – поэтому западные летописцы все кочевые племена Саяно-Алтая зачастую называли именно татарами...

– А страну почему-то создали немногочисленные, как вы говорите, монголы? Согласитесь, что это полный абсурд?

– Я думаю, что настоящие монголы просто-напросто растворились в массе кочевников, а потом возникли моголы – то есть «великие», как они сами себя называли на курултае. Вот только в европейских языках намного легче фонетически произносится именно «монголы»... Так, я думаю, и закрепилось!

– А не могло то крохотное племя монголов вдруг расплодиться?

– Не думаю. Степной закон того времени был жесток: сильные убивали и грабили слабых, а слабые сбивались в разноплеменные стаи, чтобы отплатить обидчикам. Да и соседями тех малочисленных монголов оказались многочисленные и воинственные уйгуры, которые пришельцев из степи, мягко говоря, не жаловали...

– Как я понимаю, это ваши личные предположения, а что утверждают первоисточники? – настаивал Егор. – Меня-то эта страница истории прежде особо не интересовала...

Егор осознанно провоцировал Владимира Сергеевича, надеясь узнать нечто, подтверждающее или опровергающее его невероятные сны. Вон ведь сколько у него книг о монголах и о Чингис-хане! Геолог в своих многолетних поисках наверняка проверял и перепроверял различные гипотезы, сравнивал первоисточники? Егору же это приходит ниоткуда, и ему понадобилось бы очень много времени, чтобы перечитать противоречивые книги и сформировать окончательное мнение. Тем более что он уже практически верил каждому слову «чокнутого геолога»!

– Все древние свитки и книги переписывались не раз и не два, – заговорил геолог, немного подумав. – По указке очередного правителя в них обязательно что-то подправлялось, а причины были

разные: то политические, то какие-нибудь этические, а то и элементарное прославление своего рода. Вот так Чингис-хан Тэмучин и стал, в конце концов, монголом. А на тех же китайских гравюрах он выглядит настоящим китайцем. Помню я, как в Республике Монголия на плакатах Ленина изображали – узкоглазым и скуластым! Вот и в написании европейцами древней истории монголов всё, противоречащее официальной версии, старательно уничтожалось. Кстати, сам Чингис-хан карал смертной казнью тех, кто допускал искажения при переписывании книг...

– Пожалуй, здесь вы правы, – согласился Егор. – Поэтому и не сохранилось достоверных портретов Тэмучина и его сыновей. А ведь не может такого быть, чтобы их не писали какие-то придворные художники?

– Именно так, глубокомыслящий Егор! – геолог от избытка чувств даже в ладоши захлопал. – Если бы Тэмучин принял мусульманскую веру, запрещающую изображать людей, это ещё можно было бы как-то объяснить, но ведь он всю свою жизнь оставался тэнгрианцем!

– Ладно картины, которые легко уничтожить, – развивал свою мысль Егор, – но не сохранилось ни бюстов, ни скульптур. А ведь он свозил в Орду самых искусных художников, и скульпторов из захваченных городов.

– А вот это, я думаю, уже из-за смены господствующей расы! Правя азиатскими странами, его потомки всё больше утрачивали свои корни и, как говорится, всё больше «обазиачивались». К примеру, тысячу лет тому назад здесь, на Саяно-Алтае жили ещё племена с европейскими чертами лица, поэтому со скифских времён среди каменных идолов встречаются чисто европеоидные типажи. Но мне тут как-то встретился материал, что Усть-Тасеевский идол в Приангарье, которому две с половиной тысячи лет, претерпел около тысячи лет тому назад, так сказать, «пластическую операцию». Его из европейца постарались превратить в азиата. Изначально у идола были большие выступающие ноздри, усы и густая борода, а поздний скульптор сделал ему более узкие глаза, усы же и бороду попросту «сбрил» тесалом. Вот тебе и ответ на твой вопрос!

– Да, не побоялся ваятель даже надгробный, как сейчас говорят, памятник осквернить!

– Ну, если курганы грабили, то уж про стражей захоронения и говорить нечего...

Егору вдруг вспомнились писаницы Ялбак-Таша – то есть, в переводе с алтайского, «Плоского камня». Некоторым наскальным рисункам, по заверению алтайца-экскурсовода, было около восьми тысяч лет, часть же была выбита на камнях уже в древнетюркскую эпоху, то есть более тысячи лет тому назад. Древние художники изображали то, что видели, причем стремились к максимальному сходству: боевые колесницы и запряжённые быками телеги, воины и охотники, домашние животные и удивительные фантастические звери. На одном из рисунков были изображены, как уверял экскурсовод, островерхие жилища с завитками коры и остовом из жердей – Егору же виделись три космических корабля, в боевом порядке пронизывающие на скорости земную атмосферу. Несомненно, с ракетами сходства было намного больше...

– А может, – предположил Егор, – омонголивание древних идолов, как и уничтожение подлинных портретов Чингис-хана происходило из-за простого неверия в их подлинность? Ну не могли же, как считали кочевники-азиаты, прежде жить в степи европеоидные расы, и не мог, как считали уже его потомки, Потрясатель Вселенной выглядеть бородатым европейцем?! Всё это, с их точки зрения, вымыслы прежних художников и скульпторов. Как сейчас говорят, полная портретная абстракция!

– А что, интересная версия! – обрадовался геолог. – Вполне, сударь мой, допускаю!

– Ведь даже версий смерти Чингис-хана было несколько, – затронул ещё одну интересующую его тему Егор. – И только через несколько веков официальной признана та, что он заболел после падения с коня во время охоты. Самая, причём, неконкретная...

– И в этом полностью с вами, сударь, согласен! Плано Карпини в своих записках говорит об ударе молнии, а тот же Марко Поло написал, что каан умер от раны, нанесённой боевой стрелой в колено. Существует ещё красивая монгольская легенда, будто бы он

ночью был зарезан пленённой или даже подосланной тангутской ханшей, красавицей Кюрбелдишин-хатун.

– Ну, я думаю, что последнюю легенду просто-напросто «слизали» с более ранней – о трагической кончине Аттилы?

– Опять, сударь мой, полностью с вами соглашусь! Такие исторические повторы слишком уж маловероятны... А вы, Егор, как я вижу, хорошо знакомы с первоисточниками? Поделитесь, что читали, может, даже в моей библиотеке этого нет?

– Да так: что-то в Интернете встречалось, а что-то от археологов услышал, – невольно стал оправдываться Егор. – И совсем недавно в Туве побывал. Тувинцы, кстати, тоже уверены, что Чингис-хан отсюда родом.

– Надеюсь, сударь мой, теперь-то вы убедились, что они очень сильно заблуждаются? Хотя, знаете ли... Притоки Енисея Каа-Хем и Бий-Хем они вполне могли посчитать синонимами Онона и Керулена, а какую-нибудь гору в окрестностях легендарной Бурхан-Халдун...

И тут в голову Егора пришла невероятная, словно бы вовсе чужая мысль. Как будто кто-то неведомый, давно прислушивавшийся к их беседе, не удержался и высказал собственное мнение: «В мир Неба легче попасть по воде, всегда отражающей небеса и вечно текущей в неизвестную даль, поэтому захоронение непременно должно находиться рядом с величайшей рекой Йенесай – рекой царей. А ещё требуется предстать перед богами в золотом одеянии, чтобы они увидели себе подобного и забрали в свой Верхний мир...»

– Что-то я совсем уже очумел от объёма новой информации, – пожаловался хозяину совершенно потрясённый этой неожиданной мыслью Егор. – И как это вы, Владимир Сергеевич, сумели всё разом охватить, а главное, во всё это поверить?

– Любое открытие, как я теперь понимаю, это прорыв извне, – задумчиво проговорил геолог. – На тебя вдруг что-то накатывает, точнее, где-то в мозгу рождается прозрение. Ещё минуту назад ты об этом мог не думать всерьёз, а всего лишь смутно догадывался, как бы по инерции отмечал случайные факты, собирал помаленьку и пытался сложить нестыкуемые пазлы... И, вдруг, в один момент приходит уверенность в правильности всех твоих догадок, а следом

наступает пронзительная ясность, потому, что абсолютно всё становится на свои места!

– Я прекрасно вас понимаю!

– И ведь я, поверьте мне, сударь, совсем не случайно разглядел Большую Медведицу на снимке, потому как о курганах, расположенных в форме различных созвездий, упоминается в дневнике монаха-даоса Чан-Чуня, где он описывает своё трёхлетнее путешествие в ставку Чингис-хана. Кстати, перевод с китайского в свободном доступе в Интернете; если не ошибаюсь, архимандрит Палладий перевёл дневник ещё в середине девятнадцатого века?

– Обязательно найду! – заверил Егор. – Кажется, в Китае даже город такой есть?

– Есть, и вполне заслуженно. Чингис-хан потому и отправил своего посланца с приглашением, что Чан-Чунь почитался величайшим ученым среди ученых и святым среди всех даосов.

– И что, целых три года он добирался до ставки? – удивился Егор. – Пешком, что ли?

– После побед в Китае армия Чингис-хана задержалась возле Самарканда, а Чан-Чунь в это время в сопровождении учеников и охраны направился в китайскую столицу, и уже оттуда в Орду. Не застав там хана ханов, он через Сибирь, Алтай и Тянь-Шань добрался, наконец, до ставки. Вот потому путешествие и продлилось целых три года, начиная с тысяча двести девятнадцатого.

– Теперь понятно.

– Но самое главное, что очень многие, даже незначительные детали путешествия были подробнейшим образом им описаны. В том числе встреченные в китайских землях и очень поразившие его захоронения, располагавшиеся в виде созвездия Большой Медведицы.

Егор снова с любопытством стал разглядывать снимок. Действительно, очень похоже! Заметил бурое пятно возле одного из нарисованных в стороне кружочков.

– А здесь что за порода красного цвета?

– Это, кстати, Полярная звезда! Через неё, по верованиям тэнгрианцев, проходит ось Земли – так что, вполне возможно, ими

чисто символически был откован и забит огромный гвоздь, выкованный из железных метеоритов...

– Мне кажется, вы, Владимир Сергеевич, шибко всё усложняете?! А не может это быть просто захоронением воинов, убитых после похорон. Предположим, тысяча человек, на каждом доспехи, плюс сабли, ножи – итого килограммов пятнадцать-двадцать. Всего получается где-то более двадцати тонн железа, которое постепенно ржавело, а ржавчина выносилась грунтовыми водами вниз по склону. Вот за века и накопилось безо всякого гвоздя!

– Кто знает?.. – геолог развёл руками. – Нужно копать. В следующий ваш приезд, Егор, сразу же отправимся на Мегрец¹, то бишь на могилу Чингис-хана...

Слова Владимира Сергеевича вселяли Егору уверенность, что настоящие открытия ещё впереди, и он сразу же решил, что через неделю приедет обязательно. Слишком уж эта невероятная встреча вписывалась в логическую цепочку предыдущих событий, слишком уж рассказ геолога перекликался с его невероятными снами. Вспомнил даже как-то услышанную в Туве поговорку: «Кто не знает своей истории – будет испытывать невзгоды, а кто не знает своего родства – попадет в беду». Не это ли хотели передать ему тогда, в Туве, его далёкие предки?..

За разговорами незаметно приблизился вечер. Лёгкий ветерок то и дело заносил под навес дым от костра, напоминая Егору о ночёвках на берегу озера, а воспоминания располагали к ничегонеделанию и приятному времяпровождению. Разговор тёк уже давно вне всякого русла: о прелестях деревенской жизни, о приближающемся грибном сезоне, об археологах и геологах...

– А давай выпьем за женщин, – предложил геолог. – У нас в экспедициях даже вроде некоего закона было: если за женщин не выпьешь, то вроде как банальная пьянка. Я даже наш шуточный тост помню: «Что посмеешь, то и пожмёшь!»

– Давайте, выпьем, – согласился Егор, которому в этом чужом доме, у потрескивающего костерка было так тепло и уютно, что совсем не хотелось возвращаться в город.

¹ Одна из звёзд созвездия Большой Медведицы, в переводе с арабского означает «Основание хвоста».

Владимир Сергеевич пошёл в дом, и вскоре вернулся с бутылкой, двумя стопками и тарелкой с нарезанным копчёным мясом. Наполнил стопки.

– Ну, за любовь!

– У нас, правда, тост «За любовь!» шёл третьим, а не вторым, – пошутил Егор.

– Вы, сударь, как хотите, а для меня эта стопка – последняя! А у тебя самого-то, Егор, как с любовью?

– Женат, как и положено... – Егор замялся. – А про любовь эту, как я подозреваю, большинство только во время тоста и вспоминают.

– А что же тогда вас с женой свело? – живо спросил геолог и пристально посмотрел на Егора.

– Увлечение, я думаю. Оно ведь у всех возникает, а потом, через какое-то время, незаметно так проходит. У кого быстро, у кого не сразу – это кому как повезёт.

– Так ты что, в любовь совсем не веришь?

– Не то чтобы совсем. Но читал где-то статистику, что две трети людей ни разу в жизни по-настоящему не влюблялись, а так – женились, разводились...

– Ну, не скажи! Помнишь, у Пушкина: «И, может быть, на мой закат печальный мелькнёт любовь улыбкою прощальной»?

– Поэты – это, скорее, то самое исключение! Они, как мне кажется, сами и придумали любовь. Пока убеждают читателей в чём-то, сами начинают в это искренне верить.

– Нет, не скажи, любовь существует! Если разобраться, что из себя представляет человек? Мразь, грязь, болезни... Но ведь, согласись, есть на свете прекрасные женщины и искренне обожаемые ими мужчины?

– Когда женятся, многие, наверное, на это надеются? – не сдавался Егор.

– А вот я, когда свою Альбину встретил, то сначала решил: «Шикарная баба!» А, как потом выяснилось, она и женщиной оказалась очень даже неплохой. Ведь я в экспедиции едва не спился, и если бы не Альбина...

– Расскажите!

– Да вырвемся, бывало, с полевых работ в городскую цивилизацию – и первым делом думаем, как расслабиться. Денег много, друзей тоже много, с одним выпьешь за встречу, с другим вечерок посидишь – не заметишь, как и отпуск пролетел. Ну и деньги, конечно, вчистую спустишь. Незаметно и не сразу, но я в это дело глубоко втянулся, дошло до того, что и на работе стал частенько прикладываться. И не знаю даже, чем бы всё закончилось, если бы не моя Альбина...

Владимир Сергеевич как-то очень мягко улыбнулся, и задумчиво поглядел на огонь. Потом, встав со своего «трона», подобрал в затухающий костёр несколько поленьев и продолжил:

– В Якутии дело было. Там зима иногда неожиданно рано приходит, так что мы немного не успели плановые работы закончить. Палатки, правда, сразу же утеплили, и печурки в каждую начальство вертолётном доставило, а ещё прилетели две молодые женщины-геологини для усиления. Ну и вертолётчики, естественно, контрабандный ящик водки доставили, чтобы было потом чем отметить окончание работ. Это, конечно, неофициально, а чтобы начальство не догадалось, у нас даже пароль такой существовал во время связи по радиации с лётным отрядом: прихватите, мол, ящик, а то и два ящика переходников!

– А почему переходников? – удивился Егор.

– Ну, сам понимаешь, для перехода от трезвого состояния к пьяному...

– Да, – Егор расхохотался, – против наших русских паролей западные шифровальщики бессильны!

– Ну, да разве народ до срока дотерпит, раз такое богатство привалило. Короче, половину ящика в тот же вечер оприходовали. А ночью выбрался я по нужде из палатки в полном отсутствии пространственной координации – и, похоже, потерял меня в темноте из виду Ангел-хранитель. В общем, увела меня кривая дорожка от палаток! Спихватился, когда уже с полкилометра отмахал... Начал тыкаться туда-сюда – а мороз серьёзный, снег уже довольно глубокий, так что идти тяжело, спина под полубрюшком мокрая, да и в апоги на босу ногу снег набился. Когда понял, что окончательно заблудился, хмель-то сразу прошёл –

и сообразил, что надо возвращаться по своим следам. Вот только темно, да и днём там столько понатоптали, что во все стороны тропки ведут. Стал кричать – тишина, никто не отзывается. А мокрая рубашка под полушубком уже заледенела, да и ног совсем не чувствую – в общем, ещё бы с полчаса такой «прогулки», и песок бы пришёл к геологу Быкову...

– Прямо как в рассказах про Аляску, у Джека Лондона!

– Вот тут-то потерявший меня Ангел-хранитель и разбудил Альбину! Вроде бы, говорит, кто-то по имени позвал, да ещё и в бок толкнул. Вышла она наружу из палатки: вокруг тишина, мороз, вверху луна из-за туч на минутку выглянула – и всё, как днём, осветила. Их палатка стояла рядом с нашей, в которой я с начальником отряда квартировал, вот она и смотрит, что от нашей мимо ихней вроде как свежий след в тайгу уходит... А на душе, говорит, так беспокойно, тревожно! Превозмогла свою девичью скромность, заглянула в нашу палатку, потом фонариком внутри осветила: моё место пустое, а начальник после изрядной дозы спиртного спит, как сурок. Еле-еле его растолкала, пришлось, говорит, даже лицо снегом растирать...

– Решительная женщина, что и говорить!

– Да уж не отнимешь! В общем, подняла начальника, тот поднял тревогу – и двинулись несколько человек по моим следам. Когда нашли, я к тому моменту уже практически в несознанке был – сидел, скрючившись под ёлкой. Должно быть, мысленно у Святого Петра место в раю выторговывал...

– То есть, вообще ничего не помните?

– Абсолютно!.. Притащили меня в лагерь, водкой растёрли, горячим чаем напоили – в общем оживили. И даже не простудился, только пальцы на ногах малость обморозил – до сих пор к холоду чувствительны.

– Да, спасла вас женщина! Если бы не она...

– Ну, если бы не она, мы бы сейчас не разговаривали! А на Альбину я утром совсем по-другому взглянул. Смотрю, а у неё глаза, словно две звезды, и лицо будто свет излучает. В общем, влюбился сразу и бесповоротно и где-то через месяц даже предложение сделал. А она ни да, ни нет, и вроде как пошутила: «Зачем мне

пьяница нужен, который завтра в тайге замёрзнет – и меня вдовой сделает!»

– Вот это женщина!

– Я тогда же ей слово дал, что отныне мой предел, это сто граммов, да и то лишь в её присутствии. А без неё ни-ни! И что ты думаешь, слово держал железно, так что в конце следующего полевого сезона, когда я ей снова предложение сделал, ответила: «Вижу, что обещания выполнять умеешь, и что мужик ты настоящий. Только учти, лишь раз нарушишь слово – тут же от тебя уйду!» Вот с тех пор и блюду норму, разве что после выхода на пенсию Альбина небольшую поблажку мне сделала. Угадай, какую?

– Ума не приложу!

– Заслужил полное доверие, так что и без неё могу сто граммов выпить. Но больше ни-ни! У нас всё на доверии.

Егор промолчал и, глядя на огонь костра, подумал: «А вот у них с Ириной, почему-то, совсем не так! Может, нужно раз откровенно поговорить с женой обо всём, а не оттягивать объяснение, не тянуть время. Ведь, сколько ни тяни, лучше, похоже, не станет. А так они пока ещё не переступили черту, после которой нет возврата. И, может быть, у них ещё всё может сложиться, как сложилось у Владимира Сергеевича с его Альбиной? Завтра обязательно с ней поговорю!...»

От принятого решения стало легко и даже как-то радостно. Конечно, если всё у них утрясётся и вернуться отношения, что были сразу после свадьбы, то лучше и быть не может! И даже подумал с сожалением: «Эх, если бы не выпил, то прямо сейчас бы домой поехал! Тем более что обещал Ирине вечером вернуться...»

– Ну что, спать пойдём, или дровишек в костёр подбросить? – спросил уже начавший клевать носом геолог. – А то ещё абсента выпей, ты ведь зарок не давал!

– Да я и без зарок не особый любитель. Так, только когда за компанию...

– Извините, сударь, компанию поддержать не могу, – геолог сокрушённо развёл руками. – И так вторая уже сверх нормы была. Альбине поклялся, а раз мужик обещал – мужик сделал!

– Вы ложитесь, а мне ещё кое-что записать нужно.

– Что-нибудь интересное надумал? – живо поинтересовался геолог.

– Да так, похоже, ерунда...

– Не бывает, сударь мой, в наших мыслях ерунды! Всё оттуда, – геолог показал пальцем вверх. – В каком-то поэтическом сказании вычитал: «У нас лишь помыслы от облак Неба! Но, дух – от ветра, глаза – от солнца, кровь – от моря, а тело – от сырой земли...»

Егор остался один у затухающего костра и, достав из машины тетрадку, стал записывать строчки, неизвестно в связи с чем, и неизвестно откуда возникшие в голове.

Налью вина – стакан до дна.
Кого винить? – Моя вина:
Уходит женщина...

Строчки рождались как раз не из-за ощущения вины, а наоборот, ему сейчас казалось, что происходит некое очищение от накопившегося негатива. И, конечно же, впереди открывается начало совсем другой, новой жизни!..

В душе зима, вокруг – весна,
Но день как ночь, и ночь – без сна...
Уходит женщина!
Не на закат, не на рассвет –
За сотни вёрст, на сотни лет
Уходит женщина...

А ведь он в глубине души всё так же любит Ирину. Просто в какой-то момент перестал её понимать. Или, наоборот, абсолютно перестал понимать себя? Поэтому, возможно, и она никак не может найти точек соприкосновения? И так же мучается, страдает в душе, как он...

В стакан вина тоску до дна,
И разве важно, чья вина,
Если уходит женщина?!

Он налил стопку абсента и, прошептав «За любовь!», выпил. Потом подгрёб тлеющие угольки к центру кострища и пошёл спать...

Но, когда Егор вернулся утром в прекрасном настроении и полный надежд, в глазах жены увидел непроницаемый, ледящий холод. И в словах Ирины было столько непонятной, необъяснимой злости, что он, только что решившийся пойти на примирение, даже отшатнулся. Эта злость жены тут же передалась и ему, но Егор усилием воли не позволил ей выплеснуться, только подумал устало: «Нет, надо разводиться. Никогда она меня не любила, просто два года тому назад посчитала, что нашла выгодную партию. Эта не кинется спасать, очертя голову, от неприятностей или, тем более, от пьянства – только будет без конца на нём своё зло срывать! Нет, не его это женщина! А значит, даже и хорошо, что нет у них детей...»

В моих снах неожиданно возникают совершенно незнакомые люди - и так же внезапно исчезают. Будто значимыми они становятся только на тот момент, когда оказываются близко, но, стоит им отдалиться - и тут же эти люди представляются случайными и неинтересными, а их дальнейшее присутствие в цепочке сновидений вовсе не обязательным. Именно по этой причине сюжет книги, начинавший мало-помалу для меня проясняться в течение предыдущего дня, утром снова почти разваливается. И приходится раз за разом перекраивать уже написанное - и всё это вызывает во мне, как авторе, почти отчаянье! Лишь осознав, в конце концов, невозвратность проходящих, случайных образов, я примирился и с неизбежностью их утраты, а сожаление о «третьестепенных» героях опустилось в глубину сознания, будто бы в «колонку примечаний» на последней странице. Я не вычёркиваю их из памяти совсем, поскольку предвижу, что наступит момент, и все эти не до конца забытые мною люди, наконец-то, дождутся своего часа или краткого мига, чтобы в самый неожиданный, самый непредсказуемый момент вновь напомнить о себе читателям. Как это часто случается и в реальной жизни...

Глава 6. СЕКРЕТ БЕЗВРЕМЯ

Егор лежал с открытыми глазами, но отвернувшись от жены. Лежал, отодвинувшись, чтобы даже не прикасаться к ней, и боялся лишний раз пошевелиться, потому что не был уверен, спит Ирина или тоже прислушивается к его дыханию. Сейчас любой разговор с ней пугал своей предсказуемостью: он чувствовал, что обязательно сорвётся, наговорит гадостей, боялся её уже привычных слёз обиды, необоснованных обвинений. Всё это неминуемо произойдёт, но только не сейчас – пусть завтра или, может быть, послезавтра. Их взаимная неприязнь подобралась к такой грани, перешагнув которую, они уже навсегда, безвозвратно будут ею разделены. И этот предстоящий разговор – та точка невозврата, после которой дороги назад не будет, а впереди возникнет только неизвестность и едва брезжащий новый путь. Последний шаг оттягивают всегда, даже в безвыходной, казалось бы, ситуации, потому, что потом нужно менять всё: дом, привычки, знакомых... Нужно менять свою жизнь, а это не только страшно, но и очень больно...

Егор так лежал долго, до самой, наверное, полуночи – и сон пришёл как облегчение, как освобождение от тягостных мыслей. Может быть, поэтому он показался лёгким и безоблачным, далёким от гнетущей реальности и забот...

* * *

Ему нравились утренние прогулки, когда солнце только восходило, и земля была мокрой от росы; когда в прохладном ещё воздухе стоял навязчивый смешанный запах мокрой травы и полыни, сухого конского помёта и ещё чего-то неуловимого, запомнившегося с детства. Он любил именно утро, потому что с годами всё хуже переносил полуденный зной и прятался от него либо в шатре, либо под густой кроной деревьев возле воды. Он, сколько себя помнил, всегда недолго любил жару...

Эти прогулки он предпочитал совершать не в одиночку, а с кем-нибудь из интересных собеседников. В отличие от шатра, где все воспринимали его как каана и ожидали приказов, здесь можно было размышлять не о самом важном, выслушивать мнение собеседника и даже его возражения; можно было неспешно обдумывать планы на далёкое будущее и вспоминать ещё более далёкое прошлое. В последнее время он предпочитал беседовать с киданьским книжником Елюй Чуцаем, поскольку тот был умён в разговоре и прозорлив в решениях. Именно за долгий ум он и прозвал своего главного советника Длиннобородым, а вовсе не за его тщедушную бородёнку. Если бы дело было только в её размере, то он, Тэмучин, несомненно, больше заслуживал подобное прозвище! А вот превосходство острого ума Елюй Чуцаю он признавал, хотя открыто в этом никогда бы не признался. У каждого, как он считал, своё предназначение и, в зависимости от этого, свои главные качества, даденные Вечным Тэнгри и Единственной Матерью Охин-тэнгри...

Вот и сейчас, неторопливо прогуливаясь с почтительно молчавшим Длиннобородым, он задумчиво остановился возле небольшого песчаного надува. Вчерашний ветер разровнял мельчайший песок, и на нём, словно на чистом листе китайской бумаги, не было ни следов сусликов, ни сухих травинки. Размышляя, он вытащил саблю из ножен и начертал концом её на ровной поверхности витиеватый столбец букв, потом обратился к собеседнику:

– Вот я написал на песке своё имя, и оно у любого читающего вызовет трепет. Но сама эта надпись недолговечна – подует ветер или пройдёт дождь по воле Неба, и поверхность опять станет первоизданно чистой. Поэтому, пока я жив, мне пришлось бы постоянно обновлять её... Но, даже если я прикажу высечь своё имя на твёрдом камне – неумолимое время всё равно разрушит, в конце концов, и камень. Ещё хуже дело обстоит с памятью людскою: люди не будут помнить обо мне долго, потому, что после моей смерти новый каан захочет увековечить уже своё имя, стерев в памяти своих подданных имя предшественника, то есть меня. Значит, даже от воли всемогущих каанов не зависит, будет ли память о них жить вечно? Если только, конечно, это не угодно самому Небу...

– Именно потому, каан, предусмотрительные правители строили прекрасные города, которые должны были пережить века,

и называли их своими именами, – изрёк книжник, немного подумав. – А египетские фараоны в качестве своих гробниц возводили потрясающие воображение пирамиды. При этом фараоны уже не думали о благе для подданных, а заботились лишь о том, чтобы оставить память о себе на тысячелетия. Но, как бы там ни было, люди до сих пор восхищаются грандиозными сооружениями и передают имена их создателей из поколения в поколение. Это означает, что, как многолюдные города, так и мёртвые пирамиды одинаково способны хранить имена своих создателей много веков. Людская же память о благих деяниях и прижизненной славе правителей недолговечна, словно твоя надпись на сыпучем песке...

– Ты, как всегда, мудр в своих сравнениях, Длиннобородый! По-твоему, всё это – и города, и пирамиды – возводилось лишь для бессмертия имени? Но это путь отчаянья, а возможно ли обрести бессмертие тела? Наверное, каждый из этих правителей пытался заполучить некий чудесный эликсир и готов был отдать за него половину, если не все свои богатства?

– Да, прожить во власти и в почёте долгую-предолгую жизнь, пусть даже временно и без богатств, найдётся немало желающих! – Елюй Чуцай невольно усмехнулся, но тут же виновато потупил глаза. – Может быть, в бескрайнем мире и проживает некто, кто знает этот величайший секрет, вот только выдав его, он рискует тут же быть лишённым жизни...

– Почему ты так считаешь, Длиннобородый?

– Секрет бессмертия не может быть достоянием многих, ведь то, что знают двое – уже не секрет. Может быть, его и можно купить за несметные сокровища, но вот как узнать имя тайного обладателя?..

– Мой подданный, хитаец Чжун-Лу, которого я отправил в Шандун с приглашением для мудреца Чан-Чуня, утверждает, что даос живёт уже триста лет! При этом он простой монах, а это означает, что ему не потребовались для овладения рецептом бессмертия несметные богатства.

– Люди часто придумывают сказки, в том числе и о бессмертных, а потом сами начинают в них верить, – возразил книжник.

– А что ты, Длиннобородый, знаешь о мудреце Чан-Чуне?

– Имя его известно далеко за границами не только Шандуна, но и всех окружающих провинций. Настоящее его имя Цю-Чуцзы,

даосское же имя Чан-Чунь означает «Вечная весна». Он – настоятель монастыря Хаотяньгуань¹, основатель ордена «Драконьи ворота» и самый известный из семи учеников основателя школы Цюаньчжен даоса Ван-Чуньяна. Их называют «семь бессмертных», так что не отсюда ли пошли разговоры о его жизненном бессмертии?..

– Ты как будто совсем не веришь в людское бессмертие, Длиннобородый?

– Я предпочитаю не обольщаться, каан, чтобы лишний раз не испытать разочарование. О Чан-Чуне же говорят, что он великий учёный среди всех учёных и святой среди всех даосов.

– Я ценю твой ум и прямоту, Длиннобородый! Мысли о даосе давно не дают мне покоя. Я с нетерпением жду встречи с ним и хочу, чтобы ты непременно присутствовал при наших беседах...

Он повернул назад, к шатру, и мысли его тут же потекли в ином направлении – о предстоящей встрече. Елюй Чуцай, посчитавший, что их разговор окончен, молча последовал за ним.

Нет, он ещё не ощущал себя старым, по-прежнему вставал рано, не выносил ничегонеделанья и праздного возлежания на подушках – даже когда старые раны и болезни настойчиво стали подавать знаки. Лучшим отдыхом оставалась охота, участие в групповых облавах на зверя. Когда загонщики громкими криками сгоняли дичь, сердце его начинало учащённо биться, слух и зрение обострялись, как в молодости, а все боли и недуги отступали, покорно освобождая внутри место для азарта. И когда метко пущенная стрела поражала бегущего зверя, то он чувствовал такой же прилив сил, как много лет назад – и мог долго преследовать подранка, чтобы, в конце концов, торжествуя поразить его копьём или стрелой. Но и после завершения погони сердце ещё долго продолжало стучать в некоем шаманском ритме, гоня по телу помолодевшую кровь. Охотничьи облавы словно бы возвращали его в прошлое, когда болезни изношенного тела ещё не вступали в противоречие с нерастраченной молодостью души...

Он покосился на вышагивающего позади Длиннобородого – не читает ли тот его тайные мысли? Но книжник смотрел под ноги

¹ Храм Чан-Чуня на полуострове Шандун, в 500 километрах от города Цзы (Пекина).

с задумчивым выражением лица, должно быть, размышляя о предстоящих государственных делах.

Именно охота оставалась тем немногим, что бодрило его подобно целительному бальзаму. Правда, с некоторых пор не меньшее удовольствие доставляли и такие вот неспешные беседы с умными собеседниками. Напряжение ума при этом, старательные поиски правильного ответа, изящные и остроумные выпады в сторону собеседника – всё это волновало разум. Длиннобородый, скорее всего, даже не догадывается, что его приглашают на утренние прогулки не столько ради его мудрых советов, но и как хитроумного, многоопытного игрока. Ведь беседы их протекают подобно партиям в индийских шахматах – только игральной доскою служит огромное пространство между четырьмя морями, а движимыми фигурами ничего не подозревающие соратники и коварные противники. Чем более непредсказуемой складывалась беседа, тем большее удовольствие она ему доставляла. Так что, если каждая предстоящая охота лишь на время отодвигает приближающуюся старость, то предстоящая встреча с мудрецом Чан-Чунем приблизит его к раскрытию тайны, хитроумно зашифрованной самим Вечным Небом...

И сегодня он, наконец-то, встретится не просто с равным, а, наверняка, с превосходящим его по уму собеседником. Великий учёный, непревзойдённый мудрец, признанный поэт... Сколько ещё титулов можно добавить к этому имени: учитель, бессмертный, хранитель величайшей тайны?.. Прискакавший на рассвете воин-вершник от Ли Чжун-Лу, посланного почти полтора года тому назад в монастырь Хаотяньгуань, привёз долгожданную весть: даос Чан-Чунь с пятью учениками и сопровождающими их воинами находится всего в нескольких часах пути от ставки, а значит, их встреча произойдёт уже сегодня...

Поэтому он и отложил ранее назначенную важную поездку, что очень давно и со всё возрастающим нетерпением ожидал эту встречу. Когда отправлял приглашение, то рассчитывал, что свидание случится значительно раньше: обычно приглашённые бросали все свои дела и мчались к нему, преодолевая непогоду и опасности. Они боялись неудовольствия, а ещё больше гнева – и, кажется, даже его далёких неведомых мыслей и его далёкой тени? Этот же мудрец-даос превратил всё путешествие в развлечение, в долгую

игру, которая ведётся отнюдь не по правилам всевластного каана. Чан-Чунь, конечно же, исходит из того, что это он нужен Чингисхану Тэмучину и поэтому не боится немилости, понимая, что каану нужен даже не он сам, не его жизнь, а его тайные знания. А ещё он, наверное, уже отвык страшиться смерти, поскольку живёт целых триста лет? Во всяком случае, так предполагают многие – и, скорее всего, даже сам сомневающийся Елюй Чуцай...

За стеной шатра прозвучало воинское приветствие охранников, и откидной полог затрепетал под чьей-то уверенной рукой. Вошёл самый доверенный из его воинов – тысячник «красных волков» Егудэй.

– Каан, прибыл долгожданный монах-даос Чан-Чунь!

– Пригласи его немедленно, Егудэй! Наконец-то я увижу того, встречи с которым ожидал полтора года.

– Будет исполнено, каан! – тысячник почтительно склонил голову и приложил правую руку к груди.

– А ещё передай Елюй Чуцаю, что я жду его! И распорядись, чтобы поставили два шатра – для даоса и его учеников – на восток от моего. Чтобы мудрец сразу понял, как я ценю его и его учение.

– Всё будет сделано, каан!

Когда тысячник вышел, он, морщась от боли в колене, поднялся с подушек и сел на седло посреди шатра – он всегда встречал званных гостей именно так, по-простому. Затем приказал писцу-хитайцу Фао-Шену, всё это время молчаливо и почтительно впитывающему слова каана:

– Фао-Шен, ты должен записывать на уйгурском языке всё, сказанное этим великим мудрецом, чтобы потом ничего не было забыто и чтобы мои сыновья смогли прочитать эти записи. А переводчиком вместо тебя сегодня будет Елюй Чуцай.

– Насколько подробно я должен записывать, Великий Чингисхан? – тщедушный писец едва ли не до самого ковра склонился в подобострастном поклоне.

– Записывай все высказанные мудрецом мысли и, по возможности, как можно полнее. Ничто важное из нашей беседы не должно ускользнуть, даже то, что лично тебе хорошо известно! Ведь

придумывая новое, люди всегда опираются на старые знания, и кто знает, вдруг именно они потребуются мне в нужный момент?

Писец сложил руки перед грудью, несколько раз часто и низко поклонился, и стал переносить разбросанные подушки в дальний конец шатра. После этого несколько подушек сложил стопкой перед кааном, а сам расположился за низким складным столиком позади сидящего; суетливо достал из стоящей рядом сумки свиток бумаги, перо и чернильницу. Открыв пробку чернильницы и, окунув туда перо, стал тщательно чистить его о свою чёрную косичку.

Прошло совсем немного времени, и за стеной шатра прозвучал предостерегающий оклик стражников. Полог снова откинул Егудэй, и мимо него медленно прошествовал старец в дорожном одеянии. Неотъемлемый атрибут даосов, дорожный посох, монах, должно быть, оставил снаружи. Сделав несколько неторопливых шагов и, не кланяясь, Чан-Чунь сложил ладони перед грудью и чуть опустил голову, устремив взгляд вниз, под ноги каану. Соблюдая субординацию, монах не решался первым начинать разговор, а, тем временем, вошедший следом Елюй Чуцай молча занял место по левую руку от каана.

Молчание затянулось. Он помнил слова Елюй Чуцай, что в Китае даосы такого ранга освобождены от обязанности преклонять колени перед правителем, поэтому, сидя на седле и не торопясь подниматься, снизу-вверх внимательно разглядывал знаменитого мудреца. Гладкое лицо, кожа которого практически не была тронута загаром, аккуратно подстриженная белая борода, длинные седые волосы собраны сзади в пучок и заколоты на макушке простой деревянной спицей; подчёркнуто небогатый длинный синий халат с широкими рукавами и потёртые дорожные сапоги на ногах... Всем своим внешним видом мудрец показывал, что богатство и почести его не волнуют, но он привык к почтению окружающих.

– Приветствую тебя, великий мудрец и даос! – как можно доброжелательнее произнёс он, прерывая затянувшуюся паузу. – Хорошо ли доехал до моей ставки, достаточно ли учтиво относились к тебе те, кому я поручил сопровождать?

Елюй Чуцай повторил всё сказанное по-китайски.

– Благодарю тебя, Великий Чингис-хан, за заботу. Скромный путешественник и его ученики не знали отказа ни в чём, хотя я не раз ловил себя на мысли, что не заслуживаю стольких почестей.

Мудрец поднял, наконец, свои чёрные пронизательные глаза на каана. Несмотря на почтенный возраст монаха, в них светились не только ум, но и какой-то непонятный молодой задор. Определённо в глазах даоса жила загадка, а он не любил загадок и за долгие годы правления научился вводить любого собеседника в состояние растерянности. Следовало всего лишь пристально смотреть в глаза и молчать – и через несколько мгновений самый мудрый, самый уверенный начинал сбиваться и путаться, словно плохо выучивший урок послушник. А при затянувшемся молчании все уже не просто терялись, а покрывались липким потом страха и начинали говорить совсем не то, что заготовили. Именно тогда с их губ срывалось тайное, что перед беседой было запрятано глубоко-глубоко, в самые потаённые уголки души. Даос, однако, достойно выдержал паузу и даже не отвёл глаза в сторону.

– Мои подданные хитайцы утверждают, что ты величайший учёный среди всех учёных и самый святой среди даосов, – прервав испытание, проговорил он. – А ещё утверждают, что ты живёшь уже триста лет.

– О тебе, Великий, тоже сложено немало легенд... – даос опять сложил ладони и учтиво склонил голову. – Люди не могут жить без сказок и небылиц, в том числе и о бессмертии. Но я скажу так: тысячи огней могут быть зажжены от одной свечи, и это не укоротит её жизненный цикл...

Беседа, несомненно, устремлялась в нужное русло, и он жестом предложил Чан-Чуню сесть на подушки, что тот и сделал с явным удовольствием.

– Благодарю тебя, Великий!

– Знаю, что другие двory приглашали тебя, мудрец, но ты отказался – а теперь прибыл за много тысяч ли¹ сюда, к границам Индии. Мне это весьма приятно!

– Что горный дикарь пришёл сюда по повелению Великого, то воля Неба, – не то польстил, не то возразил монах.

¹ Означает очень длинный путь.

– Тем не менее, я признателен, что ты ради меня проехал много десятков тысяч ли из Цзы в Орду, а затем через Сибур¹, Алтай и Тянь-Шань решился последовать за мной в Самарканд², а теперь и в ставку. Ты ведь мог вернуться в свой монастырь, не застав меня в Орде?..

– Выпущенная стрела назад не возвращается! Тем более что само Небо натягивало тетиву. И, кроме того, великая цель вела меня! Вначале нас было четверо, изучавших Дао под руководством учителя Чун-Яна; трое уже вознеслись; остался в мире только горный дикарь. И, мечтая водрузить учение Дао-дэ за пределами Китая, я не побоялся ни ветра, ни пыли, шествуя к чужим народам.

– Я не могу называть тебя дикарём, мудрейший Чан-Чунь. Скажи, как ещё можно величать тебя?

– Иные, из уважения, называют меня наставником или святым мужем, другие почему-то называют бессмертным.

– Пусть с этого дня приближённые мои называют мудрейшего Чан-Чуня именем Бессмертный!

Он кивком головы дал знак писцу, чтобы тот обязательно записал эти слова, и продолжил:

– Хорошо ли Бессмертный провёл время в этом путешествии, которое заняло полтора долгих года, довольно ли всегда было в пути еды и питья ему и его спутникам?.. Вполне ли он сам нынче здоров?

– На доставленной твоим посланником золотой тигроголовой дощечке было начертано «Предоставляется полновластно распоряжаться, как бы я сам путешествовал». Твоё повеление, Великий, творило истинные чудеса, и я не знал отказа ни в чём. Правители земель, которые я пересёк, оказывали мне такие почести, которых я не заслуживаю, надёжная охрана всегда следовала со мной.

Своими благодарностями монах окончательно расположил к себе, и он даже поймал себя на том, что по лицу пробежала довольная улыбка.

¹ Сибирь.

² Город основан в 7 веке до нашей эры, но наивысшего расцвета достиг в 14 веке, когда стал столицей империи Тамерлана, который не был Чингизидом, во всяком случае, прямым потомком Чингис-хана по мужской линии. Ввиду чего он носил титул эмира и правил от имени марионеточных Чингизидов, даже имена которых плохо известны.

– Да, желая скорее видеть тебя, я разослал повеления правителям тех мест, через которые ты следовал, дабы они, когда Бессмертный будет проезжать, не замедляли его путешествие.

– Всё так и было, Великий! Четвёртой луны первого числа прибыли мы в ставку брата твоего, Огиня¹, и он спрашивал о способах продления жизни. Когда же узнал Огинь, что перед посвящением долго нужно поститься, тут же признался, что это ты прислал нарочного за мной за десять тысяч ли, желая слышать мои наставления немедленно. Ещё сказал твой брат: «Как же осмелюсь я прежде самого каана слушать тебя?»

– Действительно, я жажду твоих наставлений, Бессмертный! За семь лет я свершил великое дело и во многих странах света утвердил единодержавие. Не оттого, что у меня есть какие-либо доблести, а оттого, что получал от Вечного Неба помощь и, благодаря ему, достиг престола. Однако звание каана велико, обязанности его слишком важны – и я боюсь, что в правлении моем чего-нибудь не достаёт.

– Что же могу посоветовать я Великому Чингис-хану, покорившему не только девять варварских народов, но и просвещённый Китай?

– Не хочу обидеть тебя, Бессмертный, но это само Вечное Небо отвергло Хитай за его чрезмерные гордость и роскошь! Я же, обитая в северных степях, не имею в себе распутных наклонностей: люблю простоту и чистоту нравов, отвергаю роскошь и следую умеренности. У меня одно платье, одна пища, я в тех же одеждах и то же ем, что конские пастухи; я смотрю на народ, как на детей, забочусь о талантливых, как о братьях... Я хан над ханами, но для многих я просто Тэмучин, и лишь для врагов я грозный Чингис-хан!

– Да-да, я помню твоё послание к горному дикарю, Великий! – даос в знак признательности приложил ладонь к груди. – Потому что оно близко моему духу и напоминает прекрасное стихотворение.

Монах достал из широкого рукава халата свёрнутое, перевязанное шёлковой лентой письмо и, расправив, стал цитировать:

– ..В сих обстоятельствах я наведалься, что ты, учитель, сроднился с истиною и шествуешь по правилам; многоученый и опытный,

¹ Младший брат Чингис-хана Темугэ или Отчигин, которому каан, отправляясь в поход на запад, поручил управление делами, в это время кочевал в своём уделе на реке Керулен, близ впадения её в озеро Буюр.

ты глубоко изведаль законы; твоя святость прославилась, и доблести проявились; ты хранишь строгие обычаи древних мудрецов и обладаешь прекрасными талантами высших людей...

Он хорошо помнил это письмо, написанное при помощи Елюй Чуцая и потом ещё правленое писцом-хитайцем.

– ..Не страшась тысяч ли, прошу тебя подвинуть святые стопы твои, – продолжил он по памяти. – Не думай о дали песчаных степей; или пожалей о народе, по современному состоянию дел, или из милости ко мне, сообщи мне средства сохранения жизни. Я сам буду прислуживать тебе... – он, как и монах, почтительно склонил голову. – Как видишь, я даже помню это послание наизусть!

– Так что же ты желаешь услышать от горного дикаря, Великий?

– Бессмертный, ты пришёл издалека, ты живёшь уже триста лет, какое у тебя есть лекарство для вечной жизни, чтобы снабдить им меня?

– Подобные мысли не должны терзать повелителя значительной части мира, раскинувшейся между четырьмя морями. Великий Чингис-хан достиг таких вершин, какие вряд ли ещё кому будут по силам...

Даос замолчал, собираясь, видимо, с мыслями – и тогда он, неожиданно даже для себя, произнёс вслух потаённую, уже несколько лет не дающую ему покоя мысль:

– Только приблизившись к самому краю жизни, понимаю, что она до обидного коротка. Ведь жизнь невозможно сохранить лишь тем, что её ценишь...

– Есть средства хранить свою жизнь, но нет лекарства бессмертия, – нашёл, наконец, нужные слова мудрец. – На смерть и жизнь нужно смотреть как на холод и тепло, и для вечной жизни не нужно питаться эфиром, искать таинственные заклинания. Не убивай – вот путь к вечной жизни. Единое слово «Не убивай!» показывает, как велика заслуга души в деле спасения.

– Я оценил твоё бесстрашие, Бессмертный, ибо ты знаешь, что такой ответ может не понравиться мне, – произнёс он с разочарованием. – А то мои приближённые боятся говорить правду, поэтому мне всё чаще приходится прибегать к услугам шамана и толкователей как моих снов, так и поступков. Ты смелый человек, ответь тогда, как тебе самому удалось прожить три века?

– Тело, на время составленное из четырёх стихий, есть вещь гнилая, не стоящая; а вот дух – истинное существо – свободен и неудержим. Смерть приходит – настает рождение; по рождении опять смерть. В круговороте перерождений когда кончатся превращения? Если не достигнуть страны немышления и упокоения, то невозможно очиститься и вознестись из круговорота...

Он вдруг потерял связующую нить их разговора и на миг усомнился в ясности мышления монаха. Даже засомневался: либо даос сейчас говорит о непонятном, либо Длиннобородый недостаточно хорошо переводит?..

– Впервые за время нашей беседы я не понял твоих слов, Бессмертный, – прервал он монаха.

– Я всего лишь прочёл своё стихотворение, а в стихах всегда больше философии, нежели смысла, – произнёс монах, но слова его не выглядели оправданием. – Чтобы осознать глубину этих мыслей, нужно постигнуть учение Дао. Достигший Дао издает грозный свет, который проникает повсюду; гром и молния не могут с ним сравниться.

– Я так понял, Бессмертный, что либо ты не хочешь ответить мне, либо у тебя самого нет ответа на вопрос о человеческом бессмертии?

– Люди, утверждающие, что я прожил триста лет, заблуждаются, – даос широко развёл руки, словно бы сокрушаясь о несбыточном. – Столько может жить душа, но не тело, – монах вдруг усмехнулся, и по лицу его пробежала тень неприкрытой грусти. – И это путешествие к тебе, Великий, я предпринял, когда мне исполнилось всего лишь семьдесят два года. Не только твоё приглашение влекло меня, но и мечта принести учение Дао на просторы всей твоей Империи. Теперь отвечу на твой вопрос, Великий: ты можешь продлить свою жизнь, но для этого нужно посвятить её остаток созерцанию и медитации.

– Созерцанию чего?

– Отрешась от внешнего мира, Великий, созерцай мир внутренний...

– Это не подходит мне, Бессмертный, поскольку вершины не годятся для отдыха! И я ещё далёк от завершения своей мечты. Да, я пока ещё далёк от того, чтобы установить порядок

и справедливость во всей подвластной мне Вселенной. Наследники же не готовы завершить задуманное мной: они хорошие воины, но недалёковидные правители. А власть, в отличие от богатства, нужно передавать тому, кто мудрее, или хотя бы равному... Благодаря тебе за прямоту, Бессмертный, но твои слова лишь породили печаль в моём сердце.

– Великий Чингис-хан крепок, а великая цель, наверняка, продлит годы его величия и жизни. Я же буду молиться за него каждый день, поскольку предсказано мне умереть в тот же год и при той же луне, что и Великому.

«Монах, конечно, хитрит, – подумал он с разочарованием. – Оказывается, даже бессмертные страшатся смерти, что бы там ни утверждал Длиннобородый. Даос сейчас специально выдумал, что мы умрём в один год – то есть предупредил, что, решив лишиться жизни его, я подпишу собственный смертный приговор. Каков хитрец!»

Так он подумал, но сказал совсем иное:

– Благодарю тебя, Бессмертный, за заботу. Но мысли о смерти пришли ко мне потому, что Вечное Небо подало знак. Впрочем, слова твои о том, что мы уйдём из жизни одновременно, я вложил в своё сердце.

– Вдумайся только, Великий, что означает бессмертие для многих правителей, – монах оживился, словно вспомнил что-то очень важное. – Это когда они мечтают продлить свою жизнь даже не на несколько десятилетий, а, может, всего лишь на несколько дней или даже часов... Я открою тебе секретный рецепт зелья «митридатий», которое состоит из шестидесяти пяти ингредиентов и нейтрализует любой яд – это и есть доступное средство к продлению твоей бесценной жизни, Великий!..

За время беседы он несколько раз отметил, что книжник Елюй Чуцай, в совершенстве знающий не только хитайский, но и уйгурский языки, медлит с переводом, слишком долго подыскивая нужные слова. Нет, он, похоже, вовсе не выступает в качестве беспристрастного переводчика, а явно хочет представить именитого мудреца в выгодном свете! Длиннобородый подыскивает вовсе не более точные, а, скорее, более значимые по смыслу выражения,

и, даже не являясь большим приверженцем Дао-дэ, старательно подчёркивает мудрость даоса, значимость его нового учения.

«Хитрец думает, что я ничего не замечаю! – внутренне усмехнулся он, – Вот Фао-Шен, тот, наоборот, выделял бы именно не самые удачные мысли и слова монаха. Вроде бы и вся разница, что Елюй Чуцай подчёркивает значимость другого, а Фао-Шен собственную значимость – но именно за это он ценит Длиннобородого и презирает лекаря. Фао-Шен вечно боится за своё положение, боится, что каан утратит к нему интерес – поэтому каждый раз стремится хотя бы чуть-чуть возвыситься над остальными... Как часто люди переоценивают свою значимость, не допуская даже мысли о том, что, уйди они – и ничего в этой жизни не изменится, а их место тут же займут не менее умные и даже более преданные. То же самое и с каанами: уходит один – приходит другой, а для большинства из их окружения это почти ничего не меняет. Мир от этого не перевернётся, и течение жизни не остановится...»

– Спасибо за заботу обо мне, Бессмертный, – ещё раз поблагодарил он монаха. – И очень жаль, что это единственное, что ты можешь мне предложить!

– Дао учит, что надежда покидает человека последней! В тибетских рукописях я когда-то прочёл, что в прежние времена избранные, действительно, могли жить по несколько веков, потому что пользовались чудодейственным эликсиром. К сожалению, рецепт его был утерян...

– Но ты знаешь ещё что-то, Бессмертный, раз заговорил об этом эликсире?

– Я поначалу не хотел направлять твой разум в плен иллюзий, Великий, поскольку существует лишь одна, да и то призрачная возможность для долговечной молодости тела. Правда, раскрыть тайну и использовать этот крохотный шанс по силам только одному лишь Великому Правителю народов.

– Душа моя снова наполняется надеждой и радостью! Я слушаю тебя, Бессмертный, и готов дать взамен всё, что ты только пожелаешь!

– Нам предсказано уйти из жизни вместе, Великий, поэтому, если ты обрешь долголетие – обрету его и я. В сравнении с этим все сокровища мира не стоят ничего! В одном из старых свитков

я прочёл о войне Кыргызского кагана с уйгурами четыре века тому назад. Уйгурский хан обладал таким рецептом, поэтому жил долго, сохраняя разум, и государство его становилось сильнее год от года. Правда, эликсир был бессилён против сабли или стрелы! Десять тумэнов кыргызских воинов под предводительством кагана Ажо осадили уйгурскую столицу Харабалгас на реке Орхон, убили уйгурского кагана и взяли в полон его жену Тай-Хо. Победители захватили богатую добычу, во множестве вьюков увезли они золото и драгоценные камни... Но были среди сокровищ две стопки кедровых дощечек-табагын, каждая из которых была стянута шёлковой лентой с золотыми застёжками...

– Я надеялся, что ты, Бессмертный, сам владеешь необходимыми знаниями? Какое отношение старинная легенда может иметь к тайне вечной жизни?

– Я понимаю твоё нетерпение, Великий, но именно сейчас ты услышишь самое интересное! На этих кедровых дощечках был записан, якобы, рецепт эликсира вечной молодости! И я надеюсь, что эти дощечки до сих пор хранятся среди сокровищ кыргызского хана в государстве Хагяс! Правда, они написаны на древнеуйгурском языке и хитроумно зашифрованы, но ведь не существует такого шифра, который невозможно расшифровать?!

– Я понял тебя, Бессмертный! Если дощечки сохранились, скоро ты будешь держать их в своих руках! И, надеюсь, найдёшь мудрецов, способных прочесть их?

– Да сбудутся твои слова, Великий! Я знаю, что только ты один способен заполучить дощечки...

– Я безгранично рад нашей встрече, Бессмертный, но вчера мною получено известие о хойхэсских горных мятежниках, которые вызвали на бой меня, самого Чингис-хана Тэмучина. И я просто обязан покарать их за это! Потом я отправлюсь на восток и ты, если пожелаешь, можешь присоединиться ко мне: хотя бы до той поры, когда мне доставят эти дощечки с рецептом волшебного эликсира...

– Я с величайшим удовольствием погощу у тебя, Великий. И я уверен, что в процессе наших бесед ты сможешь проникнуть в глубины великого учения Дао.

– Мне интересно будет проводить время в беседах с таким мудрецом, как ты, Бессмертный. Правда, учение Дао – это новое

учение, а вера в Вечного Тэнгри прошла через множество веков. Поэтому я убеждён, что именно он, благодетельный, всезнающий и справедливый, вершит судьбы каждого человека и целых народов.

– Познав глубину учения Дао, можно приблизить, пусть не тело, но дух, к бессмертию!

– Согласись, Бессмертный, что в мире существует очень много разных верований, и трудно отличить истинную веру от заблуждения.

– Дао так же, как и вера в Тэнгри, разделяет мироздание на три уровня – три мира. Так что я не вижу большого различия, главное же отличие в самосозерцании и совершенствовании духа... – не сдавался даос.

– Те, кому Великий Тэнгри благоволит, ощущают его покровительство без участия самосозерцания, и за это воздают хвалу ему. Другие же боги живут под ним и не смеют противиться воле Вечного Синего Неба!

– Об этом у нас будет возможность поговорить, Великий, а сейчас позволь горному дикарю удалиться на отдых. Пусть меня ошибочно и величают Бессмертным, но прожитые годы и долгое путешествие дают о себе знать...

Превозмогая боль в затёкшей и нестерпимо ноющей ноге, он поднялся, чтобы с почтением проводить даоса до выхода. Кивком головы подал знак Елюй Чуцаю, что тот свободен. А услужливый Фао-Шен уже раскладывал подушки, чтобы сделать каану обезболивающий массаж...

* * *

Егор проснулся не просто от ощущения опасности, но оттого, что будто бы кто-то чужой и незримый пристально наблюдает за ним. Открыл глаза – и сразу же наткнулся на внимательный взгляд Ирины. Облокотившись на подушку, она, похоже, уже давно наблюдала за спящим мужем?

Нисколько не смутившись, жена пояснила:

– Ты разговаривал во сне. И как будто бы даже на непонятном каком-то языке...

– Спи! Просто я засланный японский шпион, и во сне повторяю секретные донесения, – попробовал отшутиться он.

– Нет, я серьёзно. Подумала, уж не заболел ли?

– Просто... Просто начал изучать хакасский язык, – произнёс он как можно убедительнее. – В моей работе будет далеко не лишним...

– А-а, тогда понятно, – успокоилась жена и тут же устало уронила голову на подушку.

Егор подумал, с некоторым удивлением, что забота жены, оказывается, ему вовсе не безразлична и даже приятна. А потом мелькнула неожиданная и просто обжигающая сознание мысль: «Неужели я во сне разговаривал на уйгурском? А почему бы и нет? В самых первых снах ведь тоже говорил на чужом языке, хотя, до сих пор так и не понял, на каком...»

С этими мыслями он и уснул – словно бы вынырнул из тесного кокона квартиры в бескрайний и такой знакомый мир – прямо в продолжение яркого сна.

* * *

Фао-Шен прервал массаж, поскольку в шатёр вошёл тысячник Егудэй. Бросив вопросительный взгляд на каана и не получив никакого знака, китаец покорно присел на корточки возле своего столика: по-видимому, лекарь не был третьим лишним при предстоящем разговоре. Последнее время каан нередко доверял своему переводчику, соглядатаю и врачевателю государственные, а иногда и личные тайны. Так что сейчас своему каану, своему повелителю подобострастно внимали двое.

– В нашей беседе даос Чан-Чунь открыл мне великую тайну, – начал он, – причём тайну, требующую незамедлительного исполнения. Ты самый преданный и опытный, а также самый проницательный из всех моих воинов, тысячник Егудэй, поэтому именно тебе я хочу поручить это важное дело.

– Моя душа раскрыта перед твоим всевидящим взором, – отозвался тысячник и склонил голову, – мои уши внимают каждому твоему слову, каан!

– Жизнь каждого из нас начертана Вечным Небом, поэтому и я не властитель своей судьбы, а всего лишь слуга его воли.

И порой Небо каждому даёт шанс изменить своё будущее, а единицам даже шанс изменить будущее всего окружающего мира. Сейчас сам Вечный Тэнгри и я, тень от него на земле, каан Тэмучин, вручаем такой шанс тебе, преданный Егудэй!

– Я выполню всё, что ты прикажешь, каан!

– Мой старший сын Джучи прислал сообщение, что в конце лета отправит в северные пределы своего улуса, в страну Хагяс тумэн Бухи-нойона за лошадьми, которые нужны мне для нового похода на юг. Буха хорошо знает те земли, поскольку в год Барса командовал авангардом войска Джучи при подавлении кыргызского мятежа. Это он обратил кыргызов в бегство, несмотря на их упорное сопротивление. И ты, как один из самых мудрых и рассудительных моих воинов, с двумя сотнями «красных волков» отправишься в страну Хагяс. Но о твоей истинной и тайной цели не должен знать никто.

– Даже Буха-нойон, даже Джучи-хан?

– В крайнем случае, только им двоим ты можешь открыться, но запомни, что я бы этого не хотел, хотя Буха и является моим зятем! А ещё я отправлю с тобой моего лекаря Фао-Шена, потому что он слышал каждое слово даоса, и он напрямую сообщит тебе всё, что записал сегодня во время беседы.

Фао-Шен, услышав эти слова, несколько раз низко поклонился, выражая свою покорность и готовность незамедлительно выполнить любой приказ повелителя.

– Но как я должен объяснить Джучи-хану своё неожиданное появление? – поинтересовался Егудэй.

– Ты скажешь, что его отец, каан Тэмучин направил тебя отыскать сокровища кыргызского правителя Еди-инала. А если Буха-нойон непременно захочет узнать что-то ещё, напomini ему Великую Книгу Ясы, в которой мною написано: «Мой рядовой кишиктен выше любого армейского начальника-тысячника, а стремной моего кишиктена выше сотника или десятника, так пусть же не чинятся и не равняются с моими кишиктенами армейские тысячники: в возникших по этому поводу ссорах с моими кишиктенами ответственность падёт на тысячников». Твоя золотая пайцза тысячника по этому повелению не ниже золотой пайцзы с львиной головой темника Бухи-нойона, и каждое твоё слово служит наравне приказом для его воинов.

– Когда я должен выступить, каан?

– У тебя ещё достаточно времени, но перед тем, как ты отправишься в ставку Джучи, я напишу секретное послание для моего сына. Возьмёшь с собой две самые лучшие, самые опытные сотни из своей тысячи «красных волков».

– Позволь, каан, взять новую сотню джагуна Седара!

– А-а, это тот удачливый охотник и меткий стрелок? Но ведь он слишком молод и горяч, а, кроме того, не закалён в сражениях.

– Да, каан, Седар пока неопытен, к тому же слишком горяч, но я хотел бы взять именно его, потому что этот джагун пристально смотрит на мою дочь Аюшин, да и она, как я заметил, неравнодушна к юному воину.

– Пусть будет так, как ты просишь!

Егудэй, поклонившись, ушёл, а услужливый лекарь тут же начал поправлять подушки, поудобнее устраивая на них каана.

– Великий Чингис-хан не боится надолго остаться без верного целителя? – выдержав паузу, задал крайне важный для себя вопрос хитаец. – Я заметил, что приготовленные мной мази приносят ему облегчение от боли быстрее, чем другие лекарства.

– У меня найдутся и другие лекари, Фао-Шен, а вот в таком важном деле мне нужны очень надёжные глаза и уши. Кроме того, эти облегчения от мазей кратковременны – всё чаще я вижу сны, в которых получаю раны, всё чаще просыпаюсь по ночам и торопливо рассвет, потому что днём легче превозмочь боль.

– Надеюсь, Вечное Небо поможет тысячнику Егудэю найти рецепт волшебного эликсира, и тогда Великий Чингис-хан навсегда забудет о своих ранах.

– Я хочу не так уж и много, лекарь – я всего лишь хочу, чтобы по утрам моё старое тело радовалась пробуждению несмотря ни на что, невзирая на любые невзгоды. Как это было когда-то в счастливой молодости...

– Да, монах-даос открыл великую тайну. Но, позволь сказать, Великий Чингис-хан!

– Говори.

– Мне показалось, что он был не очень-то учтив с тобой, особенно, когда разговор заходил о его учении Дао.

– Все веры во Вселенной – одна суть, а все боги – есть Вечный Тэнгри. Поэтому запрещать какую-либо из них в угоду другой нет смысла. Не стоит тратить на это силы, ибо только само Вечное Небо сможет, если пожелает, вывести человека из лабиринта заблуждений...

* * *

Глубокомысленная фраза о лабиринте заблуждений прозвучала в ушах Егора именно в момент пробуждения: на зыбкой границе забвения и яви. Поэтому она показалась не только реально произнесённой, но и самой значимой – как итог, как некая мистическая квинтэссенция запутанного, а порой и откровенно непонятного сна. Размышляя, почему именно загадочный даос Чан-Чунь приснился ему, Егор остановился на том, что причиной послужило упоминание Сергея Владимировича о путевых записках монаха и путешественника. Выходит, беседу с одержимым исследователем он воспринял не только эмоционально, но и всё это время продолжал переосмысливать на подсознательном уровне?..

Егор незамедлительно отыскал в Интернете перевод записок об экспедиции даоса Чан-Чуня в ставку Чингис-хана. Внимательно прочитал объёмное и довольно сложное, с множеством ссылок, повествование. Удивительно, но только что виденный сон совпал с текстом до мельчайших деталей – и это притом, что вчера в Шарыпе он совершенно не вникал в детали! Более того, сон был ярче и жизненней – будто в памяти Егора хранилось ещё и то, что было просто-напросто упущено древним писцом, будто он сам реально присутствовал на этой встрече... Но, раз это была лишь первая встреча каана с монахом, то, скорее всего, он скоро увидит и продолжение истории, как это происходило уже не раз?..

Однако последующий сон перенёс его далеко вперёд, и всё, связанное с Чан-Чунем, словно бы заблудилось в бесчисленных закоулках сознания – и ушло на время или навсегда... Перед ним сидел на корточках лекарь Фао-Шен и, запинаясь, перескакивая с одного на другое, пересказывал события, произошедшие на далёкой кёгменской земле. Слова хитайца переплетались с собственными мыслями, рождая реальные образы: он ощущал себя то лекарем, то Бухой-нойном, то тысячником Егудэем...

* * *

...Гудела от тяжелого конского топота Койбальская степь – пришла беда, какой вот уже почти пять лет не знала эта земля: могольские конники из тумэна Бухи-нойона заполонили весь горизонт. Впервые они пришли не с юга и не с востока – а, словно черная лавина, накатывались с запада, со стороны кровавого предвечернего солнца...

«Кху! Кху! Кху!» – нёсся впереди их вырывающийся из десяти тысяч глоток пронзительный боевой клич, который наводил ужас не только на женщин и детей, но вселял страх даже в сердца давно уже отвыкших бояться чего-либо стариков, леденил души закаленных в сражениях воинов. И правитель Еди-инал, услышав этот клич, вышел навстречу моголам из своего шестнадцатиугольного белого шатра с опущенной головой – беду подобает встречать мужественно и покорно...

Буха с самого начала похода был уверен, что никакого серьёзного сопротивления воины государства Хагяс не окажут. Слишком мало времени прошло с его предыдущего похода, слишком свежа память кыргызов о сокрушительном поражении. К тому же подтаежные степняки, живущие земледелием и скотоводством, не оттачивают постоянно своё военное мастерство в набегах.

Да, кыргызы не успели оправиться после разгрома их Джучи-ханом, и осторожный кыргызский хан Еди-инал не решится оказать сопротивление даже одному единственному тумэну. Правитель Кёгменской страны встречал могольских воинов не острыми стрелами – он встречал их как дорогих гостей.

Не напрасно Еди-инал всегда ценил советы мудрого советника – старого Кёнгира и, может быть, именно поэтому полностью доверяли ему беги¹ всех подвластных степных родов. Именно благодаря умным советам Кёнгира и поддержке всего народа он становился воинственным, когда это было нужно или же вооружался самым действенным оружием – предусмотрительностью. Вот и сейчас он почтительно, внешне даже подобострастно кланялся Бухе-нойону, а потом привёл и усадил его на самое почетное место в своём

¹ Беги или беки – главы родов у древних тюрков, во время войны возглавлявшие родовое ополчение, подчинялись хану.

большом шатре, стал расспрашивать о здоровье Джучи-хана и его отца, Великого Покорителя стран и народов Чингис-хана.

Нойон же, окончательно убедившись, что сражаться не придётся, находился в раздвоенном состоянии чувств. Его не остывший боевой пыл воина жаждал пусть небольшой, но привычно будоражащей душу яростной схватки, жаждал крови поверженных противников и мольбы о пощаде тех, кто остался жив. Так уже было на этой земле пять лет тому назад! В то же время трезвый разум нойона успокаивал: «Пусть в такой победе меньше доблести, зато воины отдохнут после изнурительного перехода через горы, их кони восстановят силы на здешних прекрасных пастбищах...» В этом непростом споре сердца и разума военачальник вынужден был всё-таки согласиться с разумом.

Приняв окончательное решение в пользу мирных переговоров, Буха облегчённо надул щеки и даже довольно щелкнул пальцами, когда сам правитель кыргызов Еди-инал поднес ему в золотой чаше молодую конину, а в прекрасном золотом кубке прохладный айран. Правда, хозяин шатра под внимательным взглядом нойона первым отщипнул кусочек мяса и отпил из кубка, и только после этого передал угощение. Данный ритуал соблюдался непременно, ибо кыргызы были наслышаны, что моголы, помня судьбу отца Чингис-хана, никогда не доверяют чужим и боятся быть отравленными.

Молодые девушки в нарядных одеждах из узорного шёлка, шеи которых ещё не покрывали татуировки замужества, подносили горячую пищу и пьянящие напитки сидящим полукругом по сторонам от Бухи тысячникам. Они ставили на ковры вареную конину и баранину, сыры и колбасы. Со времени предыдущего нашествия ходила насмешливая легенда, что, садясь утром в седла, могольские воины почти не едят – зато к вечеру, на привале, напоминают стаю голодных собак. Будто бы они даже выкапывают углубление под кошмой, на которой устраиваются спать, чтобы поместить туда свой туго набитый живот.

Бухе-нойону почтительный хозяин время от времени собственноручно подносил золотой кубок, наполненный арачаном¹ из сасанидского серебряного кувшина, тысячники же без меры пили

¹ Натуральное плодое или ягодное вино.

из белых чашек танского фарфора крепкие араку и арзу¹. Довольный угощением нойон прямо тут же, во время трапезы начал перечислять, какую дань они намерены получить от страны кыргызов. Действительно, что церемониться, если эта страна не имеет даже единого названия, и называют её то Хонгораем или Кёгменской страной, то страной Хагяс, то государством Кыргыз... Тем более что и подвластный хан Еди-инал не возражал, а только согласно и покорно кивал головой...

– Ты мудрый правитель, Кыргыз-хан, недаром встретил меня на границе Еди-Урун², а не в своей столице – изрёк довольный нойон. – Ведь мои воины могут и не пойти дальше, они могут обустроить ставку здесь. Если, конечно, всё это время будет достаточно молодого мяса и крепкой арзы...

Еди-инал опять согласно кивнул головой и подал знак. В шатёр внесли подарки для Бухи и его тысячников. Это были богато украшенные мехами одежды и прекрасные сабли с резными рукоятками и накладками на ножнах из «рога худу»³. А перед Бухой положили ещё и превосходный куяк⁴, собранный из железных пластин с золотыми накладками, изображающими хищных зверей.

Благосклонно принимая подарки, нойон признал:

– Да, ты богат, правитель Еди-инал, но, всё равно, тебе далеко до нашего каана Чингис-хана. У него есть юрта из белого китайского шелка, которая может вместить две тысячи человек, и есть юрта из пламенно-красного пурпура необычайной красоты... У тебя, правда, много мехов соболей и серой белки, много желтого рога худу и, как я вижу, много золота и серебра. Но и у нашего каана всего этого в избытке, а если он только захочет, будет много больше. Однако у тебя есть то, что именно сейчас нужно Чингис-хану – это тысячи прекрасных лошадей, необходимых его воинам в новом походе. И ещё, я знаю, есть нечто, что дороже всех твоих табунов. Отдай мне те сокровища, что были захвачены несколько веков тому назад вашим каганом Ажо в столице покорённых уйгуров – и я возьму гораздо меньше коней, чем ты ожидаешь,

¹ Очень крепкий алкогольный напиток из кумыса, который пьют горячим.

² Семь урочищ (монг.), то же Хакасско-Минусинская котловина.

³ Ископаемый бивень мамонта.

⁴ Защитный боевой панцирь из подвижно скреплённых пластин.

и ещё пообещаю, что ни один волос не упадет с головы ни одного из твоих подданных...

– Зачем гнать коней в нашей беседе? – уклончиво ответил Еди-инал. – Ведь за табуном мыслей могут не поспевать пастухи-слова. Для серьёзного разговора наступит утро, когда головы станут такими же ясными, как чистое утреннее небо.

И правда, от смешивания крепких напитков Буха основательно захмелел, поэтому сейчас запоздало думал, что утром его ждёт, скорее всего, жестокая головная боль, причём именно такая: будто табун лошадей скачет в голове.

«Пусть скажут, – решил он умиротворённо и пьяно. – Пусть скажут во сне прямо в родные края, на серебряный Онон и золотой Керулен. А воины уже завтра начнут отбирать в кыргызских табунах всех белых коней, которые не боятся палящего солнца Хорасана. И будут выжигать на их шкурах чёрную тамгу-круг Джучи, которая так легко превращается в тамгу самого Чингис-хана...».

– Прекрасно! Всё просто чудесно! – воскликнул нойон, поднимая в очередной раз золотую пиалу с арачаном за здоровье Джучи-хана.

Из всего окружения Бухи-нойона один лишь тысячник «красных волков» Егудэй не пил и был, похоже, в плохом настроении, хотя и пытался скрыть это. Зато посаженному рядом советнику Еди-инала, седобородому Кёнгиру, который был приведен по его приказу, Егудэй то и дело подливал в пиалу крепкую арзу. Для остальных моголов было непонятно, почему тысячник оказывает такую честь какому-то старику, но в дела грозного приближённого Чингис-хана никто и никогда не вмешивался. Пусть у Бухи висит на шее золотая пайцза темника с львиной головой, а у Егудэя всего лишь золотая пайцза, которая в два раза легче по весу – но любое слово тысячника «красных волков» является для окружающих и приказом, и законом!

Старый Кёнгир поначалу отказывался пить, ссылаясь на возраст и слабое здоровье, но после нескольких настойчивых жестов Егудэя вынужден был пригубить чашу хмельного напитка. Правда он схитрил: недопитую чашу поставил на ковер и тут же, перекрыв нестройный гул голосов, предложил выпить за «бесстрашного воина Великого каана, славного Буху-нойона». Сказал – и вслед

за всеми выпил остаток арзы. Потом, как старик ни отказывался, последовала вторая, третья чаша... Язык Кёнгира уже заплетался, но в прищуренных глазах его, как показалось тысячнику «красных волков», сквозила вполне трезвая усмешка. Хитрый Егудэй и не подозревал, что седой старик просто-напросто перехитрил его как мальчишку: каждый раз он «выпивал» пустую чашу сидящего рядом тысячника Таргана, подставляя ему свою, полную до краев. Не так уж и трудно среди общего пьяного веселья, среди тянущихся к лакомствам рук выждать момент и сделать подмену. Недаром Тарган опьянел раньше всех и, в конце концов, захрапел, опрокинувшись на спину. По знаку хотя и захмелевшего, но все видящего и замечающего нойона спящего тут же унесли из шатра.

– Одна чаша арзы – мало, две – много, а три – снова недостаточно... – бормотал хитрый Кёнгир, пьяно раскачиваясь и прикрывая будто бы отяжелевшие веки.

Когда Егудэй решил, что старик достаточно пьян, он задал свой главный вопрос:

– Скажи мне, уважаемый аксакал¹, ведь ты все знаешь и видишь? Что за караван груженных лошадей ушел на рассвете из орды хана? Его видели многие... С чем он был и куда направлялся?

– Я сам не видел, – пьяно забормотал Кёнгир, – но говорят, что вёл караван большой и лохматый айна² со лбом, словно дно казана, с глазами, словно черные чашки, с лицом корявым, как старое суковатое дерево... Он восседал на белом хромом верблюде, а верблюд ревел и плевался на целую стаю ирликов³. Сильно ругались ирлики, однако путь держали на восток, вместе с караваном. Наверно далеко уже ушли, не догнать никому... Кроме твоих быстрых и смелых воинов, конечно...

Истошив свою фантазию, якобы пьяный Кёнгир ласково улыбнулся Егудэю и даже сделал вид, что хочет обнять его. Однако тысячник брезгливо отстранился от невменяемого старика и поднялся – у него было еще много важных дел...

¹ Почтенный старик, буквально «седобородый» (от тюрк. ак – белый и сакал – борода).

² Чёрт.

³ Подземные демоны.

Почему-то сны снова и снова переносят меня не в знакомые с детства края, а в неведомую бескрайнюю степь? И бесконечно удивляет, почему мне хорошо знакомы аромат полыни, кисловатый запах влажной овечьей шерсти и резкий, терпкий запах конского пота. В снах они намного привычней, чем ароматы сосновой хвои, таёжного багульника или цветущего луга - а густой лес и горы в сновидениях пугают уже тем, что закрывают горизонт, сужают жизненное пространство до невероятно малых размеров. И совсем иные чувства от степи, которая чужаком воспринимается, чаще всего, монотонной и нескончаемой полупустыней. Житель лесов или гор не увидит в ней той красоты, которая давно и навечно поселилась в душах кочевников. И каждый степняк тщательно сохраняет внутри такое восприятие, передаёт своим детям через сказания и песни - как старинные, так и только что родившиеся на языке. Из поколения в поколение рассказываются повествования о малочисленном, но избранном Богами народе и осуровом, но самом желанном во всей земле крае. Эту мудрую книгу знаний и заповедей, которую начали писать давно канувшие в веках предки, предстоит завершить ещё не скоро - дописать ещё более далёким потомкам. А всем, живущим между прошлым и будущим, предназначено вписать всего лишь строку, значимую или не очень, в книгу Великой Истории Степи. И мне тоже, раз внутри живёт это неизвестно откуда возникшее единство со степью и с кочевой жизнью...

Глава 7. БОЖЕСТВЕННЫЙ УРОК

На этот раз он почти не слышал вкрадчивого голоса Фао-Шена, а воспринимал рассказ как действие некоего многоактного спектакля, финал которого, правда, уже знал. Воспринимал как непосредственный участник, и даже пытался играть в нём разные роли, раз за разом расширяя границы восприятия и осознание собственного места. И сейчас его интересовали вовсе не перипетии сюжета, даже не поступки действующих лиц, которые он тоже вполне представлял, а лишь мотивация их действий. Ведь только до конца поняв все помыслы и сомнения каждого из действующих лиц, он может как бы слиться с любимым и доиграть чужую роль до конца спектакля, или даже до конца жизни актёра. Например, прожить совсем короткую жизнь юноши-динлина, о котором он доселе не знал абсолютно ничего. Это ведь так интересно – ибо его собственная роль в этом трагическом спектакле слишком уж незначительна...

На восходе солнца сотня «красных волков» все же проверила «пьяную» болтовню Кёнгира. Следы большого каравана нашли сразу: трава была вытоптана копытами тяжелогружёных коней. Выбитая множеством лошадей широкая тропа привела, в конце концов, на обрывистый берег Йенесая. Дальше таинственный караван, судя по менее глубокому следу, двинулся заметно разгруженным, а потом следы стали расходиться в разные стороны, пока не исчезли совсем.

«Похоже, – рассуждал Егудэй, – вполне реальные люди, а не айна с ирликами облегчили здесь тяжелые ноши коней?».

Он подошел к кромке обрыва и стал всматриваться в прозрачную глубину. Глубоко в воде, на песчаном дне заметно выделялись в косых лучах солнца кучки серых камней.

«Ну что ж, хитрый старик Кёнгир, ты еще заплатишься за свой обман! – расвирипел тысячник. – На свою беду ты вздумал дурачить меня детскими сказками!...»

Когда прошла вспышка ярости, Егудэй уже не сомневался, что он на правильном пути, и что непременно должен быть еще один караван. И что сокровища явно увезены совсем в другом направлении...

Рассыпавшись на десятки, «красные волки» помчались по степи и в обе стороны вдоль берега Йенесая: к устью Адарчына¹ и в сторону белевшего пятью снежными шапками Пургуса. Каждый след, каждая метка, каждый курган и менгир, каждая кучка камней привлекали самое пристальное их внимание. Тысячник Егудэй щедро пообещал, что тому, кто первым отыщет сокровища, отдать десятую часть всего найденного.

На другой день, не найдя ничего, все больше и больше десятников поворачивали свои отряды назад, решив, что потайное место находится отнюдь не в степи, а, скорее всего, на противоположном берегу – в горной тайге. Когда же обнаружили на песчаных косах противоположного берега несколько выброшенных водой деревянных плотов, поиски полностью переключили на береговую полосу за Йенесаем. И все больше могольских отрядов целенаправленно и азартно мчались по почти исчезнувшему следу каравана. Теперь все зависело не только от их внимательности, но и от счастливого случая, который, как правило, прежде всегда оказывался на стороне «красных волков»...

Небольшой лог, в который мог свернуть караван, заметил один из лучших следопытов – молодой, но не по годам проникательный и удачливый джагун Седар. Отыскать признаки прохождения каравана вообще было делом случая: это могла быть и сломанная ветка шиповника с горящими красным огнем твердыми ещё ягодами, и рассыпавшийся под копытом трухлявый пенек, а то и отпечаток, слабо напоминающий конское копыто на раздавленном муравейнике. Чтобы случайно не затоптать возможные следы, Седар оставил спутников внизу лога, а сам, спешившись, осторожно двинулся вверх по ручью. Он был уверен в себе и уверен в том, что первым сможет обнаружить засаду, если она оставлена. Смелость и внезапность, вот главное преимущество «красных волков» над любым противником, а еще скрытность... до поры, до времени.

¹ Старинное название реки Абакан, левобережного притока Енисея.

Вдоль совсем мелкого, местами журчащего глубоко в камнях ручейка за многие годы, а то и за столетия была протоптана звериная тропа. Следов лошади или человека на ней не было, зато несколько раз попадались коричневые свежие «бусины» помета маленького мускусного оленя – кабарги. Выше, на далеко просматриваемом и не слишком густо поросшем деревьями склоне, с двух сторон ограниченном каменными гривами, были хорошо заметны отличающиеся по цвету проплешины: лежки осторожных маралов и косуль. Следы лошадей могли быть где-то там, где был бы издавна замечен и он, Седар – именно поэтому разведчик медленно, пригнувшись и стараясь не наступать на сухие ветки, пробирался вверх по сужающемуся логоу. Продираться сквозь цепляющийся за одежду кустарник даже без лука и садака¹ было тяжело, но что еще больше раздражало его, так это натянутые над тропой длинные нити липкой паутины с висящими на ней жирными, неприятного вида пауками. Седар часто и брезгливо стряхивал их со своей одежды, а потом, чтобы смыть прилипшую паутину и едкий пот, ополаскивал лицо холодной водой из ручья. Шаг за шагом, раздвигая ветви колючего шиповника и дурманно пахнущего багульника, он приближался к цели – к скальному хребту-перевалу, под которым надеялся обнаружить на подвижных осыпях след каравана...

Несмотря на тяжесть в не привыкших к хождению по горам ногах, мысли в голове Седара бродили самые приятные: «Ах, Аюшин, Аюшин! Скоро я стану сказочно богат, и уж тогда-то ты, наконец, станешь моей женой, Аюшин! Твой отец Егудэй, который меня ценит и ставит выше других, не случайно выбрал из многих в этот поход. Я вручу ему все сокровища кыргызов, и, без сожаления, мою долю тоже – я отдал бы все сокровища мира за мою красавицу Аюшин! Ну чем я не пара для дочери тысячника «красных волков»: один из лучших джагунов и один из лучших охотников на родных степных просторах? Твой отец, Аюшин, как мне кажется, понимает это? Кто еще, кроме меня, твоего отца и самого Чингис-хана настигал своими стрелами столько быстрых антилоп-джейранов, резвых куланов и яростных вепрей-кабанов во время облав? Многие из кешиктенов каана завидовали мне...»

¹ Колчана.

Седар снова ополоснул разгоряченное ходьбой и мечтами лицо. Краем глаза заметил взбравшуюся по стволу белку и непроизвольно потянулся за луком, но потом вспомнил, что оставил его внизу, чтобы легче было продираться через кустарник. Да и шкурка у зверька была еще летней, не имела ценности – просто захотелось проверить свою меткость. «Наверное, и здесь, – подумал Седар, – среди деревьев и скал, я мог бы стать великим охотником? Просто так уж заведено, что моголы не охотятся в тайге, не добывают соболя, белку и горноста. Зачем, если все эти превосходные меха в огромном количестве привозят данники-кыштымы? Так же, как привезли для его шапки шкуру почти не встречающегося в степи горно-таежного красного волка...»

Где-то тихо хрустнула ветка, и мысли его мгновенно вернулись к действительности. Седар замер, пытаясь определить, откуда донесся звук. Это мог быть и поднятый им невидимый зверь, или просто упал на землю отсохший и потерявший от времени связь со стволом дерева сук, или даже треснул под жаркими лучами солнца камень...

Простояв в настороженной позе довольно долго, он решил, что тревога ложная – и двинулся дальше. Вдруг ветка хрустнула позади его и уже совсем близко. «Красный волк» молниеносно развернулся – и леденящий душу страх сковал его сердце. Нет, это был не просто страх, который доводится не раз за свою жизнь познать воину – это был впервые испытываемый, поэтому пленивший разум и тело ужас: огромный бурый медведь, нависая над ним, стоял на задних лапах всего в двух шагах. Маленькие злые глазки зверя завораживали, внушали мысль о бессилии человека и безысходности, открытая пасть с обнаженными желтыми клыками смердила прямо в лицо...

Медведь, махнув огромной лапой, сбил Седара с ног, и на его длинных когтях еще не ощутивший боли джагун увидел лоскут окровавленной кожи со своими волосами. В последний миг сознания на его грудь навалилась нестерпимо тяжелая туша, сдавившая грудную клетку и остановившая дыхание...

Когда Седар очнулся, то с удивлением осознал, что всё ещё жив. Медведь, едва не снявший с его головы скальп, лежал рядом на боку, и последние конвульсии еще сотрясали лохматую

исполинскую тушу. Джагун нашел в себе силы откатиться от умирающего, скребущего землю когтями зверя и с трудом приподнялся на локтях. С изумлением увидел жёлтую рукоятку охотничьего ножа в ухе медведя и толчками вытекающую из его пасти темно-красную, почти черную кровь. Осознав невероятность происходящего, раненый джагун снова потерял сознание...

Очнулся он оттого, что почувствовал успокаивающую боль прохлады на голове и лице: кто-то пучком смоченных в воде листьев мягко и осторожно обтирал его рану. Седар быстро приходил в себя, ибо сознание он потерял не от раны, а, скорее всего, от нервного потрясения. Сама рана оказалась не такой уж и страшной: сорванный медведем кусок кожи с головы, это отнюдь не сабельный удар, глубоко рассекающий не только кожу, но и череп человека. Теперь он ощущал только сильное жжение на виске, а, открыв глаза, увидел светложее лицо склонившегося над ним молодого рыжеволосого и голубоглазого воина. Тот был без доспехов, и не могол – а, похоже, динлин.

Улыбаясь во весь свой белозубый рот, динлин легонько похлопал Седара по груди и заговорил.

– Вставай, «красный волк»! Чуть совсем не пропал... Ты же степняк, откуда тебе знать, что в горной тайге аба часто ходит сзади, по следам человека. Охотник ищет абу и не знает, что тот уже давно следит за ним. Аба боится охотника, но он хитер и может долго ждать подходящий момент. Сегодня тебе крупно повезло, «красный волк», что я случайно оказался рядом...

Динлин нагнулся к уже затихшему медведю и, взявшись за жёлтую берестяную ручку, резким движением выдернул из его уха нож. Красной струйкой брызнула кровь, залив оскаленную морду зверя. Обтирая о траву узкую окровавленную сталь, юноша искоса поглядывал на раненого, о чем-то раздумывая, а потом устремил на Седара пристальный испытующий взгляд и спросил:

– На какого зверя охотился «красный волк» в нашей тайге? Быструю козу или осторожного оленя выслеживал он? Тогда зачем свой лук и колчан со стрелами оставил внизу? Я видел, как там беспечно дремлют на солнышке два твоих спутника – тоже «красных волка»...

Ведь не за ягодами казергана¹ и не за грибами полез он по таёжному логу – для воина в красной волчьей шапке это не добыча?..

Седар не нашелся, что ответить, а динлин, вложив оружие в кожаные ножны на поясе, еще раз испытующе поглядел на него, потом опустился на корточки подле лежащего джагуна и, глядя в глаза, медленно проговорил:

– Не ищи ответа, «красный волк». Вот твоя красная шапка, я помогу тебе подняться, а идти вниз по логу, я думаю, у тебя хватит сил. Я видел, как ты разглядывал следы лошадиных копыт в траве перед логом... Думаю, ты убедился, что они не свежие – должно быть, бродили много-много дней тому назад чьи-то заблудившиеся кони. Наверно аба спугнул их, и кони разбежались... Кроме коварного абы, ничего интересного не увидел ты в этом таёжном логу. Я же не хочу встречаться с твоими спутниками не потому, что боюсь их, а потому, что они будут задавать много вопросов. Скажи им, что это ты убил напавшего абу...

К Седару, действительно, возвращались силы, и он, подавляя прилив боли, поморщился – и сел. Однако от резкого усилия на миг помутилось в глазах, и он снова, словно наяву увидел свою Аюшин. Будто бы возлюбленная нежно гладила его по щеке, ласкала рукой его волосы, шептала ласковые слова. Через мгновение её улыбка растворилась в зеленой листве окружающих деревьев, но и этого короткого мига Седару хватило, чтобы ясно осознать: нет для него ничего в мире дороже Аюшин. Богатство так же быстро уходит, как и приходит, лишь любовь способна быть верной всю жизнь. Старый Егудэй уже забыл, что такое любовь, поэтому верит только богатству, и Великий Чингис-хан тоже забыл, недаром преданный, как собака, Егудэй разыскивает для него этот караван с сокровищами. А он, Седар, ради презренного богатства сегодня мог лишиться не только жизни – он мог лишиться своей Аюшин. Той, что дороже всех богатств мира и даже самого Вечного Синего Неба, а не то, что кыргызских сокровищ. Пусть простят Седара и «красные волки», и богиня земли Этуген, и дух огня Ут, но он должен отблагодарить юношу, вернувшего его сегодня к жизни...

¹ Растущие на скалах ягодные кусты с плодами, напоминающими по форме и вкусу красную смородину, но чёрного цвета.

И с языка Седара сорвались слова, родившиеся даже не в голове, а где-то в самом сердце:

– Ты сегодня стал моим андой¹, и я рад этому, батыр! Ты вернул мне мою Аюшин, ты подарил жизнь нам обоим, ведь для неё моя жизнь – тоже самое дорогое на земле. Я и она будем это помнить всегда!

На глазах джагуна навернулись невольные слезы, но он продолжил:

– Ты настоящий воин, хотя я и не вижу на твоих руках и лице татуировок, и ты, как я вижу, приходишь из племени динлинов? Я признателен, что ты не воспользовался удобным случаем избавиться от меня! Я воин, и поэтому твёрдо говорю, что за мной остаётся долг, который ты можешь потребовать тогда, когда тебе это будет нужно.

– Не надо дразнить небо клятвами, «красный волк»! – ответил динлин, и в глазах его, как показалось Седару, промелькнула усмешка.

– Клянусь в этом всеми духами земли и хозяином голубого неба Вечным Тэнгри!.. – заверил Седар.

– Как зовут тебя, анда, мой новый друг и брат? – спросил заметно растроганный этими словами динлин, помогая раненому подняться на ноги. – Скажи, а то мне уже пора уходить!

И по обычаю побратимов он протянул Седару вытащенную из садака боевую стрелу. Потом прижался своей белой щекой к смуглой щеке могольского воина и добавил:

– У тебя, возможно, будет повод отдать мне по обычаю твою стрелу, и я надеюсь, что она не будет послана из лука?..

– Я чту обычай. И мое имя Седар, я джагун из тысячи Егудэя. Теперь и ты, воин хана Еди-инала, назови свое имя.

– Я Зангир, младший сын охотника Оспаара. Мы всю жизнь охотимся на этих горах, которые считаем своим домом, поэтому ты правильно подметил, что я не воин-нухур²...

¹ Побратимом. Обычай побратимства, унаследованный монголами от далёких предков, с 12-го века стал почти анахронизмом. После обмена стрелами и произнесения клятвы верности подразумевалась крепкая дружба и постоянная взаимовыручка.

² Дружинник.

Они обнялись, и каждый зашагал в свою сторону: Зангир пружинисто и легко, Седар – медленно и осторожно. Через несколько шагов динлин обернулся и повторил:

– След лошадей уже старый, анда. И запомни, это ты убил абу!

Егудэй нетерпеливо ожидал донесений от разведчиков, отправленных на поиски второго каравана. А что караванов было именно два, он уже несколько не сомневался: один – ложный, второй – настоящий, с сокровищами. Тысячник даже с некоторым уважением стал думать о кыргызах: они настоящие противники и далеко не так просты, как пытаются показать и даже убедить. Ну что ж, он верит в своих следопытов, которых не собьет с верного пути никакая хитрость. Тем более что кое-что уже удалось выведать: то, что у Еди-инала была секретная встреча с местным опытным охотником Оспааром, который вскоре пропал со всеми своими сыновьями – Тюнисом, Пачараком, Пулатом, Пычоном, Этчи и Ханыном. Кажется, был у него и еще один, седьмой?.. Ах да, младший, Зангир... Скорее всего, это они и увели караван. Но куда? Охотники хорошо знают тайгу, а коней явно было больше, чем требовалось... Значит, не слишком тяжело гружёный караван способен далеко уйти по залесённым скалистым горам или по крутым ручьям. Но следы непременно надо искать здесь, именно на границе степи и гор! И напрасно правитель кыргызов Еди-инал вводит в заблуждение, что Оспаар с семьёю сыновьями ушли через горные хребты в земли Кешдим¹ за скотом и вернутся оттуда только зимой, уже по льду замерзшего Йенесая... Что ж, пусть считает, что я ему поверил! Но следопытам уже удалось обнаружить подозрительный лог, вначале довольно полого уводящий вверх – тот самый, в котором медведь едва не задрал джагуна Седара, сильно поранив ему голову. Джагун, конечно, настоящий воин, и даже справился с медведем, но после такого ранения он мог и ошибиться. Седар утверждает, что это были просто заблудившиеся лошади, которые выше разбежались, напуганные медведем... Может оно и так, но «красные волки» приучены проверять даже самих себя!..

Егудэй ждал каких-нибудь новых известий, чтобы действовать. Однако он привык никогда не сидеть без дела, поэтому велел

¹ Старинное название Тувы.

пригласить в походную юрту забавного и болтливого старика Кёнгира. Именно пригласить, а не привести – чтобы тот не замкнулся и не перестал потчевать своими сказками-легендами, в которых неизвестно чего было больше: вымысла или скрытой правды?..

Через какое-то время приглашённый старик Кёнгир с удовольствием пил чай и охотно болтал, незаметно для себя делясь с тысячным полезными сведениями. Так старик утверждал, например, что в горной тайге встречается поистине волшебная трава, которую китайцы называют «лин-цзы-цао». Эту траву умеют находить только олени-маралы, и от неё их рога набирают невероятно целебную силу, а сами олени живут более ста лет. Старые охотники, подсматривая за пасущимися маралами, узнали когда-то про траву «лин-цзы-цао» – и тоже жили долго. Но трава встречается крайне редко – её хватало только маралам, да ещё самым умелым из охотников. Поэтому хитрые не открывали тайну остальным и, в конце концов, унесли свои знания в могилу. И теперь волшебную траву снова знают одни лишь маралы...

– Очень жалко, совсем для людей обидно! – сокрушался старик, прихлебывая чай и хитро поглядывая на Егудэя. – Старики говорят, только Хозяину гор – черному маралу дозволено снова открыть тайну травы, дающей здоровье и долголетие...

Егудэй не перебивал словоохотливого старика, согласно кивая головой, а сам бережно откладывал нужную информацию в потайной уголок своей памяти. Вдруг и на самом деле существует такая трава, которая способна дать каану Чингис-хану здоровье и долголетие?..

Он хотел расспросить о траве поподробнее, но в этот момент полог юрты приподнялся и внутрь заглянул воин-охранник, стоявший у входа. Он коротко доложил:

– Дозор с Йенесая только что привез схваченного кыргызского парня.

Воин сказал хорошую новость: его «красные волки» хорошо знают свое дело и умеют неукоснительно исполнять приказания. Он тут же взмахом руки отправил прочь разговорившегося Кёнгира...

Когда Зангир услышал посвист брошенного аркана, уже было поздно что-либо предпринимать: волосяная петля плотно прижала

его руки к телу и мгновенно затянулась так туго, что трудно стало даже дышать. Последовал рывок – и он, словно мешок, повалился на землю. Ведь не то что человек, а и редкий конь устоит на ногах после сильно рывка бросавшего, с самого детства привыкшего безошибочно метать прочную волосяную петлю на любую цель. Тут же навалились на Зангира два неизвестно откуда появившиеся воина-могола и накрепко спеленали его веревкой по всему телу. Потом привязали поперек седла запасной лошади и повезли, словно тушу добытого оленя, из родных гор в столь негостеприимную сейчас равнину. В небольшой лодке переправили через Йенесай и опять долго везли по горячей полуденной степи – а потом внесли в большую юрту...

Егудэй, держа в руке пиалу с чаем, с нескрываемы интересом разглядывал юношу, которого двое «красных волков» держали на весу. Высок, хорошо сложен, рыжеволос и голубоглаз, как все здешние динлины... И, несмотря на то, что крепко связан и беспомощен, словно ребенок, открыто и смело смотрит в глаза. Подумав, Егудэй щелкнул пальцами и отдал воинам приказ:

– Снимите с пленника аркан, а то он мешает свободной и, я надеюсь, приятной беседе двух мужчин.

Потом тысячник даже пригласил пленника сесть подле себя.

– Я догадываюсь, что ты один из сыновей лучшего охотника здешних гор Оспаара, – заговорил Егудэй, пристально глядя на юношу. – Именно такими описали мне ваш род подтаежных динлинов. А еще я знаю, что Оспаар с твоими братьями не ушли в далёкие земли Кешдим за скотом, – Егудэй выдержал паузу и продолжил. – Он сейчас неподалеку, потому что Еди-инал поручил ему хорошенько спрятать казну кыргызов. Так что именно они увели в горы секретный караван. Как видишь, я откровенен с тобой, сын Оспаара, и даже рассказал тебе всё, что знаю!

Егудэй наполнил пиалу до краёв чаем и самолично поднес пленнику.

– Угощайся, оол¹! А теперь честно скажу, чего я пока не знаю. Я не знаю, где вами спрятана казна, и даже сам правитель Еди-инал, оказывается, этого тоже не знает. Кроме тебя, сын Оспаара,

¹ Уважительное обращение, сродни современному «уважаемый», которое в Туве сохранилось до сих пор.

здесь этого не знает никто... И всё было бы правильно, за исключением того, что и я тоже должен знать, и мои «красные волки» тоже должны знать... И они непременно узнают, потому что так приказал сын Вечного Синего Неба – наш каан Чингис-хан.

Юноша молчал, лишь пристально смотрел на говорившего Егудэя. А тот продолжал:

– Скажи, оол, ты хотел бы получить десятую часть тех сокровищ? Подумай хорошо: ты будешь очень богат, у тебя будет белая юрта, расшитая золотым узором, у тебя будут самые красивые жены, у тебя будут косяки лучших коней, огромные отары овец... У тебя будет все, что ты можешь только пожелать, оол!

Егудэй бросил испытующий взгляд на пленника, и отметил, что лицо того стало хмурым, а в глазах вспыхнула ненависть. Та же ненависть прозвучала и в его резких, непочтительных словах:

– Да, ты много знаешь, начальник «красных волков»! Но ты никогда не узнаешь, где спрятаны сокровища моего народа! Ты предлагаешь стать подлым предателем сыну Оспаара Зангиру? Видишь, я тоже не скрываюсь, и даже назвал тебе свое имя! И я, Зангир, за свою жизнь не заплачу такую цену, как измена! Мне совсем не нужны белая юрта, табуны и отары – я счастлив тем, что у меня есть...

Лицо Егудэя перекосила гримаса бешенства, взгляд стал привычно жестким – но он с явным усилием сдержался и продолжил почти спокойным тоном:

– Скажу честно, я и не ждал от тебя других слов, Зангир-оол. Я ценю твоё бесстрашие, однако такие слова не нужны ни мне, ни моему каану! Небо сделало его Потрясателем Вселенной, и даже самое маленькое желание каана Чингис-хана повсюду должно исполняться беспрекословно. Недаром все свои приказы он начинает со слов: «По воле Вечного Голубого Неба...». И горе тому, кто посмеет здесь возразить ему – тогда со слезами и кровью смешается утренняя роса в кыргызской степи! Подумай ещё раз, оол, очень хорошо подумай! А может, цена показалась тебе слишком малой? Может, тебе нужна не десятая часть, а четвертая или даже половина? Назови же свою цену, Зангир-оол!

– Нет такой цены, чтобы купить мою честь, начальник «красных волков»! И никто не заставит меня предать, ибо, как у нас

говорят, лучше поломать свои кости, чем свою честь! Прикажи своим нукерам снова связать меня, а еще лучше – сразу убить! Наш народ говорит, что лучше сразу рухнуть скалой, чем века сыпаться песком.

Егудэй вдруг резко встал и рассмеялся прямо в лицо пленнику, а потом проговорил с усмешкой:

– Мне жаль тебя, Зангир-оол, мне просто жаль твою молодость. В тебе много смелости, но мало мудрости! Обещаю тебе, что не позднее, чем завтра, ты расскажешь, где отец с братьями спрятали сокровища. И не только расскажешь, но и сам приведешь туда меня и моих воинов!

Заметив, как Зангир напрягся, Егудэй с той же усмешкой в глазах успокоил:

– Нет, пытаться мы тебя не будем, Зангир-оол, не бойся! У меня есть более надежные способы развязать даже самый молчаливый язык...

И словно потеряв всяческий интерес к разговору, Егудэй щелкнул пальцами. Тотчас приоткрылся полог, в юрту бесшумно проскользнули два воина-охранника и, подхватив крепко под руки, вывели пленника из юрты...

Рано на рассвете, когда солнце еще не взошло и степь дышит остатками ночной свежести, самое время начинать все задуманное. Именно в этот час, когда только начинает желтеть остывший за ночь воздух, тысячник Егудэй вошел в черную юрту, всегда стоящую в стороне от других и охраняемую тремя «красными волками». Ни один человек, даже по собственной воле, не пожелал бы оказаться внутри её – ибо здесь содержали пленников и преступников, ожидающих своей участи.

Следом за Егудэем в юрту вошел, скорее даже прошмыгнул маленький, юркий китаец Фао-Шен. Судя по тому, что один из воинов практически заступил китайцу дорогу, и тому пришлось протискиваться в узкую щель, «красные волки» его недолюбливали. Может быть, поэтому Фао-Шен всячески заискивал перед их тысячником: подобоострастно улыбался, часто кланялся и суетился, стараясь предугадать малейшее желание...

Приглядевшись в сумраке юрты, Егудэй неспешно подошёл к лежащему на обрывке старой кошмы, крепко связанному волосяным арканом, как и накануне, пленнику.

– Просыпайся, Зангир-оол! Я хочу тебя познакомить со своим преданным слугой Фао-Шеном. Он давно служит мне и Великому Чингис-хану, поэтому, хотя он и не могол, я собираюсь вскоре надеть на его умную голову лохматую шапку «красного волка».

Услышав эти слова, китаец часто закивал головой и несколько раз угодливо поклонился Егудэю едва ли не до самой земли.

– Э-кей! – вдруг произнес Егудэй с показным возмущением, буд-то только сейчас заметил спеленавшие пленника путы. – Я вижу, Зангир-оол, что плохо тебя, гостя, принимают мои воины: нет пустых чашек из-под жирного мяса, нет чайных пиал. Может, ты голоден или хочешь пить? Фао-Шен, скорее принеси нашему гостю родниковой воды, что набрана в мои серебряные кувшины из целительного ключа! Полный кувшин этой воды утолит твою жажду, оол!

Китаец мигом выскочил наружу, а Егудэй, пригладив ладонью седые волосы, неторопливо продолжил:

– Уже скоро взойдет солнце, и мы, как я вчера и обещал, отправимся в горы, где ты покажешь спрятанные твоим отцом сокровища. Ваш правитель Еди-инал будет, конечно, сильно огорчен, но мне и Потрясателю Вселенной Чингис-хану интересно посмотреть, что вы так долго и старательно прячете от нас. Очень, очень интересно...

Снаружи послышались быстрые шаги, и охранники пропустили вернувшегося с небольшим серебряным кувшином китайца. Тот опустился на колени рядом с пленником и поднес губам Зангира горлышко кувшина. Егудэй же с пристальным вниманием наблюдал, как запекшимися губами Зангир жадно ловил прохладную влагу.

Напоив пленника, подобострастный китаец даже обтер рукавом своего халата его губы и шею. Потом, после каждой фразы кланяясь Егудэю, заверил:

– Все будет прекрасно, начальник «красных волков»! Фао-Шен не напрасно учился десять лет! Даосские и индийские монахи учили меня всем их секретам. Они, как ты знаешь, уже давно и с неизменным успехом используют это снадобье!

Егудэй, тем временем, с непонятной усмешкой наблюдал за молчащим, напряженно думающим о чем-то своем Зангиром.

– Уже совсем скоро взойдет солнце, оол, но у тебя еще есть немного времени отдохнуть и набраться сил. Как видишь, никто не пытал тебя, более того, нам вскоре предстоит приятная прогулка в твою любимую тайгу. Вернее, в гости к твоему отцу Оспаару и твоим братьям. Так что готовься к радостной встрече, оол!

Когда Егудэй с Фао-Шеном вышли из черной юрты, прятавшееся за горизонтом солнце уже золотило редкие облака на востоке – грядущий день обещал быть ясным и знойным...

Накануне Седар уже знал, что «красными волками» схвачен его новый анда. То ли боль от заживающей раны на голове, часто напоминающая о себе, то ли беспокойство за судьбу Зангира долго не давали ему заснуть. Ведь два анды – это как одна душа! И ему было о чем подумать в эти бессонные часы... Сотня Седара заступала на охрану ставки Бухи-нойона рано утром, а это означало, что он без особого труда сможет увидеть Зангира и даже, возможно, переговорить с ним. Только вот что он сможет сделать для своего анды, которому, по всей видимости, угрожает большая опасность? Вероятно, даже смертельная...

Заснул Седар лишь далеко за полночь, и привиделась ему во сне опять Аюшин... Весенняя степь звенела жаворонками, белая кобыла Аюшин дремала, положив голову на круп коня Седара, а они сидели на сёдлах в тени одинокого дерева. Аюшин что-то ласково говорила, а он всё пытался вникнуть в смысл её слов – но слышал только громкий стук своего сердца, которое стонало и словно бы каменело от предчувствия неминуемой беды. Так что голоса любимой он так и не услышал, но прочитал сказанное ею по губам:

– Скажи, Седар, и я пойду против воли отца, я помчусь за тобой на самый край земли, где никто и никогда нас не найдёт. А если вражеская стрела вдруг оборвёт нить твоей жизни, я уйду в подземный мир вслед за тобой, ведь у меня есть острый нож, который ты подарил...

И душа его, сразу же поверив в эти слова, вдруг взмыла над весенней степью и запела песню любви громче всех жаворонков, заглушая даже боль сердца...

Ранним утром, расставив караулы, Седар сразу же направился к зловещей черной юрте. Перед входом копьё двух охранников скрестились перед грудью джагуна, копьё же третьего нацелилось ему прямо в сердце. Прозвучало грозное «Ха!» Таких действий требовал устав караульной службы, несмотря на то, что воины были из его сотни, и знали, конечно же, своего джагуна в лицо.

Седар молча отстегнул от пояса кривую саблю в зеленых кожаных ножнах и положил её на землю у входа. Рядом положил свой лук и начал снимать садак, но старший караула жестом остановил его: не надо, мол, достаточно. Наконечники копий звякнули друг о друга, и охранники отставили их в стороны – путь в черную юрту был свободен.

Откинув полог, он шагнул внутрь и увидел на кошке посреди юрты связанного Зангира. Сразу отметил отсутствие следов пытки: похоже, того даже не били. Неизвестно только, хорошо это или плохо?

Присев возле лежащего в неудобной позе пленника, спросил тихо, чтобы не услышали охранники снаружи:

– Как чувствуешь себя, анда Зангир? Здоров ли ты? Может, тебя пытали?

– Я здоров, анда Седар! И меня удивляет, что никто ни разу меня даже не ударил... Страшный Егудэй приходил в юрту и говорил с усмешкой, что пытать меня не станут. Именно поэтому я очень боюсь его – боюсь его ласковых лживых слов. Ведь он пообещал, что «красные волки» просто повезут меня в горы на прогулку. Он ведь что-то замыслил, анда? Может, ты знаешь, что?

– Да, анда, его нужно бояться! Тысячник Егудэй, это самый хитрый лис в окружении каана, и он никого и никогда не посвящает в свои планы.

– Знай, что я все равно ничего не скажу, – заверил Зангир. – От меня он никогда не узнает, где спрятано то, что он так старательно ищет. Даже если прикажет отрубить мне голову! Я нисколько не боюсь смерти, анда!

Седар нахмурился, оглянулся на вход и, склонившись почти к самому уху Зангира, сказал:

– Всё очень, очень плохо, анда. Егудэй никогда слов на ветер не бросает, и если он сказал про прогулку в горы – то она обязательно состоится. Отрубить голову или подвергнуть пыткам он мог бы и здесь, для это не нужно куда-то ехать... Это значит, он задумал что-то неожиданное для тебя! Скажи, а он приходил сюда один?

– Нет, с ним был маленький китаец...

При этих словах Седар даже отпрянул.

– Маленький хитаец Фао-Шен?

– Да, Егудэй называл его, кажется, Фао-Шеном. На словах они были дружелюбны, даже чересчур. Я хотел пить, и Егудэй приказал китайцу принести серебряный кувшин из его юрты. Очень вкусная вода, от которой мне сразу стало очень легко и даже хорошо...

– О, сюзюк¹ Фао-Шен – это страшный и очень подлый человек, его побаиваются все, даже «красные волки»! – почти воскликнул Седар. – Говорят, что он умеет составлять страшные яды, а то готовит такие снадобья, когда принимаешь человека за кого-то другого: за своего отца, за жену или даже за дикого зверя. Кажется, я догадываюсь, что он задумал... Скажи мне, анда, что ты чувствуешь сейчас?

– У меня немного кружится голова, но это, наверное, от голода, ведь я уже второй день ничего не ел.

Седар поправил повязку на своей голове, поморщившись при этом от боли, потом неслышно, словно кошка, прокрался к пологу юрты и чутко прислушался. Снаружи охранники вполголоса переговаривались, посмеиваясь при этом:

– Женщина как огонь, её нельзя оставлять без присмотра: либо потухнет, либо спалит все вокруг...

Похоже, они подшучивали над одним из воинов. Постояв, Седар так же бесшумно вернулся к Зангиру.

– Слушай меня внимательно, анда, и постарайся запомнить каждое слово. Егудэй никогда бы не привел Фао-Шена к пленнику просто так. И неспроста «вкусную» воду в кувшине принес именно лекарь. У тебя сейчас немного кружится голова, но тебе очень легко, полностью исчез страх?..

– Да, всё именно так, как ты говоришь.

¹ Ханский доносчик.

– Я подозреваю, что в кувшин лекарь добавил свою «синюю воду». Однажды я случайно видел, как она действует на человека! Скоро тебе станет совсем легко, даже приятно, и ты забудешь, что сейчас пленник и связан...

Зангир неожиданно улыбнулся в ответ и заговорил, глядя затуманенным взором куда-то внутрь юрты:

– Ты ведь знаешь, анда, что я не страшусь смерти. И если меня задумали отравить каким-то ядом, то это даже лучше, чем войны изрубят меня своими саблями. Я ведь прямо сказал страшному Егудю, что никогда не открою ему нашей тайны и умру с радостью, зная, что она навсегда уйдет вместе со мной в могилу. Знаешь, мне становится так хорошо, что я уже чувствую, как жизнь прощается со мной и собирается уходить из моего тела... Но я навсегда останусь в памяти моего народа... И, может быть, потом хайджи под сладкоголосые струны чатхана расскажут потомкам легенду о неустрашимом Зангире, сыне охотника Оспаара?..

– Нет, анда, ты не знаешь главного и самого страшного. Постарайся запомнить: «синяя вода» Фао-Шена не убивает тело, она лишь затуманивает сознание и глаза! Поэтому не верь тому, что вскоре увидишь и услышишь! Зелье даосских монахов делает человека совсем безвольным и развязывает его язык, так что ты даже не вспомнишь о долге и о чести! Вместо этого ты станешь наивным, как ребёнок...

От этих слов Зангир встрепенулся, и взгляд его снова стал осмысленным. Он даже попытался сесть, что удалось сделать лишь с помощью Седара.

– Разве такое возможно, и это совсем не сказка?! Ты говоришь мне правду, анда?

Седар горестно кивнул.

– Да, это правда, очень страшная правда. И я сейчас не знаю, чем тебе помочь. Я всю ночь думал, анда, думал о тебе. И это были нелегкие думы! Ты подарил мне жизнь, сохранил мою любовь – и моё сердце говорит, что я должен отплатить тебе тем же. Но я так и не придумал, как спасти тебя! Что толку, если я отдам тебе своего лучшего скакуна, которого сможет догнать разве что стрела из тугого лука... Все равно тебе не уйти далеко от «красных волков». Я не смогу спасти тебя даже ценой собственной жизни!

Седар в отчаянье обхватил руками свою забинтованную голову, и при этом даже не ощутил боли.

– Как скоро начинает действовать эта «синяя вода»? – спросил Зангир, и тут же сам ответил на вопрос. – Хотя, я мог бы тебя и не спрашивать... Она ведь уже начала действовать! Я вижу то тебя в этой юрте, то цветущую степь вокруг, и ощущаю себя то связанным пленником, то маленьким мальчиком, играющим с братьями... Я чувствую, что утрачиваю волю, Седар! Это значит, что коварный Егудэй сумел перехитрить меня...

– И я, джагун «красных волков», впервые не знаю, что мне делать! – произнес Седар срывающимся голосом. – Но я должен что-то предпринять для спасения твоей чести, ибо знаю, что честь для тебя сейчас дороже жизни.

– Скоро сюда придет Егудэй... Чтобы увезти меня в горы... Чтобы взять на прогулку... – словно в забытьи, зашептал отрывисто Зангир. – С ним будет страшный маленький человек... Этот китаец! И я уже знаю, анда, что им легко будет выпытать у меня тайну... Потому, что я не могу властвовать над своими мыслями, над своим языком... Убей меня, анда, пока не поздно!

Джагун хотел что-то возразить, но Зангир, собрав остатки воли, решительно перебил его:

– Наверное, осталось совсем мало времени, анда? Я вижу, что ты без лука и без сабли, но с тобой колчан, в котором стрелы... Ты ведь обещал отдать своему анде одну из них согласно древнему обычаю? Отдай ту, что с черным опереньем и белым костяным наконечником... Я ведь не ошибаюсь, она есть среди других, анда?

По лицу Седара пробежала судорога боли, но это боль была не от раны. Он попытался возразить:

– Я давал слово когда-нибудь спасти твою жизнь, как ты спас мою, а не отнимать ее!

– Ты, анда, теперь только так можешь вернуть мне долг – отдать стрелу. Взамен жизни подари мне смерть, которая, поверь, для меня сейчас дороже жизни! Знай, что я с радостью и благодарностью приму её от тебя!

Седар и сам понимал, что это единственный выход, поэтому молча снял с плеча садак и достал из него стрелу с чёрным оперением.

По лицу джагуна ничего нельзя было прочитать, но на глазах у его навернулись слезы отчаянья.

– Ты настоящий воин, анда Зангир! – с усилием проговорил Седар, вытерев рукавом глаза. – И я горжусь нашей дружбой. Знай, что смерть от этой стрелы наступит почти мгновенно, потому что в наконечнике смешаны два самых сильных яда наших степей от гюрзы и эфы.

– Я виноват перед тобой, анда Седар! – воскликнул Зангир и из глаз его тоже хлынули слёзы. – Там, возле мёртвого абу, я не до конца поверил в твою искренность и твою клятву.

– Главное, что ты веришь мне сейчас, анда, – ответил Седар, по щекам которого снова покатались слёзы.

А Зангир устремил взгляд на полый наконечник стрелы и решительно проговорил:

– Сделай это без колебаний, анда! Но я не хочу, чтобы гнев Егудэя пал на тебя. Нанеси два укола рядом на моей груди – чтобы их можно было принять за укусы настоящей змеи... Прощай, мой анда Седар!

Через несколько мгновений джагун резко вышел из черной юрты. Подобрал оружие, он быстрыми шагами пошел в степь, освещённую уже оторвавшимся от горизонта кроваво-красным утренним солнцем...

Когда Егудэй вошел в черную юрту и увидел пленника мертвым, то первой его мыслью было обвинить Фао-Шена. Но приведенный воинами хитаец вскоре снял с себя обвинения, указав на две красные ранки на груди Зангира. Он же и определил, что нанесены они не зубами змеи, а острием стрелы, и что смерть пленника, несомненно, наступила от сильного яда.

Допрошенные охранники утверждали, что в черную юрту входил только джагун Седар. Без сабли и лука... но с полным садаком стрел. Значит, умертвить пленника мог только он. Но что общего между джагуном «красных волков» и сыном охотника-динлина – это предстояло выяснить.

По приказу Егудэя Седара срочно привели на допрос в черную юрту. Под вопрошающим взглядом тысячника джагун не опустил глаз и не стал отрицать свою причастность к смерти Зангира.

– Несколько дней тому назад я дал слово выполнить любую его просьбу, – сказал Седар. – Сегодня он попросил у меня смерть...

Этого Егудэй никак не мог понять. Джагун не отрицал своего преступления, хотя и знал, чем ему это грозит – он будто бы тоже искал смерти?..

– Ты для меня был как сын, Седар, – с сожалением проговорил Егудэй. – Я собирался отдать тебе в жены мою дочь Аюшин, потому что знал о ваших тайных встречах.

– Я люблю Аюшин и хочу, чтобы она была счастлива. Я готов отдать за нее все, что у меня есть, даже жизнь... Но я не мог нарушить данную мной клятву! Смерть легче пёрышка, долг тяжелее горы...

– Я собирался сделать тебя своим преемником, тысячником «красных волков»! – продолжал, будто не слыша, Егудэй. – Но ты нарушил приказ, и после этого не можешь носить красную шапку «волка»...

– У меня не было выбора – я дал слово! – повторил Седар. – Дал слово анде...

– Зато у меня есть выбор, – жестко проговорил Егудэй, чувствуя, как внутри его закипает ярость. – Либо казнить всю твою сотню, как это сделал бы каан Чингис-хан, либо позволить твоим воинам казнить своего джагуна. Что бы выбрал ты на моем месте?

– Зангир был моим андой... – словно не расслышав последних слов, повторил Седар. – Тысячник давно забыл, что это такое, но даже сам Великий Чингис-хан чтит этот закон братства. Когда он был ещё просто Тэмучином, то обменялся наконечниками стрел с Джамухой. А отец его Есугай был андой даже Он-хана, христианина...

– Не упоминай имени нашего каана! Ты просто подлый предатель, – закричал в бешенстве Егудэй, и тут же, в припадке ярости, отдал приказ казнить виновного незамедлительно.

Он сорвал с шеи Седара серебряную пайцзу джагуна, на которой было начертано: «По воле великого Бога и по великой его милости к нашему государю, да будет благословенно имя Хана, и да помрут и исчезнут все ослушники».

«И да помрут и исчезнут все ослушники...» – мысленно повторил Егудэй волю каана, которую он не смел нарушить. Однако, уже взяв себя в руки, решил сделать джагуну снисхождение.

Нет, не отменить казнь – Егудэй никогда не отменял своих приказов, даже если оказывался неправ. Он позволил сделать это без пролития крови, в которой живёт душа каждого человека. Правда, кааном Чингис-ханом в его Книге Ясы записано, что только ханы и нойоны достойны такой смерти... Но, как-никак, Седар был женихом Аюшин и до этого проступка почти сыном – не варить же его в котле или не отрубать же ему голову, как простому пастуху?..

Казнь он поручил все еще стоявшим у черной юрты охранникам, для которых это было вполне привычным делом. Один из воинов опустился на траву поджатой левой ногой и выставил вперед правое колено, двое других, крепких и сильных, молча повалили Седара на землю. Тот не сопротивлялся, и тогда один взял бывшего джагуна за руки, другой за ноги. Егудэй помедлил, как будто раздумывая, а привыкшие беспрекословно подчиняться воины внимательно следили за его правой рукой.

Резко опустив руку, Егудэй, не оглаживаясь, пошел от черной юрты. Он сотни раз видел подобную казнь, поэтому знал, что сейчас воины вскинут тело джагуна вверх и с размаху опустят спиной на выставленное колено. Он только услышал характерный хруст костей позвоночника и короткий вскрик Седара. Перед глазами тут же возникло искаженное болью лицо дочери – и старый Егудэй впервые в своей жизни, наверное, пожалел, что не отменил приказ.

А преданно смотревшие ему в спину воины увидели вдруг, как опустилась голова их тысячника, как ссутулилась его спина, и походка из легкой и пружинистой превратилась в старческую. Таким тысячника «красных волков» они видели впервые...

Время подгоняло Егудэя. Воины тумэна Бухи непрерывно пригоняли из стойбищ и уже самых далёких аалов десятки, сотни белых скакунов. Скоро, совсем скоро погонят они на запад тысячные табуны в подарок Повелителю Вселенной, которому нужно много, очень много прекрасных коней – ведь предстоят новые походы на юг, на запад, на восток... Великий Чингис-хан любит потешить свое сердце видом всесокрушающей лавины его непобедимого войска, ошетилившейся копьями, брызжущей черным облаком стрел, сверкающей взметнувшимся над головами лесом сабель – видом сметающей все на своем пути могольской конницы...

Егудэю тоже нужно было спешить. И он увеличил награду счастливцу, который первым обнаружит сокровища кыргызов: уже не десятая, а четвертая часть по праву будет принадлежать ему. Любой «красный волк» мог только мечтать о такой добыче, дающей высокое положение, и о счастливом случае, который может одним махом вознести к новой, более высокой должности...

Две сотни «волков» с трех сторон охватили лог, в котором был захвачен Зангир. Цепью продвигаясь вверх по сужавшемуся, словно ущелье, каменистому логу, воины наткнулись на огромного, уже основательно обглоданного мелким зверьем медведя. Даже мертвый он поражал размерами, длиной страшных когтей и желтых клыков. Осматривая источавшую трупный смрад медвежьей тушу, воины невольно сгрудились – и тут же услышали короткий посвист стрелы, которая глубоко вонзилась в дерево впереди, как бы преграждая им путь. Это было грозное предупреждение: следующая стрела найдет себе уже живую цель.

Но «красных волков» невозможно запугать, и опасность только подстегивает их. Тем более что это был хороший знак: значит, они идут к своей цели правильной дорогой. Воины тут же рассыпались по сторонам лога – от пенного ручья до отвесных скал. Пригибаясь и прячась за толстыми стволами деревьев, они двинулись дальше.

Вторая стрела попала в шею передового воина. Когда попробовали выдернуть её, то убедились, что сделать это невозможно: спиралевидный наконечник буквально вкрутился в человеческую плоть, разорвав её внутри. Такими стрелами пользовались джурджени, и монгольские воины отлично знали, что они наносят ужасные, чаще всего смертельные раны, от которых не спасают даже шёлковые рубахи под доспехами.

Стрелы прилетали, казалось, со всех сторон. Вот уже упали замертво еще четыре воина, и столько же были тяжело ранены. Причем стрелявших не удавалось даже разглядеть: они лишь на короткий миг возникали с натянутыми луками то из-за камня, то из-за дерева. Когда же несколько воинов устремлялись туда, то никого не находили.

Но волчья стая умеет побеждать врага не только количеством, но и умной сменой тактики. Теперь, пока передовая цепь продвигалась вперед, позади стояли воины с натянутыми луками – и каждого

невидимого стрелка подстерегал добрый десяток смертоносных стрел. Потом подтягивались задние, а передовые держали под прицелом каждый камень и каждое дерево.

Личная охрана каана обучена побеждать самого умелого и хитрого врага, и новая тактика вскоре стала приносить плоды. Вот за камнем лежит, выронив свой лук, один мирген¹, вот другого светловолосого и голубоглазого стрелка не успело спасти толстое дерево – и он, взмахнув руками, упал со стрелой в сердце. Вот еще двое, лица которых похожи как две капли воды, лежат спина к спине, омываемые водой ручья – и кровь их, сливаясь воедино, окрашивает звонкие струи в красный цвет...

Моголы хотя и медленно, но неумолимо продвигались вперед, тем более что разящие стрелы невидимок свистели всё реже и реже. Часть воинов с трудом вскарабкались на каменные гривы, ограждающие узкое ущелье, поскольку оттуда дальше просматривалось пространство впереди, и можно было поражать противников сверху. Таким образом, неведомые стрелки из охотников тут же превратились в гонимую в нужном направлении дичь, а путь отступления для них оставался только один – вверх по логу. Кыргызские миргены явно недооценили своих противников...

Волчья стая целенаправленно гнала добычу, отсекая все пути из ущелья – и поэтому неминуемо должна была настигнуть стрелков. Вот лог стал совсем узким и крутым, так что воины продвигались в нём сплошной массой, плечом к плечу. Но стрелы больше не настигали их, должно быть у невидимых защитников их больше не осталось. Вот из-за большого камня на мгновение возник лучник – и тут же, пронзенный десятком стрел, мертвым упал к ногам передовых моголов.

– Больше ни в кого не стрелять, – приказал джагун, – они нужны нам живыми.

Когда могольские воины вскарабкались к вершине горы, на ней гордо и молчаливо стояли двое последних стрелков: славный охотник Оспаар и его сын Пулат. Уходить им было некуда – дальше скала отвесно обрывалась вниз. Не дав преследователям вплотную приблизиться, они одновременно переломили через колено свои, ставшие бесполезными, луки и шагнули в пугающую своей глуби-

¹ Охотник.

ной пропасть. Широко раскинув руки, словно две большие серые птицы, они удалялись все дальше от преследователей, пока не закончили свой последний полет на острых камнях. Даже бесстрашные «красные волки» отшатнулись в этот миг от края пропасти...

Еще два дня воины тщательно обшаривали окрестности Медвежьего лога – такое название они дали ему по найденному здесь мертвому зверю. Помня обещание Егудэя о четвертой части, причитающейся нашедшему тайник, следопыты обшаривали каждый завал камней, каждую щель в скалах, каждую нишу в корнях сосен – но всё было напрасно. «Красные волки» ещё верили, что богатство кыргызов затаилось где-то неподалеку: либо в пещере под каким-нибудь из каменных останцев, горделиво вззирающих на мир с вершин залесённых гор, либо среди серых каменных гряд, гребнями разделяющих глубокие лога. Да мало ли где в бескрайней и труднопроходимой горной тайге можно надежно схоронить небольшие кожаные мешки и вьючные сумы...

В конце концов, Егудэй понял, что этот лог был просто приманкой, ложной целью. Его воины потеряли время, затоптали и без того едва заметные следы, а прошедший дождь поднял примятую траву, разгладил песок и смыл с камней отпечатки копыт – так что заново начинать поиски уже не было никакого смысла. Отпущенное им время истекло: сотня за сотней, тысяча за тысячей воины тумэна Бухи-нойона уже уходили на юго-запад, угоняя табуны. И к концу третьего дня поисков Егудэй приказал своим «волкам» покинуть неприступные для них горы и возвращаться в ставку. Тем более что погода к вечеру окончательно испортилась: порывистый ветер пригоршнями швырял в лица крупные капли дождя, мокрая трава на склонах стала предательски скользкой.

Охрана быстро собрала его походную юрту, разбитую под гладкой, почти отвесной скалой, защищавшей от ветра и дождей, а разочарованный итогами поисков Егудэй молча сел в седло своего коня. Но не успел он отдать команду двигаться, как над головой, высоко вверху раздался громкий шум и треск – и на узкую тропу, прямо перед его иноходцем рухнул большой камень. Жеребец присел и, испуганно храпя, рванулся в сторону... Едва удержав его туго натянутыми поводьями, Егудэй поднял глаза вверх.

С вершины скалы смотрел, как будто прямо на него, черный красавец-марал. Его огромные ветвистые рога четко прорисовывались на фоне хмурого неба. Через какое-то мгновение одна рука Егудэя уже сжимала лук, другая нащупывала в садаке тяжёлую стрелу...

– Не надо стрелять, начальник, – услышал он крик Фао-Шэна. – Нельзя стрелять в Хозяина гор...

Недовольный Егудэй повернулся к хитайцу и устремил на того вопросительный взгляд.

– Стрела вернется, и поразит стрелявшего прямо в сердце, – продолжил Фао-Шен. – Я много раз слышал эту легенду от охотников. Нельзя сражаться с Черным маралом – духом здешних гор. Он дал свой знак, что тебе надо быстро-быстро уходить...

Ничего не сказав, еще более помрачневший Егудэй хлестнул камчой своего коня и поскакал по уже натопанной всадниками тропе. Опередив его, вперед помчались разведчики, а позади – след в след – неслись «волчьим ходом» остальные всадники. Никто из них даже не оглянулся на кажущиеся неприветливыми и хмурыми, чуждые степнякам горы, только мелькнуло, должно быть, в сердцах многих воинов сожаление о несбывшейся мечте. «Ничего, богатство всегда проходящее: то оно есть, то уже потеряно... – думал, должно быть, каждый из них. – А утром следующего дня, свернув свои походные юрты, мы уйдём, наконец, от этих непривычных и неприветливых гор в родные степи, на серебряный Онон и золотой Керулен...»

Пока под покровом ночи воины готовились в дальний обратный путь, Егудэй со своим неизменным сопровождающим Фао-Шеном молчаливо сидели у жарко пылавшего костра. В пиале тысячника, против обыкновения, была налита арза¹ вместо чая, и он мрачно размышлял о том, что скажет Потрясателю Вселенной, как вопрошающе взглянет на него тот при встрече. Ведь Великий каан ждет не золото и драгоценности, которых у него и без того не счесть – Чингис-хану желаннее всех сокровищ простые кедровые дощечки с таинственным уйгурским рецептом. И никогда еще он, Егудэй, так не подводил своего Повелителя...

Одну за другой пил Егудэй полные пиалы арзы, почти не хмелея. И восстанавливал в памяти каждый свой шаг, пытаясь понять,

¹ Молочная водка вторичного перегона, а харза – молочная водка тройного перегона, практически спирт.

где он совершил главную ошибку. Но раз за разом цепочку мыслей разрывали образ джагуна Седара и картина его казни, которую Егудэй не видел, но очень ясно представлял. В ушах снова и снова звучал хруст переламываемых позвонков. К чему бы такие воспоминания?.. Ясно, что не к добру... И дело даже не в том, что Чингис-хан может так же запросто расправиться с ним самим, недаром он, Егудэй, жестокости учился у своего Повелителя, считая её главным достоинством кишиктена... Больше этого его пугала предстоящая встреча с любимой дочерью Аюшин.

Из глубокого раздумья тысячника вывел заискивающий голос Фао-Шена.

«Что там бормочет этот пьяный лизоблюд, которому сегодня было позволено пить арзу из одного кувшина с хозяином? – раздраженно подумал Егудэй. – Разве он ещё не валяется пьяным на земле, свернувшись у костра подобно собаке?..»

– Послушай Фао-Шена, начальник «красных волков». Сейчас тебе кажется, что все очень-очень плохо. Но поверь мне, пройдет время – и половина плохого забудется, пройдет еще время – и забудется уже всё плохое...

Егудэй с удивлением отметил, что хилый китаец, похоже, не так уж и пьян.

– Все беды пришли к тебе с этим кыргызом, с проклятым Зангиром, – продолжил Фао-Шен. – Он знал, где спрятаны сокровища, где спрятаны кедровые дощечки. Он знал, но сказал: «Я не стану предателем своего народа!» Это из-за него умерщвлён твой любимый джагун Седар, которого ты хотел сделать своим сыном... А этот никчемный кыргыз мечтал стать героем, победившим самого начальника «красных волков». Поэтому ты, который никогда не прощает обид, сделай его самого предателем...

Слушая китайца, Егудэй все больше трезвел, и в сердце его, в самом деле, закипал огонь мести.

– Говори дальше, – приказал он Фао-Шену. – Я вижу, что у тебя уже есть план.

– Прогони мрачные мысли, начальник «красных волков», ведь месть – это кушанье, которое нужно принимать холодным. Отомсти этому Зангиру так, чтобы он и на том свете трепетал при одной мысли о тебе. Я придумал такую страшную, такую небывалую месть,

которая пройдёт черной тучей через века и останется несмываемым пятном на истории этого народа, живущего по берегам Йенесая. Это будет самая страшная твоя месть! Слушай меня, начальник «красных волков»...

И Фао-Шен в деталях изложил свой коварный план. Егудэй, сам отличавшийся изощрённой хитростью, с изумлением и даже внутренним содроганием взирал на маленького и трусливого, казавшегося ему ничемным, человечка, которого он в любой момент мог бы раздавить, как обыкновенную блоху.

– А что ты скажешь Великому Чингис-хану, я тоже знаю, – заверил заметно осмелевший хитаец. – Ты обещал сделать меня одним из «красных волков»... Фао-Шен недостойн такой чести, но Фао-Шен умеет быть благодарным... Придет время твоей встречи с Потрясателем Вселенной, и я подскажу тебе нужные слова.

Повеселевший Егудэй приказал новому джагуну построить двадцатку воинов и отдал им все необходимые распоряжения...

А ранним утром последние могольские воины – это были две неполные сотни «красных волков» – покидали Койбальскую степь. К крупам двух десятков расседланных коней были приторочены тяжёлые кожаные хайи¹. Проезжая между кыргызскими юртами, сопровождавшие этот небольшой караван воины весело и достаточно громко переговаривались о том, что здешний правитель Еди-инал может теперь проливать горькие слезы, а его советник Кёнгир рвать в клочки свою седую бороду по поводу пропавших богатств. И несколько раз заводили разговор о том, что кыргызскому парню, младшему сыну Оспаара, указавшему тайник с сокровищами, теперь причитается четверть их. А едущие позади переговаривались между собой, и тоже достаточно громко, что счастливчик Зангир стал знатным человеком и едет сейчас на белом коне рядом с самим Бухой-нойоном.

Новый джагун громко и весело прикрикнул на разговорившихся воинов:

– Не советую смеяться над тысячником Зангир-оолом! Я не удивлюсь, если сам каан, учитывая заслуги, назначит его вскоре темником или даже начальником «красных волков»!

¹ Перемётные сумы.

– Да, сказочно повезло этому парню, простому охотнику! – громко поддержал джагуна сам Егудэй и восхищённо зацокал языком...

* * *

А последующий сон неожиданно вернул его в походный шатёр каана – и утерянная было логическая нить событий восстановилась. Там, во сне, не существовало привычного отсчёта времени, поэтому невозможно было понять, сколько прошло дней, недель или месяцев, а привязкой оставалось лишь местоположение в пространстве да ещё знакомое людское окружение. Как, собственно, и в первые моменты после пробуждения, пока затуманенный взгляд не выхватит знакомые детали обстановки и не включатся заведённые при рождении внутренние часы. А, может быть, во сне просто не слышно их размеренного тиканья?..

Лекарь Фао-Шен после столь долгого многомесячного отсутствия явно хотел поскорее приступить к своим основным обязанностям. Во-первых, близость к каану сразу же возвращала его статус в глазах окружающих, а, во-вторых, гарантировала защиту от нападок со стороны недоброжелателей и завистников. И тех, и других, что греха таить, у сюзюка каана в ставке было немало.

– Я не хочу вызвать гнев на головы лекарей, – как бы невзначай заметил Фао-Шен, – но, по-моему, за время моего отсутствия они недостаточно хорошо лечили Великого Чингис-хана?

– Они делали всё, что могли, – ответил он устало. – Просто с возрастом больному требуются всё более искусные лекари. А в конце жизни даже самый великий врачеватель будет бессилён, и только Вечное Синее Небо сможет продлить и облегчить мои оставшиеся дни.

– Именно поэтому Небо и даёт избранным людям талант врачевания! Но, как и любого другого таланта, одним отмеряет больше, другим меньше...

Он хотел посмеяться над хитайцем за неумелую попытку утвердить свою значимость, но за стеной шатра резко прозвучал предупреждающий окрик охранников – и тут же, откинув полог, внутрь вошёл понурый Егудэй.

– Каан пожелал видеть меня? – тысячник произнёс это, не поднимая глаз.

– Я просто хотел узнать, здоров ли ты, мой верный Егудэй? А то Фао-Шен утверждает, что великая печаль изглодала сердце моего лучшего воина.

– Да, каан, моя дочь Аюшин добровольно приняла смерть, узнав о гибели джагуна Седара. А ведь младшая дочь была самой любимой...

– Я сочувствую тебе, Егудэй! Но знаю, что это не единственная твоя печаль...

– Твой кишиктен падает ниц перед тобой, каан, потому что он не исполнил твой приказ!

Егудэй опустил на колени и ещё ниже склонил голову, после чего тихо закончил:

– Это и есть самая большая моя печаль.

– Фао-Шен поведал мне всё, в том числе и твои сомнения! Встань, мой верный Егудэй, и не терзай своё сердце, не ищи оправданий своим поступкам.

– Я недостойн стоять в твоём шатре, каан, недостойн слушать тебя. Прикажи воинам казнить недостойного!

– Старый лис не может простить себе, что кто-то его перехитрил? – он усмехнулся. – Поверь мне, пройдёт время – пройдёт и эта обида. Так что поднимись с колен!

Устало откинувшись на подушки, он кивнул Фао-Шену, и тот, опустившись на корточки и откинув полу халата, начал умело массировать больную ногу от бедра до самой ступни. Когда китаец замечал на лице повелителя гримасу боли, тут же втирал в чувствительное место целительный бальзам и продолжал массаж, стараясь не смотреть в сторону понурого тысячника «красных волков». Лекарь не сомневался, что Егудэй уже не раз мысленно обозвал его сюзюком за то, что раскрыл каану все тайны похода, известные только им двоим. И если бы не покровительство Чингис-хана, то месть тысячника, скорее всего, была бы страшной.

– У тебя есть что добавить к тому, о чём поведал мне преданный Фао-Шен? – прервал он, наконец, затянувшееся молчание. – Так сними камень со своей души. Я слушаю тебя, Егудэй!

– К сожалению, моё появление не стало неожиданностью для кыргызского правителя Еди-инала, потому что в тумэне Бухи оказались лазутчики, – заговорил тысячник. – Один был убит, но второй уплыл на лёгком плоту по горной реке.

– Как же он сумел уйти от твоих «красных волков»?

– Ранивший его воин утверждал, что стрела отравлена, и что мгновения жизни раненого сочтены

– Но, признайся, Егудэй, ведь не этот лазутчик был главным виновником твоей неудачи?

– Да, джагун Седар встал на путь предательства.

– Молодость склонна к ошибкам и ты, наверное, поторопился казнить его. Я сам в юности уважал закон побратимства и считал, что слово, данное анде, это самое крепкое слово. А ты списываешь свою неудачу на джагуна, но при этом умалчиваешь о юноше-динлине, сыне охотника...

– Он открыл бы мне свою тайну, если бы не вымолил смерть у безумного анды Седара.

– Но ведь перед этим динлин спас жизнь джагуну, и потому стал его андой! Друг детства Джамуха был моим андой, поэтому я и не казнил его за первое предательство. Да и за второе тоже... А ты сейчас просто продолжаешь искать оправдания! Мудрецы говорят, что лучше победить самого себя, чем выиграть тысячу сражений, ибо никто не сможет присвоит эту победу. Ты ведь потому жестоко отомстил и потому оклеветал динлина, что простой охотник оказался сильнее тебя, всесильного тысячника «красных волков»?

При этих словах в глазах Егудэя снова вспыхнул потускневший было огонь, и взгляд его был теперь направлен прямо на каана.

– Он воспротивился твоей воле, каан, и хотя бы поэтому должен был умереть!

– Не терзай себя, верный Егудэй, удача и неудача далеко не каждый раз во власти человека, но при этом всегда подвластны Вечному Небу, которому, видимо, не угодно было открыть тайну вечной жизни. Я думаю, что Вечный Тэнгри не откроет эту тайну никому, чтобы ни одного из смертных не ставить вровень с собой!

– Я безмерно сожалею о своей неудаче, каан!

– Фао-Шен рассказал, как ты попытался убить даже память о динлине, жестоко оклеветав того, вина которого состояла лишь

в том, что он оказался верным сыном своего народа... А я ведь тоже, в конце концов, уйду в другой мир, и, поверь, самое страшное для меня было бы повторить судьбу этого юноши.

– Такое невозможно, каан! – Егудэй в волнении даже схватился за рукоять своей сабли.

– Я говорю сейчас не о клевете, а о забвении, тысячник Егудэй. Люди склонны к забывчивости, и, согласишься, память о справедливых, но рано ушедших героях зачастую намного долговечней славы проживших долгую жизнь военачальников?

– Но ведь ты всегда повторял, каан, что воин не должен испытывать жалости к врагу.

– Да, это так! Но при этом великий воин должен уважать достойного противника.

– Я услышал тебя, каан, – Егудэй снова опустился на колени и потупил глаза, – поэтому готов признать, что был неправ с тем юношей.

– Иди, верный Егудэй, и не терзай себя. На всё воля Вечного Неба, а я всего лишь мимолётное во времени отражение его. И нельзя даже в мыслях уподобляться Вечному Тэнгри или состязаться с ним в чём-то, особенно в бессмертии...

Отвесив почтительный поклон, Егудэй понуро направился к выходу.

Шаги тысячника по толстому персидскому ковру зазвучали неестественно громко, и Егор, остро осознав это несоответствие, проснулся... Прислушался: на кухне журчала вода из-под крана, звякнула поставленная в посудный шкаф чашка, скрипнула дверца... Он понял, что это Ирина захотела пить, закрыл глаза – и тут же провалился в забвение, связь с которым была ещё не до конца утрачена. Правда, это оказался не совсем тот сон...

* * *

Он всё так же находился в своём шатре, но, вместо Егудэя, перед ним стоял сын Толуй.

– Вот и весна наступила, пора двигаться после зимнего отдыха в пределы родных степей, на юго-восток, – делился он своими

мыслями с Толуем. – По пути к нам должны присоединиться Угэдэй с Джагатаем – и мы непременно устроим грандиозную совместную охоту, чтобы разогнать по венам застоявшуюся кровь. Пошли к ним гонцов, да и к Джучи тоже...

Сын, кивнув, направился к выходу – и едва не столкнулся с монахом Чан-Чунем. Вошедший даос, одетый уже не в тёплый стёганный, а в свой тонкий монашеский халат, сложил, как обычно, ладони перед грудью и склонил голову, приветствуя каана.

– Наступило время нашей полуденной беседы, Великий, поэтому я, повинувшись твоему давнему приказу, пришёл без приглашения, – перевёл приветственные слова монаха Фао-Шен. – Если, конечно, разум твой сейчас не погружён в государственные дела?

– Мне передали, что ты, Бессмертный, хочешь покинуть мою ставку. Уж не обидел ли тебя кто из моих подданных?

– Твои слуги, Великий, не смогли получить рецепт эликсира бессмертия, поэтому все мои обязательства перед тобой исполнены. Кроме того, уезжая из Хаотяньгуаня, я сказал своим ученикам, что вернусь ровно через три года. А я, как и ты, Великий, до сих пор всегда держал своё слово, поэтому не могу обмануть ожидания моих верных учеников.

– Я сожалею о твоём отъезде, Бессмертный, и не в праве тебя задерживать, хотя, об очень многом мы так и не успели побеседовать...

– Если это будет угодно Небу, мы встретимся ещё. А до того я с нетерпением буду ждать писем от Великого.

– Я хочу, чтобы ты напоследок истолковал один случай...

– Я внимательно слушаю тебя, Великий!

– На днях, во время охоты на дикого вепря я упал с лошади и опять повредил колено. От боли не мог пошевелиться, но вепрь почему-то не кинулся на меня, чтобы растерзать, а постояв подле, медленно удалился. Что означает сей знак: поражение от врагов или какую-то потерю?

– Ты неверно понял знак, Великий. Это Небо напомнило, чтобы ты берёг свою жизнь; ибо лета твои уже преклонны. Надобно поменьше охотиться, и падение с лошади есть указание на то. А то,

что весть не посмел кинуться на тебя – это явный знак покровительства Неба ещё на многие годы.

– Я только сейчас, благодаря тебе, Бессмертный, понял этот знак! И совет твой весьма хорош, но с ранних лет я привык к охоте верхом, поэтому вряд ли смогу оставить давнюю привычку!.. Бессмертный, ты прочёл множество книг и знаешь ответы на многие вопросы: поведай мне напоследок о назначении земляных пирамид, которые нередко встречаются на китайских землях. Елюй-Чуцай говорит, что они напоминают каменные пирамиды, которые служат гробницами великих египетских фараонов.

– Наши пирамиды из земли возведены слишком давно, поэтому никто не знает об их истинном назначении. Астрономы, например, утверждают, что они расположены в форме созвездий, которые мы наблюдаем в небе – и подобным же образом ориентированы. А по пути к тебе, путешествуя мимо города Сайрам, я сам видел большие могильные насыпи, расположенные словно звёзды в созвездии Медведицы. Так что, для каких целей возведены пирамиды нашими далёкими предками – астрономических или погребальных – теперь уже загадка без ответа.

– Может быть твои предки, как и мой народ, поклонялись Вечному Синему Небу?

– Всё может быть. Но теперь это та головоломка, которую вряд ли кто с лёгкостью сможет разгадать. Правда, в монастырях хранится ещё много старых рукописей, ожидающих прочтения – может, в одной из них и содержится разгадка?..

– Вот только никто не знает, через сколько лет стряхнёт с них пыль учёный, равный тебе, Бессмертный?..

– Я прощаюсь и очень сожалею, что Великий так и не постиг величайшую тайну бессмертия...

– Если простой юноша смог помешать этому, значит, на то была воля Вечного Неба, иначе мне пришлось бы поверить твоему утверждению, что мир очень хрупок и может быть изменён каждым из живущих в нём людей...

– Это мудрая мысль, Великий, и она только подтверждает правильность твоего пути к познанию Дао. Но я, как и мои учителя,

верю лишь в бессмертие моего духа, которое зависит только лишь от меня самого...

– Твоё учение, Бессмертный, наполнено мудростью, моё же пронизано силой. Я всегда ощущал покровительство неведомого защитника и считал, что это сам Вечный Тэнгри. Как ты думаешь, возможно ли совместить наши два учения?

– Не гневайся, Великий, но мне кажется, что это и не нужно. Я готов стать твоим наставником в познании Дао-дэ...

– Я слишком стар, чтобы ходить в учениках, а, тем более, чтобы отречься напоследок от Вечного Неба. Конечно, мне есть о чём сожалеть... Когда я не был ещё Чингис-ханом, люди говорили обо мне: «Этот Тэмучин снимет платье, которое носил – и отдаст; с лошади, на которой сидел, сойдёт – и отдаст». Теперь же все знают, что я с лёгкостью могу их одарить и возвысить – вот только уважения ко мне не прибавилось, а появился лишь страх...

– Хорошо уже то, что ты стал задумываться об этом, Великий!

– Я хочу отблагодарить тебя, Бессмертный, поэтому немедленно заготовлю и скреплю своей печатью указ, освобождающий всех даосов от повинностей и албана!..

«Нельзя предавать веру, с которой прожил все трудные годы, – думал он, когда Чан-Чунь удалился. – Тем более что закон, который я дал своим людям через Книгу Ясы, продиктован был посланцем самого Вечного Тэнгри. Мудрец Чан-Чунь известен людям на значительных пространствах, но я, Пророк Вечного Тэнгри, скоро буду почитаем во всех бескрайних пределах Великой Монгольской Империи – так же, как Мухаммед, Будда или Иисус. Но я не стал говорить это даосу, чтобы не обидеть перед расставанием... Мне теперь будет не хватать ежедневных бесед с мудрецом, и пусть наше общение не привело к желанному бессмертию, зато я окончательно уверовал, что человек триедин и состоит из тела, души и Духа. И поверил в правоту мудреца, что только приобретённое совершенство Духа может дать истинное бессмертие – именно Дух, всесильный и незримый, продолжает существовать после погребения и путешествовать между Вечным Синим Небом и миром, населённым смертными людьми. Недаром шаманы часто

вызывают умудрённый существованием одновременно в двух мирах Дух героя, чтобы посоветоваться с ним и попросить о помощи... Как утверждала мать Оэлун, Духи великих предков никогда не отказывают в помощи близким людям, в покровительстве своему народу!.. Да, он, Чингис-хан Тэмучин, как и было предсказано в легенде, объединил чужие племена и уже почти навёл порядок в завоёванных землях – вот только кровная связь с далёкими народами матери и истинного отца так и не возродилась, а потомки его будут разбросаны по всей бескрайней Империи... Возможно, лишь после смерти смогут Духи их собраться вместе – если на то будет воля Вечного Неба! А потому, как и предсказано древней легендой, Дух каана Тэмучина должен вернуться на родину матери: чтобы охранять не покорённые им чужие народы, а родных по крови динлинов!»

По мере написания книги я пришёл к твёрдому убеждению, что многое из реально пережитого не стоит переносить на её страницы буквально, а, тем более, с привязкой к личной жизни. Ибо даже условно биографичное произведение заставляет умалчивать об ошибках и склоняет к приукрашиванию. Книжная реальность, это нечто совсем другое: здесь автор может не утруждать себя абсолютной достоверностью. И пусть, решил я, эта книга будет... нет, не выдумкой, а изложением чьих-то давних, заблудившихся во времени снов - и отголоском их в современной, но тоже чьей-то чужой, а вовсе не моей жизни! Именно такой и только такой подход полностью развязывает мне, как автору, руки. В конце концов, художественная книга, это невероятный вымысел писателя, его буйная фантазия - и чем больше накручено, чем замысловатее и непонятнее сюжет, тем интереснее её читать до конца. А то, чего в принципе не может произойти, невозможно и придумать, ведь так устроен практичной природой или создан мудрым Богом человеческий мозг. Не оттого ли во всей мировой литературе насчитывается всего-то три десятка классических сюжетов? Так что написать в наше время нечто новое и неожиданное возможно лишь опираясь на «литературное дилетантство» либо на полностью открытый «третий» глаз! Тем более, когда повествование касается очень далёкого прошлого и живших в нём людей, да ещё мистической связи этого прошлого с настоящим...

Глава 8. ВЗВУНТОВАВШИЙСЯ ДУХ

Егор еле-еле дождался выходных. Во-первых, интересно было съездить с Владимиром Сергеевичем на место раскопок, а, во-вторых, он уже не мог спокойно смотреть на каменное лицо жены. Упрямое молчание Ирины отодвигало их объяснение, а начинать серьёзный разговор самому не хотелось: получалось бы, что это именно он инициирует окончательный разрыв.

– Опять на свою рыбалку? – спросила Ирина с явным вызовом, когда он достал из ящика стола права и ключи от гаража.

– Нет, в Шарып.

– И что тебя несёт в этот Шарып? Будто дома дел никаких нет.

– Я хочу написать очерк об удивительном человеке.

– О себе, что ли, любимом? – жена криво усмехнулась.

– Знаешь, твой сарказм меня уже достал!

– Да я просто пошутила! Ты уже и шутки перестал понимать! Мне кажется, мы уже вообще перестали друг друга понимать?..

Продолжать этот разговор Егору не хотелось, хотя, вроде бы, возник долгожданный повод высказать всё жене и укатить на выходные: пусть тут размышляет, пусть сама принимает решение... Но почему-то стало жалко Ирину, ведь, наверняка, проплачет весь день в пустой квартире, не находя ответов, не зная, как жить дальше... Нет, такие вещи нужно решать вдвоём, причём спокойно и взвешенно... Поэтому, ничего не ответив, он взял из куртки ключи от машины и направился к выходу. Уже за дверью мелькнула мысль: «Может, всё-таки вернуться, поговорить? Сколько можно оттягивать?» Но тут же отнёс её: «Нет, только не сейчас! Потом как-нибудь...»

На этот раз путь до Шарыпа показался удивительно коротким. Может потому, что Егор всю дорогу представлял, как он будет обследовать предполагаемый погребальный комплекс при помощи «рамок»? Свою способность к биолокации он обнаружил

случайно, когда известный садовод, о котором Егор писал очерк, рассказал, как в старину при помощи веток лозы искали воду. Садовод подобным образом, но уже при помощи двух алюминиевых «рамков», отыскивал периодически иссякающий и меняющий своё местоположение родник возле дачного участка. На глазах Егора он обследовал сначала свой сад, выписывая зигзаги с изогнутыми буквой «г» проволочками в руках, при этом объясняя нюансы: мол, «рамки» нельзя сильно сжимать в согнутых пальцах – они должны легко и свободно вращаться. Когда, так и не найдя выхода родника, он медленно продвигался за забором, параллельные концы проволоки вдруг отреагировали на что-то и резко разошлись – то же повторилось, когда садовод подошёл к месту с другой стороны. И стоило углубиться всего лишь на штык лопаты, как в лунке поднялся тоненький фонтанчик воды. Егор тогда был по-настоящему потрясён, и попробовал сам исследовать прилегающую берёзовую рощицу. В двух местах проволочки в его руках решительно показывали близость водоносного слоя, что тут же подтверждала лопата. Потом, дома, он изготовил себе точно такие же приспособления...

С этими чуткими «приборами» произошёл и совершенно анекдотичный случай. По законам биолокации на отрицательную энергию проволоки реагировали, перекрещиваясь, а на положительную – расходясь, при этом иногда сильно и решительно, а иногда неуверенно, совсем чуть-чуть. Егор не раз демонстрировал свои способности, вызывая удивление и даже восторг друзей. Однажды одна из подружек жены поделилась, что не все комнатные цветы безопасны для здоровья, а есть и такие, которые излучают вредную для хозяев отрицательную энергию. Егор, ни слова не говоря, достал «рамки», и стал подносить их по очереди ко всем домашним цветам. Реакция была практически нейтральной, и только разросшаяся диффенбахия вдруг отреагировала скрещиванием «рамков». Все рассмеялись, мол, недолюбливает она хозяина. Егор предположил, что, возможно, за то, что он часто двигает горшок, когда пылесосит палас на полу. Подыгрывая смеявшимся, он пошутил: «Рискуешь, злое дерево. Я ведь и выбросить запросто могу!» Когда он опять поднёс рамки к цветку, то они первоначально снова начали сходиться – но, вдруг, резко вернулись в нейтральное положение,

а потом очень медленно и, словно бы нехотя, немного разошлись. Грохнул взрыв хохота: «Прогнулась-таки, приспособленка! А ещё утверждают, что растения не способны мыслить!»

Самостоятельно открыв калитку, Егор неожиданно увидел сына геолога с невесткой: они старательно пропалывали огородные грядки и лишь поздоровались, но не стали отрываться от работы. Зато обрадованный Владимир Сергеевич тут же потащил Егора в дом.

– Рад, очень рад, что не передумали, сударь мой! Небось, немало сомнений было: ехать или не ехать?

– Но я ведь обещал! Как вы в тот раз сказали: мужик обещал – мужик сделал!

– Ну и хорошо! Поди, много чего передумали за эту неделю и со многим не согласны?

– Да у меня после нашего разговора такая каша в голове! И сплошные вопросы! – признался Егор. – Можно мне снова на гугловские снимки взглянуть?

– А у меня наиболее интересные распечатаны, и все нужные пометки на них сделаны!

Геолог достал из ящика стола папку и стал раскладывать перед Егором снимки. Потом раздвинул сложенную гармошкой, склеенную из нескольких листов большую обзорную схему.

– Ну, что вас, сударь мой, конкретно интересует?

– Покажите, Владимир Сергеевич, куда мы с вами сегодня поедем? – попросил Егор. – А то не знаю, с чего и начать.

– Я думаю, что поначалу стоит поехать на место захоронения, как я предполагаю, самого Чингис-хана.

– А на схеме это где?

Геолог ткнул пальцем в один из нарисованных шариковой ручкой кружочков.

– Это здесь, в центре Большой Медведицы! – он стал водить пальцем по схеме, поясняя. – Последняя звезда ручки ковша называется Бенетнаш, полное название которой на арабском означает «предводитель дочерей погребальных носилок». Дело в том, что арабы считали эти семь звезд изображением похоронной процессии с погребальными носилками и плакальщицами.

Тэнгрианцы были уверены, что именно это созвездие увозит души в царство Вечного Тэнгри, то есть в Вечность. А предпоследняя звезда ручки ковша называется Мицар, что означает «конь»...

– А причём здесь арабские наименования, если комплекс, как вы утверждаете, возведён для Чингизидов?

– Я уверен, что именно арабские названия звёзд, а никакие другие, перешли ко всем просвещённым народам. В том числе и к китайцам, а от них к северным соседям! Самая для нас интересная, это звезда Мегрец, соединяющая «ручку» с «ковшом» и как бы занимающая место ступицы¹ погребальной повозки. Но переводится как «стрелка копыта». Кстати, хакасское слово «мигер» тоже означает «след коня», так что с арабским, согласитесь, очень даже сходно...

– А почему именно Мегрец? Она что, в данной созвездии наиболее значима?

– Ну, во-первых, потому, что именно на её месте я и дешифровал прямоугольный склеп или котлован размером пятьдесят на сто метров, ориентированный строго по сторонам света. Причём, на снимках, особенно весенних, проглядывается также некое сложное внутреннее строение!

Геолог опять стал демонстрировать Егору снимки разных лет, но размытые прямые линии, проявлявшиеся на снимках по неизвестным причинам в разное время года и похожие скорее на следы талых вод, не особо Егора убеждали. «Хотя, – подумал он, – разная плотность почвенных слоёв, обусловленная деятельностью людей, могла, конечно, повлиять на распределение подземных вод... Кто знает?» Но ему сейчас больше хотелось самому сориентироваться в «отражённом на земле звёздном небе» и привязать созвездия к местности – попытаться понять логику древних строителей.

– А Малая Медведица на снимках тоже определяется? – спросил он наугад.

– Вы же сами, сударь, про бурое пятно в прошлый раз спрашивали! – геолог снова ткнул пальцем в свою схему. – Именно там после графических построений я и обнаружил Полярную звезду. Там, где она и должна находиться! Также дешифрируется строго

¹ Ось колёсной пары.

ориентированный по сторонам света квадрат со стороной порядка пятидесяти метров! Потом-то уже стало намного проще определиться и с другими созвездиями – стоило лишь совместить со снимком карту звёздного неба.

– Совместились? – спросил Егор, и даже дыхание затаил в ожидании ответа.

– Практически идеально! Но самое интересное в другом: когда случайно стал двигать в компьютере снимок от Полярной звезды строго по географическому направлению «запад-восток», то попал абсолютно точно в другие созвездия и группы курганов. Такое расположение никак не может быть случайным! Вот Орион, состоящий из семи звёзд, вот Кассиопея уже возле посёлка Алтан... Кстати, у древних это созвездие ассоциировалось с небесным тронем, на котором восседает небесная дева. А проекция сориентирована на начало лета, когда, по преданию, и родился Тэмучин. Вам, сударь, это ни о чём не говорит?

– Честно говоря, пока ни о чём, – Егор развёл руками.

– Дело в том, что богиня Умай считается прародительницей здешних родов. А, значит, и рода Тэмучина!

– Ну, все сильные мира сего испокон веков «находили» предков среди богов... – начал Егор, и тут же замолк, пытаясь вспомнить родословную, которую рассказывал в его сне Есугай-багатур.

– Оно конечно... – согласился геолог. – Но если вернуться к комплексу, то ведь великий Карамзин в своей книге «Предания веков» не случайно написал: «Чингисханова орда из алтайских татар»!

– Да Карамзин, как теперь выясняется, много чего присочинил в угоду царю...

– Не верите, сударь, историку Карамзину, поверьте первоисточникам, в которых прямо указано, что Чингис-хан был похоронен, не просто в горе Бурхан-Халдун, а в большой горе Алтай. Не случайно же и Марко Поло писал: «Знайте, всех великих государей, потомков Чингис-хана хоронят в большой горе Алтай»! Это я вам, сударь мой, напоминаю, потому что данная фраза стала краеугольным камнем моих исследований! А ещё место это называется Йехэ-утек¹,

¹ Среди монголов оно известно как «Их хориг», буквально «Великий запрет». В рукописях нередко пишут «Ихэ».

что можно перевести как «врата в царство мёртвых на берегу реки Йе-хэ». Если учесть, что это название Енисея на китайском, то всё указывает именно сюда...

– Как же это древние строители без геодезических приборов, без светодальномеров смогли так точно соблюсти пропорции, да ещё и точно сориентироваться по сторонам света?

– Как говорится, слухи об их дикости очень сильно преувеличены! – геолог рассмеялся. – Вот эти три довольно далеко разнесённых кургана указывают направление «восток-запад». Приложите, сударь мой, линейку – и сами убедитесь, что они идеально сориентированы! Тут вам налицо и геодезия, и заданный масштаб...

Егор, наконец, как бы «включился» – и с всё большим вниманием стал вглядываться в космические снимки: одиночные курганы и их группы явственно выделялись на пашне, на склонах холмов и даже на лесных полянах. Он словно бы созерцал сейчас всю панораму с высоты птичьего полёта – должно быть, такой её видят парящие под облаками орлы? Отдельные скопления курганов, действительно, повторяли знакомые созвездия, вот только были они все захоронениями или некоторые выполняли какие-то астрономические функции? Как те три кургана, явно выстроившиеся в идеально прямую линию, проходящую севернее созвездия Орион.

– Что-то больно уж гигантский комплекс вырисовывается, – опять усомнился Егор. – Словно здесь половина царей древнего мира похоронена?

– Опять в самую точку, сударь мой! – восторженно воскликнул геолог. – По уверению отца истории Геродота, гробницы скифских царей находятся очень далеко на востоке, в Геррах. То есть, читай «в горах на территории древней страны Хонгорай»! А подтверждением его словам служит то, что здесь дешифрируется несколько разных типов захоронений. Как минимум, два одновременных погребальных комплекса! Это явно напрашивается, потому что на сравнительно небольшой площади соседствуют такие созвездия, как Кассиопея, Цефей, Большая Медведица и Северная Корона с Орионом и полярной Звездой.

– То есть, здесь соседствуют более древние захоронения?

– Погребальный комплекс Чингизидов явно накладывается на комплекс скифских или уйгурских царей.

– А как же тогда насчёт кыргызских правителей?

– Возможно, их тоже. Ведь здесь, на совсем небольшой площадке, столько разнообразных курганов насыпано! А сколько ещё оплывших от времени заровняли при распашке полей! Так что, думаю, на всех здешних правителей от сотворения мира хватит!

– Владимир Сергеевич, а куда мы ещё сегодня сможем поехать? Покажите на снимке.

– Ну, я думаю, что можно съездить и на Полярную. Мы с Ильёй там тоже бурить пытались, но наткнулись на подземный водоток и бросили...

– Здорово! Хочется всё это в натуре посмотреть...

– Тогда пьём чай – и в путь-дорогу!

Позавтракав все вместе, стали собирать необходимое для поездки и складывать в хозяйский внедорожник.

– Ну что, бур брать будем? – спросил геолог сына.

– Как скажешь, – ответил Илья после некоторого раздумья и, как показалось Егору, чересчур уж вопросительно взглянул на отца.

– Попробуем...

Разобранный агрегат для ручного бурения они водрузили на багажник машины и тщательно привязали верёвкой. Ещё геолог сходил за штыковой лопатой – проверил пальцем её остроту.

– Это чтобы проще было забуриться, – пояснил он. – А то сверху корни деревьев часто мешают.

Невестку оставили хозяйничать, пообещав, что к ужину обязательно вернёмся, и поехали в сторону автострады – а далее по направлению к Енисею. Если бы Егор через какое-то время попытался повторить этот маршрут самостоятельно на своей машине, то непременно бы заблудился: столько после съезда с автотрассы было неожиданных поворотов с просеки на просеку, разделявших густой сосновый бор на большие квадраты.

– Я тут одному научному работнику на его расспросы ответил, что так закреплены параллели и меридианы, которые он видит

на картах. И что вы думаете, сударь мой, ведь поверил «научный работник»!

– Так вы меня не первого сюда везёте? – заинтересовался Егор.

– Нет, далеко не первого. Я сначала историков попытался заинтересовать – не получилось. Слишком уж они зациклены на своих официальных догмах! Потом археологов – те тоже не поверили или сделали вид, что не поверили. Походили с умным видом, покивали головами – и больше не появлялись! Потом письма писал в разные инстанции – тоже никакой реакции, даже ответить не сочли нужным. Так что выход на журналиста, это, если хотите, мой последний шанс.

Егор промолчал, потому что и сам до конца ещё не поверил в открытие Владимира Сергеевича. Слишком уж много предположений – и при этом ни одного реального артефакта, подтверждающего, что под землёй, действительно, что-то скрыто. Вот сын геолога Илья, похоже, верит, недаром же мотается с отцом в свободное время и бурит скважины?

– Илья, а вы кто по профессии?

– Геолог.

– Это у нас семейное, – вмешался Владимир Сергеевич. – И отец мой занимался горным делом, и дед...

– Даже шутка такая есть, – перебил отца Илья, – что было у отца три сына: двое умных, а третий геолог!

Наконец выехали на небольшую круглую полянку среди сосен, поросшую высоким разнотравьем, и остановились. Геолог вышел первым и взмахом руки пригласил всех следовать за ним. По ещё мокрой от утренней росы траве они направились в густой сосновый молодняк – и почти сразу вышли к свежему ступенчатому шурфу¹ глубиной метра три.

– Мы сперва попытались шурфом пройти, – пояснил геолог, – но слой песчаный, поэтому вскоре осыпаться начал, а с бревенчатым крепежом возиться долго, поэтому решили скважину пробурить рядом. Вон она, деревяшкой заткнута!

– И глубоко пробурили?

¹ Разведочная яма небольшого сечения, но, нередко, значительной глубины.

Отец с сыном опять как-то странно переглянулись, и Владимир Сергеевич, после небольшой заминки, произнёс:

– Да метров шесть... А потом нас отсюда шуганули.

– Кто, лесники? – поинтересовался Егор.

– Если бы... – отозвался Илья. – Духи, похоже.

– В каком смысле духи? – спросил Егор, в голове которого сразу возникла привычная цепочка слов, привнесённая афганской войной: духи – душманы – моджахеды.

– А вот пойдём, чего покажу, – геолог не дал сыну ответить и подошёл к сосновой поросли. – Ничего такого не замечаете?

– Да вроде как ветки кто-то обстриг?..

– Именно обстриг. Причём строго от полуметра до полутора метров по высоте и на значительной площади вокруг.

– Веники заготавливали, что ли? Так, вроде, сосна не годится? Может, мётлы?..

– Нет, всё на месте оставили. Мы эту скважину весной бурить начали, – начал рассказ геолог. – Прошли где-то шесть метров, но уже вечер подступил. Собрали весь инструмент и рядышком припрятали, чтобы с собой не возить. А утром приезжаем – и место не узнали: вся земля срезанными сосновыми ветками устелена. Первой мыслью было, что кто-то после нашего отъезда похулиганил...

– Но инструмент не тронут, да и масштаб просто невероятный: где-то метров сто на пятьдесят! – вклинился в рассказ Илья.

– Как раз в рамках дешифрованного мною котлована, – продолжил геолог. – Причём строго от полуметра до полутора по высоте, а ниже и выше ветки не тронуты. И ни одно деревце при этом не сломано, а ветки словно бы аккуратно секатором срезаны...

– Пошутил кто-то? – предположил Егор.

– Когда? Мы уезжали уже в сумерках, а утром приехали совсем рано. В темноте, на ощупь, что ли? Да и одному-двоим «шутникам» такое просто не под силу!

– А, главное, смысл-то в чём? – задал риторический вопрос Илья. – Нет, такое лишь природная стихия могла совершить!

– Мы тогда долго соображали, что к чему, – продолжил геолог, – и пришли к однозначному выводу, что это некая сила дала

нам знак. Предупредила, так сказать, что шибко нашими действиями недовольна!

– Действительно, мистика... – согласился Егор.

– В общем, даже как-то жутковато стало! Забрали мы инструмент, и с тех пор здесь не появлялись. Потом, правда, поуспокоились – но бурили уже в других местах... Сегодня вот решили опять попробовать!

Геолог с сыном направились к машине – собирать оборудование, а Егор, «переваривая» потрясённым сознанием только что рассказанное, задержался и стал прислушиваться к загадочному окружающему миру. Лесная тишина словно бы скрывала нечто, точно так же прислушивающееся сейчас к нему, к чужаку. Непонятная настороженность была растворена в воздухе, и сейчас окружала Егора со всех сторон... Только невидимый сквозь поросль, словно бы подгулявший птах старательно высвистывал, явно хвастаясь: «Всё про-пи-и-ил! Всё про-пил!». На что другая пичуга абсолютно по-женски возмущалась: «Ка-ков он? Нет, ка-ков он?» Егор успокоился и даже улыбнулся, внимая их воображаемой семейной ссоре, потом направился к машине.

– А почему бурить стали не на поляне, а в зарослях, – спросил Егор отвязывающего буровые штанги геолога.

– Да на снимке котлован дешифрируется более обширным, и поляна только часть его. Центр, по определению, именно там находится, где шурф.

– А вот сейчас «энергетическим датчиком» и проверим, – заявил Егор, доставая из сумки два алюминиевых прутка.

Он направился к шурфу и обошёл его с «рамками». Ничего: проволоки даже не шелохнулись! Тогда он развернулся и пошёл назад: мимо машины, до конца поляны. Опять ничего!

Вообще эта круглая поляна посреди соснового бора выглядела довольно странно и даже нереально: на ней не было ни одного деревца, а только густая высокая трава. Чуть в отдалении поляну окружали и молодая сосновая поросль, и кусты багульника, и даже редкие берёзки – но по периметру поляны, словно некая охрана, выстроились в круг лишь высокие, практически голые, без сучков,

сосны. Более того, стволы всех сосен были изогнуты, словно бы непонятная сила попыталась отодвинуть их от центра поляны – и только высоко взмывшие вершины сумели упрямо наклониться в незанятое пространство, образовав подобие круглого шатра, лишь частично накрытого сверху листвой...

Он обошёл по краю эту странную поляну, потом стал по спирали приближаться к её центру. И вдруг проволоочки шелохнулись! Вот только они не сошлись и не разошлись, а, повернувшись, дружно указали в одну сторону. Что это могло означать, Егор не знал, поскольку произошло такое в его практике впервые. Он замер, а потом очень медленно двинулся по кругу. И рамки, словно привязанные, одновременно поворачивались, указывая в одну и ту же точку – даже когда круг сузился до метра...

Воткнув в найденную точку сухой сучок, он отошёл и возобновил исследования. Всё повторилось до мельчайших деталей! Егор смог предположить только одно: внизу находилось что-то островерхое либо пирамидальное, оконечность которого притягивала «рамки», словно магнит. Если бы это был родник, проволоки реагировали бы совсем по-другому, а большая масса металла просто не может быть сосредоточена на столь малой площади...

Егор повторил эксперимент на глазах у Владимира Сергеевича и Ильи, которые были буквально потрясены увиденным. Они и сами, по очереди, попытались пользоваться проволочками – из этого, правда, ничего не получилось.

– Не каждому дано, – заключил геолог. – Но бурить, я думаю, нужно именно здесь. Если это верхняя точка купола склепа, то, во-первых, и добуримся раньше, а, во-вторых, хотя бы узнаем, из чего он сделан...

Геолог с сыном и сменявший по очереди одного из них Егор начали бурить в новом месте. Работёнка оказалась достаточно нудной и далеко не из лёгких. Двое, держась за далеко выступающие рукоятки, ходили по кругу, а бур при этом иногда достаточно легко, а иногда и не очень, уходил в глубину. Когда ручки опускаются низко к земле, добавляли очередную штангу-удлинитель.

Где-то на глубине всего около трёх метров бур начал вращаться в одном положении – то есть вообще перестал заглубляться. Тогда

сверху, на специальное приспособление уселся геолог, своей тяжестью заставляя бур вгрызаться в породу. Это, впрочем, мало помогло... Потом вместо геолога сел Егор.

Сосны, окружавшие поляну, медленно поплыли перед его взором – и уже вскоре начало представляться, будто он находится внутри купола: внизу жёлто-коричневого – в цвет коры на стволах сосен, выше тёмно-зелёного, а в самом верху пронзительно-синего. В конце концов, Егору стало казаться, что он очутился внутри юрты, а небо над головой – это отверстие дымохода. Весь окружающий живой мир остался где-то там, за стенами юрты, а внутри его память дорисовала родовой очаг с закопченным котлом, сундуки с одеждой и оружием, обереги от злых духов над входом... И неожиданно Егор ощутил то же самое, что испугало его когда-то в Туве: стены юрты вдруг исчезли, превратившись в нечто непонятное, нематериальное – а внизу открылась пугающая чёрная бездна. Она звала, она влекла, лишала воли сопротивляться... Егор, как и тогда, попытался стряхнуть с себя наваждение, собрал остатки воли... и куда-то полетел.

То ли от невероятного напряжения, то ли от удара спиной о землю, но он потерял сознание. А когда открыл глаза, то увидел встревоженные лица склонившихся над ним Владимира Сергеевича и Ильи.

– Что, голова с непривычки закружилась? – встревожено спросил геолог.

– Нет, не закружилась... – прошептал Егор. – Словно бы духи позвали к себе.

Геолог замер и пристально посмотрел Егору прямо в глаза. Чего было больше в этом взгляде, недоверия или испуга, он так и не понял.

– А поедем-ка мы домой, – предложил вдруг геолог. – А то, как бы и не клинит бур, но словно что-то или кто-то его дальше не пускает. В следующий раз нужно будет канистру воды привезти: бывает, что зальёшь в скважину – а дальше идёт как по маслу...

И опять несколько раз сворачивали с просеки на просеку, объезжая пни и ухабы – так что нередко приходилось за что-нибудь

хвататься внутри салона. Когда выехали на автотрассу и машина легко «побежала», Егор высказал своё предположение.

– Подозреваю, что там, на глубине, что-то конусовидное: или выложенный из камней склеп в форме юрты, или даже золотая юрта внутри склепа, дымовое отверстие которой накрыто заглушкой в форме боевого шлема...

– Насчёт каменного склепа я соглашусь, но внутри, как мне представляется, трон Мухаммеда и два впряжённых золотых коня, – возразил геолог. – А на троне он, Чингис-хан Тэмучин!

– Вам виднее.

– Я думаю!

– А место, где вы дешифровали Полярную звезду, нам не по пути? – поинтересовался Егор.

– Ну, не так чтобы совсем, но, если есть непреодолимое желание, то можем заехать.

– Просто хочу и там с «рамками» поработать...

– А что если нам сначала на карьер бурханита проехать? – не то спросил, не то предложил Илья.

– Тем более что там всё на виду, – согласился геолог, – можно и посмотреть, и пощупать...

Они проехали по шоссе мимо ответвления на Шарып и через несколько километров свернули вправо, на просёлочную дорогу. Редко используемая, она пролегла вдоль сжатого поля, потом преодолевала ветхий мост, под которым струилась обмелевшая речка и, наконец, устремилась вверх, на коренной берег. А дальше, ещё километра полтора, вела мимо невысоких и явно рукотворных холмиков, назначение которых выдавали вкопанные по периметру большие камни.

– Всё, приехали! – скомандовал геолог и заглушил двигатель.

Внизу, под ногами, сияла красками ранней осени изрезанная узкими голубыми протоками низина. За ней плавно вздымался безлесный склон, увенчанный несколькими не сильно отдалёнными и тоже голыми вершинами, за которыми вздымалась уже цепь покрытых тайгой гор, образующих далее сплошную высокую гряду на полгоризонта.

– А где карьер-то? – спросил Егор, ожидавший увидеть, по крайней мере, котлован.

– Да вот же он, прямо в склоне! – геолог указал пальцем под ноги. – Как видите, сударь, даже на месте, если не в курсе, то не сразу и разглядишь! Я-то его сначала на снимке определил: смотрю, классическая врезка в склон. А потом, уже здесь, разобрался, что к чему.

– А не может это быть просто природным углублением?

– Да я за свою жизнь таких врезок столько перевидал, что ни за что не ошибусь! Вот, смотрите, сударь мой, поверху камни торчат – уклон именно такой, как и во врезке, которая за восемь веков просто-напросто землёй заплыла.

– Как-то не очень убедительно, – засомневался Егор.

– Уэзерфорд, участник американо-монгольской экспедиции, писал: «Книги могут вводить нас в заблуждение, но ландшафт никогда не лжёт». Вот, посмотрите, верх плиты выступает! – геолог подвёл к выступающему, сильно выветренному гребешку. – Даже здесь видно, что порода залегает наклонными плитами толщиной где-то по полметра. Как раз то, что нужно для отделки склепа...

– А что за порода?

– Я её назвал бурханитом!

– То есть «божественным», – сообразил Егор. – А как его научное название?

– Подозреваю, что у этого камня пока нет собственного имени, – подключился к их разговору Илья. – Яшмоиды очень разнообразны, и для многих рисунчатых яшм бытуют чисто региональные названия...

Геолог походил по склону, иногда наклоняясь и что-то внимательно разглядывая, потом поманил их рукой.

– Вот на этом выходе хорошо виден рисунок. Правда, камень на поверхности сильно выветрен, но, если откопать поглубже, да ещё отполировать – глаз будет не отвести! – Глаза геолога загорелись профессиональным огнём восторга. – Мы с Ильёй за свою геологическую практику ничего подобного не встречали, а уж мы-то, поверьте, на разных месторождениях яшмы поработали.

Егор отломил довольно большую плитку расщепившегося от времени бурханита, и поднёс её к глазам: по серо-голубому фону, словно витиеватые строки арабского письма, тянулись параллельные линии золотистой вязи. Будто кусочек страницы удивительной древней книги открыла перед ним природа...

– Напоминает рисунком арабскую письменность, – произнёс он с нескрываемым удивлением.

– Вот именно! – восторженно отозвался геолог. – А если расположить линии вертикально, то получается древняя уйгурская письменность. То есть некое послание богов, которое простым смертным расшифровать было не дано! Подозреваю, что именно с этих камней уйгуры переняли форму записи и даже начертание многих символов!

– Теперь дошло, почему именно бурханит! – признался Егор. – Вам остаётся только запатентовать это название.

– Ну, названия как бы не патентуют... А вот к месторождению давно уже пытаюсь привлечь внимание специалистов, но пока что тоже без толку.

– И вы считаете, что плиты бурханита именно из этого карьера везли на место возведения склепов? Где-то их должны были ещё обрезать, полировать...

– Да никакого сомнения! – воскликнул геолог. – Гробница Великого Чингис-хана должна иметь прямую связь с Вечным Голубым Небом, а что может быть более связующим, чем неразгаданные божественные письмена!..

– Кому-то из его современников пришло же такое в голову... – Егор удивлённо покачал головой.

– Ну, чего-чего, а умных голов всегда хватало, – геолог улыбнулся. – В книге Марко Поло есть старинная гравюра с «песиголовцами», у которых под мышкой зажаты книги. То есть, вне всякого сомнения, изображены грамотные люди из рода волков. А на заднем плане изображён, кстати, пятиглавый Пургус, то есть наш Борус – и это наверняка имеет какое-то сакральное значение или, по крайней мере, хотя бы географическую привязку...

– У вас, Владимир Сергеевич, просто потрясающая память на факты и цитаты, – восхитился Егор.

– А-а-а, это издержки моей профессии! В геологии много чего приходится постоянно в памяти держать. Поэтому в экспедициях и шутят, что лучшая болезнь – это склероз: ничего не болит, и каждый день открытия...

Когда возвращались по просёлочной дороге назад, Егор уже совсем по-новому воспринимал и окружающий пейзаж, и даже камни, выступающие из подножий небольших оплывших курганов. Возле одного из таких захоронений, расположенного у самой дороги, они остановились. Да, вкопанные когда-то по периметру четыре больших камня тоже были бурханитом!..

Опустив в машине боковое стекло, он вглядывался в детали окружающего пейзажа и всё пытался представить, как всё это выглядело восемь веков тому назад. Но из-за переизбытка впечатлений так и не смог сосредоточиться. Насколько охватывал взгляд, по склонам холмов простирались прямоугольники полей, отмеченные жёлтой стернёй недавно сжатой пшеницы, там и сям выделялись опаканные курганы, приметные лишь потому, что сплошь поросли тёмным кустарником... А вон там, внизу, у самого подножья пологой горы Магар располагался скрытый теперь от людей – то ли временем, то ли волей Вечного Тэнгри – некий загадочный город. Название самой горы, как предположил Сергей Владимирович, созвучно со словом «могыр» – что означает «ломать кости». Ведь именно на склоне её, по предположению геолога, казнили «без пролития крови» тех, кто должен был уйти в иной мир вместе со своим грозным повелителем. А ещё именно здесь, как утверждает геолог, в дешифрованном им городе поднимали когда-то на белом войлоке почёта хана Тэмучина, а потом и всех его приемников...

Такие предположения выглядели совсем уж невероятными, но, после всего того, что Егор сегодня увидел, самые фантастические гипотезы Владимира Сергеевича не находили в его всё ещё сопротивляющемся сознании абсолютного отторжения. Слишком изящно всё переплеталось, и слишком прочно складывалось: подобно разноцветным и по отдельности ничего не говорящим пазлам, которые при правильном соединении рожают конкретную картину...

– Когда-то здесь жило очень много людей, – произнёс геолог, словно догадываясь о мыслях Егора. – Тысячи озёр и стариц, зелёные подтаёжные луга кормили бесчисленные отары и табуны. А посевные поля обеспечивали зерном не только самих земледельцев, но и крупные города, крепости...

– Почему же всё это исчезло, – задал Егор непростой, как ему казалось, вопрос.

– Причин могло быть много: резкое похолодание, чума, война... А дальше произошло ослабление государства – и, как следствие, приход более сильных завоевателей. А, может, самую главную роль сыграл тот самый мощнейший сель, скатившийся вниз по Енисею? Ведь после него последствия были словно после взрыва атомной бомбы...

– Да-а, страшно представить...

– Кстати, – оживился геолог, – я уже говорил, что «мон гол» в переводе с хакасского означает «тысяча озёр»? Так, может быть, название монголы означает всего-навсего «тысячеозёрцы»?..

– Было бы только желание, – не удержался от усмешки Егор, – а подогнать под идею можно всё что угодно...

– Это вы, сударь, на меня намекаете? – геолог тоже в очередной раз улыбнулся. – А вот всемирно известный, не чета мне, историк Гиббон, который пользовался материалами Ватиканской библиотеки, утверждает, что род Чингис-хана вышел из калкасов, то есть хакасов. А практически современник Чингис-хана Рубрук¹ писал, что каан родом из керкисов, которые живут на Алтае. То есть из кыргызов! Так что оба автора говорят практически одно и то же. Неужели и они вас, сударь мой, нисколько не убеждают?

– Ну, с таким авторитетами спорить не берусь!

«Да, – размышлял Егор, глядя из машины на долину и похожие на циклопические курганы голые холмы за ней, – очень даже вероятно, что здешний бурханит брали на отделку склепов царей если не древнейшие скифские строители, то возводившие усыпальницу

¹ Гильом де Рубрук (1220-1293) – фламандский монах-францисканец, в 1253–1255 годах по поручению французского короля Людовика IX совершил путешествие к монголам, которых он называет моалами, автор книги «Путешествие в восточные страны».

Потрясателя Вселенной. Они ведь запомнили слова шамана, произнесённые на курултае, который «видел», как по приказанию Вечного Тэнгри явился в шатёр хана Тэмучина могущественный Дух в образе орла с золотым оперением и стал говорить на их языке. Именно Дух продиктовал установления, правила и табу, повелев записать их в Великую Книгу Ясы, а книга стала потом законом для Империи Монголов. Поэтому нетрудно поверить, что Книга Ясы – это всего лишь малая часть законов Вечного Синего Неба, записанных им на плитах бурханита...»

Местоположение идентифицированной Владимиром Сергеевичем Полярной Звезды тоже оказалось достаточно близко от шоссе. Правда, ехать туда пришлось по бездорожью: сначала по краю скошенного луга с копнами свежего сена, потом вдоль овражка – пока не упёрлись в донельзя исковерканный бульдозером участок, непреодолимый даже для внедорожника. Что тут вытворял неведомый бульдозерист, уму непостижимо!

– Скоро и тут распашут под посев, – пояснил геолог. – Хорошо хоть, нужное нам место оказалось полной для них неудобницей.

Они прошли ещё пару сотен метров, и, сразу за отвалами, среди травы Егор увидел воткнутую в скважину деревяшку. Он взял в руки «рамки» – и, едва отошёл от скважины несколько метров, как всё в точности повторилось: алюминиевые проволоки уверенно указали на конкретную точку, которая, как и следовало ожидать, оказалась единственной на всей дешифрованной геологом площадке. И это уже никого не удивило!..

По пути домой Егор притормозил и свернул с асфальта в сосновый бор, чтобы поискать грибов. Просто вспомнил, что Ирина очень любит их собирать. Завтра выходной, и, если желанные рыжики уже пошли, то можно будет вместе с ней приехать сюда. Таким образом, будет хороший повод как бы извиниться за поездку в Шарып. Да и давно уже они нигде не бывали вместе, а ведь ещё прошлым летом частенько ездили то по грибы, то купаться на озёра...

Едва он отошёл от машины вглубь бора, как впереди с шумом взлетел выводок крупных птиц. Мамаша-глухарка, планируя,

скрылась за деревьями, а молодняк расселся на нижних ветках сосен. Егор даже похлопал в ладоши, чтобы посчитать их, но глупые, хотя вполне уже взрослые птенцы только вертели головами и тянули вверх шеи.

Прошлой осенью друзья звали его на охоту – на рябчиков. Нашли ему даже чью-то старенькую двустволку-курковку. Два раза он поднимал довольно большие выводки, и молодые рябчики вот так же рассаживались вблизи, с любопытством разглядывая Егора. Он вскидывал ружьё, целился... Но нажать на курок так и не смог, словно кто-то незримый удерживал палец. Это походило на некий психологический запрет: перед глазами тут же возникала обезображенная дробью тушка птицы – вовсе не желанная добыча, а просто окровавленный комок перьев...

Чтобы больше не пугать любопытных птиц, он обошёл их стороной и стал внимательно глядеть под ноги. То там, то сям среди травы краснели гроздья зрелой костяники и кисточки вполне уже спелой брусники – видимо, ими и кормился глухариный выводок. Поросшие соснами, параллельные одна другой высокие песчаные дюны были засыпаны сухой жёлтой хвоей, которую украшали разноцветные шляпки сыроежек и мясистых поганок. Встречались и маслята, но всё больше переросшие, а вот рыжика он так и не нашёл ни одного. Переходя с одной вытянувшейся вдоль дороги дюны на другую, Егор вдруг подумал, что и эти дюны, и узкие ложбинки между ними когда-то, давным-давно, были сформированы ветрами из речных отложений. А рассекающие их под прямым углом более глубокие каньоны с крутыми берегами – это бывшие старицы енисейских протоков. Причём, чем ближе к современному Енисею, тем явственней они были выражены. Какими же полноводными должны были случаться весенние половодья, если они «перемолотили» здешний рельеф более чем на километр от русла? Где уж тут найти теперь древние захоронения или даже останки городов?!

Отчаявшись найти грибы, он неторопливо зашагал по направлению к машине, а сам всё пытался переосмыслить недавнее мистическое видение. Что это было: не проклятие ли древних шаманов, обрушиваемое духами-хранителями на всех, кто тревожит

захоронение? И не отсюда ли полное невосприятие открытия теми, кого привозил на это место Владимир Сергеевич? Но тогда почему это невосприятие не подействовало на его, на Егора?.. Или, может быть, именно спрятанное в склепе золото – этот спутник перехода в потусторонний мир – некогда аккумулировало в себе шаманское заклятие и другую мистическую информацию, например, некий мистический код, накладываемый шаманами при погребении? И теперь он надёжней любой человеческой охраны защищает портал перехода... Но, опять же, ведь его-то допустили к разгадке древней тайны, причём очень даже близко?!..

Вдруг, ни с того, ни с сего, всплыли в памяти слова тувинской шаманки: «Твои предки теперь знают, что ты здесь, что ты рядом! И они будут постоянно напоминать о себе». А следом перед глазами возник монах из дацана, протягивающий собачку-оберег, предназначенную защищать его от тёмных сил...

«Нет, теперь уже мне ничто не поможет, никакой оберег, – с пронзительной тоской подумал Егор. – Предки не оставят меня в покое до тех пор, пока не пойму, чего они хотят от меня...»

Когда Егор вернулся, Ирины дома не было, должно быть, ушла в гости к какой-нибудь из подруг? Хорошо, если действительно к подруге? От непонятно откуда взявшихся ревнивых мыслей, от простого предположения настроение Егора разом ухудшилось: стало и неуютно, и даже как-то зябко. Он слонялся по пустой квартире и не мог себя заставить хоть чем-нибудь заняться. Всё валилось из рук, мысли постоянно перескакивали с одного на другое. Потом заметил на диване альбом с фотографиями и подумал: «Что-то Ирина часто его смотрит? Скучает, наверное? Скучает по тому светлому времени, когда всё у них было хорошо, и жить было радостно, когда каждое утро начиналось с поцелуев, а после работы они спешили домой. Не как теперь...»

За окном пошёл мелкий морозящий дождь. Настроение было хмурое, но, по мере перелистывания альбома, внутри словно зарождалось предчувствие чего-то светлого. Он поймал себя на мысли, что сейчас как бы совмещает внутри двух человек: пессимиста, уставшего от жизни, и оптимиста, считающего, что настоящая

жизнь ещё даже не начиналась. Именно потому и стихотворение в голову пришло столь же противоречивое: с одной стороны, совсем осеннее и хмурое, а, с другой, словно бы с лоскутком ярко-синего неба над головой...

Промозглый ветер хороводит
и раздевает хмурый парк...
Печаль души – печать природы –
не исцеляется никак.
Ещё вчера его дорожки
кружили нас с тобой в лесу,
и листьев жёлтые ладошки
тянулись к милому лицу -
сейчас, шагов твоих не слыша,
угрюмо внемлет старый дом,
как дождь вылизывает крышу
холодным серым языком...

Да, периодически рождающиеся стихи, как и обретаемая уверенность в прозрении «одержимого геолога», с некоторых пор стали для него необходимыми: будоражащими душу, труднообъяснимыми для разума и, в то же время, некими мистическими указателями на пути к предначертанному...

В который уже раз в моих ночных видениях возникает женщина. Её лицо то кажется узнаваемым, то, наоборот, расплывчатым и ускользающим, подобно миражу. Нет, вовсе не чужим, но словно бы подзабытым за давностью!.. И, напрягая память, я начинаю дорисовывать, иногда очень долго и кропотливо, затёртые временем черты. Но, ещё даже не воссоздав облик до конца, раз за разом растворяюсь в женских глазах - словно бы проваливаюсь в космическую бездну. Я уже знаю, что глубина заполнена не холодным светом звёзд, а многоцветными сполохами чувств и многократно отражённым эхом слов - зовом то ли будущего, то ли настоящего, то ли давно пережитого. Призывный женский голос поначалу звучит со всех сторон, пока не захватит всего без остатка и не повлечёт уже в одном определённом направлении подобно путеводному маяку. И тогда безграничный восторг рождается внутри меня: это и ликование от совершенства окружающего мира, и от того, что моя душа нежданно очутилась в нём, а ещё от предчувствия, что я на верном пути к счастью. Но, когда встреча с ним уже кажется неминуемой, некто всесильный и безжалостный вырывает меня из волшебного сна... И сразу же стремительно тают отголоски ярких чувств, а в вырванном из сновидений мозгу рождается лишь нескончаемая вереница вопросов: что это было? зов Бога? зов Вечности? зов Любви? И какое отношение имеет ко мне женщина с неразгаданной тайной в глазах, и кто же она, ещё не встреченная мечта, а, может, чья-то любовь из далёкого прошлого, не позволяющая забыть её окончательно даже через сотни или тысячи лет?..

Глава 9. ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ

Яркие сны приходят теперь всё чаще – и Егор уже с нетерпением ждал их, как ждут продолжение захватывающего сериала, развёртывающего единое – теперь он уже точно знал какое – историческое повествование. В перерывах же между «чужими» снами рождались лишь обрывочные и бессвязные видения, содержание которых утром он даже не мог вспомнить... Но, проходило несколько дней – и очередной сон неизменно возвращал его в далёкое прошлое, причём каждое новое сновидение являлось последовательным и логичным продолжением предыдущего. Вот только непонятно было, от чего зависело их расписание: от резкой перемены погоды, от магнитных бурь или, всё же, от желания того, кем Егор ощущал себя во сне?..

* * *

...Погружённый в раздумья, он полулежал на огромной тигровой шкуре в своём походном шатре. Когда-то шкуру преподнёс в подарок хитрый посланник – и он тогда принял это за тонкий намёк: мол, тигр тоже был самым сильным и бесстрашным ханом зверей, а теперь его может попирать ногами каждый. И он, поддавшись первому порыву, велел убрать подарок подальше со своих глаз. Но мех был так мягок и красив, что он, в конце концов, начал трактовать подношение по-иному: даже снятая шкура хана зверей вызывает восхищение, а отнюдь не жалость, и пусть убил его простой охотник, но честь возлежать на мехе принадлежит только великим!

Он потянулся – и тут же скривился от пронизывающей боли. Старая рана решительно напоминала о себе. День ото дня боль – уже не в колене, а во всей ноге – ширилась и становилась нестерпимей. Да, он мог величественно полулежать в расшитом золотыми нитями халате среди шёлковых подушек, но величественно, как прежде,

воссесть на походном седле стало трудно. Даже на короткое время, даже принимая высоких гостей... Сидеть, вытянув опухшую ногу, а, тем более, передвигаться по шатру хромя, подобно калеке – тут уж от его величия не осталось бы и следа... При посторонних он, как мог, скрывал гримасу боли, но в последнее время это давалось со всё большим трудом. И только после искусного массажа Фао-Шена, после его целительных мазей боль на время отступала и затаивалась – но только для того лишь, чтобы через несколько часов снова настойчиво, как сейчас, напомнить о себе.

Преждав приступ боли, он попытался подняться – но тут же грузно осел на подушки. Перед глазами всё пошло по кругу: и пёстрые ковры на скатах шатра, и полоски на тигровой шкуре. Он на время зажмурил глаза, потом осторожно подсунил под спину подушку – и только после этого громко позвал «красных волков», охранявших шатёр. Тотчас колыхнулся расшитый золотом белый войлочный полог, и внутрь просунулась голова в шапке из шкуры красного волка – это, как и следовало ожидать, был десятник арбана¹ из его личной охраны.

Потупив глаза и стараясь не смотреть в сторону Повелителя, тот подобострастно спросил:

– Чего желает Великий каан?

– Пусть позовут сюда лекаря Фао-Шена!

– Будет исполнено, Великий каан!

Войлочный полог вернулся на место, снаружи прозвучала негромкая команда – и всё стихло. Прервавшиеся на время невесёлые мысли, словно обрадовавшись наступившей тишине, тут же вернулись и выстроились в ставшую уже привычной, нескончаемую вереницу...

Да, старость, как ни старайся её не замечать, заявляет о себе всё настойчивей! Теперь в дальних походах привычному седлу он уже предпочитает уютную повозку и шёлковые подушки, тем более что иногда, ни с того, ни с сего, начинает кружиться голова. И уже не возникает даже мысли, чтобы объезжать, как прежде, новую лошадь под пристальными взглядами множества любопытных. А сегодня, вдруг, потемнело в глазах – да так, что он даже

¹ Подразделение из 10 человек.

не смог устоять на ногах! Такое, правда, случилось впервые, но ведь и это тоже очередной знак старости... Он, конечно же, при посторонних не подаёт виду, но уже и сам понимает, что не сможет вскочить на коня с маху, как в былые времена, вот и приходится садиться в седло «величественно», то есть степенно и осторожно – как и подобает Повелителю. А ещё с годами правое плечо опустилось и стало заметно ниже левого, так что портному пришлось вшивать в одежду толстый войлочный наплечник. Да и правое ухо слышит хуже, поэтому приходится незаметно поворачиваться к говорящему левым. А главное, что по утрам всё нестерпимей ноет раненое колено, будто рану получил совсем недавно, а не годы тому назад. Оно и ночью не даёт пошевелиться, поэтому появилась привычка спать в одной позе – отчего к утру немеет всё тело... Да, это незамено подкралась коварная старость! Только ощутив её приход, осознаёшь, что истинное счастье не в богатстве и почестях, а когда по ночам не ноют шрамы, когда по утрам ты не ждёшь с нетерпением лекаря, а радуешься пробуждению и новому дню, с удовольствием думая о предстоящих делах...

Первую половину жизни он не задумывался о том, чтобы сохранять здоровье – воин всегда живёт одним днём. Зато вторую половину ему было Небом уготовано прожить ханом, затем кааном – и мысли о здоровье тела стали посещать всё чаще, ведь всё самое главное ещё не сделано, оно ещё впереди. Всё впереди, кроме крепости позвоночника и мужской силы... И это страшит, потому что враги, да и сподвижники тоже, однажды узрят в нём просто немощного старика, а не великого воина. Именно поэтому хотелось бы умереть красиво: на любовном ложе, например, как великий Аттила – о кончине которого рассказал всезнающий Длиннобородый... Приведённая в его шатёр пленённая принцесса как-то призналась, что вознамерилась убить его, Чингис-хана Тэмучина ночью – но это всего лишь слова униженной женщины, которые, к тому же, услышал он один. Так что первенство в подобной смерти давно уже принадлежит величайшему завоевателю. Тем более что Длиннобородый ехидно уточнил, будто бы наложница просто-напросто перегрызла Аттиле горло, а уже потом летописцы приукрасили историю и добавили

не существовавший нож... Но даже такая смерть, в отличие от долгой болезни или предательского заговора, делает мужчине честь!

Или когда-то молния дотла сожгла его походный шатёр, правда, он в это время не находился внутри. Но, как предупредил шаман, это, возможно, был предупреждающий знак Неба! В отличие от многих, он ведь никогда не боялся грозы: не заворачивался в чёрный войлок и не выпроваживал из шатра посторонних. Может, потому шаман и предостерег его тогда, выяснив во время камлания, что именно так, своим испепеляющим огнём, Вечное Небо наказывает нарушителей божественных запретов? А ведь такая смерть мгновенна... Вот только воины его, скорее всего, примут подобный конец за гнев Неба и наказание за грехи? А ведь именно Небо всегда хранило его от смерти! Считается, что большое дерево одним взмахом топора не срубишь, и много щепок должно разлететься в стороны... Так что, если у него есть выбор, он попросил бы Небо позволить погибнуть в сражении – такая смерть одинаково достойна и для простого воина, и для могущественного каана...

Длиннобородый рассказал, будто прочёл в древней рукописи, что тело Агтилы поместили в три саркофага – первый был из золота, второй из серебра, третий из крепкого железа. А поверх насыпали высокий курган, в глубине которого оставили много сокровищ. И убили всех участников погребения, чтобы, как написано в рукописи, предотвратить человеческое любопытство перед столь великими богатствами. Очень разумно всё сделали древние, очень правильно!.. Но почему сегодня все мысли его не о великих планах и новых победах, а о приближающейся смерти? Неужто не только в его тело, но и в разум прокрался уже незаметно тихий, предупреждающий голос Неба?..

За раздумьями он не услышал ни окрика охранников, ни того, как бесшумно проскользнул в шатёр лекарь. Беспреданно кланяясь, Фао-Шен развернул на тигровой шкуре маленький коврик и стал раскладывать на нём принесённые горшочки и бутылочки. Натерев ладони какой-то остро пахнущей мазью, он откинул полу халата Повелителя и стал легонько поглаживать ногу.

Тут же, словно испугавшись лекарств, боль начала отступать. И он вдруг подумал, что хитаец стал едва ли не одним из самых

близких и нужных ему людей – хотя, с другой стороны, он всегда недолюбливал Фао-Шена за чрезмерную угодливость, за подлую двуличность и за его постоянное наушничество. Не напрасно все окружающие считают писца сюзюком каана... Но, зато, лекарем Фао-Шен является самым искусным, наверное, среди всех остальных...

С уходом боли улетучились и мысли о старости, о смерти, а их место заняли привычные, будничные размышления. Что ж, пусть всё чаще и продолжительнее ноют старые раны – но ими следует гордиться, поскольку получены они в сражениях и на охоте. Похоже, коварная боль просто пытается каждый раз загнать эту гордость как можно глубже в колодец памяти – чтобы тут же подменить её собой и стенаниями слабой плоти... Когда-то монах Чан-Чунь рассчитывал найти рецепт вечной жизни, возвращения молодости и силы, чтобы, как он говорил, «Великий Чингис-хан забыл о ранах, забыл об усталости тела и снова наслаждался силой мышц, крепостью позвоночника; чтобы новое утро начиналось для него не борьбой с болезнями, а радостью пробуждения». Даосу не дано было знать, на что он намеревался потратить возвращённые эликсиром силы! Все не на удовольствия и наслаждения, поскольку, как он понял уже в старости, корень всех страданий, это вожеление. Силы ему нужны на то, чтобы покорить весь остальной мир – до самого края земли! Это будет самая последняя война, после которой наступят тысячелетия покоя и благоденствия, и люди, наконец-то, перестанут уничтожать друг друга, зачастую просто так, из прихоти! Война заставляет убивать и приносит множество смертей, но долгий мир научит ценить человеческие жизни: ведь не надо будет отнимать у других последнее, потому что у каждого будет столько пищи, сколько он сможет съесть, столько одежды, сколько нужно для защиты от холода. Вот для чего ему нужен был эликсир... Однако Вечное Небо оказалось мудрее всех мудрецов и не открыло тайну бессмертия! Но, благодаря обещанию Чан-Чуня, перед ним на время как бы приоткрылись ворота Вечности – и он тут же ощутил, что стал ленивей! Потому, что стал рассуждать как бессмертный: зачем торопиться, зачем истязать своё тело походами, зачем

мучиться сомнениями, если впереди предостаточно времени – впереди целая Вечность...

Мысли неожиданно перескочили в совсем иное русло – в воспоминания о даосе Чан-Чуне. Он до сих пор с удовольствием вспоминал пусть и не такие частые, как хотелось бы, но продолжительные и неторопливые беседы с мудрецом. Может, именно Бессмертный и переменял этими беседами его отношение к жизни? Особенно он скучал по мудрецу в первые месяцы после разлуки, поэтому часто отправлял с посыльными пространные письма в монастырь Хаотяньгуань, из уважения называя даоса его настоящим именем. В отличие от тела, память его сохранила здоровье – и он до сих пор хорошо помнит то первое короткое письмо, написанное вскоре после их расставания...

«Цю-Чуцзы, ты, расставшись со мной, отправился в весенние месяцы и, с наступлением лета, терпел жары и трудности. По дороге получал ли ты хороших почтовых верховых лошадей? Довольно ли доставляемо было тебе по пути пропитания? Когда ты прибыл в Сюань-дэ-чжоу и другие места, то тамошние власти хорошо ли принимали тебя? Простой народ ты привлек ли учением своим? Здоров ли ты телом и душой? Я здесь постоянно думаю о тебе. Я не забыл тебя, и ты не забывай меня. В год Гуй вэй, 11-й луны, 15-го дня¹».

А в другом письме он, неожиданно даже для себя, открылся даосу, чего не делал и для самых близких сподвижников: «Дела ратные и государственные не в моем желании, а мысли в духе Дао-дэ, искренне скажу, заслуживают уважения. За непокорность правителей я громлю их грозно: только приходит моя рать – дальние страны усмиряются и успокаиваются. Кто приходит ко мне, тот со мной; кто уходит, тот против меня. Я употребляю силу, чтобы достигнуть продолжительного покоя временными трудами и надеюсь остановиться, как скоро сердца покорятся мне. С этой целью я несу и проявляю грозное величие, и пребываю среди колесниц и воинов».

Почему для него так важна оценка его поступков не сподвижниками, даже не сыновьями, а именно даосом? Может, потому, что тот всегда жил в отстранении от людской суеты, поэтому события

¹ 1223 г.

и людей оценивал со стороны, беспристрастно. Монаха ведь не интересуют, как многих других, богатство и власть, а только поэзия и внутренний мир человека. Ну, может быть, лишь любовь к изысканной пище является его единственной маленькой слабостью?..

Приятные воспоминания вызвали улыбку на лице, но тут новая мысль вывела из задумчивости – он встрепенулся, сильно испугав этим лекаря. И без того маленькое тело хитайца сжалось ещё больше, голова покорно вжалась в острые колени: должно быть, Фао-Шен подумал, что сделал Повелителю больно. Что поделаешь, таким талантливым и, одновременно, таким трусливым является его лекарь и летописец. А он-то всего лишь вспомнил, что давно уже не писал Бессмертному писем.

И даже не приказал, а, скорее, попросил перепуганного Фао-Шена:

– Прочитай-ка то стихотворение, которое Бессмертный подарил мне на прощание.

Хитаец суетливо придвинул к себе сумку и достал из неё любимое стихотворение Повелителя. Развязав всё ещё подрагивающими пальцами шёлковую ленту, развернул небольшой свиток и стал привычно декламировать, даже не заглядывая в рукопись:

– Мириады светил наполняют широкое небо; утомился я, сидя до третьей стражи. Медведица подвинулась, и северные звезды поднялись высоко. Нет средства остановить великой силы движения; беспредельной пустоты нельзя накрыть; кто властитель этого вращения? Мириады веков мир твёрд сам собою.

– Правители приходят и уходят, – немного помолчав, произнёс он задумчиво, – а власть Вечного Неба и установленный миропорядок вечны...

– Великий Чингис-хан достиг того, что не даровано Небом никому из других людей, – льстиво заговорил уже оправившийся от испуга хитаец, – и ещё достигнет многого...

– Это так. У меня несметно богатств, а, если пожелаю, будет ещё больше – но они не радуют меня. Я владею самыми красивыми женщинами, могу посещать их, когда захочу – и, тем не менее, больше всего я люблю смотреть на свою непобедимую конницу: не ведающую преград, брызжущую тучами стрел...

– Ты обладаешь самым желанным, Великий Чингис-хан – ты облечён безграничной властью.

– Власть – это не удовольствие, а каждодневная тяжёлая обуза, – возразил он. – Правда, в одном ты прав, лекарь, очень многих власть развращает даже быстрее, чем богатство. Должно быть, поэтому недостойные так стремятся к ней...

– Само Небо выбирает достойных...

– Ты слишком льстив, лекарь! Впрочем, как и всегда... Просто я хотел бы сейчас написать письмо Бессмертному.

Писец незамедлительно свернул листок со стихотворением, перевязал его шёлковой лентой и бережно положил в сумку. Достал оттуда чистый лист, развернул и приготовился писать.

– Здоров ли Цю-чуцзы?.. – начал он медленно диктовать. – Я постоянно думаю о тебе...

Он умолк, подыскивая нужные и, одновременно, красивые слова.

– Ты, Бессмертный, существуешь в согласии с окружающим миром и свободен в выборе, как бабочка на цветущем лугу, я же в действиях своих всегда вынужден следовать воле Вечного Неба... Только вернувшись на суровый север после походов, я возвращаюсь к простоте и обращаюсь к чистоте, которые, несмотря ни на что, продолжают жить внутри меня. Я вспоминаю твои слова, что, если в душе осталась хотя бы одна цветущая ветвь, на неё всегда сядет поющая птица...

Он взглянул на старательно водящего пером хитайца и, помедлив, продолжил диктовать:

– Твоё учение прорастает подобно цветку, смысл которого в том, чтобы давать семена. Так же, как и моя Книга Ясы, списки которой разосланы мною во все пределы Империи. Призванная улучшать мир, Яса изменяется, опираясь на обретенный опыт, и я надеюсь, что она будет дополняться мудростью потомков моих...

Он, вдруг, умолк, подумав невольно: «А сумеют ли мои потомки отличать предназначение Вечного Неба от собственных корыстных желаний? Ибо они родились и выросли в славе и роскоши, не пройдя тех испытаний, что были посланы мне когда-то Небом...»

– Добавь ещё такие слова, писец, – сказал он, отогнав непрошенную мысль. – Во время наших бесед ты открыл мне глаза на то,

что мечта о бессмертии подобна миражу, который тут же тает при попытке приблизиться к нему.

Он снова замолчал, тщательно подыскивая нужные слова.

– Продолжай, писец! Я оценил мудрость твоего учения, Бессмертный, и согласен, что тело недолговечно и распадётся, в конце концов, на четыре стихии; и что только облечённый в великую идею Дух способен пережить плоть. Я попытался проникнуться светлым учением Дао-дэ, ибо предчувствую, что вскоре должен буду уйти в иной мир, не постигнув малой толики из мудростей разных учений. Я попытался, Бессмертный – однако остался непоколебимым приверженцем учения, данного людям Вечном Тэнгри... Но, когда мой Дух, очистившись от болезней и человеческих слабостей, станет частью Вечного Синего Неба, я буду там помнить о тебе, ибо знаю, что когда в иной мир уйдёшь ты, то подхваченное верными твоими учениками Дао-дэ останется жить на просторах моей Империи...

Забывшись, он резко повернулся к писцу – и даже вскрикнул от пронзительной боли...

* * *

Проснувшись, Егор ещё какое-то время ощущал ноющую боль в колене. Откинув одеяло, он несколько раз согнул и разогнул ногу – боль сразу же ушла. Однако пришёл испуг: а, вдруг, болезнь может перейти к нему из сна и остаться навсегда? Поселиться в этом мире, как нечто связующее, как отголосок той, другой жизни?.. Когда он явственно представил это, то стало по-настоящему страшно: а, вдруг, он может не просто заболеть, а, в конце концов, и умереть во сне, как медленно умирает тот, другой?..

* * *

..Он снова лежал в походном шатре, но уже в полном одиночестве. Он сам этого захотел, потому что, стоило только позвать, и шатёр тотчас наполнился бы предупредительными слугами и женщинами. А так никто не отвлекал от самого главного, ничто не мешало думать...

Вспомнилась недавняя беседа с лекарем Фао-Шеном, которого он иногда брал на утренние прогулки в качестве сопровождающего и собеседника. Шествующая поодаль охрана была не в счёт: о чём можно разговаривать с неграмотными, грубыми воинами – разве только о таких же грубых вещах? Эти утренние прогулки давно превратились в необходимость, потому что на время снимали боль в колене, и начинало казаться, что, наконец-то, наступает улучшение. Лекарь был не глуп, прочитал много книг и был способен даже рассуждать о тех же сложных вещах, что и мудрец Чан-Чунь, вот только он слишком легко менял своё мнение, всегда стараясь угодить собеседнику...

– Летописцы описывают жизнь великих не для того, чтобы пове­дать правду о них, а для того лишь, чтобы подчеркнуть их величие и избранность Небом, – заявил он во время последней прогулки, пытаясь уязвить писца. – Даже детство великих зачастую переписывают, чтобы не разрушить ореол исключительности... А ещё я не понимаю художников, ибо то, что они изображают как действительность – всего лишь краткий изменчивый миг. И уже завтра Небо всё может переменить: герои превратятся в трусов, избранные предстанут ничтожными, а книги мудрецов и поэтов будут сожжены...

– Великому Чингис-хану нечего страшиться, ибо его победы неоспоримы, а сыновья являются достойными продолжателями великих завоеваний, – возразил хитаец, подобострастно кланяясь.

– Это так. О моих ошибках и даже возможных поражениях никто и никогда не узнает, потому что ни один из летописцев не решится написать нелицеприятную правду. Скажи, разве я не прав, мой самый большой льстец?

– Да, Великий Чингис-хан, летописцы при жизни твоей и при жизни детей твоих будут писать только о победах. А потом, через много лет, уже не останется ни одного очевидца, чтобы заново переписать историю славной жизни твоего рода.

– Это так. И даже поражения они превратят в победы, даже предательство в намеренную хитрость или, на худой конец, в волю Вечного Неба... – с грустью заключил он. – Но ты, писец, всё-таки запомни эти мои слова, ибо Бессмертный будет рад прочитать их

в письме. Он говорил, что признавать свои ошибки способны только сильные...

– Я страшусь слышать такое, – писец даже остановился, поражённый сказанным. – Никто не поверит, что Великий Чингис-хан может в чём-то сомневаться, а, тем более, кого-то предавать!

– Что ты можешь знать, писец, о том Тэмучине, который ещё не был наречён Чингисом?.. Никому не ведомо, как он невольно предал свою мать, её первого мужа и людей аала, откуда она родом. Только тебе, никчёмному, я без опаски могу поведать, что корни мои уходят не в род киятов, а в роды динлинов и меркитов. Потому, что даже если ты будешь кричать об этом во всё горло, никто тебе не поверит! Подозреваю, что только через века летопись моей жизни способна будет породить сомнения у читающих её. Да, я из рода динлинов – именно поэтому не хочу, чтобы он пополнился предателем! Я говорю сейчас вовсе не о себе, а о том юноше-динлине, которого вы с тысячником Егудэем оклеветали!

– Великий Чингис-хан, моя память всё сохранит, а бумага донесёт твои мудрые слова до Чан-Чуня, – торопливо заверил писец, явно испугавшись, что беседа переходит к теме неудачного похода за рецептом эликсира вечной жизни и к его неблагоприятному поступку.

Он, конечно же, сразу заметил и испуг, и наивную хитрость Фао-Шена, но не торопился с продолжением разговора, задумчиво оглядывая степные дали. Решение оправдать динлина было принято им сразу же после отъезда Чан-Чуня, но окончательно сформировалось только сейчас: преступник Фао-Шен должен превратиться в истца, хочет хитаец этого или нет. Он много думал над тем, как оправдать оговорённого юношу, были и сомнения – ведь, если простой охотник смог изменить судьбу каана, то это может кого-то навести на мысль, что судьба Чингис-хана Тэмучина тоже непредсказуема и хрупка? Хуже того, кто-то подумает, что воля Вечного Неба может быть нарушена вступившим в поединок с ним обыкновенным человеком? Но потом всё-таки отбросил сомнения, ибо он уже много раз демонстрировал окружающим силу невидимых защитников, охраняющих его от вражеских стрел и смерти...

Скованный страхом хитаец обречённо семенил позади, явно страшась продолжения разговора. Заметив это, он усмехнулся и знаком указал писцу на место рядом с собой. После чего стал излагать своё, теперь уже окончательно принятое решение.

– Ты, конечно, ничего не забыл из тех не очень давних событий в кыргызской земле?

Писец переменялся в лице от ужаса и залепетал, словно нашкодивший подросток:

– Великий Чингис-хан заверил, что простил тысячника Егудэя... Я всё это время боялся смиренно спросить, простил ли он и никчемного Фао-Шена?.. За то, что я посмел предложить оклеветать невинного...

– Изложи историю этого юноши правдиво, и время всё расставит по своим местам, – решительно приказал он. – Благодатная кёгменская земля, откуда родом моя мать Оэлун, даровала мне жизнь – и она же отняла у меня надежду на жизнь вечную. В этом и состоит величайшая справедливость Неба! Или, может, это наказание, что я растратил жизнь не на то, чтобы возвратиться героем в заветную землю, к народу, которому нужны моя любовь и защита, а не просто моё великодушие?..

– Эти слова тоже записать, Великий Чингис-хан?

– Нет, но это теперь самая большая твоя тайна, писец, тайна до самой моей смерти. Помни и неустанно думай о ней днём и ночью! А сегодня мы просто отправим письмо Бессмертному: напишешь ему, что я всё чаще слышу зов смерти, да и шаман перед началом похода предсказал мне опасную болезнь. Пока ещё не слишком поздно, я хотел бы вернуться на родной север, где и небо синее, и вода слаще, и жизнь чище. Вот только закончу этот последний поход, продиктованный мне волею Вечного Тэнгри...

– Мне всё ясно насчёт письма даосу, но... – хитаец замялся. – Но для кого записать историю с динлином?..

– Запиши эту историю, писец, как легенду о бесстрашном и преданном своему народу юноше. Ты ведь умеешь красиво говорить, иногда даже слишком красиво излагаешь чужие мысли... Поэтому обязательно напиши, что единственный, кто знал

о местонахождении дощечек с рецептом бессмертия, предпочёл умереть, но не нарушил клятву, данную своему народу.

Он вдруг подумал, что вовсе не случайно приоткрыл сегодня завесу над самой большой своей тайной. Пока не поздно, нужно запечатлеть на хитайской бумаге обе красивые легенды: о бесстрашном юноше-динлине, и ещё одну – о воине Тэмучине, ставшем, согласно древнему предсказанию, величайшим объединителем племён и земель. И пусть обе легенды превратятся, в равной мере, в героические сказания кыргызского народа – в легенды родины его предков. К своему великому сожалению, он не заметил, когда, заблудившись в мечтах и деяниях, не только обратился помыслами к кочевым народам, но и стал считать этот разноплеменной, собранный из раскиданных по бескрайней степи многочисленных стойбищ народ своим. И теперь именно они будут передавать из поколения в поколение сказания о нём, как о своём Великом Герое, поскольку каждый почитает за честь причислить Чингис-хана Тэмучина к соплеменникам. Но ведь совсем иное предсказание звучало из уст кыргызских сказителей в их героических кип-чоохах! И невозможно принадлежать сразу всем, а у каждого должна быть своя маленькая родина, которая ограничивается не территорией государства, города или даже крохотного улуса – нет, она ещё меньше, потому что в памяти каждого кочевника в минуты радости или печали всплывает затерянное в степи одинокое стойбище, где прошло его детство, где происходили самые яркие, самые незабываемые события его детства и юности...

Он вдруг подумал, что так и не решился открыть сыновьям тайну своего рождения, которую знали только мать Оэлун да ещё верная Бортэ-фуджин. Зато обязал сыновей выучить язык и письменность уйгуров – родственного кыргызам и самого образованного, как он посчитал, северного народа. Кто знает, может именно кому-то из сыновей суждено будет вернуться на родину предков, и о ком-то из них, а вовсе не о нём, Тэмучине, говорила заветная легенда?..

* * *

Егор долго не мог заснуть. Несколько раз поворачивался с боку на бок на ставшем вдруг жёстким матрасе, перекладывал

подушку – но так и не сумел улечься поудобнее. Расслабиться тоже не получалось: даже доносящиеся через форточку уличные шумы и негромкое посапывание жены настойчиво проникали в уши, мешали забыться. В конце концов, он пришёл к выводу, что, должно быть, слегка приболел? Симптомы были налицо, во-первых, немного першило в горле, а, во-вторых, и это самое главное, мысли были какими-то ватными, бесконечно-тягучими. Такое состояние запомнилось с раннего детства, когда он почти целую неделю провалялся в жару с воспалением лёгких...

..Мысли метались и вязли в жёлтой мути – будто песчаная буря гнала их, подобно невесомым шарам перекаати-поля, и сбрасывала в тёмный глубокий овраг, из которого не было выхода. Раскалённый воздух бури то впивался в тело прожигающими одежду искрами, то опалял лицо словно бы пламенем близкого очага. И не было сил отвернуться или хотя бы заслониться от этого жара ладонью, потому что руки отказывались повиноваться. Его обездвиженное тело находилось всецело под властью боли, затаившейся где-то внутри, но стерегущей малейшее движение и грозящей наказать за него, став в одно мгновение нестерпимой. Поэтому он перестал сопротивляться и замер в вынужденной неподвижности, пытаясь мысленно восстановить недавние события: то есть понять, что с ним и где он находится?..

В памяти всплыла охота, которая состоялась вроде как недавно, может быть, даже вчера... Он, сыновья, да и все его воины любят охоту, почитают её самым лучшим, самым приятным развлечением! Недаром издавна существует обычай натирать мясом и жиром большой палец правой руки мальчику, первый раз принявшему участие в облаве и убившему свою первую дичь. Он тоже собственноручно проделал этот обряд посвящения в охотники со своими сыновьями, а потом и с внуками... Охота! Конечно же, недавно состоялась облавная охота!.. А вот Елюй Чуцай утверждает, что китайский путешественник Сыма-Цянь написал в своём дневнике, будто в северной стране Сибур водятся слоны, сплошь покрытые густой щетиной. Его неосуществлённой пока мечтой было поохотиться на этих волосатых слонов. Но в этот раз были явно не они...

Вдруг в памяти нарисовалось несущееся по степи стадо куланов... Особенным удовольствием для него было преследовать куланов, которые, в конце концов, так изнемогали от погони, что их можно было брать руками. Убив, сколько требовалось, охотники всегда отпускали остальную добычу на волю, выжегши на спине каждого кулана своё личное тавро... Конечно же, вчера он охотился именно на них!.. Выходит, опять забыл о предупреждении даоса, опять не смог устоять перед соблазном и даже не вспомнил, что Вечное Небо уже неоднократно являло ему предупреждающие знаки?.. Он всегда предпочитал приезжать на охоту вместе с хатунями, наложницами, яствами и питиями. А потом первым врваться на коне в круг облавы и стрелять до тех пор, пока не заканчивались стрелы в садаке. Потом поднимался на курган и оттуда наблюдал, как охотятся сначала сыновья, потом нойоны, а в конце и остальные воины... И тут же вспомнилось, как любимый коричнево-серый конь вздыбился и, ни с того, ни с сего, сбросил его на землю. Значит, на этот раз Небо покарало-таки его, нарушившего запрет? Но, даже ощутив нестерпимую боль, он всё ещё надеялся, что боль уйдёт благодаря стараниям искусного Фао-Шена или указанию самого Вечного Неба, неизменно помогавшему ему... А где же он сейчас находится, в каких пределах?.. Тангуты! Что-то связано с ними... Неужели этот народ тибетских корней снова стал врагом ему? Но не они ли подчинились два десятилетия тому назад, а их правитель Илуху-Бурхан¹ признал себя кыштымом и обязался, в случае необходимости, предоставлять свои войска... Война! Наконец-то он вспомнил! Война началась потому, что на его призыв присоединиться от Бурхана пришёл оскорбительный ответ «Не имеешь сил, так незачем и ханом быть!» А таких оскорблений он не прощал никому!.. Правда, хорезмийский поход тогда уже начался, поэтому возмездие было отложено. Он решил: «Пусть сбудется это тогда, когда с помощью Вечного Неба я ворочусь, крепко держа золотые бразды победы!..» Значит, час мести уже настал – и его войско на подступах к стране тангутов?

¹ Илуху-Бог. Есть мнение, что в глазах кочевников тангутские императоры являлись сакральными фигурами благодаря тому, что исповедывали буддизм.

Он наконец-то всё вспомнил и открыл глаза. Судя по чистому голубому небу, открывающемуся через отверстие в куполе походного шатра, было утро, и жаркий день ещё не наступил. Он обвёл шатёр взглядом – и сразу наткнулся на печальные глаза ханши. Преданная Есуй-хатун, похоже, всю бессонную ночь просидела в шатре подле него?

– Есуй, позови сына и военачальников-нойонов, – попросил он, – пусть они придут сюда...

Он молча наблюдал, как все, входившие в шатёр и видящие каана полулежащим, незамедлительно опускались на одно колено. А он, абсолютно обессиленный и униженно распластанный на подушках, впервые не подавал подданным никаких отличительных знаков – экономя силы, он лишь обводил собравшихся пристальным взглядом.

Ближе всех к нему расположились сын Толуй и нойон Толунчерби, за ними почтительно склонились остальные многочисленные нойоны. Никто из пришедших не проронил ни звука – все ожидали, что им скажет каан. И он, собравшись с силами и устремив взгляд именно на сидящих впереди, проговорил как можно твёрже:

– Возможно, моё падение с лошади было знаком Вечного Неба?.. А, может, это была просто воля случая? Но, всё равно, это плохой знак! Поэтому нужно принять общее решение о наших действиях в ближайшие дни. И я готов выслушать мнение каждого...

– Позволь сказать мне, каан, – первым заговорил нойон Толунчерби. – Тангуты – люди оседлые, живут в глиняных городищах, ужели они могут куда уйти, взвалив на спины свои глиняные дома? Поэтому я предлагаю вернуться в Орду, а по излечении каана снова выступить в поход против них.

Остальные дружно поддержали это предложение, заверяя, что в родных степях к Тэмучину силы вернутся значительно быстрее, а отомстить презренным тангутам никогда не поздно.

– Тангуты, чего доброго, решат, что мы ушли из трусости, – возразил он. – В ваших словах есть зерно истины, поэтому мы, возможно, и отступим, но сначала следует отправить к Бурхану посланника. У правителя тангутов должно хватить ума, чтобы

прислать свои извинения и соответствующие проступку дары. А мы здесь, в урочище Цоорхат, дождёмся ответа...

Никто не посмел возразить, и он тут же, при всех, медленно и часто умолкая, продиктовал Фао-Шену ультиматум для строптивого Илуху-Бурхана.

– Некогда ты, Бурхан, обещал быть со своими тангутами моею правою рукой... Вследствие чего я и звал тебя в поход на хорезмийцев, нарушивших условия мирного договора, грабивших караваны и убивших моих послов... – он ненадолго задумался и продолжил более жёстко. – Но ты не только не сдержал слово и не дал войско, но и ответил дерзкими словами мне! Занятый другими делами, я решил посчитаться с тобою потом! Ныне, завершив хорезмийский поход, я возвратился и иду к тебе, Бурхан, потребовать отчёт...

Через несколько дней ему стало лучше, и возвратившегося посланника он принимал уже сидя, хотя всё ещё обложенный подушками.

– Илуху-Бурхан утверждает, что он не говорил оскорбительных слов, – заговорил посланник. – Но его правая рука Аша-гамбу, который возомнил себя великим военачальником, заявил: «Это мои слова! А теперь, если вы, моголы, как любители сражений, хотите сражаться, то есть у меня для этого Алашайское ущелье, есть и решетчатые юрты, есть и вьючные верблюды! Если вам нужны золото и серебро, да ткани с товарами, то попробуйте придти в Джунсин¹».

– Довольно! – воспламенился он и обратился к собравшимся. – Как можно думать об отступлении, слыша такие оскорбительные речи?! Меня и мёртвого стали бы преследовать эти надменные слова! За них и идём! Да будет на то воля Вечного Неба!

Когда все покинули шатёр, он закрыл глаза и погрузился в раздумья...

Вот и опять он не в силах изменить назначенного Небом, а ведь почти решил возвращаться в Орду. Но, опять, то ли воля

¹ После восстановления город получит название Нинся, сейчас на этом месте расположен китайский город Иньчуань.

Вечного Тэнгри, то ли некий рок, преследующий его, не позволяют отступить. Нет, это всё-таки сам Вечный Тэнгри не даёт ему остановиться и прекратить бесконечные войны, которые давно стали образом его жизни. Оглядываясь назад, можно вспомнить лишь то, как завершив один поход, он уже готовился к другому. Как гласит китайская пословица, «Когда мчишься, сидя верхом на разъярённом тигре, самое страшное – это остановиться!» Действительно, он все эти годы делал лишь то, что умел делать лучше всего – и на этом опасном пути невозможно было остановиться. Даже после предсказания шамана об опасной болезни он давал сыновьям не жизненные советы, а распоряжения на будущее, опять же касающиеся войн. Он уже предвидел, что после падения Тангутского государства грядёт война с Алтын-ханом, этим вечным врагом моголов. Очередная, следующая война!..

И он научил Толюя, как одержать быструю и совсем не кровопролитную победу. Он показывал младшему сыну все действия на шахматной доске: вот лучшие войска Алтын-хана стоят в крепости Тунгуань, которая охраняет подступы к городу Хэнаню, сама крепость на юге прикрыта высокими горами, с севера же защищена Жёлтой рекой. И надо лишь попросить жителей империи Сун, тоже враждующих с Цзинь, пропустить армию монголов через их владения, тогда могольские тумэны, пройдя по югу Хэнаня, выйдут прямо к столице Кайфыну. После чего Алтын-хану придётся отзывать силы, сосредоточенные в Тунгуаньском ущелье – но помощь, наверняка, придёт с опозданием и, кроме того, воины будут так измотаны долгим переходом, что разбить их не составит труда. Что и говорить, он мысленно разыграл превосходную «шахматную» партию! За долгие годы он научился умело воевать!..

Да только нельзя же воевать вечно: и последние враги, и самые отдалённые народы должны, в конце концов, поклониться и войти в подчинение? Он уже видел будущее и внушал сыновьям, что наступит время прекращения походов, а следом придёт пора окончательного обустройства Великой Империи Монголов. Но, если даже наследников непросто в этом убедить, что же говорить об остальных, видящих смысл жизни лишь в охоте и пастьбе скота. Они до сих пор не понимают, зачем нужны приведённые

к покорности землеробы-горожане; они утверждают, что проще убить всех бесполезных людей, не умеющих присматривать за стадом и не способных к кочевой жизни, чем приставлять к ним воинов-надсмотрщиков; они без конца повторяют, что необходимо сжечь дотла города и превратить все освободившиеся земли в пастбища. Ограниченные и не видящие дальше своего носа кочевники...

Хотя, он и сам так считал ещё совсем недавно – пока Елюй Чуцай, этот киданьский умник, не разъяснил, какую пользу можно извлечь из плодородного края и населяющих его трудолюбивых кыштымов. Всего-то лишь оставив им жизни и обложив посильным налогом, как это делали прежние правители, можно впредь получать всё, что так необходимо Орде: зерно, вино, уксус, соль, железо, ткани, золото и серебро... Елюй Чуцай во время долгих бесед подробно и красочно нарисовал перед ним картину устройства будущей Империи Монголов. Во-первых, как он считает, нужно ввести выборность всех средних и низших чиновников на подчинённых территориях, как это было заведено у китайцев, а не оставлять традиционное наследование должностей. Длиннобородый утверждает, что это единственный путь, чтобы во власти не было глупцов и корыстолюбцев. Конечно же, над каждой территорией непременно должен назначаться наместник из Орды, который, в свою очередь, будет держать отчёт перед кааном...

Всё так, однако, пока идут войны, трудно установить порядок, потому что воины не знают иного способа поведения, кроме жестокости, не представляют другого образа жизни, кроме кочевого, а завоёванные богатые страны нужны им лишь для грабежей и разбоя. Так кочевники жили веками, посему дальнейшее обустройство Империи требует, в первую очередь, прекращения всех войн... Но, к сожалению, у него слишком мало единомышленников, ибо чересчур сказочным представляется нарисованное Елюй Чуцаем будущее – и, напротив, невероятно жестоким видится настоящее. Он сам прошёл этот путь прозрения не столько под влиянием идей киданьского мудреца а, в первую очередь, благодаря направляющей его легенде! Прощёл вопреки всему, потому что с ранней юности манила его запечатлённая в предсказании великая мечта далёкого народа. Эта мечта о всеобщей справедливости живёт в сердцах

многих людей, но никто не знает, как её осуществить! Он же приближал мечту, как мог, торопил в мыслях и переживал в снах – поэтому, наверное, она тоже понемногу двигалась навстречу? Правда, не совсем такая, какую он её видел – а подправленная самим Вечным Небом...

Устав от тягучих мыслей, он погрузился в короткое забытьё, которое с некоторых пор уже не восстанавливало силы, не давало отдыха телу и сознанию, а являлось продолжением борьбы с болезнью. Там, за границей яви он становился ещё более обессиленным и абсолютно безвольным – потому, наверное, явственней ощущал приближение роковой развязки. Даже окружающее пространство там, в полуснах, всё больше и больше сужалось границами боли, превращаясь словно бы в тесный могильный саркофаг. Ночное глубокое забытьё приходило теперь тоже ненадолго, между мыслями о борьбе с болью, а пробуждение каждый раз происходило на пике предчувствия чего-то неопишимо страшного. А потом проснувшиеся мысли заново начинали ерзать воспалённый разум, подобно стае изголодавшихся волков, так что невозможно даже стало различать, что же доставляет большие муки: тяжёлые мысли или набирающая силу болезнь?..

Правда, в последнее время он и наяву был почти отрезан от внешнего мира плотным войлоком походного шатра и поддерживающими измученное тело подушками. Тем не менее, когда снаружи доносились какие-то звуки, сознание услужливо дорисовывало картину происходящего там. Он так же явственно, как и воочию, видел другие шатры вокруг холма, множество походных юрт и повозок возле них, размеренный и традиционно неторопливый быт его подданных. Ведь жизнь там текла так же, как и всегда...

Когда кто-нибудь в Ставке был смертельно болен, то возле шатра умирающего устанавливали копьё с чёрным войлоком. Он запретил это делать, и сейчас рядом, как обычно, возвышался его родовой девятибунчужный туг с изображением кречета на белом войлоке, и с девятью конскими хвостами, олицетворяющими четыре больших и пять малых юртов его рода. А ведь в самом начале, когда

войско его было совсем малочисленным, каждый из славных воинов, помнится, вплетал в общее знамя прядь своих волос, что было знаком общности их дальнейшей судьбы... Сейчас его родовой туг стоит не только для того, чтобы воины верили в скорое выздоровление каана, но чтобы в стане тангутов не вспыхнула даже крохотная искорка надежды!..

Он уже побывал на тонкой грани между жизнью и смертью, так что, несмотря на переживаемые во сне страхи, наяву испытывал скорее любопытство: как там, в Нижнем и Верхнем мирах, и что есть смерть – забвение для разума или, наоборот, безграничная свобода для Духа? Здесь, в этом мире он достиг всего, казавшегося невозможным: да что там бескрайняя степь – почти вся Вселенная в его власти! Многие великие народы склонились в покорности у его ног, а кто не пожелал склониться, того уже нет под Вечным Голубым Небом. Это он, каан Тэмучин, Великий Чингис-хан взмахом своей сверкающей сабли, а то и одним лишь движением руки заставил многих переступить через гордость и облизывать пыль с его сапог. Но он вовсе не мечтал возвыситься кааном над жестокими и алчными «худыми ханами», а всё это время создавал с помощью своей армии справедливое государство, главным законом которого служит его Яса – как Великий Закон Справедливости...

Многие, очень многие склонились перед могущественным Чингис-ханом, но только не Время! Это оно заставляет его самого низко клонить голову, сгибать спину, всё больше уступать болезням... Нет ничего более унижительного, чем иметь сильный дух и, одновременно, дряхлеющее тело! Поэтому, наверное, и навеваются тайные мысли уйти, не достигнув дряхлости – пока дни и ночи страданий не превратили остаток жизни в тягость. Ведь смерть, как утверждает мудрец Чан-Чунь, это вовсе не конец, а возможность заново возродиться в молодом, полном сил теле. Это ли не эликсир и вечной жизни, и вечной молодости? Когда можно снова, как в первый раз, радоваться окружающему миру и снова устремиться к неведомой великой цели! Все люди рождаются с чистыми помыслами, которые на противоречивой жизненной дороге слишком часто заглушаются зовом власти и богатства, сластолюбия и похоти. А заново прислушиваться к светлым позывам детства и юности люди

начинают лишь на пороге в иной мир. Но ведь если возвращаться к чистым помыслам юности постоянно, то можно, наверное, прожить не просто долгую, а истинно счастливую жизнь, радующую человека до самого последнего вздоха. Именно это и предначертано Вечным Небом редким счастливым, таким, как даос Чан-Чунь. Но, к сожалению, не каану Тэмучину...

Хотя нет, сплошные солнечные дни могут порождать только пустыню! Поэтому, несмотря ни на что, он не хотел бы прожить свою жизнь заново, пусть даже в ней можно было бы избрать иную судьбу или же предвидеть свои неудачи и исправлять совершённые ошибки. Хотя бы потому, что сейчас его направляет Вечное Небо, которому были угодны и все эти ошибки, и все испытания. Что же насчёт пережитых в начале жизни невзгод – так все прошлые его унижения почти стёрло из памяти нынешнее могущество! Покровительство Вечного Неба принесло ему власть, богатство, славу... Но ведь оно так же могло и отнять всё это в один миг?! Так что в заново переписанной жизни, возможно, достаточно будет сделать всего лишь один маленький шагок в сторону – и всё сложится совсем по-иному? Можно даже никогда не стать Чингис-ханом...

Жизнь его сложилась так, как пожелало Небо! А сколько соратников уже ушли в небытие – правда, врагов намного больше! Бессмертия нет ни в жизни, ни в памяти людской, потому что все подданные, так почитающие его сейчас, тоже умрут – а у их детей, внуков и правнуков будут иные герои и новые вожди. И лишь великие деяния, прекрасные города и мудрые законы способны, скорее всего, пережить людские имена в переменчивых веках? Но это означает, что у поэта, сочинившего прекрасное стихотворение или у мудреца, написавшего философский трактат, не меньше шансов завоевать память потомков, чем у самого искусного воина или даже великого каана? Что ж, так устроен мир, что великие завоеватели, объединявшие народы и создававшие империи, вынуждены соперничать в памяти людской с поэтами и мудрецами... Но он ведь не только покорила большую часть Вселенной, но и написал Книгу Ясы! Так что неизвестно, какое именно из его деяний переживёт другие?.. Значит, так было угодно Небу, что его путь пролегал именно к славе воина и правителя! Несмотря даже

на то, что память людей очень недолговечна: придут новые герои – и люди будут поклоняться уже тем, победы которых, даже самые незначительные, будут, возможно, незаслуженно ставиться выше его великих побед...

* * *

Егор вынырнул из вязкого сна и перевернул ставшую мокрой от пота подушку. Потом опять долго ворочался перед тем, как заснуть... Сначала ему приснилась Ирина, но как-то неконкретно, расплывчато, потому что ещё один, словно бы посторонний, женский образ настойчиво стремился прорваться из чёрной глубины. Он постепенно заполнял сознание, крепчал – и черты жены стали меняться на восточные, сначала незнакомые, а потом всё больше присущие ханше Бортэ?.. Но нет, это была всё-таки не она!

..В шатёр вошла Есуй-хатун. Она была свежа, как утро, и от неё хорошо пахло – по шатру сразу же распространился запах арабских благовоний. Ему всегда нравились и этот необычный аромат, и изысканные украшения, и цепкий ум молодой жены. Её ненавязчивые и мимолётные советы на поверку оказывались мудрыми и своевременными, что мало кому из женщин свойственно. Он ведь даже поучал своих приближённых: «Не прислушивайтесь к словам женщины! Не относитесь к словам женщины слишком серьёзно!» – а сам то и дело нарушал эту заповедь. Может, потому он и взял Есуй в поход, что татарка была рассудительней многих советников-мужчин? А как её молодое тело манило во тьме шатра, как ласки её нежных рук позволяли забываться на всю ночь! С нею он забывал и боль старых ран, и даже временные неприятности... Правда, теперь такое происходило всё реже, потому что и мужская сила тоже стала покидать его. Но всё так же радостно видеть свежую красоту молодости подле себя, ибо дорогу мужчины, даже его последний путь, может облегчить и украсить женщина!

Есуй, как обычно, принесла фрукты на серебряном подносе и два кубка с красным вином. Он указал рукой, чтобы она оставила поднос на столике и взмахом той же руки, показал, что ханша

может уйти. Есуй взглянула на него с удивлением, но беспрекословно проследовала к выходу.

Он не хотел обидеть хатун, но большее удовольствие ему доставил бы приход лекаря Фао-Шена, который сейчас готовит какое-то новое сильнодействующее лекарство. И, кроме того, не хотелось при женщине лишний раз выказывать свою физическую слабость. Тем не менее, мысли вдруг потекли в совсем ином, приятном русле.

...За плечами всех великих правителей стояли сильные и мудрые женщины! Ему повезло: сначала это была мать Оэлун, потом жена Бортэ. Уже через много лет, достигнув пятидесятилетнего возраста, он увлёкся дочерью вождя меркитов, несравненной красавицей Хулан. Она была с ним во время Индийского похода и умерла на чужбине, а сын от неё Кюльхан воспитывался вместе с наследниками, вровень с которыми, правда, он никогда не встанет, хотя поражает всех сообразительностью и способностями в военном деле... А уже следом появились умницы-татарки Есуй и её сестра Есугэн...

С возрастом красота хатуней для него как бы отошла на второй план, и он всё больше ценил такой непохожий на мужской, такой изощрённый женский ум. Оказывается, вопреки его наставлениям в Ясе, женщины не только предназначены для хозяйства и улады, но могут быть и необычайно интересными собеседницами! Как его первая, главная жена... Недаром, когда он забывался от ласк молодых хатуней, то иногда называл их самым дорогим именем – Бортэ. Умница Есуй никогда не поправляет, а делает вид, будто не замечает этих оговорок – может быть, в глубине души она даже гордится этим?.. И она всё больше стала походить на свою старшую сестру Есугэн, которая не побоялась вступить за своих соплеменников-татар и спасла их от полного истребления. И любовь её ещё раз оказалась сильнее страха – когда Есугэн не смогла погасить вспыхнувший в глазах огонь при виде бывшего мужа. А ведь тот перед этим ускакал, уступив её «красным волкам»!.. Хотя, точно так же в молодости ускакал и он, Тэмучин, оставив свою Бортэ напавшим меркитам...

Лишь пять женщин оставили глубокий след в его жизни: мать и четыре хатуни. Все остальные, а их теперь уже трудно сосчитать, были просто походными спутницами и наложницами, которые приходили в его жизнь – и уходили, не задерживаясь. Хотя каждая

из них мечтала завоевать его сердце и стать любимой!.. Он всегда знал, сердце женщины завоевать тоже непросто, порой даже труднее чем покорить очередную страну. Ведь в любовном сражении не помогут ни сильная армия, ни воинская слава, ни даже сам Вечный Тэнгри! Вот если только их небесная покровительница – Охин-тэнгри?.. Сколько женщин с трепетом и надеждами, но без любви, входили в этот шатёр – но лишь пять переданных женщин любили его, как теперь кажется, вовсе не за славу и богатство. Материнская любовь понятна, а вот любовь Бортэ, Хулан, Есуй, Есугэн... Легко объяснить кратковременное увлечение, но загадка страстной и преданной женской любви ведома, должно быть, только самому Небу...

А любил ли он сам какую-нибудь из женщин по-настоящему? Сперва было неожиданное и пылкое юношеское увлечение Бортэ, пронесённое через годы и испытания, но которое, в конце концов, переросло в глубокое уважение. Хотя и сейчас он может с уверенностью сказать, что любовь их, словно язычок пламени под порывами ветра, то успокаивалась, то вспыхивала с новой силой – но все эти годы горела. Первая жена так и осталась для него самым верным другом, и, может быть, единственной не проходящей любовью? Даже ревность из-за старшего сына Джучи, которого, как он знал, за глаза многие называют «наследником меркитского плена», не смогла сильно поколебать это чувство. Люди, чаще всего, не могут объяснить, за что любят кого-то, хотя всегда знают точно, за что ненавидят...

Правда, было время, когда он мог потерять любовь своей Бортэ. Шесть лет длился очередной военный поход – и все эти годы рядом с ним находилась другая хатун. Именно тогда Бортэ, которую он до этого не считал ревнивой, вдруг написала в письме: «Орёл устраивает гнездо на вершине высокого дерева, но если он долго не будет возвращаться, другие птицы могут съесть его яйца и птенцов». И он впервые ощутил сильную ревность в этих словах, ведь до того Бортэ шуточно повторяла: «На озере с берегами, заросшими ивняком, водится много диких гусей и лебедей – господин волен стрелять их сколько угодно. В наших племенах имеется много молодых дев и жён – господин может сам назначать своих избранниц. Он волен взять новую жену, оседлать ещё не укрощённого

скакуна»... Но именно после этого письма забытая в пылу сражений любовь к первой жене вспыхнула с новой силой: он снова стал видеть Бортэ в своих снах – и написал ей в ответном письме, что торопит время встречи...

Женщины!.. Они помогают снять боль телесную и душевную, помогают забыть, хотя бы на время, о неприятностях. Именно поэтому у него потом было много женщин: более двух десятков жён и, наверное, тысячи две наложниц – дочерей и родственниц покорённых вождей. Они были как опьяняющее вино: у каждой свой вкус и аромат, и они так же туманили голову, правда, как и настоящие вина, ненадолго. Главное, что рядом с каждой он мог на время становиться разным – таким, каким они его видели. Заглянув в манящие глаза, мог ощущать себя всемогущим, сильным, щедрым... и молодым. Недаром доброта приходит к нам от матери, щедрость от жены, но сила – от наложниц. Ведь верная жена, в отличие от молодой и пылкой наложницы, не требуют постоянно былой, неуёмной мужской силы...

Вдруг вспомнилось, как посланец в монастырь Хаотяньгуань, имеющий приказ организовать почётный приезд даоса Чан-Чуня, хотел присоединить к каравану и женщин. Монах от этого отказался наотрез, заявив: «Хотя я всего лишь дикий обитатель гор, то есть простой отшельник, в таком окружении не поеду!» Выходит, что мудреца-даоса, в отличие от него, женщины совсем не интересовали? Зато он всегда любил видеть подле себя красивые женские лица, любил, когда, даже в походе, два десятка искусных в игре на музыкальных инструментах красавиц услаждали слух и взоры гостей в его походном шатре... Вероятно, Бессмертному и в самом деле ведомо нечто большее, чем обыкновенному человеку, и даже ему, всемогущему каану? Возможно, яркости восприятия поэта предшествует умеренность в пище, в желаниях и даже в чувствах. Ведь, чтобы полюбить женщину всей душой, недостаточно насытиться податливой женской плотью, но сердце должно продолжать гореть желанием даже тогда, когда жар в нём уже начинает остывать! То же самое должно предшествовать исполнению любой цели? Чтобы упиваться победой на поле брани, нужно перед этим испытать... Что же испытать, глубокое унижение

или сокрушительное поражение? Нет, наверное, перед этим всё-таки нужно преодолеть долгий и трудный путь!..

Когда-то они поспорили с другом детства Боорчу-нойоном о том, что является наибольшим наслаждением для мужчины. Тот признался: «Наслаждение состоит в том, чтобы, взяв на руку своего сокола синецветного, который зимой сменил перья, и сев на хорошего мерина откормленного, охотиться ранней весной за синеголовыми птицами и одеваться в хорошие платья и одежды». «Нет, – возразил он тогда Боорчу, – наслаждение и блаженство мужчины состоит в том, чтобы подавить возмущившегося и победить врага, вырвать его из корня, взять то, что он имеет самого дорогого, заставить вопить слугителей их, заставить течь слезы по лицу и носу их, сидеть на их приятно идущих жирных меринах, любоваться розовыми щечками их жен и целовать, и сладкие алые губы пить».

Как давно и словно бы не им это было сказано, как много перемен произошло с тех пор! Вероятно, он просто хотел разозлить старого друга, ведь простодушный Боорчу был тогда ближе его к истине?.. А, может быть, прав всё-таки аскет Бессмертный – и он, каан, обладающий безграничной властью, слишком много драгоценного времени потратил на охоту, на женщин, на войны? Может, вместо этого стоило погрузиться в изучение философии Дао-дэ, восторгаться в цветущем саду совершенством мира и писать об этом стихи, или же под ночным звёздным небом размышлять о бесконечности Вселенной?.. И только болезнь чётко разделила его жизнь на две части: на «до» и на «после». Что теперь, кроме женщин, может помочь ему, пусть даже и на время, забыть о боли? Вино, которое оставила на столике Есуй?.. Да, оно притупляет боль, но, одновременно, туманит голову; а погружённая в хмельной туман голова – плохой советчик и слепой поводырь. Многих, очень многих вино привело совсем не туда, куда они мечтали попасть: к чужим юртам, к потухшим кострам, к неверным женщинам и подлым предателям...

Жёлтая солнечная полоса пробежала по тигровой шкуре – и остановилась возле самого лица, словно испугавшись. Через опущенные ресницы он разглядел в образовавшейся яркой щели

раздвинутого полога лицо Толуя. Тот замер, раздумывая, войти или нет? И решив, что отец спит, осторожно опустил тяжёлый войлок.

Закрыв глаза, он в полной темноте слушал затихающие шаги удаляющегося сына. Двое ближних охранников незримо продолжали свой бесконечный обход вокруг шатра – их передвижение выдавал едва слышный хруст сминаемой травы. Вот старший караула, что постоянно находится перед входом, повернулся – и его лук за спиной легонько стукнул по садаку...

..Он ведь попытался, но так и не смог искоренить пьянство – это зло, которому подвержены даже его сыновья. Давно, ещё только провозглашённый Чингисом, он сказал: «В вине и арзе нет пользы для ума и искусства, нет также добрых качеств и нравов; они располагают к дурным делам, убийствам и распрям; лишают человека вещей, которые он имеет, и искусств, которые знает; и становятся постыдны путь и дела его, так что он утрачивает определенный путь. Хан, жадный к питию, не может произвести великих дел, мыслей и великих учреждений». К воинам же своим он обращался во время походов несколько проще: «Если нет уже средства от пития, то должно в месяц напиваться три раза: если перейдёт за три – проступок; если в месяц два раза напиваться – это лучше, а если один раз – еще похвальнее, а если человек не пьёт, то что может быть лучше того? Но где найдут такого человека, который бы не напиваются? Если найдут, то он достоин всякого почтения».

Почти все болезни воинов происходят либо от ран, либо от пития. Недаром он приказал писцу записать на бумаге: «Когда человек, пьющий вино и арзу, напьется, он становится слеп – ничего не в состоянии видеть; он становится глух – не слышит, когда его зовут; он становится нем, когда с ним говорят – не в состоянии ответить. Когда он напьется, то похож на человека при смерти: если он захочет сесть прямо, то не будет в состоянии этого сделать, точно так, как оцепенел бы и очумел человек, которого хватили по голове. В вине и арзе нет ни пользы, ни разума, ни доблестей, и нет также доброго поведения и доброго нрава: во хмелю люди совершают дурные дела, убивают и ссорятся. Вино удерживает человека

от того, что он знает, и от искусств, которыми он обладает, оно становится завесою на его пути и для его дела...»

Однако мало кого остановили его слова. Вот и старший сын Джучи, не лишённый такой слабости, этой весной скончался от ранней болезни в своём туркестанско-сибурском уделе на севере Арала. А перед этим четыре года не приезжал из своего улуса, не появлялся при ставке, не участвовал в многолюдных охотах-забавах, которые прежде так любил. У него даже возникло подозрение, что сын замышляет что-то против своего отца, ведь у Джучи были на то причины, были многочисленные обиды: это и намёки братьев, что он незаконнорожденный, и то, что наследником будет вовсе не он, старший среди сыновей. Да кто знает, сколько обид может накопиться в душе изгоя? Иногда он был даже рад, что старший находится далеко, в своей Большой Орде, поэтому он не читает все эти обиды в сыновних глазах. Но, как оказалось, все подозрения в неверности были напрасными, и Джучи ушёл в другой мир раньше своего отца... Что поделаться, на всё воля Вечного Неба!..

Тогда, словно бы ощутив через бескрайние степные просторы кончину старшего сына, он впервые, должно быть, подумал и о собственной смерти. Подумал – и сразу же ощутил её холодное дыхание, и осознал, что самые главные дела нельзя оставлять на последний день, что к уходу надо готовиться заранее. Он тогда попросил всех нойонов выйти из шатра, чтобы не озадачивать их своим неожиданным решением, и оставил лишь Угэдэя с Толуем. Третий сын был тогда далеко – Чагатай неотрывно находился в резервных войсках. «Сыновья мои, – сказал он, – уже близок конец моего пути. С помощью Вечного Тэнгри я добыл для вас такое обширное царство, что путь из его середины к краю занимает несколько месяцев. Если вам хочется его сохранить, будьте вместе, действуйте против ваших врагов сообща, правьте вашими подданными в согласии друг с другом. Одному из вас предстоит взойти на престол – пусть моим наследником будет Угэдэй. Исполните это решение после моей смерти, и пусть Чагатай, которого здесь нет, не сеет смут»...

Наконец-то появился Фао-Шен со своим целительным снабьем. Погружённый в мысли, он даже забыл о лекаре, как,

впрочем – чего уже давно не случалось – и о боли. Не означает ли это, что боль полностью сделала своё дело – и ушла, возможно, даже навсегда? А значит, настала и его очередь отправляться следом?!.. Он уже явственно чувствует, как жизнь медленно и неотвратно покидает его тело: не болит больше раненая нога, погас палящий огонь в животе и груди, не ощущается привычной слабости. Не чувствуется и самого тела – будто телесная оболочка существует уже совсем отдельно от души...

Он попытался – и не смог пошевелить даже кончиком пальца. Одни лишь мысли всё ещё подчинялись, но и они не теснились, как обычно, в голове, а, уходя навсегда, текли плавно и неторопливо, выстроившись друг за другом в известном лишь им порядке. И не было среди них ни эмоций отчаянья, ни страха смерти – а одна лишь только всеобъемлющая тихая грусть.

«Мои потомки будут носить златотканые одежды, ездить на прекрасных лошадях и обнимать красивейших дев, – в который уже раз думал он, но сейчас без всякого сожаления. – Они будут есть изысканные яства на золотых блюдах, пить лучшие вина – но быстро забудут, кому обязаны всем этим...»

Уходящие мысли словно бы перелистывали страницы написанной Небом книги, приоткрывая на мгновение уходящие уже в небытие эпизоды прожитой жизни. Чтобы он мог не только вспомнить и пережить, но и оценить пройденный путь. Печалило то, что два десятилетия он сражался за власть со степными, «домашними» врагами – непримиримейшим из которых стал друг детства, анда Джамуха. Поэтому на завоевание огромной Вселенной меж четырьмя морями у него осталось совсем мало времени. Как предсказала кыргызская легенда, он объединил все кочевые племена к северу от пустыни Гоби, он создал Империю Монголов на бескрайних степных просторах, а затем, как того требовала легенда, созвал на курултай вождей и ханов объединённых племён. Предусмотрительный шаман открыл им, что это сам Вечный Тэнгри возвысил хана Тэмучина над всеми остальными – и курултай не посмел не провозгласить его кааном. Ибо никто не должен противиться воле Вечного Неба... И именно Небо на всём жизненном пути управляло им, не допуская даже малейшей свободы. Как ветер

раздувает пламя крохотного костра, превращая его в неукротимый пал, так и Вечный Тэнгри раз за разом разжигал самую воспламеняемую черту его характера – жажду мести. Именно эта жажда не давала ему остановиться, тем более, когда незримая помощь Неба неизменно ведёт от победы к победе! Племя меркитов было жестоко наказано за похищение Бортэ, а родственное племя тайчжиудов он покарал за то, что те бросили семью отчима Есугая умирать в степи. За вероятное отравление отчима, за пленение предка Амбагая, за пособничество «золотым царям Цзы» он почти поголовно истребил татар. А потом он завоевал хорезмийское царство, мстя султану Мухаммеду за вероломное убийство послов и разграбление каравана, следующего в Хорезм... Хитайское же царство Цзинь он покорил, помня просьбу Есугая-багатура отомстить за позорную казнь Амбагая. И, напоследок, тангутов наказал всего лишь за то, что их правитель Илуху-Бурхан нарушил кыштымскую присягу. Выходит, он был лишь карающей рукой Неба, и если бы племена и народы не совершили великих грехов, Вечный Тэнгри не послал бы на них свою кару в его лице?..

Правда, в отличие от многих своих нойонов, он не отдался жажде власти и корысти ни во время долгой войны с Небесной империей и с гурханами, ни когда покорились Хорезм, Хорасан, Афганистан?.. Сразу и не вспомнить все завоёванные народы от Жёлтого моря до Чёрного! Его подняли на белом войлоке славы, спуститься с которого у него, к сожалению, так и не достало воли. И не потому ли вспоминаются сейчас не пьянящие победы и богатая добыча, а именно разрушенные города и их мёртвые жители?.. Должно быть, все последние годы он подсознательно искал себе оправдание: перед матерью Оэлун, перед любимой Бортэ, даже перед мудрецом-даосом Чан-Чунем?.. Конечно, легче всего переложить ответственность за жестокость на Вечного Тэнгри, который повёл его именно такой дорогой, но, кто знает, столько людей на этом пути прокляли Чингис-хана – за что рогатый старик Ирлик ждёт не дожждётся встречи с Духом его в своём мире?..

С другой стороны, его противники намеренно клеветают, что Чингис-хан всегда жаждал смертей. Нет, далеко не всегда! Но была ли у него свобода выбора? Рассчитывал же он наказать

Илуху-Бурхана без пролития крови его подданных, но тот сам сделал кровавый выбор. Получается, что гибель тангутов была угодна вовсе не каану Тэмучину?.. А не может так быть, что Правитель Мира Вечный Тэнгри отвлёкся на мгновение – и коварный Ирлик тут же решил, что появилась возможность призвать Чингис-хана за его прегрешения в свой тёмный мир? Кто знает?..

Всё медленней текут как бы уже вовсе и не его мысли. Должно быть, рука вплотную приблизившейся смерти распахивает засовы самых глубинных тайников сознания – тех тайников, которые он боялся даже приоткрыть при жизни, чтобы не испытать боль от ошибок и ужас от непоправимого? При жизни он не желал делиться своими сомнениями ни с кем, но смерть – этот самый жестокий собеседник, всю жизнь внушающий страх неизбежности встречи и ужас бессилия перед нею – сняла ограждения, чтобы предъявить скрываемые до поры самые страшные свои доводы...

Чему удивляться, если даже честнейший монах-даос, которого величают Бессмертным, солгал, скорее всего, сказав, что они умрут в один год. Мудрец не смог дать то, чего хотел каан – и поэтому решил обезопасить свою жизнь. Выходит, даже Бессмертный боялся смерти?.. Или, может быть, всё не так: и само Небо послало монаха, чтобы сказать его устами: «Жизнь конечна даже для Потрясателя Вселенной, и невозможно никакими богатствами откупиться от смерти и совести!..»

* * *

Двенадцатый день седьмого лунного месяца Года Кабана¹. Вокруг всё так же возвышаются горы восточного Гяньсу и город Цин-шуй между ними, всё так же несёт рядом свои чистые воды река Вей, а вокруг походного шатра Потрясателя Вселенной всё так же теснятся юрты и шатры его приближённых. Так было и вчера, и неделю, и месяц назад – и все по-прежнему уверены, что его походный шатёр является центральным местом не только могольской армии, но и всей подвластной ему Империи Монголов. Все считают, что Великий Чингис-хан обдумывает сейчас планы

¹ Или года Свиньи, т.е. 25 августа 1227 года.

будущих сражений и побед, ибо они представляют его прозорливым и полным сил, а не усталым и немощным, придавленным болезнью к подушкам. Им несложно представить даже внутреннее убранство его шатра – всем, кто побывал в нём хотя бы однажды. Ведь и он тоже с легкостью рисует в мыслях скрытый за войлоком огромный мир снаружи: где яркое утреннее солнце нагревает отдохнувшую за ночь землю, над которой веет утренний ветерок, разнося по склонам окружающих гор аромат созревших плодов из раскинувшейся внизу долины. Но здесь, на высоте, в тени деревьев ещё держится прохлада, которую он так любит и в которую стремился всю свою жизнь... Преданные «красные волки» охраняют покой грозного каана, твёрдо зная своё предназначение и не подозревая при этом, что никакая охрана не способна воспрепятствовать его Духу незаметно выскользнуть через дымоходное отверстие в шатре и устремиться вверх – к Вечному Синему Небу. Устремиться навстречу полной свободе от болезней, от тяжких дум и от ставшей такою утомительною жизни...

Иногда я просыпаюсь в поту, с бешено колотящимся сердцем, и потом долго отхожу от ночного кошмара, мучительно пытаюсь вспомнить причину страха. Но в сознании всплывают лишь обрывочные эпизоды, в которых всё, как будто, начинается со стопки водки или бокала вина, заканчивается же жгучим стыдом и беспредельным ужасом. Раз за разом мне доводится переживать чужой пьяный кошмар - словно некто всесильный и всезнающий заставляет пройти через вереницу оргий и связанных с ними грехов. Быть может, это моя бессмертная душа испытывает меня? Или сама она всё ещё держит отчёт перед Богом за грехопадения предыдущего тела, за проступки которого ей до сих пор надлежит держать ответ?? Кто знает, из-за меня болит душа или, всё-таки, из-за того, другого? И не отсюда ли непонятные угрызения совести, мучительные утренние размышления, и не суждено ли с годами мукам становятся всё сильнее, поскольку меньше и меньше времени остаётся у неё для спасительного очищения?..

Глава 10. СОБАЧКА БУДЫ

Егор снова ехал к «одержимому геологу» Владимиру Сергеевичу, чтобы уточнить несколько деталей для завершения очерка. Так уж получилось, что со времени второй встречи прошло больше месяца, и всё это время ему приходилось откладывать поездку из-за срочных дел. Да он, собственно, и не очень торопился с написанием, поскольку, честно говоря, так и не смог определиться, верит он в грандиозное открытие геолога или нет. А писать просто об увлечённом человеке и о его так ничем и не подкреплённой гипотезе не хотелось. И уж совсем не подходили для сенсации собственные мысли: о расширенном мировоззрении, о всяческой мистике и о взбунтовавшемся древнем Духе, обитающем где-то между настоящим и далёким прошлым. Кто из адекватных читателей поверит в невидимого Духа, витающего над древним погребением и охраняющего его тайну?.. В общем, очерк пока что не получался!

Да что там очерк – всё складывалось так, что Егор за это время даже на рыбалку с друзьями ни разу не вырвался. Вместо этого он весь месяц старался жить по-новому: больше бывать дома и не ссориться по пустякам с Ириной... Пусть не сразу, но, в конце концов, вроде бы стало даже получаться. Так, едва пошли первые рыжики, они пару раз съездили, как когда-то, в знакомый бор. Ирина радовалась каждому грибу, глаза её загорались азартом, заразительно смеялась над подшучиванием Егора. А ещё – чего уже не случалось давно – сходили в кино на новый фильм. И всё же, по ощущениям Егора, это была пока всего лишь небольшая оттепель в их отношениях...

Погружённый в невесёлые мысли, он почти не смотрел по сторонам: по пути всё знакомо, всё привычно... Но в бору на дорожку опять выскочил здоровенный заяц – похоже, тот же самый, что и тогда, в первую поездку? Выпрыгнул прямо под колёса, заставив Егора резко затормозить – а потом суматошно заметался

по асфальту и зигзагами помчался впереди машины. Так и не перебежав на нужную ему сторону, очумевший косой высоким прыжком преодолел кювет и замелькал серым пятном среди сосновых стволов.

Егор опять вспомнил про примету – и по спине у него пробежал неприятный холодок. Несомненно, это было предчувствие какой-то неприятности! Вот только когда она случится, сегодня или через несколько дней – кто знает? Но чересчур намеренной была повторная встреча с чумовым косым, слишком маловероятным представлялось простое совпадение – то есть предельно явным был этот предупреждающий знак... Однако назад Егор поворачивать не стал, только вот настроение, и так с утра неважное, испортилось окончательно. Ну, да это не впервой!..

«Всё будет хорошо, – успокаивал он себя, – это не тревога зародилась в душе, а просто напоминает о себе усталость, ведь он плохо спал в эту ночь...».

Машина геолога стояла за воротами, так что Владимир Сергеевич, вне всякого сомнения, находился дома. Правда, хорошо знакомая «Нива-Шевроле» была в пятнах белой шпаклёвки – не иначе, как хозяин успел побывать в аварии?

– Что с машиной? – поинтересовался Егор, когда геолог вышел навстречу.

– Да тут такая история... – Владимир Сергеевич махнул рукой. – Проходите, сударь, в дом, там расскажу.

Шагая по дорожке из досок, Егор отметил, что хозяева уже всерьёз готовятся к зиме: овощи с грядок были убраны, картошка выкопана, даже стволы фруктовых деревьев подбелены извёсткой. И только удивительная ремонтантная земляника наперекор приближающимся морозам всё так же манила соцветиями и крупными красными ягодами.

– Мы ведь с Илюхой на другой день после вашего, сударь, отъезда решили бурение продолжить, – начал хозяин своё повествование прямо с порога. – Даже взяли канистру с водой, вдруг, с ней бур полегче пойдёт? Как бы не так! Больше чем за полдня едва-едва метр с небольшим пробурили. Ощущение было такое, будто

кто-то изнутри упирается в бур и не пускает, но при этом извлекали из скважины обычный суглинок. Ну, если только чуть поплотнее обычного...

– Снова вмешалась мистика? – спросил Егор.

– Ещё какая мистика, сударь мой!.. – воскликнул геолог. – В общем, умаялись мы вконец и решили домой ехать. Тут-то настоящая мистика и началась...

Заинтересованный Егор присел на стул и достал из сумки тетрадку, чтобы записывать рассказ геолога. Даже пожалел, что не прихватил с собой диктофон.

– Выехали мы на шоссе... И вдруг, ни с того ни с сего, машину как развернёт, да как отбросит в сторону с дороги! Представьте, сударь, на абсолютно ровном месте! Непонятно, что за сила была, но перевернула она нас вверх колёсами. Хорошо, ремнями были пристёгнуты, поэтому обошлось – сами не побились.

– Тот же самый Дух? – спросил Егор и замер в ожидании ответа.

– Не знаю. Только вышел я на асфальт, с которого мы на десяток метров улетели, а он настолько скользкий, что даже стоять трудно. Пощупал рукой – лёд! И это при температуре где-то под двадцать градусов тепла!

– Какое-то аномальное природное явление?

– Если даже и природное, то слишком уж избирательное, поскольку буквально через пять минут лёд испарился, и даже малейшего намёка на него не осталось! В общем-целом, подумали мы с сыном, подумали – да и решили, что это нам ещё один знак, причём более значимый, чем с ветками. А уж третьего лучше не дожидаться!

– Да-а... – задумчиво протянул Егор. – А это опасное место запомнили?

– Как не запомнить? Там ещё берёза рядом с дорогой – толстая такая, и кора на ней корявая-прекорявая... Я потом на гугловском снимке её нашёл: как раз на прямой линии от Мегреца на Полярную звезду располагается.

– А что мне не позвонили?

– Да понимаешь, Егор... – геолог замялся. – Не захотели в это подлое дело и тебя впутывать. Подумали, если всего один раз

побывал на захоронении, то, может, и обойдётся? У вас, сударь, кстати, ничего такого мистического не случилось за это время?

– Нет, пока.

– Ну и не дай Бог! А мы после аварии свои исследования решили пока временно приостановить.

– Понятное дело, – согласился с аргументами Егор. – Ну а просто поехать на место предполагаемого Каракорума можно, поди? От этого же ничего с вами не случилось?

– Посмотреть, думаю, можно... Сколько раз туда ездили – и ничего пока.

– А то ведь я специально за этим приехал, – признался Егор. – Нужны окончательные, так сказать, штрихи о ваших с сыном изысканиях...

Они снова рассматривали снимки, и Егор с удовлетворением отметил про себя, что уже вполне свободно ориентируется во всех этих «погребальных созвездиях», и даже разобрался в общей компоновке гигантского «небесного комплекса». Не то, что в предыдущие встречи, когда каждый ответ геолога порождал только уйму новых вопросов.

На одном из снимков геолог показал и следы, как он считал, северной столицы Чингис-хана – загадочного города Каракорума. Действительно, под пашней, на внушительной прямоугольной площадке просматривались более тёмные линии и пятна: как бы улицы, перекрёстки и даже фундаменты отдельных сооружений. Правда, Егор сразу же засомневался: с чего бы всё это до сих пор «проглядывало» через толстый слой многовековых речных наносов? Он предположил, что тёмные линии могут быть просто-напросто подземными грунтовыми водами, прихотливо распределившимися между песчаными дюнами и принесёнными более поздними полуводьями суглинками.

– Мы на месте Каракорума несколько скважин пробурили, – не сдавался геолог, – и в одной наткнулись на что-то твёрдое. Подумали сначала, что просто камень – но на хвостовике бура явные следы керамики. Скорее всего, даже обожжённого кирпича!

Я убеждён, сударь мой, что внизу либо кирпичная стена, либо фундамент сооружения.

Такое безапелляционное заявление Владимира Сергеевича чуть не спровоцировала у Егора усмешку, но он удержался – и сохранил-таки серьёзное выражение лица.

– А вот эта гора, у подножья которой расположилось наше село Шарып, – продолжил геолог, – называется Бос, а ведь «пос», в переводе с хакасского, означает «родовая».

– Даже если она первоначально и называлась Пос, то это ни о чём не говорит, – не удержался на этот раз от скептицизма Егор. – Ну, родовая и родовая. Сами рода, как правило, были довольно малочисленными в сравнении, например, с племенем. Вполне возможно, что это место было чьим-то постоянным стойбищем: как-никак и ручей рядом, да и гора от ветра закрывает?..

– Ну, от ветра эта гора вовсе не защищает, поскольку здесь преобладают северные ветры! – возразил геолог. – А все местные названия сначала писались на уйгурском языке, потом обозначались уже китайскими иероглифами, а когда, в конце концов, переводили на европейские языки, то Пос запросто могло превратиться в Бос...

– С этим я согласен, – признал правоту геолога Егор, – это запросто. Так песня «Ах вы сени, мои сени» превратились в «Вестибюль мой, вестибюль, с новой решёткой из резного клёна»...

– Переводы, как женщины, – геолог рассмеялся, – красивые не верны, верные некрасивы.

– И всё-таки, как я понимаю, если бы эта гора имела хоть малейшее отношение к Чингис-хану, то её бы как-то покруче назвали!

– Не скажите, сударь мой! Это ведь не во времена социализма, древние именами вождей города ещё не называли!

– Ну, не загадочная же это гора Бурхан-Халдун?

– А почему бы и нет?! – радостно воскликнул геолог. – Вон она как круто над равниной вздымается! В «Сокровенном сказании» написано же, что на вершину Чингис-хан не на лошади заезжал, а собственными ногами поднимался? А потом, согласно тому же сказанию, отдыхал в тени большого дерева. Согласись, сударь мой, что под сосной или лиственницей не так уж и комфортно? А здесь толстенные березы по всей горе растут.

– Ну, тогда та же Умай-гора ещё больше для этой роли подходит.

– А не скажите! Умай всегда почиталась священной горой именно у хакасов, да и погребального комплекса под ней, как я убедился, нет!

– Но, всё равно, выглядит это как-то... Слишком уж «притянутым за уши»!

– Тогда, согласно вашей логике, сударь мой, вот эта вершина, что восточнее нас, – геолог ткнул пальцем в снимок, – действительно, убедительнее выглядит: и повыше, и панорама оттуда открывается на десятки километров, и древний карьер камня как раз под ней.

– Ну, вот, это уже масштабнее.

– Более того, в рукописи говорится: «Однажды Чингис-хан остановился на холме, называемом Алтай, и, бросив взгляд на стороны и окрестности, и видя орды и служителей, сказал: стрелки и воины мои чернеют подобно многочисленным лесам; жены, невестки и девушки алеют подобно красноцветному пламени». Однако есть одно «но»... – геолог пристально посмотрел на Егора и как-то очень тихо, словно бы осторожно, спросил: – Вы, сударь, в сны верите?

– Верю. Даже очень...

«Как не верить, – подумал Егор, – если последние месяцы он параллельно живёт в своих странных снах. Знал бы только Владимир Сергеевич, какие невероятные события в них происходят, какие удивительные люди возникают в той другой, ночной жизни! И самое непонятное, что приснившееся вдруг находит подтверждение здесь, в малоизвестной деревеньке Шарып, а детали снов порой в точности совпадают с самой, казалось бы, наибредовой гипотезой...»

– А вот я теперь абсолютно уверен, что бывают вещие сны... – геолог ещё раз внимательно посмотрел Егору в глаза, словно раздумывая, открывать или нет ему свою очередную тайну. – Когда-то я увидел целых четыре сна об этом месте. В первом сне вижу вдали удивительную гору полулунной формы, а ближе подхожу – она голая и гладкая, и как бы даже неприступная. В следующем сне опять возникает та же гора, я её сразу узнал. Подхожу – и довольно легко взбираюсь, а под ногами густая зелень и несметное количество цветов. В третьем я уже оказываюсь на вершине – а она словно разрублена глубоким ущельем повдоль. Хожу я по этому ущелью вдоль

каменистых стенок и ищу, якобы, некие богатства. И последний сон: я на самой-самой вершине, и вижу на склоне за ложбиной какой-то сосновый лесок. Обрадовано устремляюсь к нему, надеясь там обнаружить то самое, невероятное... Вот на этом самом интересном месте сон обрывается – и всё! Это я ещё в своей молодости увидел, но до сих пор помню каждый сон с мельчайшими подробностями.

– Ну, если сон с продолжением, то он, и в самом деле, вещий, – согласился Егор.

– Вот и я о том же! Прошли годы, а я всё не понимал, что к чему? Пока не приехал сюда, в Шарып! Вот эта самая гора Бос полулунной формы, возвышающаяся над селом, смутно мне что-то напомнила. А когда в следующий приезд поднялся наверх, то даже глазам своим не поверил – точь в точь, как в моих снах: вершина горы как бы разрублена пополам! Сразу же и понимание снов пришло, как и то, что я здесь непременно должен что-то особенное найти...

– А может, это генная память? – предположил Егор. – Просто вы когда-то жили под этой горой, возможно даже в своей предыдущей жизни? Отсюда и впечатления, связанные со временами года...

– Времена года тут вряд ли причём! От соседа Ивана узнал, что в годы войны лес на горе подчистую вырубил – зимы тогда шибко суровые были... То есть полностью подтверждается мой первый сон о гладкой горе! А поскольку я, Владимир Быков, в то время ещё даже не родился, то сказать трудно: память это генная или же, наоборот, предвидение будущего?.. Может, потому и неприступной во сне гора показалась, что я ещё не родился?..

– Надо будет как-нибудь подняться.

– А давайте-ка, сударь мой, сначала на Бос пешком поднимемся, – предложил геолог, – а потом уже на дальнюю гору на машине заедем! – С Бос хорошо видны и Борус, и Умай, и все окрестности с погребальным комплексом. Кстати, хребет, который оканчивается нашей горой, выдаётся далеко в степь и представляется мне, судя по описанию, ещё и тем самым мысом Муна из сказания «Алтан Тобчи», под которым забуксовала погребальная повозка Чингис-хана.

– Ну, мне для начала нужно это поэтическое сказание прочитать, – Егор усмехнулся, – чтобы судить о чём-то таком...

– А вот взгляните, сударь мой, на ещё одно интересное образование, которое я назвал «колесо судьбы», – геолог ткнул пальцем в снимок. – Вот здесь тёмный круг диаметром где-то в четверть километра. Но внутри его как бы спицы проглядывают, а в центре, на месте оси, когда-то, похоже, курган возвышался? Не напоминает ритуальное сооружение?

– Мне встречалась информация, – припомнил Егор, – что крест, заключённый в круг, был у древних символом космоса. Среди наскальных рисунков, кстати, довольно часто встречается.

– Я думаю, что в данном случае это одно и то же может означать: пусть хоть колесо, хоть крест в круге? Определённо, нечто культовое, и расположено, заметьте, как раз на линии между Каракорумом и Полярной Звездой.

– А вообще-то, – вдруг вспомнил Егор, – напоминает буддистское «Колесо Сансары» – то есть Колесо бытия. Я такое на дацане в Туве видел. Насколько помню, круг с восемью спицами означает восемь ступеней, которые должен постигнуть человек на пути к полному просветлению...

– Ну, вот, – воскликнул геолог, – такой комплекс запросто может содержать и символ буддизма, поскольку притибетские тангуты входили в состав Империи Чингизидов!

– Да к вашей гипотезе всё что угодно можно привязать. Может, это и не Колесо бытия вовсе?

– Кстати, я долго раздумывал над ржавым пятном, – примирительно заговорил геолог, – что по склону ниже Полярной. Настаиваю, что там всё-таки находится огромный железный гвоздь. Хотя вы, сударь мой, с этим категорически не согласны! Сие полностью соответствует представлениям древних тюрков о гигантском гвозде, вокруг которого вращается купол неба...

«Ну, насчёт железного гвоздя, это всё же явный перебор!» – подумал Егор, но спорить не стал.

От дома Владимира Сергеевича они вышли узким проулком к самому подножью горы Бос. Подъём начинался крутовато, но извилистая, огибающая берёзы и хорошо заметная тропа вскоре вывела прямо на голую вершину. Собственно, гора оказалась вовсе

не такой высокой, как показалось снизу, да и видимость с вершины ограничивали густые кроны берёз. От старого, многократно используемого кострища видны были лишь крыши нескольких домов да часть заросшей густым ивняком речки Шарыпчик за ними. Зато дальше сжатые поля чередовались с лесополосами – и в конце, у горизонта, переходили в густой сосновый бор, за которым прятался почти невидимый отсюда Енисей. В противоположном же направлении пейзаж был и того беднее: узкая безлесная ложбинка, за которой возвышалась как бы отсечённая часть горы, тоже сплошь поросшая березняком. Только на запад, словно приглашая их к дальнейшему путешествию, вёл узкий и безлесный хребтик.

– А теперь нужно просто расслабиться и почувствовать энергетику горы, – предложил геолог. – Закройте, сударь, глаза...

Егор зажмурился и попробовал мысленно нарисовать окружающий пейзаж, и себя в нём. Но гулкие толчки крови в висках и запалённое подъёмом дыхание никак не давали сосредоточиться. Вместо этого почудилось, что уши улавливают некий посторонний шум, отдалённо напоминающий то ли множество голосов, то ли завывание ветра. Вот только наяву не ощущалось ни дуновения ветерка, ни шелеста осыпающихся берёзовых листьев. И, вместо сосредоточенности, пришли мысли про алюминиевые «рамки», которые он прихватил с собой. А что, интересно будет опробовать их здесь, на этой удивительной вершине!..

Но постепенно удары сердца замедлились, дыхание стало ровным. Егор ещё раз мысленно представил окрестности: сплошные горы на западе, вязь рукавов реки на севере, бесконечные жёлтые горы за спиной... И, вдруг, перед мысленным взором возник шаман с большим, разрисованным чёрными и красными символами бубном, молчаливо взирающий на мир, распростёршийся под ногами. Он, как и Егор сейчас, созерцал всё внутренним зрением, своим «третьим глазом» – потому что и горы, и долину у подножья Пос, и Йенесай скрывала ночная мгла. Рядом, устремляя ввысь вихри золотых искр, пылал большой костёр – и подхватываемые порывами ветра искры, взмывая, смешивались со звёздными россыпями на небе. Гулкий голос большого бубна, разносимый ветром по замершему тёмному пространству, перекликался с биением

сердца старого шамана, ритмично гудел и взывал. Он должен быть услышан всеми на здешних просторах, как живыми, так и мёртвыми, долететь до самого горизонта! Нет, шаман ничего не просил ни у Вечного Тэнгри, ни у других богов, ни даже у Духов погребённых в курганах предков – он оповещал, что сюда пришёл Дух более сильный, более великий, чем все те, кто появлялись до него. Это перерождение Юч-Курбустана, и в жилах его при жизни текла кровь триединого бога и Великой Матери Умай...

– Чувствуешь энергетику этого места? – шёпотом прервал его видение геолог.

– Да-а... – только и нашёлся что ответить Егор.

– Я здесь, на горе, как сейчас молодёжь говорит, балдею! И каждый раз те сны вспоминаю.

Егор окончательно стряхнул наваждение и открыл глаза. Честно говоря, он был рад, что вернулся в знакомый мир, к знакомым ощущениям, и рад был видеть стоявшего рядом геолога. Тут же, казалось бы, без всякой связи, пришла мысль о недавней автомобильной аварии и её причине: «Связь двух миров здесь, вокруг Шарыпа, горы Бос и древних курганов всё-таки существует!..»

– Это всё, конечно, взаимосвязано, и гора, и энергетика, – согласился он, – вот только зачем некой силе сначала посылать вещие сны, а потом пытаться вас убить?

– Ну, может, и не убить вовсе, а лишь предупредить? – предположил геолог.

Егор вынужден был согласиться: захотели бы эти силы убить геолога с сыном – ничто бы их уже не спасло. Он сопоставлял все противоречивые моменты из своих снов – и, вдруг, в голову пришла новая неожиданная мысль: «А, может, это совсем разные силы: одна указывает путь к открытию, а другая всячески тому препятствует?»

Он спросил мнение геолога об этом, и тот ответил, криво усмехнувшись:

– Только мне совсем уж непонятно, какая из них светлая, а какая наоборот?..

«Вот когда бы мне пригодился «третий глаз», – подумал Егор с запоздалым сожалением. – Не потому ли монах в дацане

предлагал его открыть, что увидел на моём лице незримую печать будущего? Или прошлого?..»

Вспомнив про «рамки», Егор взял их в руки и стал обследовать вершину, двигаясь вокруг внимательно наблюдающего за его действиями геолога. Вопреки ожиданиям, ничего не происходило: проволоки располагались параллельно и словно бы застыли в этом положении. Выходит, это самая обыкновенная гора, каких много вокруг? И только когда Егор перешагнул кострище – изогнутые проволочки резко раздвинулись, образовав совершенно прямую линию. Он повторил попытку – и опять рамки резко разошлись. Да, именно здесь находится некая точка силы, на которой совсем не случайно и, скорее всего, изначально и на протяжении многих веков разводился ритуальный костёр! Даже местная молодёжь, периодически поднимавшаяся сюда, непроизвольно сохранила древнюю шаманскую традицию...

«Это что же, – задал непонятно кому вопрос Егор, – шаман постоянно и незримо присутствует здесь все прошедшие века? Но ведь такого просто не может быть!..»

Он снова зажмурил глаза – и тут же перед его мысленным взором возник шаман. Только на этот раз был как бы день, и шаман больше не бил в свой бубен. Нет, он поманил рукой Егора, а, может, ещё кого-то – и сразу, не оглядываясь, медленно двинулся вниз по узкому хребту...

Егор открыл глаза и, ни слова не говоря, двинулся в том же направлении. Озадаченный геолог пошёл следом. А Егор теперь совсем не смотрел по сторонам: только на рамки, только под ноги. Проволочки снова резко разошлись метров через сто...

Он тут же замер и, в который раз, зажмурил глаза – и уже несколько не удивился присутствию шамана. Тот стоял на небольшой каменистой площадке, посреди которой вертикально возвышался то ли менгир из красноватого камня, то ли грубо высеченный балбал. У подножия камня лежал выбеленный солнцем бараний череп с рогами, рядом стояли глиняная чашка, наполненная молоком, и небольшая кожаная фляга. А под ногами Егора угадывалось точно такое же кострище, как на самой вершине горы... Шаман же,

абсолютно не обращая внимания на посторонних, пристально смотрел вдаль – на запад. Он как будто ожидал чего-то...

Егор потряс головой, прогоняя видение, и огляделся. Площадка на уже довольно круто ведущем вниз гребне была небольшой и словно бы специально выровненной. Он поискал глазами яму от мысленно увиденного балбала, но не обнаружил никаких следов. Зато рамки указывали на мощнейшую положительную энергию по всей площадке, за границами которой они тут же возвращались в нейтральное положение...

– Что кружишь, нашёл что-то? – спросил геолог.

– Да похоже, что на этом самом месте когда-то камень-менгир стоял?..

– Запросто! Тут и археологи древние артефакты для музея забирали, да и местная молодёжь могла похулиганить – сбросить.

– Нет, тогда бы ямка осталась. Его, скорее всего, давным-давно убрали...

– Если был.

– Был, – убеждённо сказал Егор.

Отсюда, с голого и ещё достаточно высокого хребта горы Бос открывалась даль на три стороны горизонта, особенно далеко на гористый запад и на равнинный север, где в голубоватой дымке горизонта тоже угадывалась цепь далёких гор. А за ними должна простираться ещё более бескрайняя, чем степь, вечнозелёная сибирская тайга. Как и много веков тому назад, могучий Енисей, Йенесай, Ана-сай¹, отсюда едва видимый, за эти века сильно обмелевший и разбившийся на множество протоков, рассекает здешний противоречивый пейзаж на две совсем непохожие части: на ещё совсем недавно изумрудно-зелёный, изрезанный логами и ручьями склон правого берега – и на вылизанную ветрами, выжженную палящим солнцем равнину Койбальской степи на противоположном берегу. Именно здесь Вечное Синее Небо словно бы зеркально отразило окрестности голубого Онона, где с севера подступает таёжная зелень Алтайских гор, а с юга простираются бескрайние степи, за которыми прячутся горячие пески знойной пустыни Гоби...

¹ Переводится как Мать царей.

И он сейчас словно бы не был больше журналистом Егором Балагуровым, а ощущал восторг и благоговение хана ханов, который созерцает с горы Бурхан-Халдун два разных мира: таких непохожих, но одинаково подвластных и Вечному Тэнгри, и ему, Чингис-хану Тэмучину...

«Вне всякого сомнения, – подумал Егор, – именно в такой миг каан захотел, чтобы его бессмертный Дух смог созерцать одновременно и простор родной степи, и зелень невероятной тайги, и синеву струящейся реки, вечно отражающей белизну причудливых облаков бескрайнего Неба...»

Восторг от того, что он видит всё это, переполнил Егора, и непрошенные слёзы навернулись на ресницах, а в горле образовался колючий ком. Как когда-то Владимир Сергеевич при первом посещении Шарыпа узнавал гору Бос, так и он сейчас узнавал здешние места. Как и геолог, он, несомненно, видел эти просторы в своих снах или даже в мечтах того, второго о прародине! И сейчас где-то в глубине памяти, в постепенно дорисовывающемся забытый пейзаж подсознании всё чётче проявлялись детали, а увиденное во сне и явь как бы совмещались... На северо-западе, в нескольких километрах отсюда, как утверждает Владимир Сергеевич, находился на обширной равнине город Каракорум. Не из него ли когда-то, как и отсюда сейчас, видел он священную гору Умай? Вон она выделяется своей островерхой вершиной на ближнем берегу Енисея! За могучей рекой, подпирая её левый берег, сверкает большую часть года белоснежными вершинами Борус – пятиглавый великан Пургус. А между Умай и Пургусом лежала когда-то зимняя дорога в Орду...

Следом Егор увидел окружающий пейзаж уже глазами кого-то, кто стоял на этом самом месте восемь веков тому назад – возможно, глазами призрачного шамана: исчезли жёлтые заплаты полей, а на их месте засияли голубые озерца, окружённые берёзовыми рощами, гору Пос окружили по подножью вековые деревья. А ещё внизу, совсем рядом – там, где склон горы плавно переходит в равнину – сгрудилось вдоль речки множество войлочных юрт и шёлковых шатров, потянулись к небу сизые струйки дыма и, словно муравьи, засуетились люди. И несколько вооружённых всадников с гиканьем

скакали по равнине от Каракорума в сторону горы Пос – к шатрам ставки Сар-ып...

Егор моргнул – и видение тут же исчезло, словно растаявший в воздухе мираж. И в сознании разом устранились все противоречия, а бесчисленные догадки и предположения выстроились в строгом порядке, образовав неразрывную цепочку. То есть всё из теории «одержимого геолога» встало на свои места! Даже больше того, он знал точно, что это вовсе не Каракорум, а город строителей, возводивших погребальный комплекс – последнее пристанище великого каана. В конце зимы людей привезли сюда караванами по речному льду, а весной освободившаяся от оков река оградила с севера временное городище от кыргызов, цепи гор встали неприступной стеной с юга и запада, восток же, начиная от крепости Капка-тур, перекрыли надёжные заставы... Именно так всё и было! Город жил своей замкнутой жизнью, потому что и строительный лес, и отделочный камень, и даже пропитание добывались в изобилии здесь же, по-соседству...

«По прошествии веков, – размышлял Егор просветлённо, – ушли в иной мир, каким они его представляли, могущественные кааны, заблудилась в противоречивой истории память о строителях, а постройки городища скрыла от археологов природа – остался лишь трудноразличимый след, отпечатавшийся во времени и совершенно непонятным образом на космических снимках. Когда же исчезнет и этот след, то уже навсегда забудется история далёких событий – и растворится, словно мираж, память о создателях величайшего погребального комплекса, и об оказавшихся в этих местах не по своей воле несчастных рабах-строителях... Как когда-нибудь может раствориться в тысячелетиях и память об их забывчивых, не желающих учиться на ошибках предков потомках, то есть о нас! А переживут всех лишь многочисленные курганы, неподвластные, как это ни удивительно, ни времени, ни людям... И кто знает, не сам ли Дух Потрясателя Вселенной, направляемый Вечным Тэнгри, охраняет секреты могил Чингизидов и даже это давно никому не нужное городище от раскопок? Охраняет потому, что он связан с ними рассказанной матерью Оэлуң легендой да ещё собственной бессмертной памятью... И здешний мир всё так же прекрасен лишь

потому, что Духи погребённых героев и само Вечное Синее Небо много веков, даже тысячелетий, охраняют это благословенное место от разрушительных сил зла...»

Перед тем, как спуститься вниз, Егор снова зажмурил глаза. Что он хотел увидеть: стоящего рядом шамана или хотя бы исчезнувший менгир, возле которого лежали атрибуты камлания?.. Как ни удивительно, но шаман снова возник перед внутренним взором, только стал он почти прозрачным – будто плоть его растворилась в воздухе, и только Дух продолжал сохранять внешнюю форму. Вернее, он не растворялся в воздухе – он как бы просачивался в землю, пока не исчез совсем...

«Может, здесь находится могила этого шамана? – подумал Егор, и мысль прозвучала не как предположение, а как некое откровение. – Вот именно, на таком месте, с которого хорошо видно всю округу. А, может, шаман и есть тот Дух, охраняющий это священное место? Ведь кто знает, что происходит в здешних местах силы, вдруг, в них веками соседствуют настоящее и прошлое – то есть одновременно сосуществуют и давняя сущность шамана и сегодняшняя суть Егора, и даже, возможно, далёкое будущее их потомков...»

Когда Егор возвращался домой, то, вырвав по шоссе, почувствовал вдруг, что в кармане куртки, под привязным ремнём что-то мешается и упирается в грудь. Он сунул руку в карман и достал... Собачку Будды. Как же он забыл про то, что когда-то оставил её в этой куртке! И, может быть, вовсе не случайно именно сегодня надел давно висевшую в шкафу одежду?

Как когда-то в Туве, он зажал фигурку из агальматолита в кулаке, хотя это несколько мешало рулить. Прислушался к своим ощущениям, и даже удивился, что ничего из ожидаемого не происходило – он не почувствовал ни тепла, ни холода камня... Неужели он утратил ту мистическую связь, которую впервые ощутил на ступеньках дацана в Туве? Неужели подарок монаха больше не служит ему оберегом?.. Егор даже испугался – но тут же, вместе с испугом, ощутил в зажатом кулаке слабую пульсацию: ладонь наполнялась теплом, которое тут же перешло на всю кисть и стало подниматься вверх по руке. Слава Богу, оберег всё так же действовал, а, значит, его и сейчас сопровождает Ангел-хранитель!

Тут же в голову пришла до этого прятая в подсознании, вернее, старательно гонимая мысль: «А ведь где-то здесь, на линии, соединяющей Мегрец и Полярную звезду, перевернулись на своём внедорожнике Владимир Сергеевич с Ильёй?»

И в тот же миг раздался громкий хлопок, машину подбросило вверх – и она, не слушаясь руля, полетела куда-то в сторону от шоссе. Вот уже перед глазами не асфальт, а безоблачно-голубое небо, которое сменило густое сплетение зелёных веток, а потом перед самым капотом машины возник бело-чёрный, корявый ствол берёзы... Потом последовал ошеломляющий удар головой о стекло, отозвавшийся сильнейшей болью в затылке... И наступила темнота. А ещё накатила заполняющая тело, обволакивающая сознание, выворачивающая наизнанку внутренности тошнота...

Однако мутное, уплывающее сознание Егора фиксировало не только тошноту и боль, но ещё и пульсирующее тепло зажатой в кулаке фигурки. Его оберег, его бесстрашная Собачка Будды боролась со злыми силами, не позволяя им забрать из растерзанного, безвольного тела живую душу...

Утверждают, что на границе жизни и смерти человек вспоминает всю прошедшую жизнь. Егор на этой границе оказывался несколько раз, и, может быть, небесный покровитель всегда предвидел благополучный исход, поскольку он в такие моменты испытывал лишь леденящий зов будущего небытия, на мгновение как бы прикоснувшегося – и проскользнувшего мимо. Словно раз за разом звучало предупреждение, что он, несмотря на защиту Ангела-хранителя, всё же не бессмертен. В последний раз такое прикосновение к небытию произошло совсем недавно: в поликлинике, когда рентгенолог «диагностировал» рак лёгкого... Сейчас, как и несколько раз до этого, он явственно ощутил холодное дыхание вплотную приблизившейся смерти. И, вдобавок ко всему, пришло осознание того, что он в данный момент абсолютно безволен, а потому бессилён хоть что-либо изменить. И только Собачка Будды является сейчас его последним и, возможно, единственным защитником...

Сознание к Егору вернулось из-за громкого, противно вибрирующего сигнала «скорой». Его вытащили из машины, уложили на носилки и понесли... Потом куда-то долго-долго везли. Боли

Егор уже совсем не ощущал, как, впрочем, и своего тела, только тепло из всё ещё сжатого кулака живительной стружкой поднималось вверх по руке – и проникло прямо в уставшее сердце, заставляя его то истерично стучать в бешеном темпе, то, словно опомнившись, биться медленней и уверенней. Именно с этими размеренными толчками, с порциями горячей крови медленно возвращалась память небольшими и словно бы тоже отмеренными порциями. Но возвращалась, почему-то, в обратном порядке: сначала толстый ствол берёзы, потом густые зелёные ветви и пронзительно голубое небо, уже потом километровый столб с цифрами и уводящее вдаль серое асфальтовое шоссе.... А в зажатом кулаке всё это время ощущалось нечто очень теплое, словно бы живое. И если бы сейчас раздался слабый собачий лай, Егор нисколько бы этому не удивился...

Окончательно в сознание он пришёл уже в больнице, да и то лишь на другое утро. Когда открыл глаза и непонимающим взглядом обвёл сначала белый потолок, потом какие-то непонятные приборы вдоль стены, то поначалу даже не понял, где он находится. С трудом повернул тяжёлую голову на подушке – и, посмотрев на противоположную голую стену, с огромной радостью обнаружил, что рядом сидит Ирина. Только вот почему с таким осунувшимся лицом и заплаканными глазами, почему в белом медицинском халате? Так он что, в больнице?!

– Ты давно... тут сидишь? – спросил Егор, и сам удивился тому, что слова даются довольно легко.

– Как только с утра разрешили, – Ирина встрепенулась, и глаза её засияли радостью. – Но только предупредили, чтобы недолго, и чтобы тебя не будила...

– Что, выходит, я совсем плох?

– Раз заговорил, значит всё не смертельно. Врач сказал, что переломов вроде как нет, только сильный ушиб головы.

– Ну, голова всегда была моим самым слабым местом...

– Раз ещё и шутишь, значит, мозги в полном порядке...

В палату зашла медсестра со шприцом.

– Ага, очнулся, – сказала она тоже обрадовано. – Значит, можно палату реанимации освободить! А вам, посетительница пора уходить – сейчас сюда доктор придёт.

– Ну, ладно, я пойду, – Ирина поднялась и поцеловала Егора в щёку. – Завтра обязательно приду.

– Хорошо, не в лоб, – Егор улыбнулся. – А то был бы, как говорится, контрольный поцелуй!

– Ну, раз хохмить начал, значит, скоро выпишем, – живо отреагировала на шутку медсестра.

– Друзья за твоей машиной уехали, – вспомнила Ирина уже в дверях. – Вечером заявятся, всё расскажут...

Пришедший врач попросил проследить за его пальцем, которым долго водил перед самым носом Егора, потом приказал пошевелить руками и ногами. Когда же он лишь чуть-чуть надавил ладонью на голову, Егор скривился от боли и едва не вскрикнул.

– Ну что вам сказать, молодой человек? Вы молодцом, но вставать пока не советую, поскольку у вас черепно-мозговая травма. Понадобится – сестра утку принесёт...

– А эта травма... Это шибко серьёзно?

– Да как вам сказать? Может, обойдётся без всяческих последствий, а, может, и инвалидностью дело закончиться. Не стану обманывать, всяко бывает. Но вам, похоже, второе не грозит!

– В общем, как в анекдоте, – Егор усмехнулся. – Доктор, я буду жить? – А смысл?

– Стоит, очень даже стоит! Но, молодой человек, настоятельно советую вам заняться специальной гимнастикой: у вас пока ещё незначительное искривление позвоночника, но есть предрасположенность к серьёзному сколиозу. Если, конечно, вовремя не займётесь профилактикой...

«Вот они, гены Чингис-хана, – подумал Егор. – Не удивлюсь, если с возрастом буду плохо слышать на одно ухо, как он в старости...»

На другой день, уже в общей палате, Егора сначала ненадолго навестили друзья и целая делегация из редакции, а потом появилась и жена. Ирина уже не выглядела такой осунувшейся, наоборот, улыбалась к месту и не к месту, кормила его фруктами и несколько раз

повторила, что скучает. А уже перед уходом спохватилась и расстегнула свою сумочку.

– Чуть не забыла, это друзья твои вчера вечером передали, – она положила на прикроватную тумбочку какой-то непонятный, сильно ржавый предмет. – Говорят, что эта штука и разорвала переднее колесо твоей машины. Она в покрышке застряла...

Егор глазам своим не поверил: это был так называемый «чеснок». Изъеденный ржавчиной, но, несмотря на это, сохранивший твёрдость металла и остроту шипов. Такое коварное оружие ковали в древности, чтобы горстями рассыпать позади себя, когда уходили от конной погони. И независимо от того, как «чеснок» падал на землю, один из длинных шипов непременно торчал вверх – и протыкал даже твёрдое конское копыто. От нестерпимой боли лошадь падала, калеча или убивая своего всадника, да и сама зачастую становилась калеккой... Вот только откуда этот посланник из далёкого прошлого возник на асфальте современного шоссе, кто спасался от мчавшегося на автомобиле преследователя, то есть от него, Егора?..

– А машина, говорят, вполне даже восстановлению подлежит, – добавила Ирина, неправильно поняв его реакцию. – Пока что в гараж закатали...

После ухода жены Егор стал восстанавливать в памяти не только моменты, предшествующие аварии, но и все события эпопеи с «одержимым геологом», начиная с самого первого телефонного звонка. Почему он, несмотря на определённые колебания, всё-таки поехал в Шарып? Даже когда опять повстречался злополучный заяц – то есть уже во второй раз было сделано предупреждение... А, с другой стороны, сколько их уже было в его жизни, таких предупреждений!

Это трудно объяснить, но иногда некто, словно бы находящийся внутри, действовал против его воли – и не могли ему противостоять ни предчувствия, ни логика. Так, пару лет тому назад Егору понадобилось срочно лететь в Москву. Он купил билет на самолёт – но два дня внутренний голос ему твердил, что нужно отказаться от полёта, потому что самолёт непременно потерпит крушение. В аэропорту, во время посадки это чувство опасности только усилилось – но тот, находящийся внутри, не позволил ему развернуться и сдать

билет. При взлёте снова метрономом застучал в виске нарастающий страх: «Вот сейчас, вот сейчас...». Однако ничего необычного не происходило, а несколько часов полёта даже успокоили Егора... Но, после объявления стюардессой предстоящей посадки нервы снова напряглись до предела – и мозг опять замер в предчувствии трагической неизбежности. А потом отказал один из двигателей, в салоне возникла паника – Егор же, наоборот, расслабился и даже как бы успокоился. «Всё правильно, всё мне было предсказано, – думал он отрешённо. – Вот сейчас самолёт клюнет носом, сорвётся вниз и через несколько коротких минут рухнет на землю, как и предупреждал его Ангел-хранитель. Значит, это просто-напросто его судьба! И всего лишь через несколько минут Егора Балагурова в этом мире не станет, и ничто уже его не будет волновать. Так зачем паниковать?..» Но, опять же, жизнь и тогда не промелькнула перед его мысленным взором, и совсем не было ощущения ужаса – он лишь спокойно, как мантру, повторял: «Это судьба, её не обманешь! Даже заранее предвидя конец. Это такая судьба...». Однако самолёт всё-таки благополучно приземлился, хотя и довольно жёстко. А в голову Егору тогда пришла невероятная мысль, что, возможно, если бы он отказался от полёта, то эти пассажиры всё-таки разбились бы. Но, поскольку он, Егор, ещё не завершил предначертанное Богом, то всё и закончилось благополучно – у его Ангела-хранителя хватило на это сил и возможностей!

Мысли, как это часто случалось в последнее время, вскоре переключились на Ирину. Но на этот раз он думал о жене без злости, не пытаясь отыскать в её словах и поступках скрытый смысл – ибо невозможно вызвать искусственные слёзы на глазах, а тем более, когда муж лежит в бессознательном состоянии и не может их видеть! Нельзя искусственно зажечь и огонь радости в глазах, когда увидела, что он очнулся! Да, они разучились общаться как любящие люди, в чём-то они перестали понимать друг друга – но ведь можно всё начать сначала. Отбросить недомолвки и беспочвенные придирки, и поверить, наконец, что они созданы именно друг для друга. Ведь он попытался недавно найти «единственную» среди других женщин, но вернулся в своих поисках назад к Ирине! И не потому, что не отыскал лучше её, а потому, что без неё стало

не хватать чего-то главного: стало не хватать любви со слезами на глазах, любви с сияющим в глубине их ярким огнём... Как у Владимира Сергеевича с его Альбиной.

Егор, разбирая всё по полочкам, понимал, что, скорее всего, виноват был именно он, ибо всегда рьяно противился посягательствам на свою независимость. Он с детства не искал для себя кумиров среди популярных личностей, не признавал авторитетов в своём окружении, поэтому даже близкие друзья считали его ярко выраженным оппозиционером: по отношению к начальству, по отношению к местным властям, даже к правительству и государственному строю. Но за это же его ценили в газете, ведь именно «оппозиционные» материалы Егора привлекали многих читателей, вызывали горячий отклик... Нет, он никогда не призывал к новой революции – он всего лишь старался пробудить в людях самолюбие, чувство собственного достоинства, непримиримость к обывательщине... Он просто обо всём имел собственное мнение, что даже в среде газетной братии было присуще немногим! Потому, наверное, и пошёл когда-то не в медицину, как настаивали мать с отцом, а в журналистику, потому что всегда мечтал докопаться до самой сути. Даже, как оказалось, и в семейной жизни...

Здесь, на больничной койке, ничто не отвлекало от мыслей, и он дописал, наконец, материал об «одержимом геологе». В этот большой, несколько необычный очерк вошло всё: и версия о погребальном комплексе Чингизидов, и сопровождавшая изыскания мистика, и даже кое-что из удивительных снов Егора. Он не сомневался, что некоторые читатели просто-напросто покрутят пальцем возле виска, но, наверняка, найдутся и такие, кого материал потрясёт. Найдутся и потенциальные исследователи, готовые чем-то помочь Владимиру Сергеевичу. Конечно, призрачный мираж открытия может повести за собой далеко не каждого, а открытия невероятного, в которое просто трудно поверить, способен воодушевить лишь единицы – но противоречивые и неординарные исследования «одержимого геолога» должны, в конце концов, заинтересовать кого-то из историков, археологов. И увлечь, как сумели увлечь его, журналиста. А значит, невероятная гипотеза сможет получить дальнейшее развитие и приблизить к разгадке одной из величайших тайн

истории! Тайны, которая стала для Егора, как теперь видится, частью жизни ещё до встречи в Шарыпе...

А ещё, после того, как палата, а затем и весь больничный комплекс сонно затихали, в голове Егора рождались рифмованные строки, иногда долго не давая заснуть. Они словно бы дожидались тишины и одиночества, а ещё покоя, позволяющего проникать сознанием в иной мир по совсем тоненькой, но, несмотря на это, неразрывной нити. По которой, похоже, приходили к нему и невероятные «чужие» сны...

«Видимо, больницы или лекарства располагают, – предположил Егор. – И первое стихотворение родилось тогда в больнице, и вот опять...»

Он вытащил из тумбочки тетрадку и, практически без правок, записал непонятно в связи с чем родившееся стихотворение. Словно бы некто незримый диктовал свои мысли: мудрые, как слова Елюй Чуцая, и красивые, как стихи Чан-Чуня...

Говорю: «Всё прошло, не нужно...»
А ты слушаешь, как во хмелю.
Так зачем через дверь натужно
эхо лёгких шагов ловлю?..
Когда ночь устранил помеху -
успокоит звучащий дом,
я найду заплутавшее эхо
в коридоре больничном пустом...

Со своим оптимистическим прогнозом лечащий врач оказался абсолютно прав – Егора выписали из больницы уже через неделю. Когда забирал из больничной тумбочки туалетные принадлежности, то так и не нашёл злополучный «чеснок». Собачка Будды оказалась на месте, а ржавая, невзрачная «железячка» кому-то понадобилась?! Соседи по палате на вопрос, кто взял, только недоумённо пожимали плечами, и медсестра тоже оказалась не в курсе.

«Опять мистика, везде мистика, – подумал Егор. – Оставят ли духи предков его когда-нибудь в покое? Если бы знать, чего от него хотят, то он, вне всякого сомнения, давно сделал бы это! Неужто

теперь всю жизнь придётся прислушиваться к периодически приходящим снам, к звучащим внутри голосам, оглядываться на приметы и предупреждающие знаки?»

Он, честно говоря, уже устал от всего этого: от своей раздвоенной жизни, от тайн, а ещё больше – от ожидания. Что ещё может произойти с ним завтра, сегодня или даже всего лишь через минуту? Получается, что он совсем не властен в выборе, в поступках – но некие силы словно играют им, то и дело самовольно изменяя дальнейшую судьбу. Словно добрые и злые силы постоянно борются за его сознание, или же сам вершитель человеческих судеб, Вечный Тэнгри, никак не может определиться с дальнейшим жизненным путём для человека, выбранного им из тысяч или даже миллионов других? Не может определиться с окончательным маршрутом того, кого он уже посвятил во многие свои тайны, и на которого у него, должно быть, распространяются далеко идущие планы. Ведь лишь мелкие и суетные мысли идут от самого человека, великие же помыслы и цели посылает он, Вечный Тэнгри, посылает для того, чтобы слышащий их не затерялся среди безликих и бездушных, чтобы не сбился с назначенного ему пути...

Дома Егора ожидала записка от жены – на столике, поверх закрытого фотоальбома: «Я звонила в больницу, они сказали, что сегодня тебя выпишут. Обед в холодильнике. Я постараюсь отпроситься с работы пораньше, потому что нам надо откровенно и обстоятельно поговорить. Наверное, я во многом была не права всё это время, ведь, если любишь человека, нужно принимать его таким, какой он есть, а не пытаться переломить и приспособить «под себя». И насчёт ребёнка ты, наверное, всё-таки прав! Целую».

В последнее время, открывая утром глаза, я какое-то время ощущаю медленно уходящую боль. У этой боли нет постоянного места, в котором она гнездится - боль как бы везде и нигде. И я пугаюсь: где она, в конце концов, всего лишь в моём сознании или же в измученном сердце? Но ведь днём сердце как бы и не болит вовсе?.. А что если оно так подаёт знак о грядущей болезни - как пёс, который, привлекая внимание к скрытой от хозяина проблеме, не воет на одной безнадёжной ноте, а скулит по щенячьи неуверенно и жалобно?.. Или всё же дело в том, что в моменты пробуждения грань между страдающей Душой и пробуждающимся телом становится невероятно тонкой? А потом стремительно вторгающийся в сознание окружающий мир просто не способен ощутить эту мистическую грань - и голос нераспознанной боли остаётся за ней, где и затаивается до следующего утра? Днём ведь не до призрачных болезней, стук сердца напрочь заглушает скулёж Души, а голова заполнена мыслями о том, что надо будет вечером обязательно сесть за стол и писать... Что-то или кто-то торопит, а я не знаю, сколько дней и ночей остаётся у меня на то, чтобы закончить эту странную книгу? Дописать это противоречивое повествование о своей жизни и каким-то образом связанной со мной чужой смерти. Или всё как раз наоборот, поскольку во сне ужас от осознания неотвратимости её становится не просто явственной, а стократно, тысячекратно сильнее, чем наяву?..

Глава II. ВОЗВРАЩЕНИЕ ТЭМУЧИНА

Запахи дома, ароматы жениной косметики, радость от её записки... Егор впервые за многие дни заснул спокойно, причём днём, чего никогда прежде не случалось. И сразу же погрузился в сон, в котором не было ни боли, ни проблем – лишь пьянящий восторг от какой-то новой, доселе незнакомой лёгкости. По тому, как он невесомо парил над землёй и видел внизу панораму местности, а ещё потому, что мог думать одновременно о прошлом, о настоящем и даже о будущем, он осознал, что в этом сне является уже не человеком, а высвободившейся из тела душой. И бестелесность, как ни странно, не мешала полноценно ощущать окружающий мир, не мешала восторгаться полётом – это новое состояние ничуть не пугало, а, наоборот, радовало, и, в первую очередь, полнейшей и безграничной свободой.

..Поражаясь своей лёгкости, он воспарил над шёлковым ложе, с удивлением созерцая лежащее внизу тело и ещё с трудом осмысливая, что это лежит он, Тэмучин-каан, Чингис-хан, Потрясатель Вселенной, властитель многих и многих народов. Его, легко парящего в воздухе, и его бездыханного, придавленного смертью и тяжестью одеял, больше ничто не связывало – и он не испытывал ни капли сожаления от этого, а только непривычные покой и умиротворённость.

От яркого солнечного круга на распластанной тигровой шкуре тянулся к отверстию в куполе шатра золотой столб света. Крохотными искорками вспыхивали внутри его пылинки, исполняющие замысловатый, какой-то мистический танец. И он тоже устремился в этот живой солнечный поток, чтобы влиться в хоровод – ощущая себя одновременно и объёмным, как лежащее внизу тело-сосуд, и невесомым, словно одна из этих пылинок. Без малейших усилий, подчиняясь лишь желанию, он полетел вверх: туда, где через отверстие виднелся белесо-голубой небосвод Вечного Синего Неба...

Личная охрана – преданные ему «красные волки» – стояла двумя цепями вокруг шатра. Дымы очагов поднимались над сводами юрт,

вокруг которых теснились распряжённые повозки, суетились воины и слуги. Он ощутил пьянящие ароматы варёного мяса и свежего конского помёта, острый запах конского пота от сёдел и кислотоватый – от выделанных кож. Эти запахи перебивали сладкое благоухание созревающих фруктов, которое за ночь поднялось по склонам горы из долины, широко раскинувшейся внизу. Для него походные запахи были привычнее и роднее, поэтому терпкий и горьковатый запах степной полыни он не променял бы ни на какие арабские благовония?..

Он подумал, вдруг, что тумэны его славных воинов штурмуют сейчас столицу ненавистных тангутов Чжунсин. Потому, что такая была его воля при жизни. Сам он последние недели уже не мог участвовать в сражениях, поэтому передал наказ нойону-военачальнику: «Я ценю, что ты, Толун, заботаешься о моём здоровье, но я хочу наказать тангутов за их ядовитые речи! Что бы там ни было, Вечный Тэнгри это предначертал! Разгроми тангутов, и всё, что имеет их правитель Илуху-Бурхан, все его роскошные шатры, его кубки, его блюда, всю его золотую и серебряную посуду возьми себе. Я отдаю всё это тебе и твоим воинам!» Ведь он уже тогда предчувствовал, что не доживёт до торжества победы – поэтому никакие завоёванные сокровища ему больше не будут нужны...

Он всего лишь подумал о ненавистных тангутах и в тот же миг, невероятным образом, перенёсся к стенам осаждённого Чжунсина. Очутился там, где были его помыслы все последние дни. Он легко парил над обороняющимся городом и видел с высоты орлиного полёта защитников на крепостной стене, видел выставленные в ряд катапульты, перебрасывающие через стену горшки с «греческим огнём»¹. Это страшное оружие эффективно использовалось и при осаде городов, и против атакующего противника – ведь огненные струи выбрасываются на расстояние до пятидесяти шагов, и жидкий огонь невозможно потушить ни на теле воинов, ни на их доспехах. В секретном рецепте, перенятом от хитайцев, его воины вместо нефти иногда применяли жир, вытопленный из тел убитых врагов – ведь на войне все средства хороши, если они ведут к успеху! Недаром же он к каждому тумэну прикрепил по тысяче искусных

¹ Легковоспламеняющаяся смесь сложного состава, напоминающая напалм, рецепт которой утрачен.

мастеров-пленников, которые обслуживают и ремонтируют хитроумные механизмы, используемые при штурмах. Его военачальники давно уже приучены перенимать всё самое лучшее и самое смертоносное, изобретённое другими народами. У хитайцев, например, позаимствовали устрашающие огнехвостые петарды...

Его воины готовились к штурму: самые большие катапульты, подтащенные к крепостным стенам, уже неустанно метали огромные камни, сокрушающие всё на своём пути. А когда предвиделась длительная осада, в дело шли даже полуразложившиеся трупы людей, животных, а то и толстостенные горшки с ядовитыми змеями. Всё для того, чтобы сломить решимость защитников, чтобы это послужило назиданием тем, кто впредь осмелится противиться воле Чингис-хана...

Под ним с протяжным свистом проносились тучи тяжёлых стрел, находя себе жертвы по обе стороны каменных стен. И стаи чёрного воронья уже кружили над городом в предвкушении скорой обильной поживы. Да, его всепобеждающая армия жестоко мстила тангутам не только за их коварство, но и за то, что эта война окончательно подорвала здоровье их каана. Ведь вместо того, чтобы отдаться в руки искусных лекарей, он ночевал в походном шатре, недосыпал, страдал от ран... Но сейчас наступало время справедливой расплаты, ведь недаром он когда-то дополнил Книгу Ясы и таким положением: «Если вы добровольно сдаётесь, то найдёте хорошее обращение и покой, но если вы сопротивляетесь, то Вечный Тэнгри знает, что случится с вами!» Так навсегда закреплено законом, что виновные должны отвечать за свои проступки против монголов, а значит, и против их каана. Именно по справедливому закону, начертанному в Ясе, его воины будут уничтожать всех защитников Чжун-сина: мужчин и женщин, стариков и детей – всех без исключения!

Словно ощутив незримое присутствие каана, стоявший возле своего походного шатра его любимый сын Толуй громко scomандовал нойону Толуну и собравшимся вокруг темникам:

– Урагша!¹

Те поскакали в разные концы выстроившегося длинной шеренгой войска, крича:

– Урагша! Урагша!

¹ Вперёд! (монг.)

А следом раскатился громогласный боевой клич, от которого у защитников города, должно быть, застыла в жилах кровь:

– Хура-а-ай!

И всесокрушающая волна людей хлынула к городским стенам: навстречу ранам и смертям, навстречу очередной победе, навстречу новой славе их каана. Впереди хашар – тысячи пленников с окрестных земель. Они несут землю в корзинах, бревна и камни, чтобы засыпать глубокий ров под стеной, и они же первыми будут взбираться по лестницам на высокие стены, чтобы поразить горожан своей численностью, чтобы вынудить потратить на них невозполнимые средства защиты. Погибая тысячами, они будут неудержимы, пока не пробьют брешь – ведь если повернут, не достигнув цели, им тут же отрубят головы. За ними бегут рабы и оруженосцы из полудиких племён в простых кожаных доспехах, которые, как всегда, должны принять на себя первый, самый жёсткий отпор. Многие из них тоже погибнут под стенами, чтобы после победы их заменили новыми пленниками. Такой порядок штурма закреплён в его Ясе, и так монголы поступают всегда. Эта вторая волна тоже не отступит и будет сражаться до конца, потому что повернувшим назад грозит неминуемая смерть от облачённых в броню латников – избранных воинов его армии. А ещё они хорошо знают, что у выживших в сражении и отличившихся рабов есть шанс влиться в ряды воинов-моголов... Опытные же, хорошо обученные тумэны тяжеловооружённых воинов-латников предназначены лишь завершать штурм и сокрушать последние, сильно поредевшие ряды защитников. Это ловкие и бесстрашные герои, закалённые во множестве сражений! И пусть число избранных сравнительно невелико, но враги на стенах считают всех штурмующих моголами, то есть великими: и рабов, и вершников, и латников!..

Окончательная победа никогда не вызывала у него сомнения, а теперь она была уже совсем близка. Жаль, что он совсем немного не дождал до очередного своего триумфа, жаль, что ему больше не суждено наслаждаться победами! Но и впредь над каждой поверженной крепостью будет подниматься его девятибунчужный туг, а из уст воинов-победителей каждый раз будет звучать его грозное имя. Ещё вчера он сказал сыну Толую: «Даже если я не доживу до славной победы, хочу знать, что отомщён, что Тангутское

государство стёрто в пыль. Пусть даже во время погребального обряда, но скажите мне: они истреблены все до последнего! Каан уничтожил их племя предателей!»

И вдруг он почувствовал, что надо возвращаться – видимо приближённые уже обнаружили в шатре его мёртвое тело...

Потрясателя Вселенной положили в деревянный саркофаг, вырубленный из цельного ствола столетнего дерева и обитый изнутри золотыми пластинами. По китайскому способу бальзамирования саркофаг залили мёдом, и под слоем прозрачной ароматной жидкости лицо его с разгладившимися морщинами выглядело помолодевшим и живым, словно грозный хан ханов устало смежил веки во сне или, может быть, закрыл для того, чтобы окружающие не мешали вспоминать день за днём прожитую жизнь. Хотя, кто знает, вполне возможно, что присутствующий Дух его продолжает продумывать очередные победоносные военные походы? В любом случае, никто не посмеет впредь нарушить покой грозного Чингис-хана.

Скорбная процессия предполагалась относительно небольшой: две сотни его личной охраны, сын Толуй и ханша Есуй, да ещё множество пленённых тангутов, пощаждённых после взятия Чжунсина и переданных ханше в качестве рабов. Погребальная повозка сверху была затянута плотным шёлковым пологом – пусть вражеские лазутчики, которые могут встретиться по пути, думают, что это ханша возвращается в Орду, а Великий Чингис-хан продолжает командовать своей армией. Ведь его большой походный шатёр по-прежнему гордо возвышается на вершине холма, чтобы наводить ужас на врагов, которым посчастливится увидеть его прежде, чем умереть.

Всё было готово для долгого пути: повозки загружены припасами и захваченными у тангутов сокровищами, воины в полном облачении держат под уздцы своих верных коней, сопровождающие оруженосцы, слуги и рабы замерли в немом ожидании подле повозок. Все ждут только команды опечаленного хана Толуя.

И тогда, невидимый для всех, он закрыл веки головному коню, впряжённому в погребальную повозку. Животное закаменело

от страха – и его мистический ужас передался соседним лошадям. Никакие окрики и удары плетей не могли заставить двинуться передних, а задние бестолково топтались на месте, не в силах сдвинуть с места тяжёлую повозку.

Да, Духу Тэмучина требовалось время, чтобы решить, наконец, в какие пределы должна направиться погребальная процессия. Он всё ещё раздумывал, куда же везти тело – этот ненужный теперь сосуд его освободившегося Духа, имеющий ценность лишь для его близких и многочисленных подданных. Дух никак не мог определить, что влечёт его больше: бескрайние ковыльные степи Орды или же зелёные луговые и лесные просторы Кёгменского государства...

Возникла суматоха, и отдельные голоса слились в разногласный шум: звучали команды нойонов, окрики воинов-погонщиков, громкие рыдания близких и причитания остальных присутствующих. Среди голосов воинов выделился громкий голос преданного Килугена-багатура:

– Не ты ли, господин, ещё вчера, словно ястреб, парил над всеми народами? Неужели это тебя, господин, увозит сегодня от нас эта скрежещущая колесница? Неужели вправду ты покинул свою жену и своих детей?..

Кто-то из окружения тотчас подхватил:

– О господин мой, неужели ты покинул всех своих подданных? Не ты ли, господин, ещё вчера, словно крик, весело кружил в небесах?..

Однако его тут же перебил сладкоречивый, но громогласный нойон Килуген:

– Неужто это ты упал наземь, подобно жеребёнку, уставшему после долгого бега, подобно нежной траве, поваленной ураганом? – вопрошал Килуген. – Не ты ли, господин, после шестидесяти лет жизни, когда пробил час дать покой девяти знаменам, вместо этого покинул их и лежишь здесь бездыханный?..

Его всегда удивляло, как могли в Килугене уживаться вместе льстивость и талант военачальника, правда зачастую чересчур исполнительного и крайне осторожного. Тем не менее, за многочисленные военные заслуги нойона величали даже Храбрым, а он приблизил

и довольно часто поощрял его, полагая, что лучше быть последним среди хищных волков, чем первым среди льстивых шакалов.

Но сейчас он с неожиданным удовлетворением внимал сладостным для ушей словам, хотя при жизни не слишком-то привечал льстецов, предпочитая краткость и прямоту в речах. Он даже установил порядок, чтобы его приближённые не величали его льстиво Чингис-ханом. Тэмучин-каан – вот его истинное имя, а простой язык степняков – вот язык воинов! Льстивые же и витиеватые речи, это удел покорённых и униженных, для которых он всегда был и навсегда останется Великим Чингис-ханом или даже Великим Потрясателем Вселенной.

Заслушавшись, он позабыл о лошадях – и колесница чуть сдвинулась с места. Но тут же колёса, неожиданно и уже без его участия, увязли в тяжёлой глине, так что даже помощь воинов ничего не смогла изменить. Лошади же, словно не понимая, что от них требуется, тянули в разные стороны и только мешали одна другой. Будто бы само Вечное Синее Небо вмешалось, давая ему время найти правильное решение.

Килуген замолчал, чтобы перевести дыхание, и теперь уже спохватившийся шаман перехватил инициативу и, вздымая руки к небу, стал выкрикивать заранее заготовленные слова:

– Барс среди людей, посланец Вечного Синего Неба, сын Вечно-го Тэнгри, о святой господин наш, хочешь ли ты покинуть верный тебе народ, хочешь ли ты нас оставить? Твоя родина, твоя высоко-родная, как и ты, жена, твоё справедливое правительство, твои мудрые законы, твой народ, поделённый на тьмы, – всё там!

Шаман простёр правую руку на северо-восток, словно указывая правильный путь.

– Твои любимые жёны, твои войлочные шатры, твоя золотая юрта, твоё царство, созданное на справедливости, – всё там! Земля, где ты родился, вода твоей купели, твой народ, твои сыновья и твои близкие, Дэлиун-болдак, что на Ононе, где ты родился – всё там! Твоё чёрное коневласое знамя, твои барабаны, трубы, флейты, Керуленская степь, где ты взошёл на престол, – всё там!..

Чувствовалось, что шаман очень тщательно готовил свою погребальную речь, вот только время её пришло раньше намеченного

срока – именно в такой непростой ситуации. И даже воины перестали выталкивать колёса из глины, с глубоким почтением внимая шаману.

А тот продолжал убеждать кого-то невидимого: то ли Духа своего недавнего повелителя, то ли самого Вечного Тэнгри:

– Твоя жена Бортэ, на которой ты женился совсем юным, твоя счастливая отчизна, твой великий народ, твои верные друзья – все там!

Шаман снова указал рукой на северо-восток и перевёл дыхание. Рыдания к этому времени умолкли, люди и лошади стояли словно в оцепенении – и говоривший закончил в полной тишине:

– Поскольку отныне тангуты следуют твоим законам, дай знак, господин, хочешь ли ты покинуть здешний теплый край? Коли мы не можем более служить щитом дней твоих, мы желали бы доставить твои останки на родину, передать их твоей жене Бортэ и успокоить чаянья твоего народа!

Лёгкий порыв прохладного ветра налетел с запада, взволновал серебристые метёлки ковыля, закрутил перед повозкой пыльный смерч – и погнал его в сторону восходящего солнца. Лошади без какого-либо понукания дружно тронулись и повезли скрипучую повозку в печальный путь, в сторону Орды...

До провозглашения, согласно завещанию, новым кааном Угэдэя, смерть Великого Чингис-хана должно было держать в абсолютном секрете: чтобы весть не дошла до врагов и народов, подчинённых совсем недавно. Прежде следовало укрепить там военное присутствие, для чего в эти пределы уже были направлены дополнительные воинские силы. Потому-то путь скорбной процессии под управлением Толюя пролегал в стороне от городов и минуя даже небольшие поселения. Скачущие впереди процессии «красные волки» убивали иноплеменников, имевших несчастье встретиться на их пути – таков был почитаемый усопшим алтайский обычай, требовавший окружить его многочисленными слугами в другом мире. Убивали также лошадей и быков со словами: «Отправляйтесь служить нашему господину на том свете!»

Весть же о кончине Потрясателя Вселенной была обнародована лишь после того, как траурный corteж достиг родной Орды, что находилась в верховьях Керулена. Через всю Орду пронесли

мёртвого мужа неутешные жёны, и уже обитый золотыми пластинами саркофаг поочерёдно устанавливали в шатрах хатун – главных жён, куда по приглашению съезжались высокородные соплеменники и подданные Монгольской Империи. Съезжались для того, чтобы воздать усопшему последние почести долгими причитаниями и горькими рыданиями. Жившие же на самых дальних окраинах Империи смогли прибыть лишь через три месяца, хотя и подгоняли своих лошадей на всём долгом пути.

А потом почти целый год саркофаг в окружении многочисленного сопровождения путешествовал по завоёванным странам, пока снова не вернулся в степи, возрадившие Великого Чингис-хана. На этом пути кто-то искренне рыдал у золотого вместилища безжизненного тела, а кто-то внутренне радовался, взирая на бранные останки всесильного прежде каана...

* * *

Итак, позади уже более года печальных странствий и долгого пути до последнего пристанища. На склоне горы Хэнтэй всё так же растёт одинокое большое дерево, и он сам указал когда-то это место на священной для него горе в долине Делюн-Болдок, в которой он родился. Ибо всегда помнил об издавна существующем поклонении деревьям, в кронах которых, по заверениям шаманов, обитают Духи умерших героев. За прошедшие века много сыновей-героев родила здешняя земля – поэтому священными почитаются целые рощи, в которых запрещено охотиться, а непосвящённым нельзя туда даже заходить...

Сейчас дерево стоит полусухим – кто-то обломал нижние ветви для костра, а много лет тому назад он лежал под ним после удачной охоты и наслаждался прохладой, которую приносил лёгкий ветерок, шелестящий зелёной листвой. Этот шелест напоминал тихую речь, а, может быть, даже наставления великих героев – и поэтому рождал высокие мысли. А о чём же он думал тогда? Да именно о том, что его мечты всегда сбываются, что многие племена уже подвластны ему, что он несёт в родную степь закон и порядок взамен жестокости и хаоса. Тогда он ещё совсем не думал о болезнях, о приближающейся старости, а жизнь казалась бесконечной и наполненной только новыми победами... И сказанные им слова о последнем

пристанище для тела были скорее шуткой, произнесены были просто под настроение. Тем более что уже была тайная договорённость с верной Бортэ – и только она одна знала, где и как желает быть похороненным когда-нибудь её супруг. Как же давно и, вместе с тем, как недавно всё это происходило!..

Он легко воспарил от установленного на богато украшенной повозке саркофага вверх по пологому склону горы – и уже через мгновение очутился на её плоской вершине. Отсюда, словно с границы, разделяющей два разных непохожих мира, простиралась далеко на юг – до самых песков знойной пустыни Гоби, где поют и шепчутся песчаные дюны – бескрайняя золотистая степь. На север же, до многоводного как море Бай-коля, ощетинилась зелёными кронами такая же бескрайняя и труднопроходимая тайга. Лишь немногочисленные реки прорываются через границу двух миров, прорезая хребет Алтай и Кёгменские горы. Но в степи по берегам их растут только хрупкие тополя да низкорослые ивы. И нет конца и края двум мирам, которые без усилий могут преодолеть лишь парящие высоко в небе златоглазые орлы. Ибо во все века эти два таких непохожих мира и были, и остаются их владениями...

Правда, с недавних пор объявился у бескрайних пределов ещё один властелин – это он, Чингис-хан, а теперь и его славные сыновья! Но вот путь из середины Империи Монголов до любой из её окраин занимает даже у всадника несколько месяцев, поэтому ширококрылые орлы несоизмеримо быстрее могут долетать и до великого Хитайского моря на востоке, и до загадочного Кёгменского государства на севере. То есть, при желании они легко могут очутиться на родине его матери Оэлун, где раскинулась между хребтами загадочная прародина, и куда теперь так стремится полететь бестелесный Дух его, для которого, как и для орлов, не являются препятствием никакие дали! Всё слабее становится связь с мёртвым сосудом-телом, а, значит, скоро для освободившегося Духа не будет существовать ни запретов, ни расстояний...

Пять тысяч воинов-латников в молчании застыли у подножья горы Хэнтэй, до которого смогла добраться из долины лишь редкая сосновая поросль. Здесь выкопана большая яма – но, со временем, выросшие деревья скроют все следы её. Проход, уводящий из ямы далеко в глубину склона, до самого склепа, укреплен каменными

плитами. Туда, на расстеленный чёрный войлок, уже переместили тяжёлую золотую юрту, дымоходное отверстие в которой закрыто островерхим съёмным золотым навершием в виде боевого шлема. И уже потом, когда всё было подготовлено, сыновья усадили на золотой трон внутри юрты покойного в лучшей его одежде и с лучшим оружием. Окружает трон великое множество золотых и серебряных вещей – чтобы в небесном мире боги сразу оценили высочайший статус их владельца...

Лишь старшая жена Бортэ, сыновья, да несколько самых близких людей знают последнюю волю каана Тэмучина и посвящены в великую тайну, остальные же не подозревают о подмене тела куклой. А присутствующим невозможно заподозрить обман, поскольку лицом кукле служит золотая маска. Эту маску ещё при жизни изготовили китайские мастера, но Тэмучину она не понравилась, поскольку в ней просматривались не присущие ему китайские черты. Он даже хотел было казнить мастеров, но потом подумал: «Как же могло быть иначе, ведь китайцы ваяли лик своего, китайского императора?» И пощадил всех, но маску отправил в хранилище сокровищ, поскольку золото – это металл мёртвых, и не к добру её держать на виду, а тем более в шатре. И вот она пригодилась!

Не по китайскому, но именно по древнему степному обычаю похоронили его сидящим посреди юрты, а перед куклой поставили на столе блюдо, полное мяса, и чашу с кобыльим молоком – только и отличие, что блюдо и чаша были золотыми. Рядом с юртой положили умерщвлённых кобылу с жеребёнком и лучшего боевого коня с богато украшенными золотом и самоцветами седлом и уздечкой. Другого же коня, как это было заведено у простых кочевников, съели, а кости сожгли, шкуру же набили сухой травой и установили на подставках тоже подле юрты – чтобы у покойного в другом мире были и своя юрта для отдыха, и боевой конь, и оружие, и кобыла – чтобы давать молоко да приносить жеребят. Таким образом, были совмещены воедино обряды погребения и для великого каана, и для обыкновенного пастуха. В последнюю очередь, когда вход в усыпальницу был уже засыпан, умертвили часть рабов, которые прибыли из поверженного Чжунсина вместе с Есуй. Убитых сложили в глубокую яму на выходе из горы – чтобы в том мире, в который попадёт Чингис-хан Тэмучин, эти рабы преданно служили ему...

По обычаю теперь только через год посвящённые придут сюда, чтобы справить поминки – и потом уже забудут дорогу к захоронению навсегда. И, согласно поверью, никто, вплоть до третьего поколения, не дерзнёт называть погребённого его собственным именем – он для всех больше не Тэмучин. Но и не безымянен отныне, поскольку у него, как у всех великих героев, осталось много славных имён: и Чингис-хан, и Потрясатель Вселенной, и даже просто Великий каан... И каждое из них по-прежнему будет вызывать у людей либо восторг, либо ужас!

Когда тщательно уложили на входе в захоронение аккуратно срезанный дёрн, сыновья собственноручно посадили на этом месте молоденький стройный кедр. Ведь таёжные кедры живут долго и со временем превращаются в настоящих исполинов – так что на его могучих ветвях Вечный Дух Тэмучина, который время от времени будет прилетать к могиле, сможет созерцать зелень тайги внизу и парящих орлов вверху, сможет слушать песни ветров и вдыхать сладковатый запах кедровых иголок вперемежку с приносимым южными ветрами горьким запахом полыни... Пройдёт не так уж много времени, и разросшиеся деревья навсегда скроют место захоронения от любопытных глаз, а лесная трава ляжет упругим ковром и станет прибежищем для вольного лесного зверья...

Все, кто участвовали в погребении, теперь обязаны пройти самый последний обряд – очищение огнём. Уже разожжены два больших костра; между ними воткнуты два копья, и волосяной аркан натянут поверху между их наконечниками; уже колышут потоки горячего воздуха привязанные к аркану разноцветные полоски тканей, как дань уважения незримо присутствующим на погребении Духам. А две женщины-шаманки непрерывно твердят заклинания и с двух сторон опрыскивают чистой водой всех проходящих и проезжающих между ними. Пешие, конные, возницы на повозках – все со страхом и, одновременно, с облегчением переступают последнюю границу, связывавшую их с кааном Тэмучином, чтобы впредь столь же преданно служить новому каану. Многие мысли они оставляют здесь, как и всё то, что случайно или намеренно упадёт с повозки – это дань Духам, дань шаманкам, которые умеют договариваться с потусторонними силами и защищать от злых козней своих соплеменников...

Теперь, после проведённого обряда, Дух его ещё больше приблизился к освобождению. Здесь, в Орде, возданы все требуемые почести грозному Потрясателю Вселенной и совершены все полагающиеся погребальные обряды – пусть даже всего лишь для его куклы... Люди почему-то считают, что посмертно Духу умершего почестей и богатств требуется не меньше, чем живому. И заблуждения эти подкрепляют не только неукоснительным исполнением древней традиции, но и призрачной надеждой, что к концу жизни они тоже смогут достигнуть подобных почестей, тоже могут стать обладателями несметных сокровищ. И богатства эти люди мечтают забрать с собой!..

Как же сильно они ошибаются, как будут разочарованы, ведь Духу не нужно ничего, кроме свободы! А все эти сложенные в могилу ценности породят лишь страх, что найдутся алчные, найдутся завистники, найдутся враги, которые захотят разграбить могилу и, попутно, осквернить останки... Они не догадываются об этом грядущем и, в действительности, самом главном страхе... Но вот почему он возникает у Духа, не обременённого земными помыслами, не связанного с мёртвой истлевающей оболочкой, а ставшего уже частью воздуха и ветра, облаков и солнца – ставшего частью Вечного Синего Неба?.. Может, страх порождает не до конца растворившиеся в абсолютной свободе, слишком глубоко укоренившиеся заблуждения отринутой плоти, которая при жизни постоянно требовала лелеять себя, ублажать, сохранять, и последующее существование Духа представлялось ей таким же?..

Так не оттого ли возникли кажущиеся ему абсолютно никчемными, но строжайше прописанные в погребальном ритуале почести, различные предосторожности и тайны? Он ведь тоже при жизни всё предусмотрел заранее, и в ложных захоронениях, разбросанных по всей Империи, будут лишь его одежда, оружие и не имеющие для него потом никакой ценности сокровища – так он обманет ненавистных врагов, а, заодно, и своих подданных. Если кто-то когда-нибудь отыщет одну из могил и вознамерится осквернить его прах, то жестоко ошибётся, найдя там лишь металл мёртвых, который не принесёт счастья. Раз уж вся жизнь Чингис-хана Тэмучина стала легендой, то и эти ложные похороны не грешно превратить в легенду!..

От этой мысли он испытал безграничное удовлетворение – но тут же внезапно осознал, что страх его связан совсем с другим! Страх осквернения праха был продиктован старинным сказанием, поведанным матерью Оэлун. Он стал вспоминать слова легенды, и, как когда-то давным-давно, зазвучал негромкий материнский голос: «Дух ушедшего в иной мир героя витает над головами живых и защищает их от врагов и несчастий. Но только до той поры, пока враги не раскопают могилу и не сожгут тело героя. Тогда могучая защита Верхнего мира исчезнет – и народ претерпит неисчислимые бедствия или даже погибнет...»

Конечно же, он всегда боялся именно этого, потому готовился заранее! И тело его будет находиться очень далеко отсюда, среди бесчисленных древних курганов на родине матери Оэлун, и свежий курган с его останками покроется травой всего лишь за одно лето, так что невозможно будет отличить его от других, многие века стоящих вокруг. Этот план, помнится, предложил ему хитроумный Елюй Чуцай, которого он справедливо ценил за мудрость и предусмотрительность. Там, в стране Хагяс и будет скрыта правда о нём: в глубине кургана, на каменных плитах, закрывающих саркофаг, будет высечена подлинная история жизни Чингис-хана Тэмучина. Именно такую мысль о вечности имени его невольно подсказал в беседах с ним прозорливый даос Чан-Чунь, которого он почтительно величал Бессмертным. И вновь имя его прозвучит уже через века или даже тысячелетия как напоминание далёким потомкам, и никто до того великого мига не сможет разбить камеечные плиты в неистовой злобе, поскольку великие шаманы кёгменской земли извечно охраняют покой своих павших героев и ушедших в иной мир в конце жизни великих вождей...

Теперь его залитое мёдом тело скрытно повезут туда, за горные хребты. И, пока оболочка не погребена, Дух должен путешествовать с ней, взирая свысока на медлительную скорбную процессию, и мечтая о своём полном освобождении. Может быть, этот путь и есть то внутреннее самосозерцание, о котором много раз повторял даос Чан-Чунь, ведь теперь, действительно, ничто не мешает созерцать тело, оценивать прожитую им жизнь, не прислушиваясь к мнениям живых?..

А как узнать, в каком облике он станет возникать перед людьми после полного освобождения? Как заверял шаман, Дух может быть в любом обличии – на это нужны лишь его выбор и воля Вечного Неба. Так каким же он предстанет перед шаманом и перед людьми, ибо, незримый для всех, он не видит свой теперешний облик? В мыслях почему-то возникает прекрасное женское лицо... При жизни подобное воспринималось бы позором для мужчины, но теперь ему это совсем не важно. Может, потому, что женщины прекрасны внешне, а ещё потому, что они устремлены не к жестокости, а к доброте, как и он сейчас?.. Но, с другой стороны, Дух должен быть отражением своей телесной оболочки, что лежит сейчас бездыханной – а значит, должен сохранить прежние черты?.. Он вдруг подумал, что рассуждает о непонятном и крайне противоречивом, как Бессмертный когда-то во время их философских бесед. Мудрец приписывал свободу мыслей высвобождению Духа – для кого-то возможном ещё при жизни, для остальных же только после смерти. Как даос мог предвидеть всё это? Вероятно, он не предвидел, а знал наверняка? Он ведь говорил, что жизнь и смерть естественны, как смена дня и ночи, а всё естественное подвержено предсказанию. Потому Чан-Чунь и почитаем везде, что при жизни постиг тайны свободы Духа и предвидения будущего. Монах точно знал, что умрёт всего лишь на несколько дней раньше его, Тэмучина, и, возможно, знал даже то, что будет с почестями погребён в Храме Белых Облаков?..

* * *

Оттесняя чужие мысли, в сон Егора вдруг вторглось знакомое женское лицо. Нет, это была не Есуй, не Бортэ и даже не мать Оэлуи в молодости... Чем больше Егор вглядывался, пытаясь зацепиться сознанием за что-нибудь знакомое, тем сильнее проступали черты Ирины. Вот он уже совершенно определённо узнал жену! Только откуда она здесь, в чужой жизни, в совсем другом времени? Пока он осмысливал это несоответствие, лицо Ирины стало удаляться и таять – словно бы растворяясь в памяти и в сознании... И тогда он испытал панический страх, даже ужас, что может потерять ей навсегда, разминувшись на перекрёстках времён и событий. Егор

пронзительно осознал, что нужно немедленно вернуть её, позвать. Даже прокричал её имя – и от этого проснулся...

Переводя взгляд с предмета на предмет, он не сразу узнал свою квартиру. Было тихо и светло, снаружи сияло яркое солнце, и листва верхушек деревьев, заглядывающих в окно третьего этажа, горела золотым сентябрьским огнём. Совершенно знакомая, как будто, картина – вот только почему он спит днём?.. И следом, не сразу, а как бы по крупицам, вспомнились сначала больница, автомобильная авария, а потом и все предшествующие сегодняшнему дню события. Он взглянул на часы и проснулся уже окончательно – ведь скоро должна придти с работы Ирина! Так чего же он лежит? Надо умыться, сходить в магазин, купить шампанское и цветы! Как когда-то, кажется, в совсем другой, в такой далёкой и счастливой жизни...

* * *

А ночью он опять увидел продолжение своего удивительного, ставшего давно привычным и предсказуемым сна. Это было долгое путешествие, в чём-то перекликающееся с его недавней поездкой в Туву...

..Конец зимы, большой караван движется вниз по замёрзшему Йенесаю. В отличие от прежних походов, когда по заснеженному руслу реки уходили только лишь конные воины с гружёными поклажей лошадьми в поводу, на сей раз в караване было много повозок и саней. Везли мастеров, инструмент для обработки камня, много серебра и золота, сложенные юрты, провизию для людей и тюки сена для лошадей. Как-никак, а переход до Койбальской степи должен был продлиться около недели или даже двух, а найти достаточно дичи для людей и корм для лошадей в узком скальном каньоне просто невозможно – в это время глубокий снег делает окружающую тайгу непроходимой. В середине каравана двигалась особо охраняемая повозка, полностью крытая и опечатанная каанской тамгой. Лишь несколько посвящённых знали, что в ней находится не казна, а нечто более ценное – то, что покоится в искусно сделанном золотом саркофаге.

До того, как после степи и пологих холмов караван вошёл в узкий каньон, двигаться было легко – снега на продуваемом всеми

ветрами льду скопилось немного. Зато его заметно прибавилось, когда высокие и крутые, изрезанные глубокими складками горы вплотную подступили к реке. Зажатая в теснине и придавленная сверху льдом, она извивалась под снегом подобно гигантской змее, с трудом протискиваясь между каменными горами-исполинами. Потом всё чаще на склонах стали встречаться причудливые скалы-останцы, с вершин которых на караван горделиво взирали неподвижно застывшие горные козлы-джимы. Даже если некоторые из них и находились в пределах полёта стрелы, то достать их потом не представлялось никакой возможности. Так что единственную реальную угрозу для быстроногих, умеющих карабкаться по отвесным скалам джимов представлял лишь звериный хан этих гор – снежный барс-ирбис.

Потом в сплошной стене гор стали появляться узкие щели, по которым летом скатываются белопенные ручьи, а самые многоводные из них и сейчас, должно быть, пробираются тоненькими струйками под толстым панцирем наледи. Южные склоны всё гуще и гуще покрывались сначала серым кустарником, а потом и редким лесом. Ночевать теперь приходилось на узких каменистых косах, а для костров собирать редкий коряжник, застрявший во время летнего половодья между камнями на изгибах реки.

На четвёртый день пошла уже сплошная тайга, и передовым всадникам стало невероятно трудно пробиваться сквозь снежные наносы. Но горы заметно выположились – правда, далеко от реки всё равно уйти было невозможно, поскольку везде сыпучего снега лежало по пояс, а то и по самую шею человека. Зато дров стало в достатке, да и следы дичи пересекали реку теперь довольно часто, так что сердца охотников то и дело сладостно замирали, вспоминая былые охотничьи облавы на родине.

Впереди двигалась разведка, которая намечала маршрут в обход ледяных торосов и коварных промоин. В подозрительных местах всадники спешили и проверяли прочность льда копьём, а то и ударами топора. Ведь далеко не всегда присыпанную снегом коварную ловушку можно было разглядеть или определить по нарастающему треску льда. Стоило расслабиться, зазеваться – и лошадь с наездником внезапно оказывалась в воде. Для таких случаев с ними следовала повозка с небольшой юртой, внутри

которой всегда можно переодеться в сухую одежду, выпить горячего чаю, а то и крепкой араки.

Но иногда промашка разведчика одним лишь купанием не заканчивалась. Вот потерявший бдительность всадник не удосужился с силой ткнуть копьём впереди лошади, не остерёгся негромкого потрескивания льда под копытами – и тотчас же поплатился за свою неосторожность: похрустывание превратилось в треск, задние ноги лошади провалились, а передние с силой ударили по льду, проламывая его и откалывая куски. Лошадь вздыбилась, пытаясь вырваться из ледяной ловушки – но в следующий миг целиком погрузилась в воду. Теперь только головы её и всадника возвышались над чёрной бурлящей водой. Течение в таких местах очень сильное, оно потащило коня и цепляющегося за седло всадника под лёд. Испуганная лошадь пронзительно заржала, вскинула передние ноги, надеясь выскочить – но непрочная кромка снова обломилась, и в тот же миг голова лошади скрылась подо льдом. Всадник же успел ухватиться за ледяную кромку, хотя мокрая одежда и тянула вниз тяжёлым грузом, а быстрая вода затягивала ноги несчастного под ледяной панцирь. Зрелище выглядело настолько жутким, что едущие позади шарахнулись в стороны, теряя драгоценные мгновения. Брошенный же опытной рукой аркан первым пришедшего в себя вершника хотя и лёг совсем рядом, но тонущий, из последних сил преодолевающий силу течения, боялся потерять даже такую ненадёжную опору и разжать пальцы.

Наконец, он вытянул руку и попытался ухватить намокший, ставший скользким аркан, но заочневшие пальцы другой руки соскользнули с ледяной кромки – и воин тоже исчез подо льдом вслед за своей лошадью.

Бурлила вода, выплёскиваясь и пятном растекаясь по белоснежной поверхности, словно не до конца удовлетворённая всего лишь одной человеческой жертвой. Испуганно смотрели на неё такие же чёрные глаза растерявшихся от произошедшего воинов. За гибель товарища можно отомстить врагу-человеку, но как отомстишь такому противнику? И кто знает, сколько ещё жертв заберёт коварный Йенесай в свои холодные чёрные глубины?..

Иногда передовые всадники примечали сидящих невдалеке на деревьях краснобровых глухарей – и меткой стрелой

поражали непуганую птицу. Тяжело падала в снег желанная дичь – и волей-неволей приходилось спешиваться и пробиваться к ней сквозь глубокий сыпучий снег. На такую мелочь, как любопытные рябчики, которые иногда целой стайкой рассаживались на ветках, стрел даже не тратили. Несколько раз настигали и переходивших с берега на берег косуль, и даже оленей-маралов. Это была уже настоящая добыча, часть которой оставляли на льду для следующих позади.

Там, где Кёгменские горы, наконец, расступились, открыв впереди долгожданную Койбальскую степь, были тут же замечены кыргызские дозорные. И дальше караван неотступно сопровождали бдительные дозоры, которые, при попытке приблизиться к ним, скрывались вдаль на своих быстроногих конях. То есть за караваном пристально наблюдали, и требовалось быть готовыми к любой неожиданности – ведь кыргызы бывшего улуса Джучи известны не только своими боевыми качествами, но и своей непредсказуемостью.

Когда же остановились на первую ночёвку в открытой степи, но рядом с высоким обрывистым берегом широкого Йенесая, неожиданно появились три всадника. Были они в доспехах, однако луки, в знак мирных намерений, висели за их спинами. Чем ближе, тем медленнее ехали кыргызские воины, всем своим видом выказывая миролюбие.

– Кто вы и с какой целью пришли в наши владения? – остановив коня, спросил передний всадник, хотя прекрасно видел возвышающийся над походными юртами девятибунчужный туг Чингис-хана.

– Я Килугей-нойон из улуса нового властителя вашего Толуя! Мы пришли, чтобы, согласно договору, заключённому когда-то с Джучи-ханом, преждевременно покинувшим этот мир, набрать для войска свежих коней.

– Я сотник Иргит. Мои воины издали наблюдают за вами и сейчас ждут моего слова, чтобы доставить сообщение нашему правителю Еди-иналу.

– Пусть они скажут кыргызскому хану Еди-иналу, что мы пришли не с войной. В конце лета мы отберём белых меринов для войска Толуя и, как только снова замёрзнет Йенесай, уйдём назад в Орду.

– Я рад слышать слова мира от доблестных воинов-моголов. Что ещё они хотят передать нашему правителю?

– От хана Еди-инала, подданного нашего каана Угэдэя, нам нужно будет свежее мясо для пропитания отряда. Место же для стоянки мы выберем сами...

Килугей умолчал, что, после того, как они выберут место для Ставки, придёт ещё один большой караван: с горными мастерами и мастерами-камнеобработчиками. Ведь великий погребальный комплекс должен быть великолепным и соответствовать Потрясателю Вселенной...

* * *

Вот уже и весна пришла в Еди-Урун. Деревья разом покрылись нежной листвой, а трава под ногами превратилась в зелёный ковер – сочный корм для лошадей. Множество жаворонков радостно звенят над головой, воздавая хвалу весне и Вечному Синему Небу. Но безмятежна лишь природа, а на всех вершинах вокруг расположились сторожевые посты – чтобы ни один лазутчик не проник в Ставку, чтобы ни один любопытный глаз не разглядел то, что начали создавать в огромном котловане привезённые рабы под руководством искусных китайских мастеров. Впереди ещё долгое лето, а до ледостава времени ещё больше, так что строители успеют завершить возведение усыпальницы, а рабы насыпать потом над котлованом высокий курган. И хагясские жители останутся в полной уверенности, что здесь покоится один из внезапно умерших могольских нойонов, что новый курган насыпан именно над ним. Действительно, почему бы, находясь на кёгменской земле, не похоронить знатного могольского воина по здешнему обычаю?.. И кто сможет заподозрить обман и попытается выяснить истину, ведь все подданные Толуй-хана в его большом улусе извещены, что Великий Чингис-хан с почестями погребён в глубине священной горы всех монголов, в далёкой Бурхан-Халдун. Так что даже самые любопытные и самые подозрительные не должны усомниться, кого на самом деле положат в усыпальницу и над кем вырастет похожий на многие другие памятный курган. Лишь несколько избранных посвящены в тайну тайн и доподлинно знают о бесценном грузе, привезённом в опечатанной каанской тамгой повозке. Знают, но почти все унесут опасные знания с собой, ибо будут захоронены в том же кургане – чтобы сопроводить своего бывшего повелителя в другой, неведомый

живым мир. Того требует старый алтайский обычай, таков был приказ Бортэ-фуджин и нового каана Угэдэя, такова была воля самого Тэмучина...

Только когда мысли более не связаны с насущными земными делами, у него появилась возможность детально вспомнить и переосмыслить всю прожитую жизнь, беспристрастно оценить совершённое. Время ведь теперь может растягиваться и замедляться по желанию: и счастливые моменты, сладостные воспоминания текут неспешно, а иные месяцы, даже целые годы проносятся, как выпущенная из тугого лука стрела. И то, что при жизни он считал важным и значимым, теперь, зачастую, легко вмещается в этот скоротечный полёт стрелы – ведь когда от тебя уже ничего не зависит, многое оценивается совсем по-иному. Правда, к величайшему сожалению, ничего нельзя и изменить, поскольку тело лежит в обитом золотом саркофаге, а он, незримый, всего лишь сопровождает эту бывшую когда-то всесильной оболочку...

Но уже совсем скоро, сразу после погребения тела, путь его продлится дальше – в неведомые дали. Ведь едва будет завершён обряд похорон, тут же откроется, как он надеется, путь в пределы Вечного Синего Неба. Раз Вечный Тэнгри покровительствовал ему всю жизнь, он, конечно же, примет надолго задержавшийся в мире живых Дух Тэмучина в свои чертоги?.. Его Дух, который вот уже полтора года не свободен и, хотя не испытывает ни малейшего неудобства от того, что существует вне тела, что невидим и неосязаем, всё нетерпеливее стремится пройти по небесному пути. И всё сильнее его волнует последняя тайна, поскольку он так и не знает, что же произойдёт – ибо это пока что скрыто от него Вечным Тэнгри. Но, конечно же, путь этот давно начертан, поскольку шаман утверждал, что будущее каждого человека с самого его рождения записано на небесах...

Вот только почему, если посмертное будущее уже определено Небом, Дух Тэмучина продолжает искать оправдания за совершённые при жизни проступки? Он ведь сумел достичь почти невозможного для любого смертного – но сейчас, вдруг, засомневался, правильным ли был этот путь, на котором он то и дело забывал о своих динлинских корнях и о своём предназначении, прописанном в легенде? Ведь своими поступками он написал совсем иное,

чем виделось в мечтах, повествование о жизни героя кёгменской земли! Конечно, новую легенду написал всего лишь обыкновенный писец, а он, хотя и не был согласен с некоторыми эпизодами и трактовками поступков, в душе надеялся, что ещё успеет что-то изменить, и после смерти истина непременно восторжествует. Ведь так трудно было признаться и писцу, и даже самому себе, что, объединив племена и народы, он не смог остановиться в стремлении к завоеванию всё новых и новых земель – поскольку присваивать чужие богатства намного легче, чем создавать свои! Как следствие, он незаметно для себя предал и свою далёкую родину, и свой коренной род, и не оправдал надежд матери – а, в итоге, стал изгоем в униженной им родной земле. Именно потому и захоронен будет в ней тайно, а не так, как было предсказано легендой...

Но ведь в остальном предсказание полностью сбылось: он объединил враждующие племена Великой Степи, он стал Потрясателем Вселенной... А вот то, что произойдёт дальше, он уже не в силах изменить – ведь, вполне возможно, он невольно нарушил предначертанное процветание Кёгменского государства? Недаром он уже сейчас предвидит, что земля предков будет разграблена будущими правителями – в том числе и его потомками. Как и предсказывал трагический конец легенды, в который он поначалу не хотел верить!..

Потому-то его Дух и решил перенестись в земли предков, чтобы, искупая вину, вечно и незримо охранять соплеменников от врагов и природных напастей. Но вот только сумеет ли он защитить их от высокомерия и жестокости будущих правителей?! Старая пословица степняков гласит, что у выращившего скот сыт желудок, а у выращившего детей сыта душа. Его душа страдала все эти последние годы, поэтому он и назначил преемником самого мягкого и наименее честолюбивого из всех сыновей – Угэдэя...

Да, самая главная ошибка его состоит в том, что он не смог стать истинным героем кёгменской земли, а, вместо этого, стал всего лишь Великим Потрясателем Вселенной! Он сумел внушить страх всему обозримому миру – но в родной земле об изгое не будут говорить с почтением и гордостью, как бы высоко к славе он не взлетел. Презрительное молчание – вот единственное, что он заслужил на родине матери Оэлун... И, покорив множество государств, только теперь он осознал, что не был настолько силён, как описывали

будущего героя в вещи легенде. Как любят повторять степняки, сильный напрягся – могучим стал, слабый напрягся – хребет сломал!..

Теперь-то он легко разобрался в своих ошибках, а вот что хотел бы исправить и каким образом?.. Перво-наперво, он призвал бы перед смертью самого могущественного из шаманов и сказал ему: «Тебе, шаман, поручаю совершить последний обряд моего погребения, и пусть сам Вечный Тэнгри будет свидетелем этого завещания. Выбрав путь воина, я не заметил, как стал носителем великой жестокости, и только перед лицом смерти сумел побороть её, заперев внутри себя, как в самом крепком и надёжном сосуде. Так же, как и тело моё, эта жестокость вскоре будет скрыта в глубине земли, в каменной усыпальнице. Сделай так, шаман, чтобы никто и никогда не смог открыть вместилище жестокости и выпустить скованную моей волей страшную силу наружу. Потому что, случись такое, мир содрогнётся от нестерпимой боли, захлебнётся кровью людской и вновь погрузится в хаос. Наложил, шаман, самые сильные заклятия, какие ты только знаешь – ибо только я, воин, прошедший бесчисленное множество испытаний, могу быть надёжным стражем великого зла. Только я, познавший все соблазны власти и богатства, но сумевший пройти через них, только я, до конца познавший любовь женскую и вернувшийся сейчас к истокам любви человеческой. Пусть напишут твоё предупреждение для потомков на каменной плите, закрывающей вход в гробницу! Лишь века и века способны разрушить и полностью растворить в себе это зло... А ещё: только умирая, я до конца осознал, что излишние богатства и роскошь есть такое же величайшее зло! Поэтому пусть похоронят со мной все сокровища моего шатра, чтобы не звали они сыновей моих на ложе неги и лени. Пусть они сами добывают столько, сколько нужно повелителю и воину, а излишки так же заберут потом с собой в другой мир!»

Вот что сказал бы он шаману. И во время последних похорон тот обязан услышать это так и не сказанное завещание – ибо, как утверждает сам шаман, ему дано слышать голоса Духов! И он, конечно же, услышит, когда многократно возрастет их духовная связь – то есть когда будут заполнять мясом принесённых в жертву животных, бурдюками с кумысом и другой отборной пищей четыре

глубокие ямы у подножия кургана. Или, хотя бы, должен услышать через год – во время поминального обряда, когда над этими ямами будут сжигать дорогие шёлковые ткани...

Вот и лето пролетело. В отличие от живых, время для него скоротечно: кажется, только что земля расцвела яркими красками весны, а уже полностью окрасилась в цвет сияющего золота. Жёлтый погребальный металл заполнил и его последнее пристанище – в каменной усыпальнице, где, как и в склоне священной горы Бурхан-Халдун, скрыта такая же золотая юрта. Только на сей раз в ней не ряженая в одежды кукла, а настоящий саркофаг с телом. Всё же остальное повторяет до мелочей похороны, состоявшиеся более полугода тому назад...

Но, хотя всё и повторяется в точности, сам он за эти полгода как будто стал совсем иным – Дух Тэмучина на этот раз содрогается и ужасается происходящему! Особенно, когда бесстрастные воины, привыкшие убивать врагов, столь же безжалостно умерщвляют теперь рабов и китайских мастеров, возводивших величественную усыпальницу, грандиозностью своей сравнимую с усыпальницами великих царей прошлого. Ужасается тому, как воины без видимого сожаления выполняют жестокий приказ нойона, не подозревая при этом, что следом «красные волки» поступят с ними точно таким же образом!..

И вот его бывшая личная охрана уже обезоружила вершников и методично, одного за другим, лишает жизни без пролития крови. Но в ямы вокруг подножия кургана складывают умерщвлённых уже с их луками и саблями – с неотъемлемыми принадлежностями воинов, которые понадобятся им на службе своему Повелителю в другом мире... А его «красные волки», клянясь когда-то оставаться преданными своему каану до самой смерти, не подозревали, что вскоре выполнят данную клятву до конца – ибо, по возвращении на родину, их так же безжалостно убьют по указанию верной Бортэ и приказу нового каана Угэдэя. По приказу нового жестокого правителя бескрайней и не такой уж справедливой Империи Монголов...

Бесчисленное множество смертей он видел при жизни, но почему-то именно Дух его, глядя на эту кровавую бойню, ужасается. Неужели только бестелесный Дух способен понимать, что каждый человек – это личность и облачённая во временное

хрупкое тело частица Вселенной! Но после того как личность вливается в массу воинов – этих беспрекословных орудий смерти – она тут же утрачивает свою духовную значимость и высокое предназначение. С этого момента каждый из них, это лишь один из многих, всецело зависящий от приказов темника, тысячника, сотника, десятника – которые, в свою очередь, зависят в той же мере от воли своего каана... Не означает ли это, что он с самого начала ошибался насчёт корней жестокости окружающего мира? Наверное, не сам несовершенный мир, а Правители, присвоившие право распоряжаться чужими судьбами, рождают эту бесконечную жестокость? Недаром даос Чан-Чунь когда-то сказал ему «Не убий!» Но только сейчас он до конца понял предостережение мудреца: не убий на пути к собственному бессмертию вовсе не тела врага, а жаждущий свободы и совершенства Дух его. Не убий и чужой, и свой Дух, которые одинаково мечтают стать бессмертными... Мудрец-даос, вне всякого сомнения, видел окружающий мир другими глазами, чем он – он видел его прекрасным, добрым и совершенным...

И даос был прав! Насколько же изумителен покидаемый им сейчас мир живых: эти причудливые жёлто-зелёные горы, эта серебристо-голубая река, эти редкие последние цветы в траве и разноголосое щебетание птиц в кронах деревьев! Он за свою жизнь видел бессчётное количество сокровищ, но даже самые изящные украшения, созданные лучшими мастерами, не сравнятся совершенством с тем, что порождено Вечным Синим Небом. Тот же жёлтый листок, только что сорванный порывом ветра с ветви дерева и принесённый на вершину чёрного свеженасыпанного кургана, совершеннее и прекраснее всего, сделанного людьми из золота. А припозднившийся скромный цветок, трепещущий под дуновениями ветра, изящнее сделанной из самых дорогих драгоценных камней копии. Вот только многие люди, заразившись алчностью, словно ослепли – и потому перестали видеть живую красоту... И как мало времени он уделял на созерцание окружающих красот, и как жаль теперь всё это терять!

Он стал воином, покорителем и правителем, а мог бы стать поэтом и философом, как Бессмертный – и жизнь его от этого не стала бы, наверное, менее яркой... Жаль, конечно, не свершившегося, но судьба воина ведь была назначена ему самим Вечным Небом, а легенда о кыргызском объединителе племён стала лишь

мерцающей путеводной звездой. Но, может быть, в будущем, когда прекратятся войны, люди разглядят то, что он видит сейчас – и от этого станут намного лучше своих предшественников? Потому, что дороже сокровищ, желаннее власти и слаще славы лишь самая обыкновенная жизнь обычного кочевника! И если Духу его, пусть даже и через много веков, суждено будет возродиться в этом мире в новом теле, он хотел бы прожить отведённые годы здесь, на кёгменских землях...

Вот и всё: тело его, наконец, обрело своё последнее пристанище. Соблюдены все погребальные обычаи и на земле предков тоже – а дальше путь Духа лежит в небесные дали. Правда, он так и не знает, как Вечный Тэнгри встретит его, хотя всю долгую жизнь помогал, охранял и направлял – но ведь делал это, как он теперь понимает, лишь согласно своим божественным целям... Единственное, во что он твёрдо уверовал при жизни, так это лишь в то, что правящий миром Вечный Тэнгри приводит к власти и славе избранных, и что не только сыновьям самого бога, как предрекал отчим Есугай, позволено повелевать многими народами и странами. Так чего же он теперь боится, почему его продолжают мучить сомнения?.. Если всё изначально было задумано Небом, то не может его путь просто так оборваться? А это значит, что и сейчас не конец предначертанного ему пути – Вечный Тэнгри позаботится, чтобы избранный очутился подле небесного трона, достойно и величественно перед тем покинув мир живых...

При жизни он во всём слишком полагался на Небо, хотя и не забывал при этом, что обрёл неисчислимое множество врагов, которые ждут не дождутся его смертного часа и будут стремиться отомстить. Так, они непременно попытаются осквернить могилу с прахом того, перед одним лишь именем которого прежде трепетали и раболепно склоняли колени. Это ведь такая сладкая месть, пусть даже и мёртвому!.. Он много думал об этом и даже советовался с Длиннобородым. Тот, помнится, ответил, что египетские фараоны повелевали прятать свои саркофаги внутри гигантских пирамид в надежде, что смертные никогда не доберутся туда. Однако путешественники утверждают, что алчные люди нашли-таки путь внутрь пирамид и добрались до сокровищ. Так что, независимо от того, скрыть усыпальницу глубоко под землёй или на дне реки,

или даже запечатать вход в потайную пещеру внутри горы каменными плитами – вору снова и снова будут пытаться проникнуть в неё, пока не добьются своего. Мечтая о несметных сокровищах, они, в конце концов, сумеют обмануть стражу, разгадают все секреты и ловушки, выкоют туннель, разрушат камень, отведут воду...

Подобные страхи он, правда, испытывал при жизни, но почему же мысль, что кто-то станет попить ногами его останки, будет сдирать с них славное оружие и драгоценные украшения, ужасает его и сейчас? Почему его пугает то, что, казалось бы, не должно волновать бестелесный и освобождённый от земных страхов Дух? Он ведь тогда так и не услышал дельного совета от Длиннобородого, но, после долгих раздумий, сам нашёл правильное решение. Как представлялось, можно всё сделать значительно проще – и на эту мысль натолкнула его ещё раньше мать Оэлун: всего-то нужно, чтобы останки его и его потомков затерялись среди других курганов, которыми буквально усеяны кёгменские земли. Империя Монголов велика, и то, что разбросано по всему миру, подобно развеянному ветром праху – поэтому нужен единый погребальный комплекс для многих и многих поколений его потомков! А там хватит места для всех!..

Именно курганам, о которых упоминал в беседах и даос Чан-Чунь, уготовано на века стать земным отражением Вечного Синего Неба. Поэтому лучшее, что он смог придумать для пантеона Чингизидов – это отражение Небесной Погребальной Повозки! Пусть даос, согласно своему учению Дао, верил лишь в бессмертие Духа – его же бессмертие будет запечатлено как в Вечной Книге Ясы, так и в семи высоких курганах, повторяющих священное созвездие. Только вот расположить курганы пришлось далеко друг от друга – и обозреть Повозку можно лишь с высот самого Неба. Раз память в этом мире так недолговечна, то пусть боги Верхнего мира, да ещё Духи как давно ушедших, так и тех, кому это суждено не скоро, будут сверху лицезреть памятник величия Чингисхана Тэмучина и его потомков. Лишь Духам, да ещё, может быть, самым крепкокрылым орлам, способным подняться высоко-высоко, будет открываться с первыми лучами солнца грандиозная панорама, не позволяющая забыть о былой славе отверженного кыргызским народом сына... И лишь когда будет завоёван, наконец, весь мир,

тогда и предстанет перед людьми Великой Империи Монголов величественный пантеон во всём своём величии...

Что ж, именно таким образом его слава будет увековечена – и после смерти будет равняться прижизненной! Пусть даже памятна она будет вовсе не людям, а богам во главе с Вечным Тэнгри. И лишь его брэнная оболочка является самым слабым звеном! Богатства вору могут, в конце концов, найти и разграбить, дорогую одежду его могут втоптать ногами в грязь, но тот телесный сосуд, что прежде вмещал его душу, вору не должны отыскать, как бы ни старались – и об этом позаботились хитроумные строители. Может быть, через века или даже тысячелетия его останки всё-таки обнаружат – когда уже умрут все его враги, дети врагов, даже внуки их, и даже правнуки... Но, если земная слава Чингис-хана Тэмучина доживёт до того времени, ни у кого из наших уже не возникнет мысли о мести, если же имя его поглотит забвение – то кому какое дело будет до праха одного из многих и многих? Тогда лишь вечные курганы да бессмертный Дух останутся последними хранителями памяти о нём...

Он вдруг осознал, что видит, словно бы всевидящими глазами Вечного Тэнгри, как ближайшее, так и самое отдалённое будущее этой земли и людей, живущих на ней. Не представляя при жизни, что произойдёт с ним завтра или даже через очень короткое время, он теперь знал наверняка судьбы народов и государств, предвидел грандиозные события на много человеческих жизней вперёд. И взирая на только что насыпанный курган, он явственно видел, что пройдёт не так уж много времени, и большая гора в верховьях Йенесая сползёт в речную долину, перегородив высокой стеной многоводную реку. Видел, как прибывающая вода заполняет узкую теснину, быстро превращая её в глубокое озеро – а грязевые оползни с крутых склонов сползают и сползают на дно его. Когда же, в конце концов, вода размоет преграду, то мутные потоки устремятся вниз, сметая всё на своём пути – и вскоре от прежнего русла Йенесая не останется даже следа. Образуется равнина из песка вперемешку с илом, на которой лишь кое-где будут торчать обглоданные добела верхушки вековых деревьев. Пройдёт ещё немало – в рамках человеческой жизни – времени, пока вода промоет себе в этой мёртвой равнине новое глубокое русло, но уже в другом месте. Именно

потому захоронения и его, и младшего сына Толюя, а также внуков Хубилая, Мункэ, Ариг-Бугоя можно будет больше не охранять – поскольку никто из живущих по берегам могучей реки не сможет вспомнить, в каком месте покоятся усыпальницы и богатства рода Чингизидов. Так предначертано самим Вечным Синим Небом! Потом будут сменять друг друга людские поколения, и будут сменяться народные сказители, которым свойственно исказить в угоду поэзии подлинность давних событий. Названия же рек, гор и земель сами поменяются в языках сменяющих друг друга народов... И со временем красивые легенды с этими новыми названиями станут охранять тайну даже лучше самых надёжных стражей. Так, летописец Рашид ад-Дин в своих записях местом захоронения назовёт году Бурхан-Халдун, которую потом станут ошибочно ассоциировать с горой Хэнтый-Хан и с горой Биндэр; китайцы же с местечком Эджен-Хоро – иначе «Восемь белых юрт», а ещё с горой Чингила Алтайского хребта; буряты местом захоронения будут считать урочище Делюн-Болдак, что на острове Экэ-арал в среднем течении реки Онон. А всё потому, что народ, который в будущем будет называться монголами, назовёт его своим соплеменником; китайцы же станут утверждать, что Тэмучин был проштрафившимся чиновником из северной провинции, сбежавшим в Великую Степь; даже жители Страны Восходящего Солнца станут убеждать мир, что Чингис-хан был из рода самураев, короткое время служивший наёмником у китайцев и затем примкнувший к одному из степных племён. И только родной народ, проживающей на кёгменской земле, не станет оспаривать родство – таково проклятье, наложенное на предавшего их сына...

* * *

Во сне – а Егор осознал, что это именно сон – он парил над землёй легко и свободно, словно птица: сначала над самыми верхушками деревьев, потом всё выше и выше, устремляясь к молочно-белым облакам. Горизонт внизу раздвигался: сначала охватывал зелёные поля и сосновые боры, а потом уже и нескончаемые цепи окружающих гор. Под ним нёс свои воды с юга на север голубой Енисей, и широкое русло реки, вспыхивающее солнечными бликами,

распадалось на вязь протоков с заключенными между ними кораблями-островами.

Он понемногу стал узнавать знакомые места. Вот, слева, выстроились вдоль подножья крутой горы прямоугольники шиферных крыш деревни Шарып, где живёт одержимый своей идеей геолог Владимир Сергеевич. Вот мимо его дома прихотливо вьётся в сторону прямого и широкого шоссе синевато-серая асфальтированная дорога. Слева от неё раскинулись обширные поля, распаханые на месте города строителей усыпальницы Чингис-хана, а сразу за шоссе привольно раскинулось большое село Шунеры – по-старому Сун-ур, то есть «изгиб реки». Где-то между шоссе и берегом Енисея, в сплошной зелени соснового бора затерялась небольшая поляна, на которой они бурили скважину, и где взбунтовавшийся древний Дух срезал ветки сосновой поросли. Вон, перед пересечением с просёлочной дорогой одинокая раскидистая берёза, где пробивший колесо машины древний «чеснок» едва не оборвал его жизнь...

Узнавая пейзаж, он ориентировался всё лучше и лучше, а в сознании одновременно всплывали старинные, позабытые названия: Йенесай, Сар-ып, Пос... Осталось позади, за лесом, село Каптырево или, по-старинному, крепость Капка-тур, а вот – уже на левом берегу реки – огромные корпуса алюминиевого завода в степи. Далее словно бы прильнувший к береговому обрыву родной город Саяногорск, в котором легко можно различить даже дом, в котором он живёт. А ещё дальше, там, где кончается степь и высокие горы, вплотную подступая к Енисею, образуют узкий каньон, перегораживает реку узенькая Майнская ГЭС. Если мысленно заглянуть за край горизонта, скрытого высокими горами, можно представить и гигантскую бетонную арку Саяно-Шушенской гидростанции с прилегающим водохранилищем и посёлком энергетиков Черёмушки ниже её...

Егор невесомо плыл в зените, и узнаваемые детали пейзажа непостижимым образом соединялись тут же с хранимыми вселенской памятью картинами прошлого. И он сейчас не просто созерцал невероятно быстро меняющийся мир внизу, но, одновременно, пытался охватить сознанием глубинный смысл, заложенный в происходившие перемены самим Создателем. Перед взором разворачивались события с участием тысяч, даже миллионов людей – и,

пытаясь охватить невероятно спрессованную историю этой земли, он всё больше терялся и в событиях, и во времени – всё больше утрачивал ощущение границ между прошлым и настоящим. Да и как может быть иначе, если век за веком, тысячелетие за тысячелетием Книга Бытия заполнялась самой замысловатой вязью бесконечного множества переплетающихся событий и судеб. В том числе и прихотливо вплетённой нитью его, Егора, судьбы, которую даже с такой высоты невозможно разглядеть на мелькающих страницах. А тем более невозможно разглядеть дальнейший жизненный путь и божественное предназначение! Да это и не дано смертным, поскольку Творец в любой момент, лишь по прихоти своей, может неожиданно оборвать одну нить и вплести начало другой. И кто может предугадать, вдруг надумает оборвать именно его жизнь?.. Иначе чем объяснить, что недостойные получают власть над людьми, а гении и герои преждевременно гибнут, что рушатся великие империи, но возникают новые карликовые государства? Кто же ещё, кроме самого Бога, способен создавать подобные хитросплетения непредсказуемых судеб и невероятных событий?..

Чтобы не заблудиться окончательно во времени и в своём сне, Егор попытался переключиться на что-нибудь сегодняшнее, то есть привязаться размывающимся сознанием к дому, к работе – то есть к составляющим обыденной жизни. Но сделать это оказалось совсем не просто...

«В событиях и судьбах прежние шаманы и сказители находили Божественный промысел, а нынешние теологи, философы, писатели, да и журналисты пытаются отыскать сверхидею эволюции, – с трудом начал он формулировать спасительную, связанную с реальностью цепочку мыслей. – Но подавляющая часть человечества живёт в созданном ими мирке алчности и порока, поэтому не способна расслышать слова Бога. Даже самые воцерковлённые¹ могут уловить лишь эхо их, или разглядеть лишь тающие вдали миражи...»

Показалось, что, хотя и с трудом, но нащупывается некая логика рассуждений – и он попытался вытеснить ею все предыдущие, уводящие неведомо куда мысли. Но с возвратом к действительности так ничего и не получилось: видения опять захватили его и повлекли

¹ Тот, кто ощущает себя сыном Церкви и для кого всякое отдаление от неё мучительно и трагично.

всё дальше и дальше. Он снова оказался не в силах разрушить паутину сна – и оставалось только, как и всегда до этого, отдаться видениям всецело...

Он летел к некой неведомой цели – и ближняя цепь гор внизу с возвышающейся над ними Умай, и другая, с белоснежным Борусом, вплотную подступающая к противоположному берегу Енисея, медленно смещались навстречу друг другу. Вот жёлто-зелёная Умай оказалась на одной линии с пятиглавым тасхылом¹ – и он вдруг понял, почему их называют горой-матерью и горой-отцом. Ближний хребет теперь представлялся лежащей женщиной с откинутой головой, острыми грудями, плоским животом, а островерхая Умай – это согнутая в колене нога, у основания которой подразумевалось женское лоно. Могучий же серебреноволосый великан Борус склонился над желанной женщиной, готовый к страстному соитию... И выше двух вершин, прямо перед собой, он вдруг разглядел, как вниз на землю, в мир людей спускаются по облакам небесные Сизый Волк и Белая Волчица. Спускаются вместе, как когда-то в давние времена...

Сам же он, несмотря на внутреннее сопротивление, всё больше растворялся в охватывающем его со всех сторон Вечном Синем Небе. Далёкое прошлое звало голосом Неба и неудержимо влекло вверх – но и сегодняшнее, что оставалось на удаляющейся земле, не отпускало и боролось за его сознание, боясь навсегда потерять в беспредельном пространстве. Что или кто удерживали его между небом и землёй, и откуда возникла эта удивительная связь одновременно с прошлым и настоящим? Может, та незримая, но удивительно прочная нить, протянувшаяся к Егору из центра Мироздания – и он, если сумеет задать самый важный вопрос, сможет, наконец, услышать и ответ на него? Ведь сейчас, в отличие от сеансов медитации, он точно знает, что хочет узнать!..

В не забытом окончательно предвкушении медитирования он отгородился от окружающего мира и попытался всецело погрузиться внутрь себя... И тотчас в полной тишине космического вакуума услышал ритмично чередующиеся звуки. Сначала ему показалось, что это бьётся его сердце... Но нет, это, несомненно, доносился

¹ Снежной вершиной.

издалека уже знакомый звук шаманского бубна! А потом негромко, и как будто бы даже бесстрастно, зазвучал низкий мужской голос.

– Моими устами говорят далёкие предки твоего рода. Они напоминают о том, что пришло время сказать людям об истинном предназначении забытого сына кёгменской земли. Летописец Фао-Шен его завещание выполнил лишь наполовину: он перечислил деяния Чингис-хана, но побоялся рассказать об истинном Тэмучине. Именно тебе по прошествии веков Вечное Небо даровало великий талант сказителя и открыло Третий Глаз Предвидения, хотя ты пока ещё и не веришь в это. Сейчас Дух самого Чингис-хана Тэмучина через верховного шамана Дев-тэнгэра вызывает к тебе, далёкому потомку, потому что предсказанное время пришло. За восемь веков зло, заключённое шаманами в тайной гробнице, полностью иссякло, и теперь Дух Тэмучина готов указать людям путь создания Великого Государства Справедливости на просторах всей планеты. А подлинная история Тэмучина, которую ты обязан рассказать в своей грядущей книге, должна стать для людей первой частью Новой Книги Ясы. Ибо история прошлого – это суд народов над собой, а Новая Яса – это компас в густом тумане противоречий, знания же о будущем – это Негасимая Звезда, зажжённая над заветной целью. Так он говорит, и я, шаман Дев-тэнгэр, надеюсь, что ты меня услышал?..

Егор растерялся, мысли в его голове заметались: «Показалось?.. Самовнушение?.. Новые происки злых сил?..»

Будто спеша успокоить его, снова зазвучал в голове тот же бесстрастный голос:

– Верь сказанному мной, шаманом Дев-тэнгэр и помни, что Духи твоих предков неустанно охраняют тебя и во всём будут содействовать на пути, указанном Вечным Тэнгри. Ты можешь полагаться на них, слушать их, верить им – по крайней мере, до тех пор, пока пишешь свою книгу...

Он, наконец, услышал и осознал всё: и возвращающие в прошлое сны, и мистические видения, и расставленные Небом вехи, и даже свои сомнения, и даже заблуждения... А следом почувствовал, что настоящее вырывает его из плена Вечности и возвращает назад. И уже ничуть не удивляли недавние мысли о Книге Бытия, о предназначении, и даже то, что он ощущал себя то провидцем – почти ясновидящим, то былинным сказителем, охватывающим время

и события взором поэта. Да, там, между небом и землёй, он был всеми ими – вот только сумеет ли в реальной жизни стать тем, кого видит в нём шаман Дев-тэнгэр, то есть писателем?.. Это только кажется, что разница между журналистом и писателем условна и легко преодолима! Ведь если сказитель сочиняет сказки, а журналист описывает окружающую жизнь с реальными людьми и реальными событиями, то писатель, подобно Богу, выстраивает жизнь придуманных им героев, причём абсолютно правдоподобную, даже если у кого-то из героев и был реальный прототип, живший невероятно давно и практически забытый. Правда, суть человека неизменна, а поступки его во все времена логичны – и поэтому объяснимы... Мир, как прошлый, так и сегодняшний, тоже абсолютно логичен – иначе он давно бы разрушил сам себя!

«С чего начать книгу, – думал Егор, – если многие из деяний великих завоевателей в сегодняшнем восприятии труднообъяснимы, а истинные цели искажены временем, если их биографии обросли многослойно легендами и домыслами? Задача, на первый взгляд, невыполнимая, но кто-то или что-то же заставляет историков и писателей вновь и вновь возвращаться к их жизнеописанию? Ибо путь этот часто не был лишь путём обогащения, и великие войны, ставшие правителями, мечтали изменить завоёванный мир, сделать справедливее и совершеннее. Разноязычные дикие племена они объединяли в великие народы, сельскохозяйственные поселения превращали в развитые города, а разрозненные территории соединяли в могучие государства. И, повинувшись их железной воле, развитие целых континентов вдруг утрачивало сонную размеренность и стремительно ускорялось. А войны?.. Просто многие задачи в те времена решались именно оружием и жестокостью – пока мир не стал таким, каким является сейчас. И нет ничего более удивительного, чем судьбы людей, направляемых, как они считали, самим Богом, как бы его не называли: Иисусом, Аллахом, Буддой, или даже Вечным Тэнгри... Поэтому даже самой яркой фантазии летописцев или народных сказителей не хватит, чтобы приукрасить своих героев, описать их жизнь более героической, чем она была на самом деле. Ибо ярче безграничной писательской фантазии может быть только правда – именно в ней истинная красота жизни и самое честное изложение пути человеческого!...»

* * *

Егор проснулся с чувством, что освободился от чего-то тяжёлого, много дней и ночей терзавшего его душу и тело. Хотелось петь, смеяться – он словно бы выздоровел после долгой изнурительной болезни. Прижавшись щекой к его плечу, рядом спала жена Ирина; она улыбалась во сне – и Егор снова ощутил давнишнюю, лишь на время позабытую нежность к ней. Откуда-то из глубины вернулась и прочно заняла полагавшееся ей место безграничная любовь к жене, к жизни, ко всему миру. Теперь-то у него непременно всё будет хорошо, и он обязательно напишет эту книгу! Ведь он получил необходимые знания, он полон сил и уверенности, и, вне всякого сомнения, осилит любые препятствия. Всего-то полгода прошло с той тувино-алтайской экспедиции, когда он ощущал себя разбитым и никому не нужным, но ведь иногда полгода, а то и месяц могут оказаться такими же ёмкими, как вся предыдущая жизнь. И не только из-за множества произошедших за этот относительно короткий отрезок времени событий, а ещё и потому, что твоя жизнь коренным образом переменилась. Потому, что и сам ты за это время стал совсем-совсем другим!

Путать сновидения с явью стало для меня за эти несколько месяцев вполне обычным делом. Труднее было привыкнуть к тому, что сознание нередко раздваивалось и во сне - это когда я воспринимал снившееся будто бы со стороны, то есть, даже там осознавая, что погружаюсь в чужие воспоминания о чужой жизни. А, может, вовсе и не чужой - ведь я знал, что этот человек скажет, что ощутит и даже что подумает, я помнил его поступки в прошлом и предвидел его действия в будущем, я знал его судьбу от рождения до смерти? Я словно бы приоткрывал книгу его жизни: то в самом начале, то где-то посередине, то ближе к завершению... В современном мире насчитывается немало провидцев, но ведь будущее можно предсказать лишь в том случае, если мир многомерен, и они способны заглядывать в опережающее измерение? А это значит, что случайно можно оказаться и в том, которое представляет собой далёкое прошлое?.. Так что к концу написания книги подобные погружения меня тоже перестали удивлять - я даже осознавал, что моё спящее тело покоится под одеялом в пятиэтажном доме на берегу Енисея, а в снах путешествует лишь некая мыслящая сущность, то есть Душа или Астральное Тело, как классифицируют её посвящённые. И там, во сне, я больше не сомневался, что данная сущность едина для нас двоих: и для меня, и для Чингис-хана Тэмучина. Значит ли это, что мы, это один человек, существующий одновременно в разных измерениях, в параллельных мирах, или же я - это его бессмертная Суть, частица его Духа, в очередной, в который уже раз возрождённая на Земле?..

ПОСЛЕСЛОВИЕ

До нас не дошли ни абсолютно достоверные портреты, ни скульптуры «Потрясателя Вселенной» Чингис-хана, ибо, вероятнее всего, они были утрачены или даже уничтожены в процессе позднейшей фальсификации истории. Остались только достаточно условные китайские гравюры. Зато сохранились словесные описания его современниками, согласно которым Тэмучин предстаёт рослым и физически сильным воином, с рыжими волосами и бородой, с зеленоватыми «как у кошки» или даже голубыми глазами – то есть отнюдь не классическим представителем азиатской расы. Это косвенно подтверждают и проведённые, яко бы, в последние годы исследования ДНК из захоронений его потомков. Кроме того, место и конкретная дата рождения Тэмучина указаны лишь в художественно-поэтических произведениях «Сокровенное сказание монголов» и производном от него, написанном уже в XVII веке, «Алтан Тобчи» (Золотой свод). В других же источниках даже год рождения «плавает» в значительном интервале, зато историографами упоминается, что он соблюдал алтайские обычаи и похоронен... на родине. Тут сразу же возникает вопрос: «А на какой?» И монголы, и алтайцы, и тувинцы считают Чингис-хана представителем своего народа - впрочем, у всех у них есть право так заявлять, поскольку современные Алтай, Тува, Хакасия и Монголия когда-то составляли единый Кыргызский каганат на территории Саяно-Алтая. И, согласно дошедшим до нас запискам тогдашних путешественников, проживали на этих землях племена, которые назывались по-разному: гянгунями, кыргызами, хагясами. А ещё всеми современниками отмечались динлины - люди европейской, можно даже сказать славянской внешности. Так что противоречивые древние свидетельства позволяют предположить, что не найденные до сих пор захоронения Чингис-хана и ближайших его потомков по линии любимого младшего сына Толуя скрыты не в Китае или Монголии, а, возможно, на территории древнекыргызского государства –

то есть в верхнем течении Енисея, на просторах современной Хакасии...

Так уж получилось, что задуманный мной приключенческий, с элементами мистики, роман о непростом становлении характера молодого героя, нашего современника, превратился в исторический. Произошло это, в первую очередь, под влиянием старого геолога и пытливого исследователя Сергея Владимировича Баранова. Именно он изложил мне невероятную теорию о месте захоронения Чингизидов, к которой я поначалу отнёсся, признаюсь, крайне скептически. Но потом одержимый исследователь совершенно увлёк меня своей идеей, и скепсис сменился почти уверенностью в его правоте. А далее объём новой информации буквально обрушился на меня, органично вплетаясь в сюжет романа – ведь, занимаясь изысканиями, Сергей Владимирович собрал уйму исторической литературы о Чингизидах. Он даже предпринял попытки самостоятельно провести вполне серьёзные геологические исследования, участником которых, в конце концов, оказался и я.

Мираж возможного открытия способен повести за собой далеко не каждого, а открытия невероятного, в которое трудно поверить – такой вообще способен воодушевить единицы. Изучив множество космических снимков и найдя на местности следы, как он полагает, древнего погребального комплекса, Сергей Владимирович несколько лет тому назад решил перебраться из города Саяногорска поближе к месту своих исследований и поселиться в «медвежьем углу» – в селе Шарып Шушенского района. Оттуда, из его гостеприимного дома мы и совершали выезды «на натуру», а по вечерам, сидя у костра под навесом во дворе, делали выводы, искали подтверждения его догадкам в книгах и на космических снимках. А также искали объяснение мистическим знакам и событиям, происходящим в это время вокруг нас. Которых, к слову, было немало!

Вот так я, перечитав множество исторических публикаций, «вошёл в тему». Конечно же, определённый интерес для понимания эпохи и личности Чингис-хана представляли для меня исследования известных монголоведов: академика Б.Я. Владимирцова и французского академика Рене Груссе – поскольку они ссылались на редкие исторические документы. Но их объёмные труды

являлись, по существу, чисто личным восприятием тех далёких событий, сопровождались многочисленными предположениями и домыслами. Да и как могло быть иначе, если даже «самые полные» изложения жизни Чингис-хана – «Сокровенное сказание монголов» и производное от него «Алтан Тобчи», написанное через четыре века после смерти Потрясателя Вселенной – являются не столько историко-биографическими, сколько фольклорно-поэтическими произведениями. Недаром известный историк Л.Н. Гумилёв писал в своё время: «В истории возвышения Чингис-хана сомнительно всё, начиная с даты его рождения».

Исходя из всего этого, я решил при написании исторических глав пользоваться только записями практически современников Чингис-хана: такими как Джованни дель Плано Карпини (архиепископ Антиварийский), назвавший свое донесение «Книга о тартарах», но волею переписчика превратившееся в «Историю моголов», «Путешествие в восточные страны» Гильома де Рубрука, книгой Марко Поло, описанием путешествия монаха-даоса Чан-Чуня в ставку Чингис-хана, «Сборник летописей» Рашид ад-Дина. Из более поздних материалов предъявленному требованию более или менее соответствовали монгольские поэтические сказания, а также «История первых четырёх ханов из дома Чингисова» в переводе с китайского Н.Я. Бичурина (отца Иакинфа) и «Монголы XIII-XVIII вв.» Стэнли Лен-Пуля. По крупицам я собирал в этих повествованиях то, что было упущено в своё время популярным писателем-историком Василием Яном. Поразительно, но свою книгу «Чингис-хан» он написал совсем рядом, в Минусинске, что как бы подтверждает мистическую связь этой земли с Духом великого завоевателя.

К счастью, автору художественного произведения дозволено и простительно намного больше, чем профессиональным историкам, поэтому я даже связал сюжет нового произведения с ранее написанным мною историческим романом-эпопеей «Мечь Егудэя», получившим читательское признание и национальную Литературную премию имени Николая Доможакова. Я также не сомневаюсь, что после нахождения погребального комплекса Чингизидов – а это непременно когда-нибудь произойдёт – откроются и новые,

доныне неизвестные факты биографии великого Тэмучина. И, наверняка, я в чём-то окажусь не прав, но это не так уж и важно, поскольку я просто попытался представить, чем жил, что думал и о чём мечтал этот опередивший своё время лидер кочевников, создатель Великой Империи Монголов. А какое влияние он оказал на судьбы многих государств и всего мира, об этом пусть пишут и спорят профессиональные учёные-историки!

Идея поместить здесь же газетное интервью с размышлениями неутомимого исследователя жизни и смерти Чингис-хана Тэмучина, геолога Сергея Владимировича Баранова, пришла позднее. Во-первых, как я считаю, его неординарный исследовательский труд может заинтересовать историков, а, во-вторых, он способен увлечь, как и меня когда-то, пытливых читателей, потенциальных исследователей. А, значит, гипотеза получит дальнейшее развитие, приближая человечество к разгадке одной из великих тайн истории!

Выражаю особую признательность профессиональному историку и монголоведу, старшему научному сотруднику Российской Академии Наук Дробышеву Юлию Ивановичу, отрецензировавшему рукопись книги и давшему множество полезных советов, а также знатоку хакасской культуры, писателю и другу Котожекову Александру Ивановичу.

В качестве заставок в книге использованы древние символы Саюно-Алтая.

СРЫВАЯ ПЕЧАТИ С ДРЕВНЕЙ ТАЙНЫ

Газета «Саянские ведомости»
от 16 ноября 2017 г.:
Под пятой у столетий.

На протяжении столетий учёный мир задаётся вопросами: где могила Чингис-хана, по какому обряду похоронили самого именитого завоевателя и что захоронено вместе с ним? Кое-кто утверждают, что Потрясатель Вселенной нашёл последний приют в Китае... Или в Забайкалье... Или на Алтае. А некоторые уверены, что он похоронен в Туве, но большинство всё-таки полагают, что бранные останки Тэмучина покоятся в земле Монголии, на некой священ-

На спутниковых гугловских снимках можно найти много необычного, что обычно совсем не привлекает внимания. И лишь поиск ответов на возникающие вопросы ведёт к интересным гипотезам и потрясающим открытиям

ной горе Монгольского Алтая, которая по сей день остаётся невидимой для глаз простого человека. И вот, в предыдущем номере нашей газеты («Саянские ведомости» от 9 ноября 2017 г.: Заглянуть в глаза прошлому.) писатель-романист Владимир Балашов впервые заявил, что захоронение Чингис-хана может быть скрыто в верховьях Енисея, на территории современной Хакасии. А в день выхода газеты с публикацией порог редакции переступил невысокий человек мудрого возраста с выбеленными временем волосами и сказал:

– Хочу сделать поправку в интервью, в котором Владимир Борисович называет гипотезой моё открытие «заповедного места». На самом деле это не предположение, а научно доказанный факт. И настала пора убеждать в этом людей, а ещё лучше – показывать.

Разговорились. Оказывается, «одержимый исследователь» (так назвал Сергея Баранова Владимир Балашов) влюбился в Хакасию с первого взгляда, проезжая на поезде мимо красных сопков,

Среди параллельных лесополос хорошо просматриваются сохранившиеся древние курганы, а нередко и другие проявления то ли давнишней человеческой, то ли природной деятельности

покрытых яркой зеленью. Он тогда работал в Западных Саянах в геологоразведочной партии: искал жадеиты, баритовые руды и демантоид.

– В Минусинской котловине я встретил свою вторую родину, загадочную и прекрасную. Поверьте, красивее и гармоничнее Хакасии ничего не видел! И не потому, что это возможная родина моих предков – это зов души и сердца, что и доказано итогами моей жизни. Здесь всё интересно: и природа, и геология, и история. Маленькая Хакасия, где ничто не расходится с легендой о скромном роде Чингис-хана, сегодня в историческом плане поставлена во главу угла, и не Монголия, а Россия по праву становится правопреемницей Вели-

кой Империи Чингис-хана. И совсем не случайно эта тайна открылась нам через восемь веков, после того, как мировое общественное мнение признало Чингис-хана человеком первой величины среди позитивных преобразователей мира!

Могила Чингис-хана здесь, рядом с городом Саяногорском, доказанный факт? Моя недоверчивость побудила Сергея Владимировича с жаром приступить к изложению доказательств неоспоримости своего открытия. Он начал с того,

Геолог-исследователь Сергей Баранов, писатель-публицист Валерий Полежаев и автор романа Владимир Балашов на месте предполагаемого захоронения – возможно, самого Чингис-хана Тэмучина

что наличие погребального комплекса Чингизидов (и ещё одного погребального комплекса царей, пока безымянного) подтверждается четырьмя видами исследований: исторических, астрономических, мифологических и геологических. Так, неопровержимым доказательством Сергей Баранов считает совпадение до мельчайших подробностей всех легенд и сказаний, привязанных к нашей местности – здесь расположены сёла с такими названиями, как Алтан, Шарып, Шунеры, священная для хакасов гора Умай...

– А кто решится, к примеру, опровергнуть подтверждаемую здешними девонскими красноцветами легенду о Красном камне? А Йехэ-Утэк (в переводе с тюркского – «великий запрет») с ве-

роятным мавзолеем Потрясателя Вселенной, и соседствующий портал, где, по всей видимости, похоронены его потомки. И, наконец, гора Верблюдица в хребте Борус, по очертаниям похожая на двугорбого верблюда, который до сих пор плачет по своему верблюжонку – Тэмучину, а так же гора Верблюжонок в устье реки Кантегир, где геологом обнаружены остатки столбов, на которых был когда-то установлен саркофаг Чингис-хана?! Как эхо тех событий, до нас дошло повествование хакасской

Геолог показывает следы деятельности «разбушевавшегося духа», в начале изысканий за одну ночь «срезавшего» множество ветвей на окружающих молодых сосенках. Под ногами так и не законченный разведочный шурф

сказительницы Хавроньи Кинзеновой (1898 года рождения), где говорится о сыновьях, похоронивших в глубокой древности своего отца-героя на высокой горе: «Они установили каменные столбы, на которые водрузили каменный саркофаг. От саркофага до подножья горы Эпчелей-Тасхыл сделали дорогу из каменных ступенек». Что это, как не гора Верблюжонок, где обнаружены все эти элементы?

Не менее удивительным является тот факт, что все элементы грандиозного погребального комплекса, включая, в том числе, Верблюдицу и Верблюжонок, как матрёшки, укладывается в единую структуру. Центральная группа скрытых в лёссовых породах захоронений повторяет по очертанию созвездие Большая Медведица, которое, по представлению древних монголов, тюрков и китайцев, олицетворяет погребальную повозку. И кто, если не геолог, досконально понимает рельеф местности, изменение речной гидросети и геологию района?

– Великое Небо долго хранило тайну, и открыло её для меня, – убеждён Сергей Владимирович. – Например, как древним удалось запрограммировать поляны в густом сосновом бору, на которых

С вершины горы Бос, возвышающейся над деревней Шарып, открываются степные дали на севере и бесконечная гряда гор на юге. Писатель и шаман Александр Котожеков с автором романа пытаются определить места проявления сакральной энергетики

в течение восьми веков не выросли деревья? И это согласуется с легендой о восьми белых юртах, установленных на месте могилы Великого. Моя версия: восемь гор селитры и соли, убивавших крупную растительность вокруг. Это подтвердила и пробуренная скважина уже на глубине около трёх метров.

Метод поиска ханской гробницы по посмертным гороскопам ещё никто из учёных не применял и не разрабатывал. Сергей Баранов обнаружил усыпальницу Чингис-хана именно по отражению на земле созвездия Большая Медведица, ориентированному на месяц смерти. А сам мавзолей расположен на звезде Мегрец (в переводе с тюркского – «след коня»).

Неужели пришло время всерьёз заняться территорией Центральной Сибири, а конкретно Алтая, Тувы и Хакасии, потому что именно здесь скрыты многие тайны как малоизученных народностей уйгуров, кыргызов, динлинов, так и семейства Чингизидов – да, возможно, и всей Евразии?! Сергей Баранов по еле различимым следам оседания грунтов вычислил площадь и вероятную форму гробниц,

Выходы бурханита – так назвал эту уникальную разновидность яшмы геолог Сергей Баранов. Справа хорошо просматривается древний котлован, из которого, предположительно, извлекали каменные плиты для отделки погребальных камер

построил графики проседания и проверил их экспериментально на местности. В итоге получилось, что отчётливо дешифрируются ориентированные по сторонам света четырёхугольные конструкции размером в среднем сто на сто локтей, а от одной из них даже отходят огромные ржавые пятна (по ним-то она и была обнаружена). Вероятно, как он считает, там находится огромный металлический предмет, и эту версию подтверждает представление древних тюрков о железном гвозде мироздания, на котором вращается Вселенная – Тэнгри (Вечное Синее Небо).

Пытаюсь разорвать доказательную цепь моего собеседника:

– Но ведь по версии сказания «Алтан Тобчи», Чингис-хан похоронен на горе Бурхан-Халдун...

– *Да это отнюдь не расходится с фактическим материалом, – живо откликается Сергей Владимирович. – И мифическая гора Бурхан-Халдун находится тоже здесь, в Саянах! Поднявшись на вершину горы Бос, что возле деревни Шарып, я всегда ощущаю восторг от энергетики и потрясающего пейзажа, открывающегося на все стороны света – и древние курганы внизу только подчёркивают неординарность этого места. А на южном склоне расположенной неподалёку высокой сопки просматривается через четвертичные отложения величественный портал, с которого начинается родовой склеп Чингизидов. И это тоже совпадает с легендой, где иносказательно говорится о нескольких захоронениях – Чингис-хана и его потомков.*

Неужели у этого человека никогда не возникало желание вскрыть какой-либо склеп? Как будто подслушав мои мысли, геолог подтверждает:

– *Первое время я горел желанием раскопать какую-нибудь могилу, чтобы получить «материальное» подтверждение. Но весь погребальный комплекс перекрыт мощным слоем лёссовых наносов толщиной до пятнадцати метров – и «в рукопашную» до гробниц невероятно трудно добраться. Потрясает и гигантизм комплекса, который можно вскрыть и изучить лишь с участием серьёзной землеройной техники за годы систематических работ.*

Пока гробница Чингис-хана не вскрыта, не иссякает интерес: что в ней? Именно такой вопрос задаю я своему собеседнику.

– Начнём с того, что интересует меня, – с готовностью пускается в рассуждения Сергей Владимирович. – Прежде всего, это письменные источники и исторические раритеты, проливающие свет на реалии жизни самого великого перестройщика мира. Ну, а большинству людей интересны, конечно, в первую очередь сокровища – их блеск и стоимость. Ведь в их ряду могут оказаться трон Мухаммеда и два золотых коня, впряжённых в этот трон. А на троне Он!

По преданию, гробницу Чингис-хана откроет прямой потомок рода Чингизидов. И здесь судьба геолога идёт как бы по начертанной прямой, ведь Барановы, это древний тюркский род узденей (аристократов) – богатых алтайских татар, которых, по словам Сергея Владимировича, уничтожали во все времена за их свободолюбивый нрав. Однако в истории тюркского мира и России их имена почитаемы: вспомним, например, губернатора Аляски и Калифорнии Александра Андреевича Баранова, который реально продолжил дело своего далёкого предка Чингис-хана, заметно расширив границы уже Российской Империи.

Как первооткрыватель гробницы Тэмучина, Сергей Баранов подал соответствующую заявку в администрацию Шушенского района: мол, в трёх километрах к западу от села Шунеры... А далее то-то и то-то, так-то и так-то... Но, наверное, в районе пока не осознали, что данная информация государственной важности является уникальной, и её изучение должно повлечь огромный международный резонанс. Как-никак открытие затрагивает интересы всех государств Евразии и должно взбудоражить историков всего мира! Однако адекватной реакции властей муниципалитета пока не последовало, но, видимо, всё ещё впереди...

Продолжение истории. Газета «Саянские ведомости» от 14 декабря 2017 г.: Срывая печати с древней тайны

Я вышла на контакт с Сергеем Барановым, и вскоре мы рассматривали в его ноутбуке многочисленные спутниковые снимки – подробные гугловские карты...

– Сергей Владимирович, читатели нашей газеты не могут поверить в то, что тайна столетий открылась именно вам...

– Как я уже говорил, доказательство моего открытия подтверждается четырьмя видами исследований – историческими, астрономическими, мифологическими и геологическими. Не боюсь повториться, что таким образом я вышел на грандиозную, таинственную находку, к которой несколько веков стремились тысячи исследователей и авантюристов. Просто я, никому не известный геолог, оказался в нужное время и в нужном месте. Это награда за бесконечное терпение и труд в геологии Сибири на протяжении сорока шести лет.

– Когда вы поняли, что «нащупали» верный путь?

– Когда я поселился в деревеньке Шарып на правом берегу Енисея, то невольно вспомнил, что живу в эпицентре тюркского мира – и открыл хакасский словарь. Оказывается, первоначальное название этой местности звучало Сар Ып, что в переводе с хакасского означает «царская изба» (хакасы и тувинцы не произносят звук «Ш»). А тот же Марко Поло, практически современник Чингис-хана, писал в своей книге: «Всех великих государей, потомков Чингис-хана, знают, хоронят в большой горе Алтай». Я это место обнаружил: оно находится в Западных Саянах, которые, как и Алтайские горы вместе с Восточными Саянами древние объединяли в одну горную страну – Алтай. Далее: в книге великого историка Николая Карамзина «Предания веков» тоже написано: «Чингисханова орда из алтайских татар».

– А дальше, дальше...

– Освоил компьютер и с головой окунулся в доселе неизвестный мир картографических чудес. Космические снимки, перво-наперво, открыли возможность подробно ознакомиться с интересующей меня геологической структурой Борусского месторождения жадеита. И в какой-то момент я обратил внимание на загадочные образования в рельефе явно не природного происхождения. Несколько дней ломал голову – и, в конце концов, пришёл к выводу, что это некий гороскоп с элементами звёздного неба, возможно, указывающими на определённые числа календаря...

– И к чему это привело?

– Так как я увлекаюсь историей, археологией, и знаю принципы астрономической датировки событий, пришлось лишь порыться в определённых источниках. В итоге, в рельефе местности

узнал созвездия северного полушария: Кассиопею, Цефей, Большую Медведицу и Северную Корону с Полярной звездой в центре композиции. А потом увидел ориентиры в виде наконечников стрел – слегка заметные провалы грунтов, выдающие оседание земли над гробницами. Вычислил и размеры образований – где-то под сорок пять метров, что в старинной мере соответствует ста локтям. Линеаменты подчёркивают даже форму гробниц, правда, на пока ещё неизвестной глубине – что-то типа минарета с тремя луковицами, а в другом месте напоминаю округлые башенки.

– Это и есть могила Чингис-хана?

– Не просто могила, а целый погребальный комплекс – со многими неизвестными конструкциями, а, возможно, и с остатками древнего городка. По масштабам теневых структур, едва заметных в рельефе, протяжённость городка тысяча четыреста метров – то есть длина полёта стелы в обе стороны, а стрелял, согласно легенде, хан Угэдэй. В другом месте просматриваются следы небольшого сооружения или укрепления, возможно, временного назначения.

– Многим ваши умозаключения могут показаться красивой гипотезой, не подтверждённой вескими доказательствами...

– Доказательства есть, их множество, но не хочется пускаться в долгие сопоставления на страницах газеты. Одно скажу: захоронение находится на глубине до пятнадцати метров, место заиленное, потому что на протяжении восьми столетий Енисей неоднократно менял своё русло из-за многочисленных землетрясений. Так что тем, кто прислушается к моим умозаключениям и начнёт раскопки, предстоит долгая и кропотливая работа...

– Существует предположение, что оскорбление захоронения Чингис-хана может навлечь несчастья на целые народы.

– Да, похожий пример есть – завоеватель Тамерлан предупредил, что «...любой, кто нарушит мой покой в этой или будущей жизни, навлечет на себя неминуемый позор и гибель». По указу Сталина группа учёных открыла усыпальницу Хромого Старца, и случилось это 22 июня 1941 года... Поэтому сразу оговорюсь: открывать гробницу Чингис-хана я не собирался и не собираюсь...

Тотем хакасов, Белая Волчица, способна принимать множество образов, например, выпрыгнуть из огня во время шаманского камлания

Отмеченных камнями древних захоронений немало в хакасской степи, и внимательный взгляд может разглядеть мистические знаки или рисунки на их выветренной поверхности

Древние лики в Абаканском краеведческом музее пристально взирают на своих потомков – то ли осуждая, то ли стараясь понять

Извечный маяк на степном горизонте, священный пятиглавый Пургус (Борус), почти всегда покрыт ослепительно-белым снегом, поэтому рождает только чистые помыслы

Содержание

1. Вступительное слово Юлия Дробышева	5
2. Глава 1. Третий глаз	10
3. Глава 2. Чужие сны	44
4. Глава 3. Огненная волчица	72
5. Глава 4. Глубокое погружение	98
6. Глава 5. Одержимый геолог	136
7. Глава 6. Секрет бессмертия	166
8. Глава 7. Божественный урок	192
9. Глава 8. Взбунтовавшийся дух	228
10. Глава 9. Последний путь	250
11. Глава 10. Собачка Будды	284
12. Глава 11. Возвращение Тэмучина	308
13. Послесловие	344
14. Срывающая печати с древней тайны	348

Художественное издание

Балашов Владимир Борисович

Возвращение Тэмучина

Роман

Редактор Ю.А. Черчинский

Компьютерное обеспечение А.В. Иптышев

Подписано в печать 09.12.2019.

Формат 70х90/16. Усл. печ. л. 23,6. Тираж 300 экз.

Владимир Борисович Балашов – бывший ленинградец, но уже почти полвека живёт в г. Саяногорске. Член Союза писателей России, Заслуженный работник культуры Республики Хакасия, Кавалер Золотого Почётного знака «Достояние Сибири» в своих произведениях часто обращается к древней истории Хакасии. Историко-философский роман «Возвращение Тэмучина» в значительной мере связан с историческим романом-эпопеей «Мечь Егудэя», отмеченным в 2014 году литературной премией Главы Республики Хакасия – Председателя Правительства Республики Хакасия им. Николая Доможакова. Новый роман – это уже седьмая книга автора.

Разрушительное влияние империи Чингизидов на древнехакасское государство во втором тысячелетии общепризнано, однако, древние рукописи, лишь мимоходом упоминая о завоевании Саяно-Алтая войсками Джучи, подмечают неожиданную деталь: будто бы Чингис-хан чтит и соблюдает алтайские обычаи. Сама же дошедшая до нас биография Потрясателя Вселенной крайне противоречива и полна нераскрытых тайн: начиная с года его рождения и заканчивая местом захоронения. Высокий, длиннородый, рыжеволосый, с зелёными «кошачьими» глазами – то есть, даётся описание типичного динлина с верховьев Енисея! Тем не менее, на кровное родство с ним претендуют и монголы, и китайцы, и буряты, и тувинцы, и даже островные японцы. Все эти народы уже несколько веков безуспешно пытаются отыскать погребальный комплекс Чингизидов на своих территориях, ибо однозначно указано, что похоронен был Чингис-хан Тэмучин на родине. Но, может потому и не нашли до сих пор, что ищут совсем не там?..

